

ДАВИД РИКАРДО
СОЧИНЕНИЯ

Том первый

Давид Рикардо

ДАВИД РИКАРДО

СОЧИНЕНИЯ

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК СССР
М. С МИТ

Том первый

DAVID RICARDO
THE PRINCIPLES
OF
POLITICAL ECONOMY
AND
TAXATION

The State
POLITICAL
Press
1941

ДАВИД РИКАРДО
НАЧАЛА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ
и
НАЛОГОВОГО ОБЛОЖЕНИЯ

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1941

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предпринимаемое Государственным издательством политической литературы издание сочинений Давида Рикардо в пяти томах включает сочинения и парламентские речи, а также переписку великого английского экономиста.

В таком объеме сочинения его публикуются впервые и могут быть изданы в настоящее время лишь в СССР: современная буржуазная политическая экономия отвернулась от наследства Рикардо, вскрывшего, по выражению Маркса, «физиологию буржуазной системы» и сделавшего это с научной прямолинейностью и добросовестностью.

Для перевода были использованы различные старые английские издания. Произведения Рикардо расположены в пятитомнике не в хронологическом порядке: в первый том вошла основная теоретическая работа Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения»; во втором томе собраны статьи и речи Рикардо по вопросам денежного обращения и банков; в третий том войдут его работы по вопросам земледелия, ренты и критика Мальтуса; в четвертый — переписка Рикардо и в пятый — его парламентские речи.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. РИКАРДО КАК УЧЕНЫЙ

В эпоху своего победоносного шествия вперед к экономическому и политическому господству буржуазия передовых тогда европейских стран—Англии и Франции—выделила из своих рядов немало крупнейших ученых как в области естествознания, так и в области политической экономии. Три стадии развития капиталистической промышленности—путь ее от простой кооперации к машинному производству—отмечены и крупными достижениями в области науки. Создавались все элементы капиталистического производства—отделение мелкого производителя от средств производства, объединение многих совместно работающих наемников под одной капиталистической крышей, разделение труда между ними и, наконец, подчинение рабочих ритму крупного машинного производства, приводимого в движение механическим двигателем. В то же время зрело в умах людей и научное обобщение этих явлений.

Петти, учитель буржуазии, яростно доказывавший ей, что источник богатства не деньги и что увеличение количества их путем фальсификации монеты может обмануть лишь глупцов, совершенно недвусмысленно указывал молодой буржуазии источник обогащения: пусть рабочие попостоят в пятницу вечером и тратят на обед полтора часа вместо двух, т. е. пусть работают больше на $\frac{1}{20}$ времени и на столько же меньше потребляют. Пусть увеличивается абсолютная прибавочная стоимость—таков надежный путь роста буржуазного богатства.

Певец мануфактуры Адам Смит с восторгом описывает рост производительности труда на капиталистических мануфактурах в результате его разделения и становится в то же время втупик перед обменом большего количества труда на меньшее. Что капиталист дает рабочему все меньше и меньше в обмен на все большее количество труда именно в эпоху роста производительности последнего, это Смиту ясно, но он еще не может отделаться от докапиталистического недоумения по этому вопросу. Недаром же автор статьи о Рикардо в «Encyclopædia Britannica»—органе, обнимающем всю мудрость современной английской буржуазии,

противопоставляя Смита Рикардо, сокрушенно замечает, что последний был «скорее экономист, чем социальный философ», ибо в работах его «нет и следа тех симпатий к рабочему классу, которыми отличался Смит. Он рассматривал рабочего лишь как орудие в руках капиталиста». За кажущейся наивностью этого замечания скрывается, конечно, совершенно определенная цель: еще одним способом нанести удар ненавистному современной буржуазии теоретику трудовой стоимости—Рикардо. И все же помимо воли и сознания автора статьи в ней отражается, хотя и косвенно, какое-то реальное явление.

В эпоху быстрой капиталистической индустриализации, когда на сцену являются пар и автоматический ткацкий станок, когда быстро развиваются металлургия и машиностроение, не стоило уже вспоминать о том, что наемный рабочий был когда-то, в «доадамовы времена», самостоятельным мелким производителем. Теперь задача состояла не в том, чтобы сопоставлять прежнее и настоящее, а чтобы провозгласить торжество и неизбежность капитализма как вечного и единственно возможного строя общественной экономики.

У Рикардо нет уже «ценных противоречий» Смита, но в то же время он частично исправил ошибки последнего, вытекающие из неясного понимания природы постоянного капитала. Если не постоянный капитал полностью, то основной капитал и его роль в капиталистическом производстве были выявлены, а стоимость товара теперь уже включала и стоимость потраченных средств производства. Вместо *купленного* труда на сцену явился *затраченный* труд, а вместо неопределенного понятия «*труд*» более точное понятие—«*рабочее время*».

«Наконец,—пишет Маркс в «Теориях прибавочной стоимости»,—выступает Рикардо и кричит науке: стой! Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы—понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса—есть определение *стоимости рабочим временем*. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, выясненные ею категории—отношения производства и обращения—соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту... В этом-то и заключается историческое значение Рикардо для науки...»¹

Кто же был этот человек, крикнувший буржуазной политэкономии «стой!», требовавший от нее, чтобы она «оставила свою прежнюю рутину», и сумевший сделать это, даже несмотря на «научную недостаточность его метода»?²

Давид Рикардо родился в 1772 г. и умер в 1823 г., 51 года от роду, в расцвете своей научной и политической деятельности.

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 4, 1936, стр. 8—9.

² Там же, стр. 9.

Прожитые им 51 год—период огромного значения в развитии и укреплении буржуазного господства. Буржуазная революция Франции смела за это время феодальные преграды, мешавшие развитию капитализма, английская же буржуазия, еще ранее вышедшая на историческую арену, переживала промышленный переворот: применение машин, парового двигателя, парохозяйства, расширение сферы кредита и банковского дела и одновременно пролетаризация широких масс трудящихся и жестокая эксплуатация рабочих.

В эту эпоху буржуазии нужен был ученый, который четко и членораздельно провозгласил бы экономические принципы буржуазного господства, дав определение стоимости рабочим временем. Таким ученым, завершившим дело своих предшественников—Вильяма Петти и Адама Смита в Англии, физиократов во Франции—и был Рикардо.

Он пришел к науке не прямой дорогой через систематическое образование. Сын биржевого маклера еврея, он лишь два года учился в торговой школе, а затем работал в предприятии отца. Разойдясь с отцом по религиозным основаниям,—женившись на христианке,—он выступил на биржевом поприще. Большие практические способности помогли будущему политэконому составить себе крупное состояние.

В 1797 г., когда Рикардо было 25 лет, он стал миллионером. Однако в дальнейшем он не пошел по проторенной дорожке и не сделался профессиональным деятелем биржи. Деньги были для него скорее предпосылкой, чем целью. Став богатым, он отошел от биржи и занялся научной работой. Сперва он отдал дань естествознанию и был одним из членов-учредителей Геологического общества Англии, затем занялся политической экономией.

Английские биографы Рикардо утверждают, что во время пребывания на курорте Батс он якобы случайно натолкнулся на книгу Адама Смита «Богатство народов» и, прочтя ее, принялся за работу в области политэкономии. Однако ничего случайного тут не было. Будучи образованным человеком, Рикардо знал, конечно, о книге Смита. Он стал работать в области политэкономии, имея уже естественно-историческое образование, и мог поэтому использовать и в ней метод естественных наук. Свою дальнейшую научную работу Рикардо посвящает уже полностью политической экономии.

Внимание его сосредоточивается первоначально на проблемах денежного обращения. В 1809 г. он выпускает анонимный памфлет «Цена золота», вызвавший ряд возражений. Отвечая на них, Рикардо перерабатывает свой памфлет и выступает сначала с письмом в редакцию газеты «Morning Chronicle», а затем с брошюрой «Высокая цена золота как доказательство обесценения банкнот». Как говорит его буржуазный биограф на страницах «Encyclopedia Britannica», эта работа была «новым стимулом» к дискуссии

по поводу «возобновления оплаты наличными» банкнот Английского банка. Это был период так называемого Акта о рестрикции, т. е. закона, ограничивающего обмен банкнот на золото, проведенного в эпоху наполеоновских войн, расстройств внешней торговли и неурожая. Золотые запасы Английского банка истощились, курс банкнот сильно упал: если в 1799 г. сумма неразменных банкнот составляла 8,5 млн. ф. ст., то в 1802 г. она поднялась до 17 млн. ф. ст., а к 1810 г. — до 28 млн. ф. ст. Естественно, что в такой обстановке выступления Рикардо привлекли к себе внимание и послужили толчком к назначению так называемого Bouillon Committee, или парламентского Комитета о золотых слитках.

Доклад Комитета подтвердил выводы Рикардо, что не мешало, однако, палате общин принять постановление, объявлявшее банкноты не обесцененными.

В 1811 г. Рикардо выступает с работой «Ответ на практические замечания г-на Бозанкета по докладу Комитета о слитках», а в 1816 г. со статьей «Проект экономного и прочного денежного обращения». В этих работах Рикардо ведет решительную борьбу за оздоровление денежного обращения Англии и резко критикует Английский банк (акционерное общество, которому английское правительство поручает государственные эмиссионные и кредитные операции), наживающийся на управлении государственным долгом.

На год раньше, в 1815 г., в разгар политической борьбы против «хлебных законов» Рикардо выступает против мальтусовской работы в защиту «Политики ограничения свободного ввоза хлеба»¹.

Наконец, в 1817 г. Рикардо выступает со своим капитальным трудом «Начала политической экономии и налогового обложения» — трудом, в котором, по выражению Маркса, анализируется самая «основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы». Именно в этом труде Рикардо дал «определение *стоимости рабочим временем*», именно в нем и раздался, по выражению Маркса, крик «стой!», обращенный к буржуазной науке. В «Началах политической экономии» великий буржуазный экономист дал доказательство «научной недостаточности» метода буржуазной политической экономии, показав с полной очевидностью, что «классическая политическая экономия подходит очень близко к истинному положению вещей, однако не формулирует его сознательно». Но «этого она и не может сделать, не сбросив своей буржуазной кожи»².

В 1819 г. Рикардо был избран в парламент. В своей парламентской деятельности он, как пишет Лесли Стефен, автор биографии Рикардо, в «Dictionary of National Biography», «соглашался почти

¹ «Grounds of an opinion on the Policy of Restricting the free exportation of corn».

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 593.

безоговорочно с политикой радикальной партии того периода... резко изобличал всякие религиозные преследования, нападал на хлебные законы, на законы о ростовщичестве и вообще на всякого рода подачки и ограничения».

Эта характеристика парламентской деятельности Рикардо смазывает суть вопроса: экономист-теоретик, поддерживавший промышленную буржуазию против лендлордов, Рикардо как политик стоял на левом фланге этой борьбы, принадлежа к радикалам. Он боролся против хлебных законов, за свободу торговли, за свободу коалиций и рабочих союзов и за парламентскую реформу.

Джеймс Милль, сторонник и личный друг Рикардо, с восторгом говорит о его «бесстрашной и достопамятной декларации в защиту неограниченной свободы мысли и свободы речи» в области религиозных вопросов. В этой декларации Рикардо горячо поддерживал петицию об освобождении крайнего радикала Ричарда Карлейля, арестованного за свои передовые взгляды. В одном письме к Троуэру Рикардо пишет: «Свобода правительства ограничена, поскольку народ может его свергнуть. И какие гарантии свободы имелись бы, если бы были дозволены только приходские собрания?» («Dictionary of National Biography»).

В письме к Мак-Кэллоху от 22 июня 1819 г. Рикардо так характеризует свое положение в палате общин:

«Оказанный мне снисходительный прием облегчил мне до некоторой степени произнесение речей, но для моего успеха имеется все еще так много огромных препятствий, некоторые из которых являются, как я опасаясь, почти непреодолимыми, что с моей стороны было бы, думается мне, делом мудрости и здоровой осторожности довольствоваться молчаливым голосованием»¹.

Эти «непреодолимые препятствия», о которых говорит Рикардо, свидетельствуют о той борьбе, которую вел Рикардо против торийского правительства в той самой палате общин, которая несколькими годами раньше *постановила*, что обесценения банкнот, приближавшегося тогда к своему максимуму, не существует.

Но, защищая интересы промышленной буржуазии как класса, пришедшего на смену феодалам, Рикардо в то же время не солидаризируется полностью с партией вигов, выражавшей интересы промышленной буржуазии.

«Партия вигов,—писал он в письме к Мак-Кэллоху,—владеет сама большим количеством гнилых местечек, но с чем они менее всего захотят расстаться, так это с тем влиянием, которым они пользуются над избирателями как крупные землевладельцы или просто капиталисты».

Две черты характерны для Рикардо как ученого: его научное беспристрастие и его способность к самокритике.

¹ Письма Рикардо будут помещены в т. IV настоящего издания.

Маркс подчеркивает научное беспристрастие Рикардо, сопоставляя его позиции с позициями Мальтуса. Последний мог поддерживать интересы промышленной буржуазии лишь постольку, поскольку они совпадали с интересами земельной аристократии, поскольку, следовательно, оба класса дружно выступали *«против массы народа, против пролетариата»*¹. Но там, где интересы промышленной буржуазии и земельной аристократии расходились (как по вопросу о хлебных пошлинах, например), Мальтус всегда становился на защиту лендлордов.

Рикардо же стоит прежде всего на точке зрения развития производительных сил и, как замечает Маркс, «с полным для своего времени правом рассматривает капиталистический способ производства как самый выгодный для производства вообще». Его прямолинейность в этом вопросе является, по мнению Маркса, не только *«научно-добросовестной, но и научно обязательной для его точки зрения»*².

Рост производительности человеческого труда для него выше всего, и в жертву ей он согласен принести даже стоимость основного капитала, поскольку последняя падает при росте первой. «Нельзя отрицать,—пишет Рикардо,—что некоторое количество капитала было потеряно. Но что такое представляет собой владение капиталом или сохранение его,—цель или средство? Несомненно средство. В чем мы нуждаемся, так это в изобилии благ; если бы могло быть доказано, что пожертвованьем одной части нашего капитала мы могли бы увеличить годовое производство тех благ, которые служат для нашего наслаждения и нашего счастья, тогда, конечно, мы не должны были бы роптать на потерю части нашего капитала»³.

Рикардо готов также пожертвовать интересами и лендлордов и рабочих, если технический прогресс затрагивает ренту или заработную плату или является причиной безработицы.

По последнему пункту необходимо, однако, сделать оговорку: что технический прогресс приводит в условиях капитализма к безработице, это не всегда было ясно Рикардо. Но именно тут он и дал любопытный образец самокритики. В XXXI главе своих «Начал», анализируя экономические последствия введения машин для разных классов общества, Рикардо пишет:

«Когда я впервые обратил свое внимание на изучение вопросов политической экономии, я придерживался взгляда, что применение машин... поскольку оно сберегает труд, является благом для всех». И далее: «Класс рабочих, думал я тогда, также выиграл бы в одинаковой степени от введения машин, потому что при той

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 204.

² Там же, стр. 205 и 206.

³ «On Protection to Agriculture», 4-th ed., L. 1822, p. 60, цит. по Марксу, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 206—207; см. также т. III настоящего издания.

же самой денежной заработной плате рабочие могли бы теперь покупать больше товаров. Я полагал при этом, что заработная плата не понизилась бы, так как капиталист мог бы предъявлять спрос и занять такое же количество труда...»¹

Но ошибочность этих представлений скоро стала ясна Рикардо: «Я теперь убедился,—пишет он в следующем абзаце,—что замена человеческого труда машиной часто приносит очень большой ущерб интересам класса рабочих... Теперь я имею основание думать, что фонд, из которого извлекают свой доход землевладельцы и капиталисты, может возрасти, в то время как другой, от которого главным образом зависит трудящийся класс, может уменьшаться»².

Конечно, Рикардо не делает никаких политических выводов из этого признания и даже находит смягчающие обстоятельства: машины, говорит он, вводятся не сразу, а постепенно, т. е. «влияние их сказывается скорее при решении вопроса о применении сберегаемого и накапливаемого капитала, чем при перемещении капитала, фактически уже примененного»; мало того, дело не столько во введении машин, сколько в вывозе капитала за границу: «Вкладывая часть капитала в усовершенствованные машины, мы только задерживаем прогрессивное возрастание спроса на труд; вывозя капитал в другую страну, мы совершенно уничтожаем этот спрос»³. Итак, не вывозите капитала и не бойтесь применять машины; пусть процветает промышленный капитализм, хотя положение рабочего будет ухудшаться,—таков объективный смысл констатаций Рикардо, показывающих какого научную беспристрастность и способность к самокритике, так и его полную готовность пожертвовать интересами рабочих во имя развития производительных сил капитализма.

Научное беспристрастие Рикардо выражается также в весьма своеобразной форме и в его отношении к своему современнику—утописту Роберту Оуэну. Будучи членом парламентской комиссии, которая должна была рассмотреть оуэновский проект, он высказался против него. В одном из писем к Троуэру он говорит, что «такое общество, какое проектируют они» (т. е. Оуэн и Престон), не может процветать, ибо «опыт веков против него». Это совершенно закономерно для Рикардо, теоретика промышленной буржуазии, но это не помешало, однако, Рикардо высоко ценить Оуэна как человека и общественного деятеля и открыто защищать его от нападок буржуазии.

Мало того, в вышецитированной работе «On Protection to Agriculture», разбирая влияние высокого урожая на цены, Рикардо говорит: «Если бы мы жили в одном из параллелограммов Оуэна и пользовались всеми нашими продуктами сообща, то

¹ Рикардо, Начала политической экономии, стр. 251, 252 настоящего тома.

² Там же, стр. 252.

³ Там же, стр. 257—258, 259.

никто не пострадал бы в результате изобилия, но пока общество устроено так, как в настоящее время, изобилие часто будет убыточно для производителей, а недостаток выгоден для них»¹.

Итак, у Рикардо достаточно научного беспристрастия, чтобы понять все же некоторые преимущества социализма над капитализмом, поскольку это можно было сделать на основе оуэновских теорий социализма.

Выше мы уже привели характеристику, данную Марксом Рикардо и его роли в истории политической экономии. Глубокая критика, которой подвергает Маркс Рикардо, исходит именно из признания этой исторической роли. Так, в «Нищете философии», говоря об экономистах-фаталистах, т. е. тех теоретиках, которые «индифферентны в своей теории к тому, что они называют неудобствами буржуазного производства», Маркс разделяет их на классиков и романтиков. О первых он говорит: «Классики—как, например, Адам Смит и Рикардо—являются представителями того периода развития буржуазии, когда она, находясь еще в борьбе с остатками феодального общества, стремилась лишь очистить экономические отношения от этих феодальных пятен, развить производительные силы, придать новый размах промышленности и торговле... Задача экономистов, вроде Адама Смита и Рикардо, являющихся историками этой эпохи, состоит лишь в том, чтобы уяснить, каким образом приобретается богатство при буржуазных производственных отношениях, формулировать эти отношения в виде законов и категорий и показать, насколько эти законы и категории удобнее для производства богатств, чем законы и категории феодального общества»².

Такова сущность вопроса. Такова историческая роль и историческая заслуга Смита и Рикардо. Они были «историками» эпохи победы буржуазии над феодализмом, помогали очистить новые экономические отношения от «феодальных пятен» и «развить производительные силы» той формации, которая является исторической предпосылкой социализма. По меткому замечанию Ленина, Рикардо «инстинктивно характеризовал самую суть буржуазного способа производства»³.

Что же именно внес Рикардо в науку политической экономии и прежде всего в теорию стоимости и прибавочной стоимости? Несомненно огромной научной заслугой его является преодоление ошибки Смита в теории стоимости—смещения купленного труда с затраченным. «Адам Смит,—говорил Рикардо,—который так правильно определил коренной источник меновой стоимости, оказался непоследовательным», ибо Смит имеет в виду «не количество труда, затраченное на производство того или иного пред-

¹ См. т. III настоящего издания.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 373.

³ Ленин, Соч., т. II, стр. 26.

мета, а то количество его, какое можно купить за этот предмет на рынке». Ведь рабочий, замечает Рикардо, не получит «за свой труд вдвое больше против прежнего, раз труд его стал вдвое производительнее, и он может поэтому выработать вдвое больше товара»¹.

Критика неверного положения Смита, его недоговоренности и недодуманности начинается именно с вопроса о росте производительности труда. За большее количество продукта все та же заработная плата! Значит, в теории Смита имеется трещина. И далее указывается причина этого: «Меновая стоимость произведенных товаров пропорциональна труду, затраченному на их производство; не только на непосредственное производство, но и на изготовление орудий и машин, требующихся для того вида труда, при котором они применяются»².

Здесь и огромный шаг вперед и серьезная ошибка. Здесь отведено надлежащее место основному капиталу и опущен оборотный. Рабочее время, нужное для производства «орудий и машин», принято во внимание, но время, нужное для производства сырья, не существует. Однако Рикардо не всегда отвлекается от оборотного капитала; в приводимых им конкретных примерах последний не всегда выпадает. Так, приводя в пример производство чулок, Рикардо определяет затраченное на них рабочее время следующим образом:

«Сюда войдет, во-первых, труд обработки земли, на которой разводят хлопок; во-вторых, труд доставки хлопка в страну, где будут изготовлены из него чулки, сюда же включается также часть труда, затраченного на постройку судна, на котором он перевозится... в-третьих, труд прядильщика и ткача; в-четвертых, часть труда машиностроителя, кузнеца и плотника, которые строили здания и машины, с помощью которых изготовляются чулки»³. Здесь не говорится, правда, ни о стоимости хлопка как сырья для прядения, ни о стоимости семян хлопка как сырья для земледелия, но зато идет речь о труде, создающем сырье.

Но это развитие и углубление теории трудовой стоимости с самого начала связано у Рикардо с одним ограничением: его интересует лишь относительная стоимость товаров, или «их стоимость сравнительно с другими вещами»⁴. Если труд людей, производящих тот или иной товар, стал производительнее, тогда как труд, производящий все другие товары, остался на прежнем уровне, то как изменится их стоимость по отношению друг к другу, — вот проблема, которая волнует Рикардо и за пределы которой он не может выйти. Отношение же стоимостей отдельных товаров

¹ Рикардо, Начала политической экономии, стр. 3 настоящего тома.

² Там же, стр. 10.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же.

к общественному труду остается вне поля его зрения. Величина стоимости заслоняет для него ее действительную природу и ее исторический характер. Стоимость для него—только всегда существующее отношение вещей, а не исторически обусловленное отношение людей.

Установленная Рикардо противоположность между заработной платой и прибылью непосредственно вытекает из его теории стоимости и в то же время из предположения о постоянстве рабочего дня. Отсюда достоинства этой теории и отсюда ее недостатки. В полемике с Сэем, Мальтуом и Смитом Рикардо резко восстает против их утверждений, что изменение заработной платы влияет на размеры ренты и на стоимость товаров: «Повышение стоимости труда невозможно без соответствующего падения прибыли. Если хлеб подлежит разделу между фермером и рабочим, то чем больше доля последнего, тем меньше остается первому. Точно так же если сукно или хлопчатобумажные ткани делятся между рабочими и их хозяевами, то чем бóльшая доля дается первым, тем меньше остается последним»¹.

Это положение Рикардо неустанно защищает в своих «Началах» и особо оттачивает свои формулировки в полемике: «Если заработная плата падает, то поднимается прибыль, а не рента. Если заработная плата поднимается, то падает прибыль, а не рента»². Это—по адресу Мальтуса, который видит в росте заработной платы одну из причин падения ренты и наоборот. По адресу же Сэя, считающего, что рост заработной платы вызывает повышение цен, Рикардо язвительно замечает: «Убеденный, что цена товаров регулируется ценой труда... г-н Сэй говорит: «Я подозреваю, что дешевизна товаров, получаемых из Англии, отчасти обусловлена существованием в этой стране множества благотворительных учреждений» (т. II, стр. 277). Для того, кто утверждает, что заработная плата регулирует цену, это—вполне последовательное заключение»³.

В конце 6-го отдела главы о стоимости, посвященного «неизменной мере стоимости», Рикардо дает формулировку более общего характера, выдвигая на первый план отличие своей позиции от позиций своих предшественников: «Адам Смит и все последующие писатели без единого исключения утверждали, что за повышением цены труда последовало бы однообразное повышение цены всех товаров. Надеюсь, мне удалось показать, что этот взгляд совершенно не обоснован»⁴.

Эта твердая позиция вызывает возмущенные протесты со стороны апологетической политэкономии буржуазии от Кэри до наших дней, но свидетельствует в то же время о научном бесстрашии

¹ Рикардо, Начала политической экономии, стр. 19 настоящего тома.

² Там же, стр. 269.

³ Там же, стр. 35, сноска.

⁴ Там же, стр. 26.

Рикардо и его глубоком проникновении в природу капиталистической экономики.

Но и тут доминируют отношения вещей. Ясно установлены отношения заработной платы и прибыли, но не видно рабочих и капиталистов в их постоянной взаимной борьбе. Колебания величины заработной платы определяются в анализе Рикардо лишь колебаниями цен на средства существования в зависимости от условий обработки земли, внешней торговли, изменения стоимости денег и т. д.

С другой стороны, величина рабочего дня и вновь созданная стоимость рассматриваются как величины постоянные. Но это правильно лишь для начала анализа, лишь как исходный пункт. Постоянное стремление капитала увеличить абсолютную прибавочную стоимость за счет увеличения длины рабочего дня остается, так же как и первые попытки рабочих бороться за его сокращение, вне поля зрения и вне анализа Рикардо. Для него не наступил еще момент, когда, по образному выражению Маркса, раздался «голос рабочего, который до сих пор заглушался шумом и грохотом процесса производства»¹.

Но, имея дело не с рабочими и капиталистами как участниками классовой борьбы, а лишь с получателями заработной платы и прибыли, Рикардо не может все же не видеть условий роста *относительной* прибавочной стоимости. Этот рост является для него опять-таки результатом естественных причин—введения новых машин, улучшенных методов обработки земли, усовершенствования транспорта и т. д. Из самой теории стоимости вытекает объективная неизбежность «падения цены труда» при развитии производительных сил, т. е. при уменьшении количества рабочего времени, необходимого для производства средств существования рабочих. Но постоянного сознательного воздействия капитала «на падение цены труда» Рикардо не видит. Его голос не был еще голосом капитала, который «громогласно и с обдуманном намерением возвещает о ней (о машине.—М. С.), как о силе, враждебной рабочему»², но не был, конечно, и голосом, формулирующим требования рабочих.

Лишь в теории ренты Рикардо ясно слышатся уже голоса людей, представляющих борющиеся классы. Земельная собственность и высокие цены на хлеб мешают развитию капиталистической индустриализации. Капитал вынужден отдавать землевладельцу излишек стоимости над ценой производства. Лендлорды и их апологет Мальтус всячески отстаивают право-собственников земли на ренту и требуют высоких пошлин на ввозной хлеб, выращиваемый на более плодородной земле, чтобы сохранить право на высокий излишек стоимости над ценой производства.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 256.

² Там же, стр. 478.

Рикардо связывает свою теорию дифференциальной ренты с теорией трудовой стоимости. «Не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог»¹,—замечает он.

В своей критике теории ренты Сисмонди Ленин говорит, что последний «не столько опровергает Рикардо, сколько отвергает вообще перенесение на земледелие категорий товарного хозяйства и капитализма»². Наоборот, заслуга Рикардо именно и состоит в таком перенесении. Полемизируя со Смитом, который видит принципиальную разницу между земледелием и промышленностью в том, что в земледелии в отличие от промышленности работает не только человек, но и природа, Рикардо замечает: «Разве природа не делает ничего для человека в обрабатывающей промышленности? Разве силы ветра и воды, которые приводят в движение наши машины и корабли, равняются нулю? Разве давление атмосферы и упругость пара, которые позволяют нам приводить в движение самые изумительные машины,—не дары природы?»³

Но именно на это ошибочное утверждение Смита опираются апологеты землевладельцев. От Мальтуса до Булгакова включительно все они стараются доказать, что рента—это дар природы. Возражая им, Рикардо утверждает, что защищать с помощью хлебных законов право на «прибавочный продукт, который земля дает в форме ренты», это все равно, что стремиться к тому, «чтобы с каждым годом вновь сооруженные машины были менее производительны, чем старые». Тогда «всем владельцам более производительных машин платилась бы рента»⁴,—замечает иронически Рикардо.

Если абстрагировать от путаницы, связанной с неправильным представлением Рикардо о том, что человечество обязательно идет в обработке земли от лучших земель к худшим, и помнить твердую позицию Рикардо в вопросе о единстве теории стоимости и теории ренты, то смысл этой иронии Рикардо ясен: защитник технического прогресса и международного разделения труда обрушивается на лендлордов, для которых технический прогресс дело второстепенное, а право на ренту—основное и самое важное.

Каковы бы ни были ошибки Рикардо в вопросе о теории ренты и теории денег⁵, в основе их все же лежит концепция трудовой стоимости; его ошибки в этих вопросах являются, следовательно, в отличие от «теорий» современной буржуазной экономики отклонением от правильной установки, а не порочной исходной позицией.

¹ Рикардо, Начала политической экономии, стр. 36 настоящего тома.

² Ленин, Соч., т. II, стр. 42.

³ Рикардо, Начала политической экономии, стр. 37 настоящего тома, сноска.

⁴ Там же, стр. 36.

⁵ См. предисловие к т. II настоящего издания.

Классовое лицо Рикардо определяется именно его отождествлением технического прогресса с укреплением классового господства промышленной буржуазии и страстной борьбой против тех, кто задерживает этот прогресс,—владельцев земли. Как указывает Маркс, Рикардо, развивая теорию ренты Андерсона, делает и «теоретический и практический шаг вперед». Первый состоит в определении *«стоимости»* товара и т. д.» и в проникновении в «природу землевладения», а второй—в аргументах «против необходимости частной земельной собственности на основе буржуазного производства и затем против всяких государственных мероприятий, вроде хлебных пошлин, способствовавших увеличению этой частной земельной собственности»¹.

Именно это единство теоретических и практических выводов характерно для Рикардо, идеолога промышленного развития Англии и промышленной буржуазии, поскольку она выражала это развитие в период его жизни и деятельности.

Научные завоевания Рикардо, все то, что труд его содержал в себе смелого и нового, были полностью использованы Марксом.

Как говорит Ленин в статье «Три источника и три составных части марксизма», «классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии—самой развитой капиталистической стране. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало *трудовой теории стоимости*. Маркс продолжал их дело». Учение Маркса чуждо всякого сектантства «...в смысле какого-то замкнутого, застывшего учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила»².

Ряд буржуазных политэкономов упрекает Маркса в том, что он заимствовал у Рикардо трудовую теорию стоимости. Ленин видит, наоборот, проявление гениальности Маркса в том, что он шел по столбовой дорожке мировой цивилизации, что учение его было «законным преемником» достижений его предшественников. Но «там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл *отношение между людьми*»³. Именно в этом состоит то новое, что внес в учение классиков Маркс. Так гениально критически использовал он наследство классиков, не выбросив из него того зерна истины, которое оно заключало. «Физиология буржуазной системы» была показана Рикардо с точки зрения буржуазии, чья победа над феодализмом дала мощный толчок развитию производительных сил. Маркс анализировал эту «физиологию буржуазной системы»

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 205.

² Ленин, Соч., т. XVI, стр. 351 и 349.

³ Там же, стр. 351.

с точки зрения пролетариата, чья историческая миссия заключается в свержении буржуазии, когда господство ее становится тормозом к развитию производительных сил.

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ТЕОРИИ РИКАРДО

Непосредственными наследниками теории Рикардо были те утопические социалисты XIX в., которые исходили в своих экономических воззрениях из учения классической школы политической экономии, хотя и выступали уже в роли критиков капитализма.

Полемизируя с Прудонем в «Нищете философии», Маркс изобличает его не только в грубых противоречиях, но и в полном невежестве относительно выдвигаемого им «уравнительного» применения «определения стоимости рабочим временем». Прудон, говорит Маркс, выдает это определение «за формулу будущего возрождения», между тем как на самом деле оно «есть не что иное, как научное выражение экономических отношений современного общества, что, задолго до г-на Прудона, было точно и ясно доказано Рикардо». Но не только это неизвестно Прудону, а также и то, что не он «первый задумал преобразовать общество путем превращения всех людей в непосредственных работников, обменивающихся равными количествами труда». Игнорируя развитие политической экономии в Англии, Прудон не знает, «что в разное время почти все социалисты этой страны делали уравнительные выводы из теории Рикардо»¹.

Говоря об этих социалистах, Маркс упоминает работы Годскина, Вильяма Томпсона, Эдмондса и «коммуниста» Брэн. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс посвящает целую главу «возражению против экономистов на основе рикардовской теории». Их учение противоположно теории Рикардо, ибо они критики капиталистического строя, и притом критики его с позиций пролетариата. Но теория, указывающая пролетариату путь к достижению цели, еще не выкована, и вот они хватаются за теорию трудовой стоимости Рикардо, пытаясь использовать ее против буржуазии. Однако на этой базе они могли говорить лишь о «справедливом обмене» по трудовому эквиваленту. Они не были, как Прудон, идеологами мелкой буржуазии и не стремились повернуть историю вспять, к временам простого товарного производства. Лишь отсутствие правильного теоретического оружия привело социалистов-рикардианцев к позициям, внешне схожим с прудоновскими.

В предисловии ко II тому «Капитала» Энгельс пишет о той обширной литературе, «которая в двадцатых годах повернула теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах проле-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 330.

тариата против капиталистического производства, побивала буржуазию ее собственным оружием»¹.

И все же смелый протест против капиталистической эксплуатации, содержащийся в трудах Томпсона, Годскина, Брзя, Грея и др., был протестом, опирающимся на основные категории товарного хозяйства. Раз признана теория стоимости Рикардо, то пусть зло капиталистической эксплуатации будет исправлено с помощью обмена равных количеств труда друг на друга через посредство «национального банка», и пусть этим путем каждый получает «полный продукт труда» — таковы основные мотивы, красной нитью проходящие через работы социалистов-рикардианцев.

В противоположность им Маркс видел в теории стоимости Рикардо лишь «физиологию буржуазной системы», а в своей теории коммунизма «опирался, — по словам Энгельса, — на неизбежное, с каждым днем все яснее и яснее совершающееся на наших глазах крушение капиталистического способа производства»².

Теория Рикардо как «физиология буржуазной системы» не могла стать теоретической базой социализма. Она была, как мы уже знаем, теорией буржуазии в ту эпоху ее развития, «когда она, находясь еще в борьбе с остатками феодального общества, стремилась лишь очистить экономические отношения от этих феодальных пятен, развить производительные силы, придать новый размах промышленности и торговле»³.

Но раз эта задача была выполнена, теория Рикардо, завершившая дело классиков политэкономии, оказалась уже ненужной буржуазии. В ходе дальнейшего развития буржуазного общества наследство Рикардо подверглось разложению и вульгаризации. На смену классикам приходит школа политэкономии, названная Марксом школой «вульгарной экономии». Последняя, как говорит Маркс, выступает на сцену «тогда, когда экономия сама своим анализом расшатала, разрушила свои собственные предпосылки; когда следовательно уже существует опровержение экономии в более или менее экономической, утопической, критической и революционной форме. Ибо развитие политической экономии и из нее же самой вытекающего противоречия идет в ногу с *реальным* развитием содержащихся в капиталистическом производстве общественных противоречий и классовой борьбы»⁴.

Вульгарная экономия давала теоретическую базу уже не борьбе буржуазии с пережитками феодализма, а борьбе ее с пролетариатом, начинающим осознавать себя как класс. По мере развития «реальных противоречий в экономической жизни общества» вульгарная экономия «старается всеми силами отделаться путем

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVIII, стр. 13.

² Маркс, Нищета философии, 1938, стр. 7.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 376.

⁴ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 366.

болтовни от тех мыслей, в которых содержатся противоречия»¹.

Тем самым она становится сознательно апологетической. Сэй во Франции и Мальтус в Англии возглавляют это неизбежное превращение классической политической экономии в вульгарно-апологетическую.

Заимствовав у классиков «вульгарный элемент», содержащийся в их работах, Сэй и Мальтус выступают в качестве критиков трудовой теории стоимости. Хотя Сэй выступал, правда, как комментатор и систематизатор работы Смита, но на деле он, как отмечает Маркс, взял у Смита («выкристаллизовал») именно все слабые и вульгарные элементы его теории. Рикардо же, наоборот, взял у Смита наиболее ценные, научные элементы его труда. Сэй «опровергает» трудовую теорию стоимости, заявляя, что стоимость создается не трудом, а совместным действием труда или трудолюбия и сил природы и капитала. С другой стороны, он выводит стоимость из полезности и смешивает понятия стоимости и богатства, меновой стоимости и потребительной.

В своих «Началах» Рикардо дает остроумную критику теории стоимости Сэя и той бесконечной путаницы и противоречий, которыми полна его работа.

Сэевской теории стоимости соответствует его теория распределения, согласно которой продукт общественного труда распределяется между тремя «агентами» производства—землевладельцами, капиталистами и рабочими, иначе говоря, распадается на ренту, прибыль и заработную плату. Маркс метко называет эту «теорию» распределения, построенную на базе эклектической теории стоимости, «последовательностью глупости».

Рикардо, как мы знаем, осознает, наоборот, противоречие между прибылью и заработной платой. Но вульгарная экономия вообще отказывается признавать прибыль как самостоятельную категорию. Она ведь является, по мнению вульгарной экономии, лишь «категорией заработной платы».

Вульгарная экономия отмечает трудовую теорию стоимости, капитал же является для нее *«самостоятельным источником стоимости или прибавочной стоимости»*. Эти экономические теории появляются на сцену именно тогда, «когда политическая экономия как наука уже закончила свой путь», ибо сами по себе эти теории «являются в то же время *могилой* этой науки»².

В Англии в роли критика Рикардо выступил в эту эпоху поп Мальтус—ярый защитник земельной аристократии против промышленной буржуазии и промышленной буржуазии против пролетариата, ярый враг рабочих. Маркс говорит о нем, что его характеризует *«глубокая низость мысли»*³.

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 366.

² Там же, стр. 365 и 367.

³ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 205.

Эта «низость мысли» проявляется, между прочим, в том, что «из научных и всегда им *украденных* предпосылок» он делает только выводы, удобные земельной аристократии «против буржуазии и им обоим—*против* пролетариата»¹.

После опубликования его «Опыта о населении», который Маркс называет «ученически-поверхностным и поповски-напыщенным плагиатом», английские враги французской революции увидели в нем «великого искоренителя всех стремлений к дальнейшему человеческому развитию»². Естественно, что этому «искоренителю» теория стоимости Рикардо показалась подозрительной. Естественно, что он пытается опровергнуть рикардовский закон стоимости. Этот закон не соответствовал интересам земельной аристократии, и, опровергая его, Мальтус думал «сделать приятные своим покровителям выводы»³.

Из двух противоречащих друг другу положений Смита, что стоимость определяется затраченным трудом и что она определяется покупаемым трудом, Мальтус в противоположность Рикардо принимает второе. Правда, по мнению Мальтуса труд есть мера стоимости, но зато любой товар может служить мерой труда. Отношение же между трудом как мерой стоимости и товарами определяется, по Мальтусу, издержками производства. Последние же включают с его точки зрения не только труд, затраченный на орудия производства, и живой труд, но и прибыль на авансированный капитал.

Таким образом, «стоимость» соответствует заработной плате, а издержки производства включают прибыль. Мальтус гордится таким «открытием». Маркс замечает по этому поводу: «Господин Мальтус хочет сразу включить в определение *стоимости* «прибыль», чтобы она непосредственно вытекала из этого определения, чего нет у Рикардо». Итак, Мальтус не только не сделал шага вперед после Рикардо, а старается, наоборот, «отодвинуть политическую экономию назад за Рикардо, даже за Смита и физиократов»⁴.

Наряду с вульгарными экономистами, критиковавшими Рикардо с позиций буржуазии и земельной аристократии, ряд буржуазных экономистов претендовал итти по пути Рикардо. Им еще нужна была эта теория, поскольку борьба буржуазии с земельной аристократией продолжалась.

На этот раз в противоположность попытке социалистов-рикардианцев использовать теорию Рикардо для обоснования социализма последняя была использована по-новому. Началась эпоха ее вульгаризации, начался процесс, который Маркс назвал «разложением рикардианской школы».

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 207.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 677, примечание 75.

³ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 7.

Наиболее типичными представителями этой группы были Торренс, Джеймс Милль и Мак-Кэллох. Первый из них—Торренс, хотя формально и не отказывается от трудовой теории стоимости, считает, однако, как и Смит, что последняя верна лишь для докапиталистических эпох. Далее Торренс приравнивает издержки производства к стоимости, а прибыль рассматривает как излишек, получающийся благодаря продаже товаров выше стоимости. Милль пытается спасти теорию Рикардо от имеющихся в ней противоречий, но это ему не удается, ибо своего учителя он понимает совершенно формально и схоластически. Отсюда распространительное толкование трудовой стоимости, смещение труда человека с действием сил природы. Если, например, вино, лежавшее в погребе, стало дороже, то произошло это благодаря «труду» капитала, или накопленного труда. Прибыль же капиталиста Милль превращает в «вознаграждение за труд», в своего рода заработную плату.

Еще дальше пошел по этому пути «бессовестный тупица» Мак-Кэллох.

О Мак-Кэллохе Маркс говорит, что он хочет «обделать дела с рикардовской экономией... совершенно так же, как Сэй устроил дела со Смитом...»¹ Устроил он, конечно, свои дела, притворяясь последователем Рикардо, с тем чтобы на деле отказаться от трудовой теории стоимости. Стоимости создаются по его теории не только живым трудом, как это утверждает Рикардо, и не только «накопленным», как это допускает Милль, но и «низшими животными, машинами и силами природы».

Взявшись защищать Рикардо от Сэя, он на деле принял его теорию трех факторов. Как говорит Маркс, трудности, с которыми сталкивался Рикардо, его горе-последователи решали «путем резонирования... путем словесной *фигции*, путем изменения правильных названий вещей». И этот способ «гораздо более разрушил все основание теории Рикардо, чем все нападки врагов...»²

* * *

В эпоху империализма буржуазная политэкономия переживает окончательное падение. Пробил, по выражению Маркса, ее смертный час. Изучение действительной экономики буржуазного общества, вскрытие законов физиологии последнего не нужно было больше буржуазии, давно забывшей о своей борьбе с феодалами, вступившей в период, который Ленин охарактеризовал как «умирающий капитализм» и канун «пролетарской революции». Маркс, говоря о «низости мысли» у Мальтуса, дает такое пояснение этому термину: «Человека же, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая не почерпнута из нее самой,—как бы при

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 134.

² Там же, стр. 66.

этом она ошибочна ни была,—а взята извне, из *чуждых ей внешних интересов*, я называю „*низким*“¹. Это определение Маркса с полным правом может быть применено и к создателям так называемой теории «предельной полезности», прямым наследникам вульгарных экономистов.

Классики, как бы ошибочны ни были их воззрения, не навязывали науке «чуждых ей внешних интересов». Их ошибки были частью их научной работы. Но школа «предельной полезности» именно исходила из таких чуждых науке интересов; выполняя социальные задания своих повелителей, она отошла от какого бы то ни было научного анализа действительности, заменив его надуманными, искусственными схемами и математическими формулами, не отражающими действительных экономических отношений. Со страниц их произведений исчезли капиталист, земельный собственник, рабочий. Все люди превратились для них в «продавцов» и «покупателей», а столкновение субъективных намерений последних—в единственный закон политической экономии.

Раз трудовая теория стоимости, созданная классиками и завершенная Давидом Рикардо, была использована и критически переработана Марксом в интересах пролетариата, то тем самым она сделалась одиозной для Бем-Баверка, Менгера, Шарля Жиде, Визера и др.

Вытекающее из этой теории положение, что пролетариат является создателем всех богатств буржуазного общества, ненавистно для этих носителей «низости мысли». Отсюда их выпады против Рикардо. И до сих пор ненавистна им его борьба с лендлордами и их притязаниями. Так, французские историки политэкономии и ярые критики Маркса—профессора Жид и Рист, критикуя рикардовскую теорию ренты, заявляют совершенно откровенно: «Все системы национализации земли, все проекты социализации ренты опираются на теорию Рикардо, а системы эти очень многочисленны»².

Но наиболее характерной, наиболее специфичной для современного этапа «низости» буржуазной экономической мысли является та позиция, которую заняли по отношению к Рикардо его непосредственные наследники—буржуазные политэкономы Англии. Разложение рикардianской школы свело на-нет все достижения Рикардо. Его так называемые «приверженцы» расправились с его теорией хуже, чем его явные критики и враги.

На последнем этапе развития буржуазной политэкономии на родине Рикардо эта «почетная» роль выпала на долю последнего «рикардianца» Англии и главы современной английской политэкономии—Альфреда Маршала. Последний не только завершил дело разрушения рикардовской теории, но и выступил в роли защитника Рикардо... от Маркса.

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 208.

² Gide et Rist, Histoire des doctrines économiques, p. 624.

Буржуазный историк политэкономии Англии профессор Эдвин Кэнан неоднократно упрекает Маршала на страницах своей книги «*Economic Review*» в том, что Рикардо был «героем его юных дней» и что он никак не мог полностью уйти из-под его влияния. На деле же, говоря о Рикардо, Маршал всюду заменяет слово «труд» термином «издержки производства». Будучи последователем теории предельной полезности, он в качестве «рикардianца» одновременно поддерживает и теорию издержек производства, а чтобы как-нибудь выйти из этой эклектической путаницы, он выдумывает теорию коротких и длинных периодов. Предельная полезность, или отношение спроса и предложения, определяет изменение цен на расстоянии коротких периодов, а издержки производства—на расстоянии длинных,—такова его логика. Но что понимает Маршал под издержками производства? Как говорит Кэнан, в Англии «чистая теория трудовых издержек (*Labour cost*) была вскоре вытеснена теорией издержек производства; последняя считает количество труда только одним из факторов, определяющих стоимость, и не рассматривает его как единственный фактор, определяющий ее»¹. Ибо, как говорит Маршал, «время и ожидание являются, так же как и труд, элементом издержек производства». Иначе говоря, «время и ожидание», т. е. ожидание прибыли на затраченный капитал, являются для капиталиста «издержками производства». Они обосновывают его право на прибыль. Между тем, жалуется Маршал, «Карл Маркс ссылается на авторитет Рикардо, утверждая, что естественная стоимость вещей определяется исключительно вложенным в них трудом»².

В доказательство того, что он, Маршал, правильно понял Рикардо, а не Маркс, он приводит следующее замечание Рикардо по адресу Мальтуса:

«Г-н Мальтус думает, повидимому, что согласно моей теории издержки производства какой-либо вещи и стоимость ее тождественны; это так, если он под издержками понимает „издержки производства“, включающие прибыль. В вышеприведенном отрывке он имеет в виду не это, следовательно, он не вполне понял меня»³.

Маркс также цитирует первую часть этого абзаца, хотя последний интересует его с другой точки зрения: он отмечает, что Рикардо смешивает тут стоимость и цену производства, поскольку издержки производства, включающие прибыль,—это издержки «плюс прибыль, определяемая всеобщей нормой прибыли»⁴.

Но естественно, что от такого понимания Маршал весьма далек. Между тем из приведенного отрывка явствует с полной несомнен-

¹ «*Economic Review*», p. 185.

² «*Principles of Political Economy*», p. 816.

³ Рикардо, Начала политической экономии, стр. 27 настоящего тома, сноска.

⁴ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 37, сноска.

ностью, что по интересующему Маршала вопросу именно Маркс понял правильно Рикардо, а не Маршал. Ведь Рикардо настаивает именно на том, что Мальтус неправильно навязывает ему представление о равенстве стоимости и издержек производства и о том, что последние якобы включают прибыль. Но Маршала это не смущает. Рикардо, утверждает он, «очень любил короткие фразы и полагал, что читатель сам сумеет развить те пояснения, на которые он лишь намекал»¹. Поэтому он, Маршал, сам «развил» Рикардо до своего уровня.

Сделал же он это для того, чтобы оправдать право капиталиста на эксплуатацию. «Карл Маркс и другие,—заявляет он,—доказывали, что труд всегда производит „прибавку“ (surplus) сверх заработной платы и износа капитала, применяемого в помощь труду, и что зло, причиняемое рабочим, заключается в присвоении этой „прибавки“». На самом же деле, снова и снова повторяет Маршал, товары созданы не только трудом, «но трудом разного рода и ожиданием... Неверно, что стоимость созданной на данной фабрике пряжи за вычетом износа оборудования есть продукт труда рабочих. Она является продуктом их труда, труда предпринимателей и подчиненных им управляющих, а также затраченного капитала». Если же допустить, что товары являются только «продуктами труда, а не труда и ожидания, то мы неизбежно приддем к логическому выводу, что процент, или вознаграждение за ожидание, не имеет оправдания»².

Тут-то и зарыта собака. Если Маркс правильно понял Рикардо и стоимость действительно создана трудом, то как же оправдать «процент, или вознаграждение за ожидание»? Чуждые науке внешние интересы не скрываются Маршалом, а, наоборот, подчеркиваются. Таковы теории «рикардианца» Маршала, таково то предельное извращение, предельная деградация, до которой дошла буржуазная «наука» сегодняшнего дня на родине Рикардо.

Буржуазия отвернулась от научного наследства Рикардо; ей сделался чуждым человек, сказавший буржуазной науке «стой», и ученый, вскрывший «физиологию буржуазной системы», чья «научная добросовестность» была настолько велика, что он «выступает против буржуазии» там, «где интересы развития производительной силы труда вступают в противоречие с интересами буржуазии»³.

Лишь в стране социализма ученики Маркса и Ленина внимательно изучают работы великого экономиста Давида Рикардо, чьи труды послужили одним из источников марксизма.

М. Смит

¹ «Principles of Political Economy», p. 816.

² Ibid., p. 587.

³ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 206.

ПРЕДИСЛОВИЕ РИКАРДО К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Продукт земли,—все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машин и капитала,—делится между тремя классами общества, а именно: владельцами земли, собственниками денег или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается.

Но доли всего продукта земли, достающиеся каждому из этих классов под именем «ренты», «прибыли» и «зарботной платы», весьма различны на разных стадиях общественного развития, в зависимости главным образом от уровня плодородия почвы, накопления капитала и роста населения, от квалификации и изобретательности труда и от орудий, применяемых в земледелии.

Определить законы, которые управляют этим распределением,—главная задача политической экономии. Как ни обогатили эту науку исследования Тюрго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и других, все-таки объяснения, которые они дают относительно естественного движения ренты, прибыли и зарботной платы, весьма мало удовлетворительны.

В 1815 г. Мальтус в своем «Исследовании о природе и развитии ренты» и анонимный автор, член университетской коллегии в Оксфорде, в «Опыте о приложении капитала к земле» опубликовали почти в одно и то же время правильную теорию ренты. Без знакомства с ней нельзя понять влияния роста богатства на прибыль и зарботную плату или дать удовлетворительную картину влияния налогов на различные классы общества, особенно когда предметом обложения служат продукты, получаемые непосредственно с поверхности земли. Адам Смит и другие талантливые писатели, о которых я упоминал выше, не имея правильного представления о началах ренты, проглядели, как мне кажется, многие важные истины, которые могут быть раскрыты лишь тогда, когда сущность ренты вполне постигнута.

Чтобы пополнить этот пробел, требуются способности, значительно превышающие те, которыми обладает автор последующих страниц. Но он уверен, что никто не сочтет притязательной его попытку изложить свои взгляды на законы прибыли и зарботной платы и на действие налогов—взгляды, к которым он пришел

после самого внимательного рассмотрения предмета, руководясь указаниями, которые он черпал в трудах вышеупомянутых выдающихся писателей, и стараясь, кроме того, использовать драгоценный опыт, который дали настоящему поколению последние годы, столь богатые новыми фактами. Если принципы, которые он считает правильными, будут действительно признаны таковыми, то другим, более талантливым писателям придется сделать из них все важнейшие выводы.

Подвергая критике установившиеся взгляды, автор считает необходимым обратить особенное внимание на те места в сочинениях Адама Смита, с которыми он имел основание не соглашаться. Он, однако, надеется, что никто вследствие этого не подумает, будто он не разделяет с теми, кто признает важное значение политической экономии, восторга, столь справедливо возбуждаемого глубоким трудом этого знаменитого автора.

То же замечание относится и к превосходным трудам г-на Сэя. Он не только был первым или одним из первых писателей на континенте Европы¹, правильно оценивших и прилагавших принципы Смита; он не только сделал больше всех их, взятых вместе, для ознакомления европейских наций с принципами этого просвещенного и благотворного учения, но сумел также внести в науку более логический и поучительный порядок и обогатил ее многими оригинальными, точными и глубокими исследованиями². Однако уважение, питаемое автором к трудам этого писателя, не помешало ему подвергнуть критике—со всей свободой, какой требуют, по его мнению, интересы науки,—те взгляды Сэя (в «Economie politique»), которые явно противоречат его собственным идеям.

¹ В подлиннике «континентальных писателей», т. е. живущих не на Британских островах.—*Ред.*

² В особенности гл. XV, отд. I. «Рынки», содержит некоторые весьма важные принципы, которые, мне думается, были изложены впервые этим выдающимся писателем.

ПРЕДИСЛОВИЕ РИКАРДО К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В этом издании я старался разъяснить полнее, чем в предыдущем, свои взгляды на трудный вопрос о *стоимости* и с этой целью сделал несколько дополнений к первой главе. Я прибавил также новую главу «*О машинах*» и о влиянии их усовершенствования на интересы различных классов государства. В главе «*Об отличительных свойствах стоимости и богатства*» я подверг критике взгляды Сэя на этот важный вопрос, как они изложены, в исправленном виде, в четвертом и последнем изданиях его сочинений. В последней главе я сделал попытку обосновать еще строже, чем прежде, теорию, согласно которой страна была бы способна уплачивать добавочные денежные налоги даже в том случае, если бы валовая денежная стоимость всей массы товаров понизилась: оттого ли, что благодаря улучшениям в сельском хозяйстве уменьшилось количество труда, требующегося для производства хлеба внутри самой страны, или же оттого, что часть хлеба получается теперь по более дешевой цене из-за границы путем вывоза ее промышленных товаров. Это соображение имеет большое значение для решения вопроса о политике неограниченного ввоза иностранного хлеба, особенно в стране, которая вследствие огромного национального долга постоянно обременена тяжелыми денежными налогами. Я старался показать, что способность платить налоги зависит не от валовой денежной стоимости массы товаров и не от чистой денежной стоимости доходов капиталистов и землевладельцев, а от соотношения денежной стоимости дохода каждого человека и денежной стоимости товаров, которые он обыкновенно потребляет.

ГЛАВА I

О СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ I

Стоимость товара, или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, которое уплачивается за этот труд.

«Слово «стоимость»,—замечает Адам Смит,—имеет два разных значения: иногда оно означает полезность какого-нибудь отдельного предмета, а иногда покупательную силу по отношению к другим благам, которую дает обладание им. Первую можно назвать *потребительной стоимостью*, вторую—*меновой*. Вещи, имеющие величайшую потребительную стоимость,—продолжает он,—часто обладают малой или не обладают вовсе меновой стоимостью, и, наоборот, вещи, обладающие величайшей меновой стоимостью, имеют малую потребительную стоимость или вовсе лишены ее*. Вода и воздух чрезвычайно полезны, они прямо необходимы для существования, однако при обычных условиях за них нельзя ничего получить в обмен. Напротив, золото, хотя полезность его в сравнении с воздухом или водой очень мала, обменивается на большое количество других благ.

Таким образом, полезность не является мерой меновой стоимости, хотя она абсолютно существенна для этой последней. Если предмет ни на что не годен, другими словами, если он ничем не служит нашим нуждам, он будет лишен меновой стоимости, как бы редок он ни был и каково бы ни было количество труда, необходимое для его получения.

Товары, обладающие полезностью, черпают свою меновую стоимость из двух источников: своей редкости и количества труда, требующегося для их производства.

Существуют некоторые товары, стоимость которых определяется исключительно их редкостью. Никаким трудом нельзя увеличить

* [«Богатство народов», кн. I, гл. IV, «О происхождении и употреблении денег».

их количество, и потому стоимость их не может быть понижена в силу роста предложения. К такого рода товарам принадлежат некоторые редкие статуи и картины, редкие книги и монеты, вина особого вкуса, выделяемые только из винограда, растущего на особо пригодной почве, встречающейся в очень ограниченном количестве. Стоимость их совершенно не зависит от количества труда, первоначально необходимого для их производства, и изменяется в зависимости от изменения богатства и склонностей лиц, которые желают приобрести их.

Но в массе товаров, ежедневно обменивающихся на рынке, такие товары составляют очень незначительную долю. Подавляющее большинство всех благ, являющихся предметом желаний, доставляется трудом. Количество их может быть увеличиваемо не только в одной стране, но и во многих в почти неограниченной степени, если только мы расположены затратить необходимый для этого труд.

Вот почему, говоря о товарах, их меновой стоимости и законах, регулирующих их относительные цены, мы всегда имеем в виду только такие товары, количество которых может быть увеличено человеческим трудом и в производстве которых действие конкуренции не подвергается никаким ограничениям.

На ранних ступенях общественного развития меновая стоимость этих товаров, или правило, определяющее, какое количество одного товара должно обмениваться на другой, зависит почти исключительно от сравнительного количества труда, затраченного на каждый из них.

«Действительная цена всякого предмета, — говорит Адам Смит, — т. е. то, что каждый предмет стоит в действительности тому человеку, который хочет приобрести его, есть труд и усилия, которые он должен употребить, чтобы приобрести этот предмет. Действительная стоимость каждого предмета для того, кто приобрел его и хочет или сам пользоваться им или обменять его на какой-нибудь другой предмет, это — труд и усилия, которые этот предмет может сберечь ему и которые он может возложить на других»*. «Труд был первой ценой, первоначальными деньгами, которыми платили за все предметы»**. И далее: «В первобытном, некультурном состоянии общества, которое предшествовало как накоплению капитала, так и обращению земли в частную собственность, соотношение между количествами труда, необходимого для добывания различных предметов, является, повидимому, единственным условием для выработки каких-либо правил при обмене одних товаров на другие. Например, если у охотничьего народа убить бобра стоит обычно вдвое больше труда, чем убить оленя, то есте-

* [«Богатство народов», кн. I, гл. V. «О реальной и номинальной цене товаров».]

** [Ibidem.]

ственно, один бобр будет меняться на двух оленей, или стоить столько, сколько стоят два оленя. Естественно, что всякий продукт, требующий обычно двухдневного или двухчасового труда, будет стоить вдвое дороже продукта, требующего обычно один день или один час труда»¹.

Утверждение, что именно в этом заключается подлинная основа меновой стоимости всех предметов, кроме тех, количество коих не может быть увеличено человеческим трудом, имеет для политической экономии в высшей степени важное значение: ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неопределенность понятий, которые связывались со словом «стоимость».

Если меновая стоимость товаров определяется количеством труда, воплощенного в них, то всякое возрастание этого количества должно увеличивать стоимость того товара, на который он затрачивается, а всякое уменьшение—понижать ее.

Но Адам Смит, который так правильно определил коренной источник меновой стоимости, оказался непоследовательным. Вместо того чтобы строго держаться принципа, в силу которого стоимости предметов увеличиваются или уменьшаются в зависимости от увеличения или уменьшения затраченного на них труда, он выдвинул еще другую стандартную меру стоимости и говорит о предметах, стоящих больше или меньше, смотря по тому, на большее или меньшее количество таких стандартных мер они обмениваются. Иногда он принимает за такую меру хлеб, иногда труд,—не количество труда, затраченное на производстве того или иного предмета, а то количество его, какое можно купить за этот предмет на рынке,—как будто это равнозначные выражения, как будто рабочий необходимо получит за свой труд вдвое больше против прежнего, раз труд его стал вдвое производительнее, и он может поэтому выработать вдвое больше товара.

Будь это действительно верно, будь вознаграждение рабочего всегда пропорционально тому, сколько он произвел, количество труда, затраченное на товар, и количество труда, которое за этот товар можно купить, были бы равны, и любым из них можно было бы точно измерять изменения (в стоимости) других предметов. Но они не равны: первое при многих обстоятельствах является неизменным эталоном, показывающим изменения (в стоимости) других предметов, а последнее подвержено стольким же колебаниям, как и стоимость товаров, сравниваемых с ним. Адам Смит, весьма искусно показав недостаточную пригодность такого изменчивого мерил, как золото и серебро, для определения изменения стоимости других вещей, сам избрал не менее изменчивое мерило, остановившись на хлебе или труде.

¹ «Богатство народов», кн. I, гл. V. [Ошибка или опечатка в подлиннике. Этой цитатой начинается гл. VI. «О составных частях цены товаров».]

Несомненно, стоимость золота и серебра подвержена колебаниям вследствие открытия новых и более богатых рудников; но такие открытия редки, и действие их, хоть и могущественнее, ограничивается сравнительно короткими периодами. Она подвержена колебаниям также и вследствие усовершенствований в квалификации труда и в машинах, с помощью которых разрабатываются рудники; благодаря этим усовершенствованиям при том же количестве труда можно добыть больше золота и серебра. Далее, стоимость их подвержена колебаниям и вследствие истощения рудников, снабжавших ими мир в течение веков. Но разве стоимость хлеба не подвергается действию хотя бы одной из этих причин? Разве не изменяется она, с одной стороны, вследствие улучшений в способах обработки земли, в машинах и орудиях, применяющихся в сельском хозяйстве, а также вследствие открытия в других странах новых участков плодородной земли, которые могут быть обращены под обработку и окажут, таким образом, влияние на стоимость хлеба на всех рынках, куда ввоз его свободен? Разве, с другой стороны, стоимость его не увеличивается вследствие запрещения ввоза, возрастания населения и богатства и вместе с тем возрастающей трудности увеличить предложение, так как обработка худших земель требует дополнительного труда? И разве не так же изменчива и стоимость труда, на которую, как и на все другие вещи, влияет не только отношение между спросом и предложением,—отношение, постоянно изменяющееся с каждой переменной в состоянии общества,—но и изменчивость цен на пищу и другие необходимые предметы, на которые расходуется заработная плата?

В одной и той же стране производство данного количества пищи и необходимых для жизни предметов может требовать в одну эпоху вдвое больше труда, чем в другую, более давнюю, вознаграждение же рабочего при этом может уменьшаться очень мало. Если в предыдущий период заработная плата рабочего составляла известное количество пищи и других необходимых вещей, то он, вероятно, не мог бы существовать, если бы это количество уменьшилось. При этих условиях стоимость пищи и предметов, необходимых для жизни, поднялась бы на 100%, считая по количеству труда, необходимого для их производства; между тем если измерять стоимость их количеством труда, на которое они обмениваются, то она едва ли возросла бы.

То же замечание может быть сделано и при сравнении двух или нескольких стран. В Америке и в Польше [на земле, поступившей в обработку позже других], годичный труд [данного числа людей] произведет гораздо больше хлеба, чем [на такой же земле] в Англии *.

Предполагая, что все прочие предметы, необходимые для жизни, одинаково дешевы в этих трех странах, не будет ли большой ошиб-

* [Слова, заключенные в прямые скобки, прибавлены во втором издании.]

кой заключить, что достаемое рабочему количество хлеба будет в каждой из них пропорционально легкости его производства?

Если бы благодаря улучшению машин обувь и одежда рабочего могли быть произведены при вчетверо меньшей затрате труда, чем необходимо теперь для их производства, стоимость их, вероятно, упала бы на 75%, но из этого еще вовсе не следует, что рабочий благодаря этому получил бы возможность постоянно потреблять четыре сюртука или четыре пары обуви вместо одной. Более вероятно, что в непродолжительном времени его заработная плата под влиянием конкуренции и роста населения была бы приведена в соответствие с новой стоимостью предметов жизненной необходимости, на которые она расходуется. Если бы такие улучшения распространились на все предметы потребления рабочего, то мы, вероятно, нашли бы, что через несколько лет он будет жить лишь немногим лучше или совсем не лучше, хотя меновая стоимость указанных товаров в сравнении со стоимостью других, в производстве которых не было сделано никаких улучшений, очень значительно понизится, так как теперь они представляют продукт гораздо меньшего количества труда.

Итак, неправильно говорить вместе с Адамом Смитом, что «если труд может *купить* иногда больше, иногда меньше разных предметов, то изменяется только стоимость этих последних, а не стоимость труда, на который они покупаются», и что, следовательно, «один труд, *никогда не изменяющийся* в своей *собственной стоимости*, представляет собой единственную действительную и последнюю меру, которою во все времена и во всех местах определяется и сравнивается стоимость всех товаров»*. Зато совершенно правильно прежнее положение Адама Смита о том, что «соотношение между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, является, повидимому, единственным основанием для выработки правил, регулирующих обмен одних товаров на другие», или, другими словами, что настоящую или прошедшую относительную стоимость товаров определяет сравнительное количество их, которое производит труд, а не сравнительные количества, которые даются рабочему в обмен на его труд **.

* [«Богатство народов», кн. I, гл. V. Цитата приведена с сокращениями.]

** [В первом и втором изданиях имелся следующий абзац:

«Если бы можно было найти товар, для производства которого теперь и всегда требовалось бы то же самое количество труда, то этот товар имел бы неизменяющуюся стоимость и был бы в высшей степени полезен как стандартная мера, при помощи которой можно было бы измерить изменения стоимости других предметов. Но мы не знаем ни одного такого товара и поэтому не в состоянии установить стандартную меру стоимости. Однако ради установления правильной теории весьма полезно определить, каковы должны быть существенные свойства такой меры как для того, чтобы знать причины изменения в относительной стоимости товаров, так и для того, чтобы быть в состоянии определить степень возможного влияния этих свойств».

Дальше и до конца первого отдела следует прибавление, сделанное только в третьем издании.]

Относительная стоимость двух товаров изменяется; как же узнать в котором из них действительно произошло изменение? Сравнив настоящую стоимость одного из них со стоимостью обуви, чулок, шляп, железа, сахара и всех других товаров, мы находим, что он обменивается на то же самое количество всех этих вещей, что и прежде. Сравнив с этими же товарами другой, мы находим, что он изменился относительно всех их; в таком случае мы можем с большим вероятием заключить, что изменение произошло в этом товаре, а не в товарах, с которыми мы его сравнивали. Если, исследуя подробнее все обстоятельства, связанные с производством всех этих различных товаров, мы найдем, что для производства обуви, чулок, шляп, железа, сахара и пр. необходимо то же количество труда и капитала, что и прежде, а для производства того единственного товара, относительная стоимость которого изменилась, уже не нужно прежнее количество труда, то вероятность превратится в достоверность, и мы будем уверены, что происшедшее изменение относится только к этому товару: мы открываем, таким образом, и причину его изменения.

Если я нашел, что унция золота обменивается на меньшее количество перечисленных выше товаров и многих других, если сверх того я нашел, что данное количество золота благодаря открытию новых и более богатых рудников или более выгодному применению машин можно получить с меньшим количеством труда, то я вправе буду сказать, что причиной изменения стоимости золота относительно других товаров была большая легкость его производства или уменьшение количества труда, необходимого для его получения. Точно так же, если стоимость труда значительно упала в сравнении со стоимостью всех других предметов и если я установил, что это падение было следствием обильного предложения, поощряемого большей легкостью производства хлеба и других предметов жизненной необходимости для рабочего, то я считаю себя вправе сделать вывод, что стоимость хлеба и других предметов первой необходимости упала вследствие уменьшения количества труда, необходимого для их производства, и что вследствие большей легкости прокормить рабочего понизилась также и стоимость труда. Нет, возражая Адам Смит и Мальтус, в примере с золотом вы были правы, объясняя происшедшее изменение падением его стоимости, так как стоимость хлеба и труда не изменялась в этом случае. А так как за золото можно было бы теперь получить только меньшее количество их, как и всех других предметов, то совершенно правильно было заключить, что все вещи остались в том же положении и только золото подверглось изменению (в своей стоимости). Но если упала стоимость труда и хлеба—предметов, избранных нами, несмотря на все изменения, которым подвергается их стоимость, и, по нашему признанию, стандартными мерами последней,—то было бы в высшей степени неверно сделать тот же самый вывод. Пользуясь правильной терминологией, надо сказать, что

стоимость труда и хлеба не изменилась и что, наоборот, возросла стоимость всех остальных предметов.

Но именно против такого способа выражения я и протестую. Я нахожу, что, точно так же как и в примере с золотом, причиной изменения стоимости хлеба относительно других вещей служит уменьшение количества труда, необходимого для его производства. Поэтому, рассуждая последовательно, я должен назвать изменение в стоимости хлеба и труда падением их стоимости, а не повышением стоимости вещей, с которыми они сравниваются. Если мне надо нанять рабочего на неделю и я плачу ему вместо 10 шилл. 8, причем в стоимости денег не произошло никакой перемены, то рабочий может, вероятно, получить больше пищи и предметов первой необходимости за 8 шилл., чем раньше получал за 10. Но это произойдет не вследствие повышения действительной стоимости его заработной платы, как утверждал Адам Смит и недавно Мальтус, а вследствие падения стоимости предметов, на которые рабочий расходует свою заработную плату, а это совершенно различные вещи. И однако, когда я называю это падением действительной стоимости заработной платы, мне говорят, что я употребляю новую и необычную терминологию, не соответствующую истинным началам науки. А мне, наоборот, кажется, что именно мои противники употребляют необычную и действительно несостоятельную терминологию.

Предположим, что рабочему платят бушель хлеба за неделю труда, когда цена хлеба составляет 80 шилл. за четверть¹, и бушель с четвертью, когда цена его падает до 40 шилл. Предположим, далее, что рабочий со своей семьей потребляет полбушеля хлеба в неделю, а остальной хлеб обменивает на топливо, мыло, свечи, чай, сахар, соль и пр. Если три четверти бушеля, которые останутся у него в одном случае, не доставят ему столько же названных товаров, сколько в другом случае полбушеля, то повысилась или упала стоимость труда? Повысилась, должен сказать Адам Смит, потому что у него мерой сравнения служит хлеб, а рабочий получает больше хлеба за неделю труда. Упала, должен сказать тот же Адам Смит, «потому что стоимость вещи зависит от покупательной силы, которую дает обладание ею по отношению к другим вещам»*, а покупательная сила труда относительно этих других предметов уменьшилась.

ОТДЕЛ II

Труд различного качества вознаграждается различно. Это обстоятельство не служит причиной изменения относительной стоимости товаров

Но если я говорю, что труд является основой всякой стоимости и что относительное количество его определяет [почти исключи-

¹ 1 четверть = 4 бушелям. — *Ред.*

* [Хотя эта цитата заключена в кавычки, но она верна только по смыслу («Богатство народов», кн. 1, гл. V).]

тельно]* относительную стоимость товаров, то из этого еще не следует, что я упускаю из виду различия в качестве труда и трудность сравнения между часом или днем труда в одной отрасли промышленности с трудом той же продолжительности в другой. Оценка труда различных качеств скоро устанавливается на рынке с достаточной для всех практических целей точностью и в значительной мере зависит от сравнительного искусства рабочего и напряженности выполняемого им труда. Раз сложившаяся шкала подвергается незначительным изменениям. Если день труда рабочего-ювелира стоит больше, чем день труда простого рабочего, то это отношение уже давно установлено и заняло свое надлежащее место в шкале стоимости¹.

Таким образом, при сравнении стоимости одного и того же товара в различные эпохи едва ли надо принимать в расчет сравнительное искусство и напряженность труда, требующиеся при производстве именно этого товара, ибо эти последние одинаково действительны и в ту и в другую эпоху. Определенный вид труда в данную эпоху сравнивается с тем же видом труда в другую; если прибавилась или убавилась одна десятая, одна пятая или одна четверть труда, то это окажет соответствующее действие на относительную стоимость товара.

Если кусок сукна стоит теперь двух кусков полотна, а спустя десять лет обычная стоимость куска сукна будет равна четырем кускам полотна, то мы можем с уверенностью заключить, что либо для изготовления сукна требуется больше труда, либо для изготовления полотна меньше, либо что действовали обе причины.

Так как анализ, на который я хочу обратить внимание читателей, ставит себе целью исследовать влияние изменений не абсолютной, а относительной стоимости товаров, то для нас не представляет интереса сравнительная оценка различных видов человеческого труда. Мы можем с достаточным основанием принять, что каково бы ни было первоначальное неравенство между ними,

* [Слова «почти исключительно» вставлены только в третьем издании.]

¹ «Хотя труд является действительной мерой меновой стоимости всех товаров, но не трудом обычно определяется их стоимость. Часто трудно установить соотношение между двумя различными количествами труда. Это соотношение не всегда определяется одним только временем, затрачиваемым в двух различных родах работы. Нужно принимать в расчет еще и различия в степени трудности работы и проявляемой ловкости. В часе тяжелой работы может заключаться больше труда, чем в двух часах легкой, в часе работы по профессии, которой надо учиться десять лет, больше, чем в месяце простой и не требующей выучки работы. Но найти какую-нибудь точную меру трудности работы или степени проявленной ловкости очень трудно. Правда, при обмене тех или иных произведений различных родов труда друг на друга обыкновенно принимается во внимание степень трудности и ловкости. Но сравнение производится не с помощью какой-либо точной меры, а путем рыночного торга, согласно тому грубому приравнению, которое хотя и не отличается точностью, но достаточно для обычных житейских сделок». «Богатство народов», кн. I, гл. X. [В действительности кн. I, гл. V.]

насколько бы больше ни требовалось ловкости, искусства или времени для овладения одним ремеслом по сравнению с другим, разница будет продолжать существовать почти без перемен из поколения в поколение или по крайней мере что имевшие место изменения весьма незначительны; поэтому для коротких периодов они мало влияют на относительную стоимость товаров.

«Богатство или бедность, прогресс, застой или упадок общества оказывают, как мы уже видели, лишь слабое действие на отношение между различными нормами заработной платы и прибыли в разных областях применения труда и капитала. Хотя такие перевороты в общественном благосостоянии влияют на общие нормы и заработной платы и прибыли, влияние это должно в конечном счете быть одинаковым во всех разнообразных отраслях. Поэтому соотношение между ними должно оставаться прежним и не может значительно измениться в силу какого-либо из таких переворотов, по крайней мере на сколько-нибудь продолжительное время»¹.

ОТДЕЛ III*

На стоимость товаров влияет не только труд, применяемый непосредственно к ним, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду

Даже в том первобытном состоянии общества, на которое указывает Адам Смит, охотнику нужен для его промысла некоторый капитал, хотя возможно созданный и накопленный им же самим.

¹ «Богатство народов», кн. I. гл. X. [Заключительный абзац десятой главы.]

* [Во втором издании первые два отдела первой главы составляют один отдел. Второй отдел—в третьем издании третий—открывается следующим тезисом: *«накопление капитала не вносит никакого различия в принцип, установленный в последнем отделе»*, и начинается следующим вступлением, которое Ринардо в третьем издании выпустил, но которое имелось уже и в первом:

«[Цитата из «Богатства народов», приведенная мною на стр. 2, показывает, что хотя Адам Смит полностью признавал принцип, согласно которому соотношение между количествами труда, необходимого для производства различных предметов, представляет единственное основание, которым можно руководствоваться при обмене одних товаров на другие, однако он ограничивает его применение «первобытным, некультурным состоянием общества, которое предшествовало как накоплению капитала, так и обращению земли в частную собственность». А если бы выплачивались прибыль и рента, то они имели бы известное влияние на относительную стоимость товаров, независимо от одного только количества труда, которое было необходимо для их производства. Несмотря на это, Адам Смит нигде не анализирует влияние накопления капитала и обращения земли в частную собственность на относительную стоимость. Важно поэтому определить, в какой степени действие, неизменно оказываемое на меновую стоимость товаров сравнительным количеством труда, затраченного на их производство, изменяется или модифицируется накоплением капитала и уплатой ренты.

Во-первых, что касается накопления капитала, то даже и т. д., как в тексте.]

Без какого-либо оружия нельзя убить ни бобра, ни оленя, и потому стоимость этих животных регулируется не только временем и трудом, необходимым, чтобы убить их, но и временем и трудом, необходимым для снабжения охотника капиталом—оружием, с помощью которого их убивают.

Предположим, что изготовление оружия, необходимого для охоты на бобра, требует гораздо большей затраты труда, чем производство оружия, необходимого для охоты на оленя, так как близко подойти к первому животному труднее и потому оружие должно быть более метким; тогда один бобр будет, естественно, стоить больше двух оленей, и именно на том основании, что в целом требуется больше труда, чтобы убить его. [Или, предположим, что на изготовление того и другого оружия необходимо было одинаковое количество труда, но долговечность их весьма неодинакова; лишь небольшая доля стоимости долговечного оружия будет переноситься на товар, но гораздо большая сумма стоимости менее долговечного оружия будет воплощаться в товаре, для получения которого оно служило.]*

Все орудия, необходимые для охоты на бобра и оленя, могут принадлежать одному классу людей, а труд, применяющийся при охоте, доставляться другим классом; и все-таки сравнительные цены дичи будут соразмерны труду, действительно затраченному как на образование капитала, так и на охоту. В зависимости от различных условий изобилия или скудости капитала сравнительно с трудом, в зависимости от различных условий изобилия или скудости пищи и предметов необходимости для содержания рабочих те, кто вложил капитал одинаковой стоимости в тот или другой промысел, будут получать половину, четверть или одну восьмую добытого продукта, а остаток будет уплачиваться в виде заработной платы тем, кто доставил труд. Но это разделение не отразится на относительной стоимости этих товаров, потому что, будет ли прибыль на капитал больше или меньше, составит ли она 50, 20 или 10%, будет ли заработная плата рабочих высока или низка, все это окажет одинаковое влияние на оба промысла.

Если мы предположим, что количество отдельных занятий в обществе увеличилось, что одни доставляют лодки и снасти, необходимые для рыбной ловли, другие—семена и грубые орудия, применяющиеся в первобытном земледелии, то все же остается в силе принцип, согласно которому меновая стоимость произведенных товаров пропорциональна труду, затраченному на их производство; не только на непосредственное производство, но и на изготовление орудий и машин, требующихся для того вида труда, при котором они применяются.

Если мы представим себе состояние общества, в котором достигнуты большие успехи, в котором промышленность и торговля

* [Эта вставка сделана в третьем издании]

процветают, то мы попрежнему найдем, что стоимость товаров изменяется согласно тому же принципу: определяя, например, меновую стоимость чулок, мы найдем, что их стоимость сравнительно с другими вещами зависит от всего количества труда, которое необходимо для изготовления их и доставки на рынок. Сюда войдет, во-первых, труд обработки земли, на которой разводят хлопок; во-вторых, труд доставки хлопка в страну, где будут изготовлены из него чулки, сюда же включается также часть труда, затраченного на постройку судна, на котором он перевозится и который оплачивается в фрахте товаров; в-третьих, труд прядильщика и ткача; в-четвертых, часть труда машиностроителя, кузнеца и плотника, которые строили здания и машины, с помощью которых изготавливаются чулки; в-пятых, труд розничного торговца и многих других лиц, которых мы не будем перечислять. Общая сумма этих различных видов труда определяет, на какое количество других предметов будут обменены чулки, а чтобы определить, какое количество каждого из этих предметов будет дано в обмен за чулки, надо опять-таки сосчитать общую сумму различных видов труда, затраченного на них.

Чтобы убедиться, что именно такова действительная основа меновой стоимости, предположим, что сделано какое-нибудь усовершенствование, сокращающее труд в каком-либо из различных процессов, через которые должен пройти хлопок-сырец, прежде чем изготовленные чулки поступят на рынок для обмена на другие предметы, и посмотрим, каковы будут последствия этого. Если для возделывания хлопка-сырца потребовалось теперь меньше рабочих, или меньше матросов было занято перевозкой его, или меньше корабельных плотников работало при сооружении судна, на котором он был доставлен к нам, если меньше рук работало над сооружением зданий и машин или была поднята производительность последних, то стоимость чулок неизбежно упадет, а потому в обмен за них будет получено меньше других предметов. Стоимость их упала, потому что количество труда, необходимое для их производства, уменьшилось. Вследствие этого они будут обмениваться на меньшее количество предметов, в производстве которых не было введено такое сокращение труда.

Экономия в приложениях труда всегда понизит относительную стоимость товара, все равно, касается ли она труда, необходимого для изготовления самого товара, или же для образования капитала, с помощью которого товар производится. Цена чулок упадет во всех случаях оттого ли, что будет занято меньше белильщиков, прядильщиков и ткачей—лиц, непосредственно необходимых для их изготовления, или же матросов, перевозчиков, машиностроителей и кузнецов—лиц, занятых в этом производстве более косвенным образом. В первом случае все сбережение труда придется на чулки, потому что эта доля труда всецело уходила на производство чулок; во втором—только часть придется на чулки,

а остальная часть придется на все другие товары, производству которых служили строения, машины и средства перевозки*.

Предположим, что на ранних ступенях общественного развития как лук и стрелы охотника, так и лодка и орудия рыболова имеют одинаковую стоимость и одинаковую долговечность, будучи продуктами одинакового количества труда. При этих обстоятельствах стоимость оленя—продукта дня труда охотника—будет в точности равна стоимости рыбы—продукта дня труда рыболова. Сравнительная стоимость рыбы и дичи будет всецело регулиро-

* [В первом и втором изданиях имелась следующая вставка:

«1. Во всяком обществе срок жизни капитала, употребляемого в производстве, необходимо ограничен.

2. Пища и одежда, потребляемые рабочим, здание, в котором он работает, орудия, которыми он пользуется при работе, имеют преходящий характер. Есть, однако, огромная разница во времени, в течение которого все эти различные капиталы будут служить: паровая машина служит дольше корабля, корабль—дольше одежды рабочего, а одежда рабочего—дольше потребляемой им пищи.

3. В зависимости от того, быстро ли изнашивается капитал и часто ли требует воспроизведения или же потребляется медленно, он причисляется или к оборотному или к основному капиталу¹. О пивоваре, который пользуется ценными и долговечными зданиями и аппаратами, говорят, что он употребляет значительную долю своего капитала в форме основного; напротив, о сапожнике, капитал которого идет, главным образом, на уплату заработной платы, которая расходуется на пищу и одежду, товары, менее долговечные, чем здания и машины, говорят, что он употребляет значительную часть своего капитала в форме оборотного.

4. Так, в двух отраслях промышленности могут употребляться капиталы одинаковой величины, но эти капиталы различным образом подразделяются на долю основную и оборотную.

5. Далее, два фабриканта могут употреблять основной и оборотный капитал одной и той же величины, но срок жизни их основных капиталов весьма различен. У одного—паровые машины стоимостью в 10 тыс. ф. ст., у другого—корабли той же стоимости.

6. Помимо изменений в относительной стоимости товаров, вызванных тем, что для производства их требуется больше или меньше труда, последняя подвергается также колебаниям вследствие роста заработной платы и последующего за ним падения прибыли, если при этом основные капиталы, занятые в промышленности, представляют неодинаковую стоимость или неодинаково долговечны.

7. Следует также отметить, что оборотный капитал может оборачиваться или возвращаться к своему хозяину в весьма неодинаковые промежутки времени. Пшеница, купленная фермером для посева, есть основной капитал по сравнению с пшеницей, купленной булочником для приготовления из нее хлеба. Один оставляет ее в почве и не может получить обратно раньше года, другой может перемолоть ее в муку, продать в виде хлеба своим покупателям, и уже через неделю его капитал высвободится для возобновления того же самого дела или чтобы начать какое-нибудь новое».

1-й абзац в третьем издании исключен, абзацы 2, 3, 4 и 5-й перенесены в четвертый отдел, 6-й во втором издании перенесен в третий отдел второго же издания и составляет его начало. Он заменен 7-м, который в свою очередь в третьем издании перенесен в четвертый отдел.]

¹ Разделение несущественное, в котором разграничительная линия не может быть точно проведена. [Это примечание сделано только во втором издании].

ваться количеством труда, воплощенного в той и другой, каковы бы ни были размеры продукции или как бы высока или низка ни была в общем заработная плата или прибыль. Если бы, например, лодки и орудия рыболова имели стоимость в 100 ф. ст. и могли служить 10 лет; если бы он занимал 10 рабочих, которым он платил бы в год 100 ф. ст. и которые доставляли бы ему своим трудом 20 лососей в день; если бы орудия, употребляемые охотником, также имели стоимость в 100 ф. ст. и могли служить 10 лет и если бы охотник тоже держал 10 рабочих, которым он платил бы в год 100 ф. ст. и которые добывали бы ему ежедневно 10 оленей,—то, как бы ни была велика или мала доля всего продукта, доставшаяся людям, добывшим его, естественная цена оленя равнялась бы 2 лососям. Какая доля продукта уплачивается в форме заработной платы,—вопрос в высшей степени важный при изучении прибыли. Ибо нужно сейчас же заметить, что последняя будет высока или низка в той же самой пропорции, в какой будет низка или высока заработная плата. Но это обстоятельство несколько не повлияет на относительную стоимость рыбы и дичи, так как заработная плата будет высока или низка в одно и то же время в том и другом промысле. Если бы охотник требовал у рыболова больше рыбы в обмен на свою дичь на том основании, что он платил своим рабочим большую часть дичи или ее стоимости в форме заработной платы, то последний ответил бы ему, что он сам находится в таком же положении. Поэтому, пока труд одного дня доставляет те же самые соответственные количества рыбы и дичи, естественная норма обмена останется без изменения—2 лосося за 1 оленя, как бы при этом ни изменялись заработная плата и прибыль и какое бы действие ни оказывало накопление капитала.

Если бы то же самое количество труда доставляло меньшее количество рыбы или большее количество дичи, то стоимость рыбы повысилась бы сравнительно со стоимостью дичи. Если, напротив, то же количество труда давало бы меньшее количество дичи или большее количество рыбы, то стоимость дичи повысилась бы в сравнении со стоимостью рыбы.

Если бы существовал какой-нибудь другой товар, стоимость которого не изменялась бы, то мы могли бы, сравнив стоимость рыбы и дичи со стоимостью этого товара, определить, в какой степени это изменение должно быть приписано обстоятельствам, повлиявшим на стоимость рыбы, и в какой степени обстоятельствам, повлиявшим на стоимость дичи.

Положим, что таким товаром являются деньги. Если лосось стоит 1 ф. ст., а олень—2 ф. ст., то 1 олень стоит столько, сколько 2 лосося. Но 1 олень может иметь такую же стоимость, как 3 лосося, если потребуются больше труда, чтобы убить оленя, или меньше, чтобы поймать лососей. Обе эти причины могут действовать одновременно. И если бы в нашем распоряжении имелась неизменная

мера, мы легко могли бы определить, в какой степени влияла каждая из этих причин. Если лосось попрежнему продается за 1 ф. ст., а олень теперь продается за 3 ф. ст. то мы можем заключить, что теперь требуется больше труда, чтобы убить оленя. Если бы олень продавался по прежней цене, за 2 ф. ст., а лосось—за 13 шилл. 4 пенса, то мы могли бы сказать с уверенностью, что для поимки лосося требуется меньше труда. А если бы стоимость оленя возросла до 2 ф. ст. 10 шилл. и стоимость лосося упала до 16 шилл. 8 пенс., то мы были бы убеждены, что изменение относительной стоимости этих товаров вызвано действием обеих причин.

Никакое изменение в заработной плате рабочих не вызвало бы какого-либо изменения в относительной стоимости этих товаров. Если мы предположим даже, что заработная плата повысилась*, то все-таки ни в одном из этих промыслов не потребуется большее количество труда, увеличится лишь цена этого труда. Те же основания, которые заставят охотника и рыболова стараться повысить стоимость их дичи и рыбы, заставят и владельца рудника повысить стоимость своего золота. Так как это побуждение действует с одинаковой силой на все эти три промысла и так как

* [Во втором, а также и в первом издании вместо слов «если мы предположим даже, что заработная плата повысилась», следует большой абзац с подробным обоснованием, почему изменение в заработной плате не вызывает изменения в относительной стоимости товаров:

«Ибо если бы прибыль составляла 10%, то, чтобы возместить 100 ф. ст. оборотного капитала плюс 10% прибыли, требуется выручка в 110 ф. ст.; чтобы возместить такую же долю основного капитала, при норме прибыли в 10%, потребовалось бы ежегодное получение 16,27 ф. ст., ибо существующая стоимость аннуитета в 16,27 ф. ст. в течение 10 лет, когда деньги ссужаются из 10%, составляет 100 ф. ст., следовательно, вся дичь охотника должна была бы ежегодно продаваться за 126,27 ф. ст. Но так как капитал рыболова составляет такую же величину и делится в той же самой пропорции на основной и оборотный капитал, а также одинаково долговечен, то, чтобы получить ту же самую прибыль, он должен продавать свои продукты за ту же самую стоимость. Если бы заработная плата возросла на 10% и в силу этого в каждой отрасли промышленности потребовалось бы на 10% больше оборотного капитала, то это оказало бы одинаковое воздействие на оба занятия. В обоих потребовалось бы 210 ф. ст. вместо 200, чтобы произвести прежнее количество товаров, и последние продавались бы за такую же точно сумму денег, именно за 126,27 ф. ст.; следовательно, их относительная стоимость не изменилась бы и прибыли одинаково понизились бы в обеих отраслях промышленности.

Цены товаров не повысились бы, ибо деньги, в которых выражается их стоимость при предположении их неизменной стоимости, всегда требуют того же количества труда для их производства.

Если бы золотой рудник, из которого добываются деньги, находился в той же стране, то в этом случае, после повышения заработной платы, необходимо, может быть, употребить как капитал 210 ф. ст., чтобы получить то же самое количество металла, которое получалось прежде на 200 ф. ст., по той же самой причине, по которой охотник и рыболов потребовали бы прибавки в 10 ф. ст. к своим капиталам и рудокоп потребовал бы равной прибавки к своему».—Дальше, как в тексте.]

относительное положение занимающихся ими как до, так и после повышения заработной платы одинаково, то относительная стоимость дичи, рыбы и золота останется без перемены. Заработная плата может повыситься на 20%, и прибыль вследствие этого может упасть в большей или меньшей пропорции, не вызывая ни малейшего изменения в относительной стоимости этих товаров.

Предположим теперь, что, располагая тем же количеством труда и основного капитала, можно добыть больше рыбы, но не больше золота или дичи; тогда относительная стоимость рыбы упадет сравнительно со стоимостью золота или дичи. Если бы продукт одного дня труда составлял не 20 лососей, а 25, то цена лосося была бы 16 шилл. вместо 1 ф. ст., и в обмен на одного оленя давали бы два с половиной лосося вместо двух, но цена оленя осталась бы попрежнему 2 ф. ст. Точно так же, если при том же количестве капитала и труда получилось бы меньше рыбы, то сравнительная стоимость рыбы повысится. Таким образом, меновая стоимость рыбы повышалась бы или падала только потому, что требовалось бы больше или меньше труда для получения данного количества ее. Но это повышение или падение стоимости рыбы всегда было бы пропорционально увеличению или уменьшению количества требующегося труда.

Итак, если бы мы имели неизменную меру, которой могли бы измерять изменения в стоимости других товаров, то мы нашли бы, что крайний предел повышения стоимости товаров, если они производятся при предположенных нами обстоятельствах, пропорционален добавочному количеству труда, требующемуся для их производства, и что если для производства их не требуется больше труда, то стоимость их не могла бы повыситься ни в какой степени. Рост заработной платы не увеличил бы их стоимость ни относительно денег, ни относительно всех других товаров, для производства которых не требовался добавочный труд, и между основным и оборотным капиталом сохранилось бы то же отношение, причем основной капитал мог бы служить тот же срок. Если бы для производства какого-нибудь другого товара потребовалось больше или меньше труда, то, как мы уже показали, это непосредственно вызвало бы изменение в его относительной стоимости, но такое изменение произошло бы вследствие изменения количества требующегося труда, а не в силу повышения заработной платы*.

* [Во втором издании после слов «а не от повышения заработной платы» имеется следующий абзац, заканчивающий второй отдел:

«Таким образом, из этого отдела явствует, что, несмотря на накопление капитала, относительная стоимость товаров не будет необходимо возрастать вследствие повышения заработной платы, если последнее не сопровождалось возросшей легкостью или трудностью в производстве одного или более из этих товаров». После этого начинается третий отдел.]

ОТДЕЛ IV

Принцип, согласно которому количество труда, затраченного на производство товаров, регулирует их относительную стоимость в значительной степени вследствие применения машин и другого основного и долговечного капитала

В предыдущем отделе мы предполагали, что оборудование и оружие, необходимые для охоты и ловли лососей, одинаково долговечны и являются результатом одинакового количества труда. Мы видели, что изменения в относительной стоимости оленя и лосося зависели исключительно от изменений в количествах труда, необходимого для их добывания, но в каждом состоянии общества инструменты, орудия, здания и машины, употребляющиеся в различных промыслах, могут иметь различную долговечность и требовать различных количеств труда для своего производства. Кроме того, отношение между капиталом, предназначенным для содержания труда, и капиталом, вложенным в инструменты, машины и здания, может быть различным. Различие в степени долговечности основного капитала и в отношениях между двумя формами капитала обуславливает другую причину изменений в относительной стоимости товаров помимо большего или меньшего количества труда, необходимого для их производства. Этой новой причиной служит повышение или падение стоимости труда.

Пища и одежда, потребляемые рабочим, здание, в котором он работает, орудия, которыми он пользуется при работе, имеют преходящий характер. Есть, однако, огромная разница во времени, в течение которого все эти различные капиталы будут служить: паровая машина служит дольше корабля, корабль — дольше одежды рабочего, а одежда — дольше потребляемой им пищи.

В зависимости от того, быстро ли изнашивается капитал и часто ли требует воспроизведения или же потребляется медленно, он причисляется или к оборотному или к основному капиталу¹. О пивоваре, который пользуется ценными и долговечными зданиями и аппаратами, говорят, что он употребляет значительную долю своего капитала в форме основного; напротив, о сапожнике, капитал которого идет главным образом на уплату заработной платы, которая расходуется на пищу и одежду, — товары менее долговечные, чем здания и машины, — говорят, что он употребляет значительную часть своего капитала в форме оборотного.

Следует также отметить, что оборотный капитал может обращаться или возвращаться к своему хозяину в весьма неодинаковые промежутки времени. Пшеница, купленная фермером для посева, есть основной капитал по сравнению с пшеницей, купленной булочником для приготовления из нее хлеба. Один оставляет

¹ Разделение неусущественное, в котором разграничительная линия не может быть точно проведена. [Это примечание появляется только во втором издании.]

ее в почве и не может получить обратно раньше года, другой может перемолоть ее в муку, продать в виде хлеба своим покупателям, и спустя неделю его капитал высвободится для возобновления того же самого дела или чтобы начать какое-нибудь новое.

Так, в двух отраслях промышленности могут употребляться капиталы одинаковой величины, но эти капиталы различным образом подразделяются на основную и оборотную доли.

В одной отрасли очень мало капитала употребляется в качестве оборотного, т. е. на содержание труда: он вложен главным образом в машины, орудия, здания и пр., т. е. в капитал скорее основного и долговечного характера. В другой отрасли промышленности употребляется то же количество капитала, но главным образом на содержание труда, и очень мало его вложено в орудия, машины, здания. Повышение заработной платы рабочих не преминет отразиться неодинаковым образом на товарах, произведенных при столь различных условиях.

Далее, два фабриканта могут употреблять основной и оборотный капитал одной и той же величины, но срок жизни их основных капиталов весьма различен. У одного—паровые машины стоимостью в 10 тыс. ф. ст., у другого—корабли той же стоимости.

Если бы люди не применяли в производстве машин, а только труд, и если бы для доставки ими их товаров на рынок требовались одинаковые промежутки времени, то меновая стоимость их товаров была бы точно пропорциональна количеству затраченного труда.

Если бы они употребляли основной капитал одной и той же стоимости и долговечности, то стоимость произведенных товаров была бы и тогда одинакова, и она изменялась бы в зависимости от большего или меньшего количества труда, затраченного на их производство.

Хотя относительная стоимость товаров, произведенных в одинаковых условиях, изменяется только вследствие увеличения или уменьшения количества труда, необходимого для производства того или другого из них, однако в сравнении с другими товарами, произведенными при иной относительной доле основного капитала, стоимость их будет изменяться также и от другой причины, упомянутой мною выше, а именно, от повышения стоимости труда, хотя бы на производство этих товаров употреблялось и не меньшее количество его. Ячмень и овес при всяком изменении заработной платы будут находиться в одном и том же отношении друг к другу. То же самое произошло бы с ситцем или с сукном, если бы они были произведены при совершенно сходных условиях. И все-таки при повышении или падении заработной платы стоимость ячменя может в большей или меньшей степени измениться в сравнении со стоимостью сукна.

Предположим, что два лица нанимают в течение года по 100 рабочих для сооружения двух машин, а третье лицо—то же количе-

ство рабочих для производства хлеба; каждая из машин будет иметь в конце года одинаковую стоимость с хлебом, потому что произведена одинаковым количеством труда. Предположим далее, что владелец одной машины употребит ее в следующем году для изготовления сукна, имея 100 рабочих, а владелец другой машины — для изготовления ситца тоже при 100 рабочих, фермер же будет попрежнему держать 100 рабочих для производства хлеба. Во второй год все они будут употреблять одинаковое количество труда, но товары и машины как фабриканта сукон, так и фабриканта ситцев будут результатом труда 200 рабочих, занятых в течение года, или, скорее, труда 100 рабочих, работавших 2 года, тогда как хлеб будет произведен трудом 100 чел. в течение одного года. Следовательно, если стоимость хлеба равняется 500 ф. ст., то сукно и машина фабриканта сукон должны представлять стоимость в 1 тыс. ф. ст., а стоимость машины и ситцев хлопчатобумажного фабриканта должна быть тоже вдвое больше стоимости хлеба. Но первая будет превышать стоимость хлеба больше чем вдвое, потому что прибыль на капитал фабрикантов сукон и ситцев за первый год была присоединена к их капиталам, между тем как фермер свою прибыль издержал на личные нужды. Следовательно, ввиду различных сроков жизни их капиталов, или, что одно и то же, ввиду различия во времени, которое должно пройти, прежде чем партия товаров будет доставлена на рынок, стоимость их не будет точно пропорциональна количеству затраченного на них труда. Отношение их стоимостей будет уже не 2 : 1, а несколько больше; это является компенсацией за больший промежуток времени, который должен пройти, прежде чем более дорогой товар может быть доставлен на рынок.

Предположим, что каждый рабочий будет получать за труд 50 ф. ст. в год или что затрачен капитал в 5 тыс. ф. ст. и что прибыль равнялась 10%. Тогда стоимость каждой машины, так же как и хлеба, составит в конце первого года 5 500 ф. ст. Во втором году фабриканты и фермер снова затратят по 5 тыс. ф. ст. на содержание труда и поэтому опять продадут свои товары за 5 500 ф. ст. Но люди, пользующиеся машинами, должны получить, чтобы быть в равных условиях с фермером, не только 5 500 ф. ст. при равных капиталах в 5 тыс. ф. ст., затраченных на труд, но еще и 550 ф. ст. как прибыль на 5 500 ф. ст., которые они вложили в машины. Следовательно, их товары должны быть проданы за 6 050 ф. ст. Здесь, значит, мы имеем перед собою капиталистов, которые применяют ежегодно совершенно одинаковое количество труда в производстве своих товаров, и, однако, стоимость товаров, которые они производят, будет неодинакова ввиду того, что различны количества основного капитала или накопленного труда, соответственно применяемые каждым из них. Сукно и ситец имеют одинаковую стоимость, потому что они — продукты одинаковых количеств труда и одинаковых количеств основного капитала; но хлеб не будет иметь

одинаковую стоимость с этими товарами, потому что, поскольку дело касается основного капитала, он производится при иных условиях.

Но как отразится на их относительной стоимости повышение стоимости труда? Очевидно, что относительная стоимость сукна и ситца не подвергается никаким изменениям, ибо при предположенных нами условиях всякое воздействие на один из этих товаров должно иметь место и по отношению к другому. Не испытывают никакой перемены и относительные стоимости пшеницы и ячменя, потому что, поскольку дело касается основного и оборотного капитала, они производятся при одинаковых условиях; но стоимость хлеба относительно сукна или хлопчатобумажных товаров должна измениться вследствие повышения стоимости труда.

Повышение стоимости труда невозможно без соответствующего падения прибыли. Если хлеб подлежит разделу между фермером и рабочим, то чем больше доля последнего, тем меньше остается первому. Точно так же если сукно или хлопчатобумажные ткани делятся между рабочими и их хозяевами, то чем большая доля дается первым, тем меньше остается последним. Предположим, что благодаря повышению заработной платы прибыли понизятся с 10 до 9%. Тогда вместо прибавки в 550 ф. ст. к общей цене их товаров (5 500 ф. ст.) в качестве прибыли на их основной капитал фабриканты прибавят только 9% этой суммы, или 495 ф. ст., и, следовательно, цена товаров будет 5 995 ф. ст. вместо 6 050. Так как хлеб будет попрежнему продаваться за 5 500 ф. ст., то стоимость промышленных товаров, на которые затрачено больше основного капитала, упадет в сравнении со стоимостью хлеба или каких-либо других товаров, в которые входит меньшая доля основного капитала. Степень изменения относительной стоимости товаров вследствие повышения или падения стоимости труда будет зависеть от того, какую долю всего затраченного капитала составляет основной капитал. Упадет относительная стоимость всех товаров, в производстве которых применяются очень дорогие машины или очень дорогие здания или которые требуют большего промежутка времени, прежде чем они могут поступить на рынок, тогда как относительная стоимость тех товаров, которые производятся главным образом трудом или которые быстро поступают на рынок, повысится.

Читатель должен, однако, заметить, что эта причина изменения стоимости товаров действует сравнительно слабо. При таком повышении заработной платы, которое вызовет падение прибыли на 1%, относительная стоимость товаров, произведенных при предположенных мною условиях, упала бы только на 1%; а при таком падении прибыли стоимость их понизится с 6 050 до 5 995 ф. ст. Наибольшее действие, какое могло бы оказать на относительные цены этих товаров повышение заработной платы, не превысило бы 6—7%, потому что прибыль не выдержала бы, вероятно, ни при

каких обстоятельствах более значительного общего и постоянного понижения.

Иначе обстоит дело с другой важной причиной изменения стоимости товаров, а именно—с увеличением или уменьшением необходимого для производства их количества труда. Если для производства хлеба требуется 80 человек вместо 100, то стоимость хлеба упадет на 20%, или с 5 500 до 4 400 ф. ст. Если для производства сукна достаточно труда 80 рабочих вместо 100, то стоимость сукна упадет с 6 050 до 4 950 ф. ст. Сколько-нибудь значительное изменение в постоянной норме прибыли является следствием причин, действующих только в течение ряда лет, между тем как изменения в количестве труда, необходимого для производства товаров, совершаются повседневно. Каждое улучшение в машинах, в инструментах, в зданиях, в добывании сырого материала сберегает труд и в значительной степени облегчает для нас производство соответствующего товара, вследствие чего изменяется и его стоимость. Итак, хотя при исследовании причин изменения стоимости товаров было бы неправильно совершенно упускать из виду действие повышения или падения стоимости труда, было бы, однако, также неправильно приписывать ему большое значение. Поэтому, хотя в следующих частях этого сочинения мне придется иногда ссылаться на эти причины, я все же буду рассматривать все крупные изменения, происходящие в относительной стоимости товаров, как определяющиеся большим или меньшим количеством труда, которое в разное время могло потребоваться для их производства.

Едва ли нужно оговаривать, что меновая стоимость товаров, на производство которых затрачено одинаковое количество труда, будет неодинакова, если они не могут быть доставлены на рынок в одно и то же время.

Предположим, что я занимаю в производстве товара 20 рабочих с расходом в 1 тыс. ф. ст. в год и по прошествии года занимаю снова 20 чел. с дальнейшим расходом в 1 тыс. ф. ст. для отделки или более совершенной обработки того же товара и что я доставляю его на рынок через 2 года; тогда при норме прибыли в 10% мой товар должен быть продан за 2 310 ф. ст., потому что в первый год я истратил капитал в 1 тыс. ф. ст., а во второй в 2 100 ф. ст. Другой человек использует точно такое же количество труда, но затрачивает его полностью в течение первого года, когда у него работает 40 рабочих с расходом в 2 тыс. ф. ст. В конце первого года он продает товар с прибылью в 10%, или за 2 200 ф. ст. Итак, два товара, на производство которых пошло одинаковое количество труда, продаются один за 2 310 ф. ст., другой—за 2 200.

Этот случай, повидимому, отличается от предыдущего, но в действительности одинаков с ним. В обоих случаях увеличение цены товара вызвано большей продолжительностью времени, которое должно пройти, прежде чем он поступит на рынок. В первом случае

машины и сукно имели стоимость, превышающую более чем вдвое стоимость хлеба, хотя на них ушло вдвое больше труда. Во втором случае один товар имеет большую стоимость, чем другой, хотя на производство его ушло не больше труда. Различие в стоимости в обоих случаях происходит оттого, что прибыль накапливается как капитал и является лишь справедливой компенсацией за время, в течение которого она не могла быть использована.

Итак, разделение капитала на основной и оборотный в различных пропорциях в разных отраслях производства вводит, оказывается, значительное видоизменение в правило, которое имеет всеобщее применение, когда в производстве применяется почти исключительно труд, и которое состоит в том, что стоимость товаров, никогда не изменяется, если на их производство не затрачивается больше или меньше труда. А в этом отделе было показано, что при отсутствии каких-либо изменений в количестве труда одно повышение его стоимости вызовет падение меновой стоимости тех товаров, в производстве которых употребляется основной капитал, и чем большую долю составляет основной капитал, тем больше будет это падение.

ОТДЕЛ V

Принцип, в силу которого стоимость не изменяется вследствие повышения или падения заработной платы, видоизменяется также вследствие неодинаковой долговечности капитала и неодинаковой скорости, с которой он возвращается к предпринимателю

В последнем отделе мы предполагали, что в двух равных капиталах двух разных отраслей промышленности доля основного и доля оборотного капитала не равны, теперь предположим, что они одинаковы, но срок службы их неодинаков. Чем менее долговечен основной капитал, тем более он приближается по своему характеру к оборотному капиталу. Он будет потребляться и его стоимость воспроизводиться в более короткий срок, для того чтобы капитал фабриканта сохранялся. Мы только что видели, что при повышении заработной платы стоимость товаров, произведенных на фабрике, где преобладает основной капитал, будет относительно ниже, чем стоимость товаров, произведенных на фабриках, где преобладает оборотный капитал. Те же причины вызовут те же следствия по мере уменьшения срока службы основного капитала и приближения его к типу оборотного.

Если основной капитал изнашивается быстро, то ежегодно требуется большее количество труда, чтобы сохранить первоначальный уровень его полезного действия, но затраченный таким образом труд может считаться в действительности затраченным на изготовленный товар, на который должна поэтому переходить пропорциональная ему стоимость. Если я имею машину стоимостью в 20 тыс. ф. ст., при которой для производства товаров нужно очень небольшое количество труда, и если изнашивание такой машины

ничтожно и общая норма прибыли равняется 10%, то к цене моих товаров мне надо прибавить немногим больше 2 тыс. ф. ст. за использование моей машины. Но если изнашивание машины велико, если для поддержания ее в соответствующем состоянии требуется труд 50 чел. в течение года, то я должен требовать за свои товары добавочной цены, равной той, какую получил бы всякий другой фабрикант, который занимал бы 50 чел. в производстве других товаров и вовсе не применял машин.

Но повышение заработной платы рабочих неодинаково отразится на товарах, производимых с помощью быстро изнашивающихся машин, и на товарах, производимых с помощью медленно изнашивающихся машин. В производстве первых на производимый товар постоянно переносится значительное количество труда, в производстве других—очень малое количество. Поэтому всякое повышение заработной платы,—или, что одно и то же, всякое падение прибыли,—понижит относительную стоимость товаров, которые производятся с помощью более долговечного капитала, и соответствующим образом повысит стоимость тех, которые производятся с помощью капитала, более быстро изнашивающегося. Падение заработной платы будет иметь в этих двух случаях диаметрально противоположное действие.

Я уже сказал, что основной капитал имеет различные степени долговечности. Предположим теперь, что перед нами машина, которая может применяться в какой-либо особой отрасли промышленности и выполнить работу 100 чел. в год, и что она может продержаться только один год. Предположим также, что эта машина стоит 5 тыс. ф. ст. и что заработная плата 100 рабочих составляет в год 5 тыс. ф. ст. Очевидно, что для фабриканта все равно, купить ли машину или нанять рабочих. Но пусть стоимость труда повысится; тогда годовая заработная плата 100 чел. составит 5 500 ф. ст. Очевидно, что теперь фабриканту нечего колебаться: в его интересах купить машину, которая выполнит ему ту же работу за 5 тыс. ф. ст. Но не повысится ли также и цена машины, не будет ли и она тоже стоить 5 500 ф. ст. вследствие повышения стоимости труда? Ее цена поднялась бы, если бы при ее сооружении не применялось никакого капитала и если бы владелец машиностроительного предприятия не получал никакой прибыли. Если бы, например, машина была продуктом труда 100 чел., работавших над ней год и получавших заработную плату в 50 ф. ст. каждый, и цена ее была, следовательно, 5 тыс. ф. ст., то в случае повышения заработной платы до 55 ф. ст. ее цена была бы 5 500 ф. ст. Но это невозможно: или занято менее 100 рабочих, или машина не может быть продана за 5 тыс. ф. ст., так как из этой суммы должна быть уплачена прибыль на капитал, затраченный на рабочих. Итак, предположим, что было занято только 85 чел. с расходом в 50 ф. ст. на каждого, или 4 250 ф. ст. в год, и что 750 ф. ст., которые доставила продажа машины сверх заработной платы, уплаченной рабочим, составляли

прибыль на капитал владельца машиностроительного предприятия. При повышении заработной платы на 10% он будет вынужден затратить добавочный капитал в 425 ф. ст. и поэтому вместо 4 250 ф. ст. вложить всего 4 675 ф. ст. — капитал, на который он получит только 325 ф. ст. прибыли, если попрежнему продаст свою машину за 5 тыс. ф. ст. Но точно в таком же положении находятся все фабриканты и капиталисты: повышение заработной платы отражается на всех одинаково. Поэтому если бы владелец машиностроительного предприятия поднял цену машины вследствие повышения заработной платы, то капитал стал бы притекать к производству таких машин в необычных размерах¹ до тех пор, пока цены машин не вернули бы прибыль к обычному уровню. Мы видим следовательно, что цены машин не повысятся вследствие повышения заработной платы.

Однако фабрикант, который при общем повышении заработной платы располагает машиной, не увеличивающей издержек производства его товара, был бы в особо выгодном положении, если бы мог брать прежнюю цену за свои товары; но он, как мы уже видели, будет вынужден понизить цену своих товаров, так как в противном случае в его отрасль промышленности будет притекать капитал до тех пор, пока его прибыль не упадет до общего уровня. Таким образом, в выигрыше от введения машин оказывается публика: эти немые агенты всегда являются продуктом гораздо меньшего труда, чем тот, который они вытесняют, хотя бы они имели ту же денежную стоимость. Благодаря их влиянию возрастание цен на средства питания, в свою очередь повышающее заработную плату, отражается на меньшем числе лиц. В вышеприведенном примере оно коснется 85 чел. вместо 100, и экономия, явившаяся результатом этого, скажется в уменьшенной цене изготовленных товаров; действительная стоимость машин и изготовленных с их помощью товаров не только не повысится, но, наоборот, стоимость товаров, изготовленных таким путем, упадет и притом пропорционально долговечности машин.

Мы видим, таким образом, что на ранних ступенях общественного развития, до применения в больших размерах машин или долговечного капитала, товары, произведенные равными капиталами, будут иметь приблизительно равную стоимость, которая повышается или падает по отношению друг к другу только благодаря тому, что на производство их стало нужно больше или меньше

¹ Нам ясно теперь, почему старые страны постоянно побуждаются употреблять машины, а новые — труд. С каждым затруднением в получении продуктов, нужных для пропитания рабочих, стоимость труда необходимо повышается, а с каждым повышением цены труда налицо новое побуждение к применению машин. Эта трудность обеспечить содержание рабочих постоянно проявляется в старых странах, в новых же может иметь место очень большое увеличение населения без малейшего повышения заработной платы. Там бывает так же легко снабдить пищей 7-й, 8-й и 9-й миллион людей, как и 2-й, 3-й и 4-й.

труда. После же введения этих дорогих и долговечных орудий товары, производимые с применением одинаковых капиталов, будут иметь весьма неодинаковую стоимость. Хотя относительная стоимость их всегда будет повышаться или понижаться в зависимости от увеличения или уменьшения количества труда, необходимого для их производства, она, кроме того, будет подвергаться еще другим, хотя и меньшим, изменениям вследствие повышения или падения заработной платы и прибыли. А так как товары, продающиеся за 5 тыс. ф. ст., могут быть продуктом капитала, равного по величине тому, с помощью которого произведены другие товары, продающиеся за 10 тыс. ф. ст., то производство их должно давать одинаковую прибыль; но эти прибыли были бы не равны, если бы цены товаров не изменялись вместе с повышением или падением нормы прибыли.

Таким образом, оказывается, что соразмерно с долговечностью применяемого в какой-либо отрасли производства капитала относительные цены товаров, произведенных с помощью такого долговечного капитала, будут изменяться в обратном отношении к заработной плате: они будут падать с повышением заработной платы и подниматься с падением ее; напротив, товары, которые производятся главным образом трудом с применением меньшего основного капитала или основного капитала менее долговечного характера, чем тот стандартный капитал, с помощью которого определяется цена, будут повышаться в цене вместе с повышением заработной платы и падать с ее падением*.

ОТДЕЛ VI**

О неизменной мере стоимости

Если относительная стоимость товаров меняется, то желательно иметь способ, которым можно определить, для каких из них повысилась и для каких упала их действительная стоимость. Это возможно сделать только путем последовательного сравнения их с какой-нибудь неизменной стандартной мерой стоимости, которая не подвергалась бы сама ни одному из тех колебаний, какие испытывают другие товары. Иметь такую меру невозможно, потому что нет товара, стоимость которого не подвергалась бы тем же изменениям, что и стоимость остальных предметов, которую мы хотим измерить. Другими словами, нет товара, производство которого

* [Вместо последних строк: «напротив, товары... и падать с ее падением» во втором издании сказано: «и что никакие товары не увеличиваются в своей меновой стоимости только потому, что повышается заработная плата; меновая стоимость их увеличивается, если тратится больше труда на их производство. *если понижается заработная плата* или если снижается стоимость стандартной меры, в которой они оцениваются».]

** [Отдел шестой вставлен только в третьем издании.]

не требовало бы то больше, то меньше труда. Но если бы даже эта причина изменения стоимости могла быть устранена для выбранной нами меры, если бы для производства наших денег в различные эпохи требовалось одно и то же количество труда, они все же не были бы безупречным масштабом или неизменной мерой стоимости. Как я уже старался показать, относительная стоимость их подвергалась бы изменениям вследствие повышения или падения заработной платы, если бы доли основного капитала, необходимого для производства денег, а также других товаров, изменение стоимости которых мы желаем определить, были при этом различны. Она подвергалась бы изменениям, кроме того, еще и потому, что долговечность основного капитала, употребляемого на производство денег и других товаров, подлежащих сравнению с ними, очень различна или что время, необходимое для доставки их на рынок, может быть длиннее или короче времени, необходимого для доставки туда товаров, изменение стоимости которых подлежит определению. Все эти обстоятельства мешают какому-либо товару стать совершенно точной мерой стоимости.

Предположим, что мы остановились на золоте, как на такой мере. Очевидно, что оно является таким же товаром, как и другие предметы, производимые при таких же условиях и требующие для своего производства труда и основного капитала. Как и при производстве всяких других товаров, тут тоже возможны улучшения, сберегающие труд добывания золота, а следовательно, и его относительная стоимость может уменьшаться просто вследствие¹ большей легкости его добывания.

Если даже предположить, что эта причина изменений устранена, что для получения одного и того же количества золота всегда требуется одно и то же количество труда, то все же золото не будет совершенной мерой стоимости, с помощью которой мы могли бы точно установить изменение стоимости всех других товаров. И вот почему. Во-первых, отношение между основным и оборотным капиталом в производстве золота и других вещей может быть совершенно различно; во-вторых, основной капитал может иметь в том и в другом случае различную степень долговечности; в-третьих, для доставки золота на рынок может требоваться иное количество времени, чем для доставки других товаров. Золото было бы совершенной мерой стоимости для всех вещей, производимых при точно таких же условиях, как и оно, но не для других. Если бы, например, оно производилось при тех же условиях, какие по нашему предположению необходимы для производства сукна и ситца, оно было бы совершенной мерой стоимости для этих вещей. Но оно не годилось бы для хлеба, каменного угля и других товаров, производимых при участии большей или меньшей доли основного капитала. Мы уже показали, что всякое изменение в постоянной норме прибыли имело бы некоторое влияние на относительную стоимость всех этих товаров независимо

от всякого изменения в количестве труда, затраченного на их производство. Если бы золото производилось при тех же условиях, что и хлеб, то, даже если бы эти условия не изменялись, оно по указанному уже причинам не могло бы служить совершенной мерой стоимости сукна и ситца для разных эпох. Итак, ни золото, ни какой-либо другой товар не могут служить всегда совершенной мерой стоимости для всех вещей; но я уже заметил, что изменение в прибыли оказывает сравнительно слабое действие на относительные цены предметов и что изменение количества труда, необходимого для производства, оказывает на них гораздо более сильное действие. Поэтому, предполагая, что эта важная причина изменений устранена по отношению к производству золота, мы, вероятно, будем иметь в нем наибольшее теоретически мыслимое приближение к стандартной мере стоимости. Разве нельзя смотреть на золото, как на товар, производимый при таком соотношении двух родов капитала, которое всего ближе к среднему соотношению, взятому для производства большинства товаров? Разве мы не можем рассматривать это соотношение, как одинаково далекое от обеих крайностей, когда в одном случае используется мало основного капитала, а в другом употребляется мало труда, и не занимает ли оно среднее место между ними?

Таким образом, предполагая, что я обладаю мерой, настолько приближающейся к неизменной, я буду обладать и преимуществом, состоящим в возможности говорить об изменениях стоимости других вещей, не озабочиваясь каждый раз рассмотрением возможного изменения в стоимости меры, которой определяются цена и стоимость.

Поэтому, хотя я вполне признаю, что золотые деньги подвергаются (в своей стоимости) большинству изменений, которым подвергаются и другие предметы, я все-таки, чтобы облегчить предмет настоящего исследования, буду считать их неизменными (в стоимости). Таким образом, всякие изменения в ценах товаров я буду рассматривать как следствия изменения стоимости того товара, о котором будет идти речь.

Прежде чем расстаться с этой темой, будет уместно заметить, что Адам Смит и все последующие писатели без единого исключения утверждали, что за повышением цены труда последовало бы однообразное повышение цены всех товаров. Надеюсь, мне удалось показать, что этот взгляд совершенно не обоснован. Поднялись бы только цены тех товаров, при производстве которых употребляется меньше основного капитала, чем при производстве товара, служащего мерой, которой определяется цена; цены же тех товаров, на производство которых его идет больше, непременно упали бы при повышении заработной платы. Напротив, если бы заработная плата упала, то упали бы цены только тех товаров, производство которых ведется с меньшей долей основного капитала, чем производство товара, служащего мерой для определения цен,

а цены всех товаров, в производстве которых участвует большая доля основного капитала, непременно поднялись бы.

Считаю также нужным отметить: я не сказал, что раз на один товар пошло труда на 1 тыс. ф. ст., а на другой на 2 тыс. ф. ст., то стоимость первого будет поэтому равна 1 тыс. ф. ст., а стоимость второго—2 тыс. Я сказал только, что их стоимости будут относиться, как 1 : 2, и что в этой пропорции они и будут обмениваться. Моя теория остается одинаково верной, будет ли первый товар продан за 1100 ф. ст., а второй—за 2200 или первый—за 1500, а второй—за 3 тыс. Я в настоящее время не исследую этого вопроса, а утверждаю только, что относительные стоимости их определяются относительными количествами труда, затраченного на их производство¹.

ОТДЕЛ VII

Различные следствия, вызываемые изменением стоимости денег—меры, в которой всегда выражается цена, или изменением стоимости товаров, которые покупаются за деньги

Я уже объяснил, что с целью более отчетливого выяснения причин относительных изменений в стоимости других товаров я буду считать стоимость денег неизменной. Но я считаю все же полезным указать на различные следствия изменения товарных цен, происходящего в силу уже указанных мною причин, а именно вследствие различия в количестве труда, требующегося для производства товаров, и вследствие изменения стоимости самих денег.

Так как деньги—изменяющийся (в стоимости) товар, то повышение денежной заработной платы часто вызывается падением стоимости денег*. Действительно, повышение заработной платы вслед-

¹ Г-н Мальтус замечает по поводу этой теории: «Мы, конечно, можем произвольно называть труд, затраченный на товар, действительной стоимостью его, но, делая так, мы употребляем слова не в том смысле, в каком они обыкновенно употребляются; мы при этом забываем весьма важную разницу между *издержками* и *стоимостью*, а в таком случае почти невозможно сделать иным главное побуждение к производству богатства, которое фактически зависит от этой разницы». [*Principles of Political Economy*, 1820, p. 61.]

Г-н Мальтус думает, повидимому, что согласно моей теории издержки производства какой-либо вещи и стоимость ее тождественны; это так, если он под издержками понимает «издержки производства», включающие прибыль. В вышеприведенном отрывке он имеет в виду не это, следовательно, он не вполне понял меня.

* [Во втором издании этот отдел (пятый) имеет другое начало; Рикардо перенес из четвертого отдела первого издания в пятый отдел второго следующий абзац:

«Вышеприведенное положение, доказывающее совместимость повышения заработной платы с понижением цен, имеет, мне это известно,—невыгоду новизны и должно опираться на собственную состоятельность, чтобы найти защитников; пока же оно имеет своими противниками писателей выдающейся и заслуженной репутации. Следует, однако, всегда помнить, что во всей этой аргументации я исхожу из того, что деньги имеют неизменную стоимость,

ствие этой причины неизменно сопровождается повышением цены товаров; но в таких случаях оказывается, что изменение произошло не в относительной стоимости труда и других товаров, а что изменилась только стоимость денег.

Представляя собой товар, получаемый из-за границы, деньги служат всеобщим средством обмена между всеми цивилизованными странами и распределяются между ними в пропорциях, которые изменяются с каждым усовершенствованием в торговле и машинах, с каждым увеличением трудности добывания пищи и других предметов жизненной необходимости для растущего населения. В силу всех этих причин они подвергаются непрерывным изменениям. Устанавливая принципы, регулирующие меновую стоимость и цены, мы должны тщательно отличать изменения, причины коих лежат в самом товаре, от изменений, вызываемых переменами в самой мере, которой определяется стоимость или выражается цена.

Повышение заработной платы вследствие изменения в стоимости денег оказывает общее воздействие на все цены и по этой причине не оказывает никакого реального действия на прибыль. Напротив, повышение заработной платы в силу того обстоятельства, что рабочий получает более щедрое вознаграждение, или вследствие затруднений в добывании предметов жизненной необходимости, на которые расходуется заработная плата, не влечет за собой, за исключением некоторых случаев, повышения цены, но оказывает большое влияние на понижение прибыли. В одном случае на содержание рабочих не уделяется более значительная доля годового труда страны, во втором—уделяется.

Судить о повышении или падении ренты, прибыли и заработной платы можно лишь в соответствии с разделением всего продукта земли [какой-либо фермы]* между тремя классами—землевладельцев, капиталистов и рабочих, а не в соответствии со стоимостью этого продукта, определяемого в заведомо изменчивой мере.

Не по абсолютному количеству продукта, получаемому каждым классом, можно правильно судить о норме прибыли, ренты и заработной платы, но по количеству труда, требующегося для получения этого продукта. Благодаря улучшению машин и прогрессу в земледелии весь продукт может удвоиться; но если заработная плата, рента и прибыль тоже удвоятся, то соотношение между ними останется без изменения и ни об одной из них нельзя будет сказать, что она относительно изменилась. Но если бы заработная плата не участвовала в полной мере в этом увеличении, если

другими словами, являются всегда продуктами одного и того же количества труда вне зависимости от сторонних воздействий. Так как деньги представляют изменяющийся (в стоимости) товар, то повышение заработной платы, а равно и цены товаров часто вызывается падением стоимости денег». Дальше во всех трех изданиях за незначительными исключениями изложение тождественно.]

* [В первом и во втором изданиях: «продукта земли и труда страны».]

бы она, вместо того чтобы удвоиться, увеличилась бы лишь наполовину, если бы рента, вместо того чтобы удвоиться, возросла бы только на три четверти, а остальное увеличение досталось на долю прибыли, то, мне кажется, я был бы вправе сказать, что рента и заработная плата упали, а прибыль повысилась. Если бы мы имели неизменный масштаб для измерения стоимости этого продукта, мы нашли бы, что классу рабочих и землевладельцев досталась меньшая стоимость, чем прежде, а классу капиталистов большая, чем прежде. Мы могли бы найти, например, что, хотя абсолютное количество товаров удвоилось, они все-таки являются продуктом точно такого же количества труда, как и прежде. Если из каждой сотни произведенных шляп, сюртуков и кварталов хлеба

рабочие получали раньше	25
землевладельцы	25
а капиталисты	50
100	

и если, после того как количество этих товаров удвоилось, из каждой сотни их

рабочие получали бы только	22
землевладельцы	22
а капиталисты	56
100	

то я сказал бы в этом случае, что заработная плата и рента упали, а прибыль повысилась, хотя вследствие обилия товаров количество продуктов, уплачиваемых рабочему и землевладельцу, увеличилось в отношении 25 : 44. Заработную плату следует измерять ее действительной стоимостью, т. е. количеством труда и капитала, употребленным на ее производство, а не номинальной стоимостью ее в сюртуках ли, шляпах, деньгах или хлебе. При обстоятельствах, только что предположенных мною, стоимость товаров упала бы наполовину, а если бы стоимость денег не изменилась, то и цена их тоже упала бы на половину. Если бы оказалось, что заработная плата, выраженная в этой не изменившейся в своей стоимости мере, упала, то это еще не означает действительного падения ее, так как рабочий на теперешний заработок может купить большее количество дешевых товаров, чем на прежний.

Как бы велико ни было изменение в стоимости денег, оно не влияет на *норму* прибыли. Положим, что цена товаров фабриканта поднялась с 1 тыс. до 2 тыс. ф. ст., или на 100%, но его капитал, на который изменения в стоимости денег влияют так же, как и на стоимость продукта, т. е. его машины, здания и склады, тоже поднялся в цене на 100%, тогда норма его прибыли не изменится, и он будет располагать таким же количеством продуктов труда данной страны, но не большим.

Если с помощью капитала данной стоимости фабрикант может путем экономии на труде удвоить количество продуктов и понизить их цены на половину, то отношение между стоимостью капитала и произведенного продукта останется таким же, а следовательно, не изменится и норма прибыли.

Если в то самое время, как он удвоил количество продукта, применяя тот же капитал, стоимость денег в силу какой-либо причины понизится наполовину, то продукт будет продан за вдвое большую денежную стоимость, чем раньше; но капитал, затраченный на его производство, будет также представлять вдвое большую денежную стоимость в сравнении с прежней. Значит, и в этом случае отношение стоимости продукта к стоимости капитала останется тем же, что и прежде. Хотя количество продукта удвоилось, рента, заработная плата и прибыль изменятся лишь постольку, поскольку изменится отношение, в котором этот удвоенный продукт делится между тремя классами, разделу между которыми он подлежит*.

ГЛАВА II

О РЕНТЕ

Остается, однако, рассмотреть, не вызывает ли обращение земли в собственность и следующее за этим создание ренты какого-либо изменения в относительной стоимости товаров независимо от количества труда, необходимого для их производства. Чтобы выяснить эту сторону вопроса, мы должны исследовать природу ренты и законы, регулирующие ее повышение или падение.

Рента—это та доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми

* [В первом издании глава о стоимости заканчивалась следующим образом:

«Таким образом оказывается, что накопление капитала, вместе с которым изменяется отношение между основным и оборотным капиталом, применяющимся в различных отраслях промышленности, а также степень долговечности основного капитала, вводит значительное изменение в правило, которое имеет всеобщее применение на ранних ступенях общественного развития.

Хотя стоимость товаров повышается или падает пропорционально большому или меньшему количеству труда, необходимого для их производства, их относительная стоимость изменяется вследствие повышения или снижения прибыли; одинаковые прибыли могут быть получены с товаров, которые продаются за 2 тыс. ф. ст., и с товаров, которые продаются за 10 тыс. ф. ст., а потому изменения этих прибылей должны влиять на их цены в различных отношениях независимо от увеличения или уменьшения количества труда, требующегося для производства данных товаров.

Оказывается также, что стоимость товаров может понижаться вследствие действительного повышения заработной платы, но никогда не может повыситься в силу этой причины. С другой стороны, она может повышаться вследствие снижения заработной платы, так как данные товары теряют те особые преимущества производства, которые обуславливались высокой заработной платой.]

силами почвы. Ее, однако, часто смешивают с процентом и прибылью на капитал, и в обыденной речи этот термин прилагается ко всем ежегодным платежам фермера землевладельцу. Положим, что из двух смежных ферм одинаковой величины и одинакового естественного плодородия одна располагает всеми полезными хозяйственными строениями и, кроме того, хорошо осушена и удобрена и как следует разделена на участки плетнями, изгородями и стенами, тогда как другая не имеет ни одного из этих преимуществ. Естественно, что за пользование primero будет платиться большее вознаграждение, чем за пользование второю, а между тем в обоих случаях это вознаграждение называется рентой. Очевидно, однако, что только часть денег, ежегодно уплачиваемых за улучшенную ферму, дается за первоначальные и неразрушимые силы почвы, другая же часть платится за пользование капиталом, который был употреблен на улучшение качества почвы и на сооружение зданий, необходимых для хранения продукта и предохранения его от порчи. Адам Смит говорит о ренте иногда в том строгом смысле, какой я хочу придавать ей, но чаще в том смысле, в каком этот термин обычно употребляется в обыденной речи. Он рассказывает нам, что спрос на строевой лес и вследствие этого высокая цена его в более южных странах Европы были причиной того, что в Норвегии стали платить ренту за леса, которые раньше не давали ее*. Не ясно ли, однако, что лицо, платившее так называемую ренту, платило ее за ценный товар, находившийся на данном участке, чтобы посредством продажи строевого леса выручить свои деньги с прибылью? Правда, если бы после того, как лес был вырублен, землевладельцу платилось какое-либо вознаграждение за то, что он использовал землю для разведения леса или какого-либо другого продукта в расчете на будущий спрос, то такое вознаграждение справедливо было бы называть рентой, потому что оно уплачивалось бы за производительные силы земли. Но в том случае, о каком говорит Адам Смит, вознаграждение платилось за право рубки и продажи леса, а не за право разведения его. Он говорит также о ренте, получаемой с каменноугольных копей и с каменоломен**, но к ней приложимо то же замечание, а именно: вознаграждение, даваемое за копи или каменоломни, уплачивается за стоимость каменного угля или камня, которые могут быть извлечены из них, и не стоит ни в какой связи с первоначальными и неразрушимыми силами почвы. Это различие имеет большую важность при исследовании ренты и прибыли. Ибо, как мы после увидим, законы, регулирующие движение ренты, сильно отличаются от законов, регулирующих движение прибыли, и редко действуют в одном и том же направлении. Во всех культурных странах ежегодная плата землевладельцу, которая

* [«Богатство народов», кн. I, гл. XI.]

** [Там же.]

носит смешанный характер ренты и прибыли, остается иногда неподвижной в силу действия противоположных причин, а иногда повышается или понижается в зависимости от преобладания той или другой из них. Вот почему каждый раз, когда я говорю о земельной ренте на следующих страницах этого сочинения, я говорю только о том вознаграждении, которое уплачивается собственнику земли за пользование ее первоначальными и неразрушимыми силами.

При первом заселении страны, где имеется в изобилии богатая и плодородная земля, лишь незначительную долю которой нужно обрабатывать для снабжения пищей наличного населения или же можно на деле обработать при капитале, которым располагает это население, ренты не существует. Ведь никто не станет платить за пользование землей, раз есть налицо масса еще не обращенной в собственность земли, которою поэтому может располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее.

Согласно общим законам предложения и спроса никто не будет платить ренту за такую землю, точно так же как никто не платит ренты за пользование воздухом и водой или каким-либо другим даром природы, существующим в неограниченном количестве. При данном количестве материалов машины выполняют известную работу, используя давление атмосферы и упругость пара, и сокращают таким образом в очень значительной степени человеческий труд. Но никто не взимает платы за пользование этими силами природы, потому что они неистощимы и могут быть использованы всяким. Точно так же пивовар, водочный заводчик, крапильщик постоянно пользуются воздухом и водой при производстве своих товаров; но так как запасы их безграничны, то они и не имеют никакой цены¹. Если бы вся земля имела одинаковые свойства, если бы она имелась в неограниченном количестве и была однородна по качеству, то за пользование ею нельзя было бы брать плату за исключением тех случаев, когда она отличается особенно выгодным положением. Следовательно, рента всегда платится за пользование землей только потому, что количество земли не беспрельдно, а качество ее неодинаково, с ростом же населения обращается под обработку земля низшего качества или расположенная менее удобно. Когда с развитием общества поступает в обработку земля второго разряда по плодородию, на земле

¹ «Земля, как мы видели, не единственный элемент природы, который обладает производительной силой, но она единственный, или почти единственный, естественный элемент, который одна группа людей присваивает себе, отстраняя других, и благодеяния которого она, следовательно, может присваивать. Воды рек и морей, обладающие силой приводить в движение наши машины и наши суда, питать нашу рыбу, тоже имеют производительную силу; ветер, который движет наши мельницы, и даже солнечная теплота работают на нас; но, к счастью, еще никто не мог сказать: «ветер и солнце мои, и за услуги, которые они оказывают, надо платить» (*Economie politique*, par J. B. Say, v. II, p. 124).

первого разряда тотчас возникает рента, и величина этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков.

Когда поступает в обработку земля третьего разряда по качеству, тотчас начинает давать ренту земля второго разряда. Как и раньше, рента регулируется различием в их производительной силе. В то же время поднимается рента с земли первого разряда, потому что она всегда должна быть выше ренты с земли второго разряда на величину разницы в продукте, который они дают при данном количестве капитала и труда. С каждым приростом населения, который заставляет страну прибегать к земле худшего качества, чтобы иметь возможность увеличить свой запас пищи, будет подниматься рента со всех более плодородных земель.

Предположим, что участки № 1, 2 и 3 дают при равных затратах капитала и труда чистый продукт в 100, 90 и 80 кварталов хлеба. В новой стране, где плодородная земля имеется в изобилии сравнительно с населением и где поэтому необходимо возделывать только № 1, весь чистый продукт будет принадлежать земледельцу и составит прибыль на вкладываемый им капитал. Когда население увеличится настолько, что необходимо будет возделывать № 2, с которого, за вычетом содержания рабочих, получается только 90 кварталов, то № 1 начнет давать ренту. Иначе существовали бы две пормы прибыли на сельскохозяйственный капитал или же 10 кварталов (или стоимость 10 кварталов) должны были быть вычтены из продукта № 1 для какой-нибудь иной цели. Возделывал ли землевладелец или же какое-либо другое лицо участок № 1 или нет, эти 10 кварталов все равно составят ренту, потому что тот, кто обрабатывал № 2, получит одинаковый результат от своего капитала, обрабатывая № 1 и платя 10 кварталов ренты или же обрабатывая попрежнему № 2, не платя никакой ренты. Точно таким же образом можно показать, что, когда приступают к обработке № 3, рента с № 2 должна равняться 10 кварталам, или стоимости 10 кварталов, а рента с № 1 поднимется до 20 кварталов, потому что тот, кто обрабатывал № 3, будет иметь одинаковую прибыль, уплачивает ли он 20 кварталов ренты за № 1, 10 кварталов ренты за № 2 или же возделывает № 3, не платя никакой ренты.

Случается часто, — в действительности это обычное явление, — что еще до перехода к обработке № 2, 3, 4 или 5 или худших земель капитал может быть более производительно затрачен на тех участках, которые уже обрабатываются. Может, например, оказаться, что при удвоении первоначального капитала, затраченного на № 1, продукт хотя и не удвоится, не увеличится на 100 кварталов, но все же возрастет на 85 кварталов, это количество будет превышать то, которое было бы получено при приложении такого же капитала к земле № 3.

В подобных случаях капитал будет предпочтительно прилагаться к старой земле и также доставит ренту, потому что рента всегда является разницей в продукте, полученном посредством

приложения двух одинаковых количеств капитала и труда. Если при помощи капитала в 1 тыс. ф. ст. арендатор получает 100 кварталов пшеницы с арендуемой им земли и если, употребив второй капитал в 1 тыс. ф. ст., он получит еще 85, то владелец земли сможет по истечении срока аренды обязать его платить добавочную ренту в 15 кварталов или эквивалент их стоимости, ибо существование двух различных норм прибыли невозможно. Если арендатор помирится с уменьшением на 15 кварталов дохода со своей второй тысячи, то это потому, что для нее нельзя отыскать более прибыльного помещения. Такова была бы общая норма прибыли, и если бы первый арендатор отказался, то нашелся бы кто-нибудь другой, согласный отдать весь излишек прибыли сверх этой нормы владельцу земли, с которой он получит его.

В этом примере, как и в первом, последний приложенный к земле капитал не дает никакой ренты. За большую производительную силу первой тысячи ф. ст. платится 15 кварталов в качестве ренты, за приложение второй тысячи ф. ст. не платится никакой ренты. Если к той же земле будет приложена третья тысяча ф. ст. с выручкой в 75 кварталов, то со второй тысячи ф. ст. будет взиматься рента, равная разности между продуктом второй и третьей тысячи, т. е. 10 кварталам, и в то же самое время рента с первой тысячи ф. ст. поднимется с 15 до 25 кварталов; последняя же тысяча не будет вовсе давать никакой ренты.

Если бы, следовательно, хорошей земли было гораздо больше, чем сколько ее нужно для снабжения пищей растущего населения, или если бы капитал можно было беспредельно прилагать к старой земле без уменьшения выручки, то рента не могла бы повышаться, потому что рента неизменно происходит оттого, что приложение добавочного количества труда дает пропорционально меньший доход.

Наиболее плодородная и наиболее удобно расположенная земля поступит в обработку раньше других, и меновая стоимость ее продукта будет определяться точно так же, как и меновая стоимость всех других товаров, т. е. всем количеством труда, необходимого—в различных его формах от начала до конца процесса производства—для изготовления и доставки продукта на рынок. Когда поступит в обработку земля низшего качества, меновая стоимость сырых произведений повысится, потому что на производство их потребуется больше труда.

Меновая стоимость всех товаров—будут ли то промышленные изделия, или продукты рудников, или земледельческие произведения—никогда не регулируется наименьшим количеством труда, достаточным для их производства при особо благоприятных условиях, составляющих исключительный удел тех, кто пользуется особенными возможностями. Напротив, она регулируется наибольшим количеством труда, по необходимости затрачиваемым на их производство теми, кто не пользуется такими условиями и продолжает производить при самых неблагоприятных условиях, понимая

под последними самые неблагоприятные из тех, при каких необходимо вести производство, чтобы было произведено требуемое количество продукта.

Так, в благотворительных учреждениях, где бедняки работают на средства благотворителей, общие цены произведенных ими товаров определяются не особыми удобствами, предоставленными этим рабочим, а общими обычными и естественными трудностями, с которыми приходится считаться всякому другому фабриканту. Правда, фабрикант, не пользующийся особыми удобствами, может быть совершенно вытеснен с рынка, если количество товаров, доставляемое рабочими, поставленными в благоприятное положение, будет покрывать весь спрос общества. И если он продолжает свой промысел, то только при том условии, что он будет получать от него обычную и общую норму прибыли на капитал, а это возможно только в том случае, когда он выручает за свой товар цену, соразмерную с количеством труда, затраченным на его производство¹.

Правда, на самой лучшей земле тот же продукт будет все еще получаться при прежней затрате труда, но стоимость его повысится вследствие того, что те, кто применяет новый труд и капитал на менее плодородной земле, добывают меньше продукта. Конечно, преимущества более плодородных земель перед менее плодородными не утрачиваются ни в каком случае, а только переходят от возделывателя или потребителя к землевладельцу. Однако, раз для обработки худших земель потребовалось бы больше труда и раз мы можем получить необходимое добавочное количество сырых произведений только с последних участков, сравнительная стоимость этих произведений будет держаться постоянно выше прежнего уровня, и они будут обмениваться на большее количество шляп, платья, обуви и пр. и пр., в производстве которых не требуется такого добавочного количества труда.

¹ Не забыл ли г-н Сей в следующем отрывке, что цена в конце концов регулируется издержками производства? «Продукт труда, приложенного к земле, имеет ту особенность, что не дорожает, становясь более редким, потому что одновременно с уменьшением пищи уменьшается и население, и, следовательно, *спрос* на эти продукты уменьшается вместе с уменьшением предложения. Кроме того, мы не видим, чтобы там, где необработанная земля имеется в изобилии, хлеб был дороже, чем в странах, где возделывается вся земля. В Англии и Франции в средние века земля возделывалась гораздо хуже, чем теперь, и добывалось гораздо меньше сырых произведений; однако, судя по всему, хлеб продавался не дороже сравнительно со стоимостью других вещей. Если продукта добывалось меньше, то и населения было меньше; слабость спроса уравновешивала слабость предложения» (v. II, p. 338). Убежденный, что цена товаров регулируется ценой труда, и справедливо полагая, что всякого рода благотворительные учреждения имеют тенденцию увеличивать население свыше цифры, на какой оно иначе стояло бы, и понижать таким образом заработную плату, г-н Сей говорит: «Я подозреваю, что дешевизна товаров, получаемых из Англии, отчасти обусловлена существованием в этой стране множества благотворительных учреждений» (v. II, p. 277). Для того, кто утверждает, что заработная плата регулирует цену, это—последовательное заключение.

Итак, сравнительная стоимость сырых произведений повышается потому, что на производство последней добытой доли их затрачивается больше труда, а не потому, что землевладельцу уплачивается рента. Стоимость хлеба регулируется количеством труда, затраченного на производство его на земле того качества или с той долей капитала, при которых не платят ренты. Не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог. Справедливо поэтому было замечено, что цена хлеба нисколько не понизилась бы, если бы даже землевладельцы отказались от всей своей ренты. Такая мера только позволила бы некоторым фермерам жить по-барски, но не уменьшила бы количества труда, необходимого для получения сырых произведений с наименее производительной земли, находящейся под обработкой.

Нам часто говорят о преимуществах земли перед всеми другими источниками полезных продуктов ввиду того избытка, который она дает в форме ренты. Но, когда земля имеется в особенном изобилии, когда она наиболее производительна и наиболее плодородна, она не дает вовсе ренты, и только тогда, когда ее производительная сила падает и труд на ней приносит меньше, часть первоначального продукта более плодородных участков обособляется в качестве ренты. Замечательно, что особенным преимуществом земли выставляется как раз то свойство ее, которое должно было бы считаться ее недостатком, сравнительно с естественными факторами, которыми пользуются фабриканты. Если бы воздух, вода, упругость пара и давление атмосферы были неоднородны по своим качествам, если бы они могли быть обращены в собственность и каждый разряд имелся бы только в ограниченном количестве, то и они, подобно земле, давали бы ренту по мере использования низших разрядов. С каждым переходом к низшему разряду стоимость товаров в той отрасли, где он применяется, повышалась бы потому, что то же самое количество труда давало бы менее продукта. Человек трудился бы больше в поте лица своего, природа выполняла бы меньше, и земля не славилась бы больше ограниченностью своей производительной силы.

Если прибавочный продукт, который земля дает в форме ренты, есть преимущество, то желательно, чтобы с каждым годом вновь сооруженные машины были менее производительны, чем старые. Ведь это несомненно сообщило бы большую меновую стоимость товарам, фабрикуемым не только с помощью этих машин, но и всех других машин в стране, и всем владельцам более производительных машин платилась бы рента¹.

¹ «К тому же в земледелии,—говорит Адам Смит,—наряду с человеком работает и природа, и, хотя ее труд и ничего не стоит, продукт ее имеет свою стоимость наравне с продуктом труда самого дорогого рабочего». Труд природы оплачивается не потому, что она делает много, а потому, что она делает мало. Чем дороже становится она на свои дары, тем большую цену требует она за свою работу. Там, где она щедро расточает свои дары, она всегда рабо-

Повышение ренты всегда является результатом роста богатства страны и трудности снабжения пищей ее возросшего населения. Это симптом, но отнюдь не причина богатства, потому что богатство часто возрастает всего быстрее, когда рента остается неподвижной или даже падает. Рента увеличивается всего быстрее, когда уменьшаются производительные силы земли, имеющейся в нашем распоряжении. Богатство всего быстрее возрастает в тех странах, где имеющаяся в нашем распоряжении земля всего пло-

тает даром. «В то время как в мануфактурах рабочие воспроизводят стоимость, равную их собственному потреблению или капиталу, использующему их вместе с прибылью его владельца, рабочий скот в земледелии воспроизводит гораздо большую стоимость. Сверх капитала фермера и всей прибыли на него он регулярно воспроизводит и ренту землевладельца. Эту ренту можно рассматривать как продукт тех сил природы, пользование которыми землевладелец отдает в наем фермеру. Она бывает больше или меньше сообразно с предполагаемым размером этих сил или, другими словами, сообразно с предполагаемым естественным или искусственным плодородием земли. Она—работа природы, которая остается за вычетом или оплатой всего, что можно считать работой человека. Она редко бывает меньше четверти, а часто бывает больше трети всего продукта. Никогда равное количество производительного труда, занятого в мануфактурах, не дает такого большого воспроизводства. *В мануфактурах природа не делает ничего, а человек—все*, а воспроизводство всегда должно быть пропорционально силе обуславливающих его факторов. Капитал, примененный в земледелии, поэтому не только приводит в движение большее количество производительного труда, чем какой-либо равный ему капитал, примененный в мануфактурах, но пропорционально количеству производительного труда, которое он занимает, он прибавляет гораздо большую стоимость к ежегодному продукту земли и труда страны, к *реальному* богатству и доходам ее жителей. Из всех возможных способов приложения капитала это наиболее выгодный для общества» (кн. II, гл. V).

Разве природа не делает ничего для человека в обрабатывающей промышленности? Разве силы ветра и воды, которые приводят в движение наши машины и корабли, равняются нулю? Разве давление атмосферы и упругость пара, которые позволяют нам приводить в движение самые изумительные машины,—не дары природы? Я уже не говорю о действии тепла при размягчении и плавлении металлов, о действии атмосферы в процессах окрашивания и брожения. Нельзя назвать ни одной отрасли промышленности, в которой природа не оказывала бы помощи человеку, и притом помощи щедрой и даровой.

Комментируя приведенный мною отрывок из Адама Смита, г-н Бьюкенен замечает: «Я старался показать в замечаниях о производительном и непроизводительном труде, содержащихся в четвертом томе, что земледелие прибавляет к национальному богатству не больше, чем всякая иная отрасль производства. Настаивая на том, что воспроизведение ренты есть весьма большая выгода для общества, д-р Смит забывает, что рента есть результат высоких цен и что то, что землевладелец получает таким путем, он получает за счет всего общества. Общество ничего не выигрывает от воспроизводства ренты; все дело сводится к тому, что один класс получает выгоды за счет другого. Представление, что земледелие дает продукт и—как его следствие—ренту потому, что в процессе земледелия природа участвует наравне с человеческим трудом,—просто фантазия. Рента берется не из продукта, а является результатом цены, за которую этот продукт продается. А эта цена выручается не потому, что природа помогает производству, а потому, что как раз цена приспособляет потребление к предложению».

дороднее, где ввоз наименее ограничен и где благодаря усовершенствованиям в земледелии количество продуктов может быть умножено без соответствующего увеличения количества труда и где, следовательно, рента растет медленно.

Если бы высокая цена хлеба была следствием, а не причиной ренты, то цена его изменялась бы пропорционально повышению или понижению ренты, и рента была бы составной частью цены. Но так как регулятором цены хлеба является хлеб, производящийся при наибольшей затрате труда, то и рента не входит и не может ни в малейшей степени входить в качестве составной части в его цену¹. Адам Смит безусловно ошибается поэтому, предполагая, что первоначальное правило, регулировавшее меновую стоимость товаров,—а именно, сравнительное количество труда, которым они произведены,—может вообще быть изменено вследствие обращения земли в частную собственность и уплаты ренты. Сырой материал входит в состав большинства товаров, но стоимость его, так же как и стоимость хлеба, регулируется производительностью той доли капитала, которая, будучи приложена к земле последней, не платит никакой ренты. Поэтому рента не есть составная часть цены товаров.

До сих пор мы исследовали влияние естественного развития богатства и населения на ренту в стране, в которой земля имеет различную производительность, и мы видели, что каждый раз, когда становится необходимым прилагать добавочный капитал к земле, дающей меньшее количество продукта, рента повышается. Из тех же самых положений следует, что все те условия жизни общества, которые делают ненужным приложение прежнего количества капитала к земле и которые поэтому делают последнюю приложенную долю его более производительной, будут понижать ренту. Всякое значительное уменьшение капитала страны, которое существенно уменьшило бы фонд, предназначенный для содержания труда, естественно, будет иметь такое действие. Население регулируется фондом, назначенным на доставление ему занятий, и, следовательно, всегда увеличивается или уменьшается с увеличением или уменьшением капитала. Поэтому за всяким уменьшением капитала необходимо следуют уменьшение платежеспособного спроса на хлеб, падение цен и сокращение обрабатываемой площади. Уменьшение капитала будет понижать ренту в порядке, обратном тому, в каком накопление капитала повышает ее. Будут последовательно покидать земли менее производительные, меновая стоимость продукта будет падать, пока под обработкой останется только земля высшего качества, которая тогда уже не будет приносить ренты.

¹ Ясное понимание этого принципа имеет, по моему убеждению, величайшую важность для науки политической экономии. [Это примечание сделано только во втором издании.]

Однако такие же результаты может дать увеличение богатства и населения страны, если оно будет сопровождаться столь значительными усовершенствованиями в земледелии, что необходимость возделывать более плохие земли уменьшится или то же количество капитала будет затрачиваться на возделывание более плодородных участков.

Если на прокормление данного населения нужен миллион кварталов хлеба, который получается с участков № 1, 2 и 3, если в дальнейшем будет введено усовершенствование, благодаря которому он может быть получен с № 1 и 2, не прибегая к № 3, то очевидно, что непосредственным результатом этого должно быть падение ренты, потому что тогда без уплаты ренты будет возделываться № 2 вместо № 3, и рента с № 1, вместо того чтобы равняться разности в продукте № 3 и № 1, будет равняться только разности между продуктами № 2 и № 1. Раз население не увеличилось, то спроса на какое-либо добавочное количество хлеба не может быть; капитал и труд, прежде затрачиваемые на № 3, будут употреблены на производство других товаров, в которых нуждается общество; но это повлекло бы за собой повышение ренты только в том случае, если сырой материал, из которого они делаются, не мог бы быть получен без менее производительного приложения капитала к земле, ибо тогда снова должен обрабатываться № 3.

Несомненно, что падение относительной цены сырья вследствие улучшений в земледелии или, вернее, вследствие того, что меньше труда будет затрачиваться на его производство, приведет естественно к увеличению накопления, так как прибыль на капитал значительно увеличится. Это накопление приведет к увеличению спроса на труд, повышению заработной платы, увеличению населения, дальнейшему спросу на сырье и расширению обрабатываемой площади. Однако рента достигнет своей прежней высоты лишь после увеличения населения, т. е. после того, как пойдет под обработку № 3. До этого пройдет значительный период, связанный с положительным уменьшением ренты.

Но земледельческие улучшения бывают двух родов: одни увеличивают производительные силы земли, другие позволяют нам путем усовершенствования наших машин получать ее произведения с помощью меньшего труда. И те и другие ведут к падению цены сырых продуктов; и те и другие оказывают влияние на ренту, но не в одинаковой степени. Если бы они не вызывали падения цены сырых продуктов, они не были бы улучшениями, потому что существенное свойство улучшения—уменьшать количество труда, требовавшегося прежде для производства товара, а такое уменьшение не может иметь места, не вызывая падения его цены или относительной стоимости.

К улучшениям, увеличивающим производительные силы земли, относятся более рациональный севооборот или лучшее удобрение. Эти улучшения безусловно позволяют нам получать тот же продукт,

с меньшей площади земли. Если, введя в севооборот турнепс, я могу получать помимо хлеба еще и корм для своих овец, то земля, на которой паслись раньше овцы, становится ненужной, и то же самое количество сырого продукта будет получено с меньшей площади земли. Если я открою удобрение, которое позволит мне повысить урожай хлеба на данной площади на 20%, то я могу извлечь по крайней мере ту долю своего капитала, которую я затрачивал на самую непроизводительную часть моей фермы. Но, как я уже заметил раньше, нет необходимости оставлять землю без обработки, чтобы рента понизилась. Для этого достаточно, чтобы из последовательных долей капитала, прилагаемых к одной и той же земле с неодинаковыми результатами, была извлечена обратно та, которая дает наименьший результат. Если, введя в севооборот турнепс или же пользуясь более укрепляющим удобрением, я могу получить тот же продукт, затратив меньший капитал и не нарушая разницы между производительностью последовательных долей капитала, то я понижу ренту, потому что теперь норма, положенная в основу расчета, будет определяться иной, более производительной долей капитала. Если бы, например, последовательные доли капитала давали 100, 90, 80, 70, то, пока я затрачивал бы эти четыре доли, моя рента равнялась бы 60, или сумме разностей между

$$\left. \begin{array}{l} 70 \text{ и } 100 = 30 \\ 70 \text{ и } 90 = 20 \\ 70 \text{ и } 80 = 10 \\ \hline 60 \end{array} \right\} , \text{ а продукт равнялся бы } 340 \quad \left\{ \begin{array}{l} 100 \\ 90 \\ 80 \\ 70 \\ \hline 340 \end{array} \right.$$

Пока я затрачиваю эти доли, рента останется прежней, даже если бы продукт каждой доли дал одинаковое увеличение. Если от 100, 90, 80, 70 продукт возрастет до 125, 115, 105, 95, то рента все же будет равна 60, или сумме разностей между

$$\left. \begin{array}{l} 95 \text{ и } 125 = 30 \\ 95 \text{ и } 115 = 20 \\ 95 \text{ и } 105 = 10 \\ \hline 60 \end{array} \right\} , \text{ а продукт увеличится до } 440 \quad \left\{ \begin{array}{l} 125 \\ 115 \\ 105 \\ 95 \\ \hline 440 \end{array} \right.$$

Но при таком возрастании продукта без возрастания спроса¹ не было бы побуждения прилагать такой большой капитал к земле;

¹ Надеюсь, меня не поймут в том смысле, что я недооцениваю важности всякого рода улучшений в земледелии для землевладельцев,—их непосредственное действие состоит в понижении ренты, но так как они дают большой толчок размножению населения и в то же время позволяют нам возделывать худшие земли с меньшим трудом, то в конце концов они приносят громадные выгоды землевладельцам. Однако должен пройти известный период, в течение которого они приносят им положительный ущерб. [Это примечание сделано только в третьем издании.]

одна доля его была бы извлечена, и, следовательно, последней долей была бы та, которая дает 105, а не 95; тогда рента упала бы до 30, т. е. до суммы разностей между

$$\left. \begin{array}{l} 105 \text{ и } 125 = 20 \\ 105 \text{ и } 115 = 10 \\ \quad \quad \quad 30 \end{array} \right\} \text{, а количество продуктов все же } \left\{ \begin{array}{l} 125 \\ 115 \\ 105 \\ \hline 345 \end{array} \right.$$

было бы достаточно для нужд населения, составляя 345 кварталов, или

в то время как спрос равнялся бы только 340 квартерам. Но есть улучшения, которые могут понизить относительную стоимость продукта, не понижая хлебной ренты, хотя они и понижают денежную земельную ренту. Они не увеличивают производительных сил земли, но позволяют нам получать продукт с помощью меньшего количества труда. Такие улучшения относятся скорее к капиталу, прилагаемому к земле, чем к обработке самой земли. Такой характер носят улучшения в сельскохозяйственных орудиях, как плуг и молотилка, экономия в использовании лошадей в сельском хозяйстве, лучшее знакомство с ветеринарным искусством. К земле благодаря им прилагается меньше капитала, или—что то же—меньше труда, но для получения того же продукта нужно возделывать не меньшее количество земли. Отразятся ли, однако, улучшения этого рода на ренте, выраженной в хлебе, будет зависеть от того, возрастает ли, остается ли без перемены или же уменьшается разница в продукте, получаемом от применения различных долей капитала. Если к земле прилагаются четыре доли капитала—50, 60, 70 и 80, дающие все одинаковые результаты, и если какое-нибудь улучшение в составе такого капитала позволит мне уменьшить каждую из них на 5, так что они будут составлять теперь 45, 55, 65 и 75, то в хлебной ренте не произойдет никакого изменения. Но если улучшения были таковы, что позволили мне сберечь только ту долю капитала, которая прилагается наименее производительно, то хлебная рента непосредственно упадет, потому что уменьшится разница между капиталом наиболее производительным и капиталом наименее производительным, а эта-то разница и составляет ренту.

Я не буду увеличивать числа примеров. Надеюсь, я уже достаточно показал, что все, что уменьшает разницу в продукте, получаемом от последовательных долей капитала, прилагаемых к той же или к новой земле, имеет тенденцию понижать ренту, а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию повышать ее.

Говоря о ренте землевладельца, мы рассматривали ее скорее как долю продукта, полученного с помощью данного капитала на данной ферме, и вовсе не касались ее меновой стоимости; но так как та же причина—трудность производства—повышает и меновую стоимость сырья и долю сырого продукта, уплачиваемую землевладельцу в качестве ренты, то очевидно, что увеличение

трудности производства дает землевладельцу двойную выгоду. Во-первых, он получает более значительную долю и, во-вторых, товар, которым она ему уплачивается, имеет более значительную стоимость¹.

ГЛАВА III

О РЕНТЕ С РУДНИКОВ

Металлы, как и все другие предметы, добываются трудом. Правда, производит их природа, но извлекает их из недр земли и приспособляет к нашим нуждам труд человека.

Рудники, как и земля, обыкновенно дают их владельцу ренту, и эта рента, подобно земельной ренте, есть следствие, а никак не причина, высокой стоимости их продукта.

Если бы имелись в изобилии одинаково богатые рудники, которыми каждый мог бы завладеть, они не могли бы давать никакой ренты; стоимость их продукта зависела бы от количества труда, необходимого для извлечения металла из земли и доставки его на рынок.

Но рудники бывают разного качества, и затрата на их разработку одинаковых количеств труда дает весьма неодинаковые результаты. Металл, добываемый из самого бедного рудника,

¹ Чтобы сделать это очевидным и показать, в какой степени будут изменяться хлебная и денежная рента, предположим, что труд 10 рабочих на земле известного качества дает 180 кварталов пшеницы стоимостью в 4 ф. ст. квартал, или 720 ф. ст., и что труд 10 добавочных рабочих на той же или другой земле произведет только 170 кварталов добавочного продукта. Цена пшеницы поднимется тогда с 4 ф. ст. до 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс., так как $170 : 180 = 4 \text{ ф. ст.} : 4 \text{ ф. ст. 4 шилл. 8 пенс.}$; или, поскольку для производства 170 кварталов в одном случае нужен труд 10 рабочих, а в другом — только 9,44, то повышение произойдет в отношении $9,44 : 10$, или 4 ф. ст. : 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс. Если будет занято еще 10 рабочих и продукт будет равняться

160,	то цена повысится до 4 ф. ст. 10 шилл.
150 »	» » » 4 » » 16 »
140 »	» » » 5 » » 2 » 10 пенс.

Так вот, если не платилось никакой ренты за землю, которая давала 180 кварталов при цене квартала хлеба в 4 ф. ст., то, раз земля дает только 170, в виде ренты будет уплачиваться стоимость 10 кварталов, что при цене квартала в 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс. составит 42 ф. ст. 7 шилл. 6 пенс.

Рента будет равна

20 кварталам, когда их производится 160, что при цене в 4 ф. ст. 10 шилл. 0 пенс. составит 90 ф. ст. 0 шилл. 0 пенс.

30 кварталам, когда их производится 150, что при цене в 4 ф. ст. 16 шилл. 0 пенс. составит 144 ф. ст. 0 шилл. 0 пенс.

40 кварталам, когда их производится 140, что при цене в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс. составит 205 ф. ст. 13 шилл. 4 пенс.

Хлебная рента будет увеличиваться в отношении	{	100	}, а денежная —	{	400
		200			212
		300			340
		400			485

находящегося в разработке, должен по меньшей мере иметь такую меновую стоимость, которая покрыла бы не только все издержки по снабжению платьем, пищей и другими предметами жизненной необходимости всех, занятых его добычиванием и доставкой на рынок, но, кроме того, давала бы обычную установившуюся прибыль тому, кто вкладывает капитал, необходимый для ведения предприятия. Доход, доставляемый беднейшим рудником, не платящим никакой ренты, будет регулировать ренту всех других более производительных рудников. Предполагается, что этот рудник дает обычную прибыль на капитал. Все, что другие рудники дают сверх нее, будет, разумеется, уплачиваться их владельцам в качестве ренты. Так как принцип этот совершенно одинаков с тем, который мы уже установили относительно земли, то нет надобности дальше распространяться о нем.

Достаточно будет заметить, что общее правило, регулирующее стоимость сырья и промышленных товаров, применимо и к металлам; их стоимость зависит не от нормы прибыли, не от нормы заработной платы и не от ренты, уплачиваемой за рудник, а от всего количества труда, необходимого для получения металла и для доставки его на рынок.

Стоимость металлов, как и всякого другого товара, подвержена изменениям. В орудиях и машинах, используемых в горном деле могут быть сделаны усовершенствования, значительно сокращающие труд; могут быть открыты новые и более производительные рудники, из которых при том же количестве труда можно добыть больше металла; может облегчиться также доставка продукта на рынок. В каждом из этих случаев стоимость металлов упадет, и они поэтому будут обмениваться на меньшее количество других предметов. С другой стороны, если возрастает трудность добывания металла,—вследствие ли того, что металл приходится добывать из большей глубины, или необходимости выкачивать из рудников воду, или по какой-либо другой причине,—стоимость его может значительно увеличиться сравнительно со стоимостью других вещей.

Справедливо было поэтому замечено, что, как бы верно ни соответствовала монета данной страны установленному стандарту, стоимость золотых и серебряных денег все же подвержена наравне с другими товарами не только случайным и временным колебаниям, но и постоянным и естественным изменениям.

Открытие Америки с ее многочисленными богатыми рудниками очень сильно повлияло на естественную цену драгоценных металлов. Многие предполагают, что действие его еще и до сих пор не кончилось. Однако влияние, произведенное открытием Америки на стоимость металлов, вероятно, давно прекратилось, и если в последние годы в их стоимости произошло какое-либо падение, то его следует приписать улучшенным способам разработки рудников.

Но действие это, от какой бы причины оно ни происходило, было медленно и постепенно; мы поэтому испытываем очень мало практических неудобств оттого, что общей мерой, в которой исчисляется стоимость всех других вещей, служат золото и серебро. Хотя и они несомненно представляют изменчивую меру стоимости, но нет, вероятно, ни одного товара, подверженного меньшим изменениям. Это и другие преимущества, которыми обладают драгоценные металлы, как-то: их твердость, ковкость, делимость и многие другие, по праву обеспечили за ними повсюду предпочтительное употребление в качестве денежных материалов цивилизованных стран.

Если бы с помощью равных количеств труда, при равных количествах основного капитала, всегда добывались из рудника, не платящего никакой ренты, равные количества золота, оно представляло бы наиболее неизменную меру стоимости, какую мы могли бы иметь по природе вещей*. Правда, количество золота увеличилось бы вместе со спросом, но стоимость его была бы неизменна, и оно превосходнейшим образом служило бы для измерения изменений в стоимости всех других вещей. В предыдущей части этого труда я уже допустил, что золото одарено таким постоянством, и я буду держаться этого предположения и в следующей главе. Итак, говоря об изменении цен, мы всегда будем считать, что изменение происходит в товаре, а не в мере, которой измеряется его стоимость.

ГЛАВА IV

О ЕСТЕСТВЕННОЙ И РЫНОЧНОЙ ЦЕНЕ

Но если мы принимаем труд за основу стоимости товаров, а сравнительное количество труда, необходимого для их производства, за регулятор, определяющий соответственные количества товаров, которые должны обмениваться друг на друга, то из этого еще не следует, что мы отрицаем случайные и временные отклонения действительной или рыночной цены товаров от этой их первичной и естественной цены.

При обычных условиях нет ни одного товара, который в течение сколько-нибудь долгого времени всегда поставлялся бы как раз в том количестве, какого требуют нужды и желания людей.

* [В первом и втором изданиях этот абзац (от «Если бы» до «природы вещей») отсутствует. Вместо него имеется следующий: «Признав все несовершенства, которые свойственны золотым и серебряным деньгам как мере стоимости в зависимости от большего или меньшего количества труда, которое при изменяющихся условиях может быть необходимо для добывания этих металлов, мы считаем себя вправе сделать предположение, что все эти несовершенства были устранены и что одинаковые количества труда могут всегда добыть из рудника, не платившего ренты, одинаковые количества золота. Золото было бы тогда неизменной мерой стоимости».]

Нет поэтому ни одного товара, цена которого не подвергалась бы случайным и временным изменениям.

Только вследствие таких изменений на производство различных товаров, на которые существует спрос, и уделяется ровно столько капитала, сколько требуется, а не больше. С повышением или падением цен прибыль поднимается выше или опускается ниже общего уровня, и прилив и отлив капитала к известной отрасли промышленности, в которой произошло такое изменение, то поощряется, то задерживается.

Если каждый волен употреблять свой капитал, как ему угодно, то он, конечно, будет искать для него наиболее выгодного помещения; он, естественно, будет не удовлетворен прибылью в 10%, если, вложив свой капитал в другое дело, он может получить прибыль в 15%. Это неугомонное стремление всех капиталистов оставлять менее прибыльное дело для более прибыльного создает сильную тенденцию приводить прибыль всех к одной норме или устанавливать между ними такую пропорцию, какая по расчету заинтересованных сторон уравнивает действительные или кажущиеся преимущества одних перед другими. Может быть очень трудно проследить последовательные фазы этого процесса. Для его осуществления, вероятно, вовсе и не требуется, чтобы фабрикант совершенно менял свое дело. Достаточно, чтобы он только уменьшил количество капитала, вложенного в него. Во всех богатых странах есть известное число людей, составляющих так называемый денежный класс. Эти люди сами не связаны с какой-либо отраслью промышленности, но живут на проценты со своих денег, употребляя их на учет векселей или на ссуды их более предприимчивой части общества. Банкиры также употребляют большой капитал на подобного рода операции. Капитал, употребляемый таким образом, составляет оборотный капитал значительного размера, и им пользуются в большей или меньшей пропорции все различные отрасли промышленности страны. Нет, пожалуй, фабриканта, который, как бы богат он ни был, ограничивал бы свое дело теми размерами, какие допускают одни его собственные средства. У него всегда находится некоторая доля этого текущего капитала, которая возрастает или уменьшается в соответствии с интенсивностью спроса на его товары. Когда увеличивается спрос на шелк и уменьшается спрос на сукно, суконщик не переводит своего капитала в шелковую промышленность, а рассчитывает часть своих рабочих и сокращает свой спрос на займы у банкиров и денежных людей. С фабрикантом шелка дело обстоит наоборот: он хочет иметь больше рабочих, и потому его стремление к займам возрастает; он занимает больше, и капитал таким образом перемещается из одной отрасли в другую без необходимости для фабриканта прекращать свое обычное дело. Когда мы посмотрим на рынки большого города, мы увидим, как регулярно снабжаются они отечественными и иностранными товарами в требуемом

количестве при всех условиях меняющегося спроса, зависящего от прихотей вкуса или изменения в величине населения, и как редко происходит переполнение от слишком изобильного предложения или возникает непомерная дороговизна от несоответствия между спросом и предложением, и мы должны будем признать, что принцип, регулирующий распределение капитала между всеми отраслями промышленности в требуемых размерах, проявляет свое действие гораздо сильнее, чем это обыкновенно полагают.

Капиталист, ищущий прибыльного применения для своих средств, естественно, будет принимать в соображение все преимущества одного занятия перед другим. Поэтому он может поступиться частью своей денежной прибыли ради верности помещения, опрятности, легкости или какой-либо другой действительной или воображаемой выгоды, которыми одно занятие отличается от другого.

Если, принимая во внимание все эти обстоятельства, прибыль на капитал установилась так, что в одной отрасли она составляет 20, в другой—25, в третьей—30%, то, вероятно, такая относительная разница между ними, и только эта разница, будет сохраняться все время. Ибо если в силу какой-нибудь причины прибыль в одной из этих отраслей повысилась бы на 10%, то или это увеличение было бы временным и прибыль скоро вернулась бы к своей обычной норме, или же прибыль в прочих отраслях повысилась бы в той же пропорции.

[Настоящее время является, повидимому, одним из исключений по отношению к правильности этого замечания. Окончание войны настолько нарушило прежде существовавшее разделение занятий в Европе, что не каждый еще капиталист отыскал свое место при новом разделении, ставшем теперь необходимым*].

Предположим, что все товары продаются по своей естественной цене и что, следовательно, нормы прибыли на капитал во всех занятиях одинаковы или же разнятся лишь постольку, поскольку разница, по мнению заинтересованных сторон, компенсируется какой-либо действительной или воображаемой выгодой, которой они обладают или от которой отказываются. Предположим теперь, что перемена моды увеличит спрос на шелковые и уменьшит спрос на шерстяные изделия; их естественная цена, количество труда, необходимого для их производства, останутся без изменения, но рыночная цена шелковых изделий поднимется, а шерстяных—упадет. Вследствие этого прибыль фабриканта шелка будет выше, а фабриканта шерсти—ниже общей и сложившейся нормы. Это отразится не только на прибыли, но и на заработной плате рабочих в этих отраслях. Однако этот возросший спрос на шелковые изделия скоро будет покрыт предложением благодаря перемещению капитала и труда из шерстяного производства в шелковое; тогда

* [Эта вставка сделана только в третьем издании.]

рыночные цены шелковых и шерстяных изделий снова приближаются к их естественным ценам, и фабриканты этих товаров будут получать каждый свою обычную прибыль.

Таким образом, стремление каждого капиталиста извлекать свои фонды из менее прибыльного и помещать в более прибыльное дело не позволяет рыночной цене товаров надолго оставаться или много выше или много ниже их естественной цены. Именно конкуренция устанавливает меновую стоимость товаров на таком уровне, при котором после выдачи заработной платы за труд, необходимый для их производства, и покрытия всех прочих расходов, требующихся для того, чтобы применяемый капитал сохранял состояние своей первоначальной пригодности, остаток стоимости или избыток ее будет в каждой отрасли пропорционален стоимости затраченного капитала.

В седьмой главе * «Богатства народов» весь этот вопрос прекрасно исследован. Мы вполне признаем временное влияние, которое случайные причины могут оказывать на цены товаров, а также на заработную плату и прибыль на капитал в отдельных отраслях промышленности. Но так как это влияние не затрагивает общего уровня цен товаров, заработной платы или прибыли и одинаково действует на всех стадиях общественного развития, то мы совершенно не будем принимать его во внимание при изучении законов, управляющих естественными ценами, естественной заработной платой и естественной прибылью,—явлениями, совершенно не зависящими от этих случайных причин. Итак, говоря о меновой стоимости или покупательной силе того или другого товара, я всегда разумею ту покупательную силу, которой он обладал бы, если бы она не нарушалась временными или случайными причинами, и которая представляет его естественную цену.

ГЛАВА V

О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

Как и все другие предметы, которые покупаются и продаются и количество которых может увеличиваться или уменьшаться, труд имеет свою естественную и свою рыночную цену. Естественной ценой труда является та, которая необходима, чтобы рабочие имели возможность существовать и продолжать свой род без увеличения или уменьшения их числа.

Способность рабочего содержать себя и семью так, чтобы число рабочих не уменьшалось, зависит не от количества денег, которое он получает в виде заработной платы, а от количества пищи, предметов жизненной необходимости и комфорта, ставшего для него насущным в силу привычки, которые можно купить за эти

* [«О естественной и рыночной цене товаров», кн. I, гл. VII.]

деньги. Поэтому естественная цена труда зависит от цены пищи, предметов насущной необходимости и удобств, требующихся для содержания рабочего и его семьи. С повышением цены пищи и предметов жизненной необходимости естественная цена труда поднимется, с падением их цены—упадет.

С прогрессом общества естественная цена труда всегда имеет тенденцию повышаться, потому что один из главных товаров, которым регулируется его естественная цена, имеет тенденцию становиться дороже, в зависимости от возрастающей трудности его производства. Однако, поскольку усовершенствования в земледелии и открытие новых рынков, откуда можно получать жизненные припасы, могут временно ослаблять тенденцию к повышению цены предметов насущной необходимости и даже вызвать падение их естественной цены, эти же самые причины будут оказывать соответствующее действие и на естественную цену труда.

Естественная цена всех товаров, кроме сырья и труда, имеет тенденцию падать с прогрессом богатства и населения. Ибо, хотя, с одной стороны, их действительная стоимость повышается вследствие повышения естественной цены сырого материала, из которого они сделаны, с другой, это повышение более чем уравновешивается усовершенствованиями в машинах, лучшим разделением и распределением труда и мастерством производителей, растущим вместе с прогрессом науки и техники.

Рыночная цена труда есть та цена, которая действительно платится за него в силу естественного действия отношения между предложением и спросом: труд дорог, когда он редок, и дешев, когда имеется в изобилии. Но как бы рыночная цена труда ни отклонялась от естественной цены его, она, подобно цене товаров, имеет тенденцию сообразоваться с нею.

Когда рыночная цена труда превышает его естественную цену, рабочий достигает цветущего и счастливого положения, он располагает большим количеством предметов необходимости и житейского удобства и может поэтому вскормить здоровое и многочисленное потомство. Но когда вследствие поощрения к размножению, которое дает высокая заработная плата, число рабочих возрастает, заработная плата опять падает до своей естественной цены. Она может даже иногда, в силу реакции, упасть ниже последней.

Когда рыночная цена труда ниже его естественной цены, положение рабочих в высшей степени печально: бедность лишает их тогда тех предметов комфорта, которые привычка делает абсолютно необходимыми. Лишь после того как лишения сократят их число или спрос на труд увеличится, рыночная цена труда поднимается до его естественной цены, и рабочий будет пользоваться умеренным комфортом, который доставляет ему естественная норма заработной платы.

Несмотря на тенденцию заработной платы сообразоваться с ее естественной нормой, рыночная норма заработной платы может

быть в прогрессирующем обществе выше естественной в течение неопределенного периода: едва только скажется действие импульса, который увеличение капитала дает новому спросу на труд, дальнейшее увеличение капитала может произвести такое же действие. Таким образом, если капитал будет постепенно и постоянно расти, то спрос на труд может давать непрерывный стимул к росту населения.

Капитал есть та часть богатства страны, которая употребляется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырых материалов, машин и пр., необходимых, чтобы привести в движение труд.

Количество капитала может возрастать одновременно с повышением его стоимости. Может увеличиться количество пищи и одежды в стране, в то самое время как для производства добавочного количества их требуется больше труда, чем прежде; в таком случае увеличится не только количество капитала, но и его стоимость.

Или же количество капитала может увеличиться, а стоимость его остается без изменения или даже фактически уменьшается; может даже увеличиться количество пищи и одежды в стране, но благодаря машинам это добавочное количество может быть получено без всякого увеличения и даже при абсолютном уменьшении соответственного количества труда, необходимого для его производства. Количество капитала может возрасти, и в то же время стоимость его в целом или отдельных его частей не станет большей, чем прежде [или даже фактически уменьшится]*.

В первом случае естественная цена [труда]**, которая всегда зависит от цены пищи, одежды и других предметов насущной необходимости, повысится, во втором—она или останется без перемены или упадет, но в обоих случаях рыночная норма заработной платы повысится, потому что пропорционально возрастанью капитала возрастет и спрос на труд. Пропорционально работе, которую надо выполнить, будет расти и спрос на тех, кто должен выполнять ее.

Сверх того в обоих случаях рыночная цена труда поднимется выше его естественной цены, и в обоих случаях она будет иметь тенденцию сообразоваться с его естественной ценой, но в особенности быстро это приспособление совершится в первом случае. Положение рабочего улучшится, но не намного, потому что возросшая цена пищи и предметов жизненной необходимости поглотит значительную долю его возросшей заработной платы. Поэтому небольшое предложение труда или незначительное увеличение населения скоро сведет рыночную цену труда к его естественной цене, которая в этом случае возрастает.

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

** [В первом издании «заработной платы».]

Во втором случае положение рабочего улучшится весьма значительно; он будет получать увеличенную денежную плату, не будучи вынужден платить повышенную цену за товары, которые потребляют он и его семья, а, пожалуй, будет даже платить за них меньшую цену. И только после того, как население значительно увеличится, рыночная цена [труда]* опять будет сведена к [его]** естественной низкой цене, которая в этом случае уменьшается.

Таким образом с поступательным движением общества, с каждым возрастанием его капитала рыночная заработная плата будет повышаться, но длительность этого повышения будет зависеть от того, повысилась ли также и естественная цена [труда]***. А это опять-таки будет зависеть от повышения естественной цены тех предметов жизненной необходимости, на которые расходуется заработная плата труда.

Не следует думать, что естественная цена [труда]****, даже поскольку она измеряется в пище и предметах насущной необходимости, абсолютно неподвижна и постоянна. Она изменяется в разные времена в одной и той же стране и очень существенно различается в разных странах¹. Она зависит главным образом от нравов и обычаев народа. Английский рабочий считал бы, что его заработная плата стоит ниже ее естественной нормы и слишком скудна для содержания семьи, если она не позволяет ему покупать иной пищи, кроме картофеля, и жить в лучшем жилище, чем мазанка, но эти скромные естественные потребности часто считаются достаточными в странах, где «жизнь человека дешева» и его нужды легко удовлетворяются. Многие из удобств, которые теперь имеются в английском коттедже, считались бы роскошью в более ранний период нашей истории.

Вместе с развитием общества цена промышленных товаров постоянно падает, а сырого продукта—постоянно повышается; в конце концов создается такое несоответствие между относительной стоимостью этих товаров, что в богатых странах рабочий,

* [В первом издании—«заработной платы».]

** [В первом издании—«их».]

*** [В первом издании—«заработной платы».]

**** [То же].

¹ «Жилище и одежда, необходимые в одной стране, могут быть вовсе ненужны в другой. В Индостане рабочий может постоянно работать и сохранять всю свою работоспособность, получая в качестве естественной заработной платы такие жилища и одежду, каких в России было бы недостаточно для предохранения рабочего от гибели. Даже в странах, расположенных в одном и том же климате, различия в образе жизни часто вызывают различия в естественной цене труда, столь же значительные, как и различия, вызванные естественными причинами» («An Essay on the External Corn Trade» by R. Torrens, Esq., p. 68) (Торренс Р., Опыты о внешней торговле хлебом, стр. 68). Вся проблема весьма умело освещена полковником Торренсом. [Это примечание только во втором и третьем изданиях.]

пожертвовав лишь небольшим количеством своей пищи, может с избытком покрыть все свои прочие нужды.

Независимо от изменений в стоимости денег, которые необходимо отражаются на [денежной]* заработной плате, но на действие которых мы до сих пор не обращали внимания, так как принимали, что деньги постоянно имеют одинаковую стоимость, заработная плата, [повидимому]**, подвержена повышению или падению в силу двух причин:

1) предложения и спроса на рабочие руки;

2) цены товаров, на которые расходуется заработная плата.

На разных стадиях общественного развития накопление капитала или средств применения труда идет с большей или меньшей быстротой и должно во всех случаях зависеть от производительных сил труда. Производительные силы труда, как правило, выше всего тогда, когда имеется в изобилии плодородная земля: в такие периоды накопление часто идет так быстро, что рост предложения рабочих отстает от роста предложения капитала.

Было вычислено, что при благоприятных условиях население может удвоиться в 25 лет, но при таких же благоприятных условиях весь капитал страны может, пожалуй, удвоиться в более короткий период. В таком случае заработная плата в течение всего этого периода будет иметь тенденцию повышаться, потому что спрос на труд будет возрастать еще быстрее, чем предложение.

В новых поселениях, в которых вводятся ремесла и знания более цивилизованных стран, капитал, вероятно, имеет тенденцию возрастать быстрее, чем размножаются люди. И если недобор рабочих не будет покрыт приливом их из более населенных стран, то эта тенденция будет сильно повышать цену труда. По мере того как такие страны заселяются и поступает в обработку земля худшего качества, тенденция капитала к возрастанию уменьшается; это объясняется тем, что избыточный продукт, остающийся после покрытия нужд существующего населения, должен быть по необходимости пропорционален легкости производства, т. е. меньшему числу лиц, занятых в производстве. Следовательно, хотя при самых благоприятных обстоятельствах возможность роста производительных сил, вероятно, превосходит способность населения к размножению, долго такое состояние продолжаться не может, потому что при ограниченности количества земли и неодинаковом качестве производительности ее с каждым новым увеличением капитала, прилагаемого к ней, будет понижаться, тогда как способность населения к размножению продолжает оставаться прежней.

В тех странах, где плодородная земля имеется в изобилии, но где

* [Вставка в третьем издании.]

** [Вставка во втором и третьем изданиях.]

в силу невежества, беспечности и варварства население подвергается всем бедствиям нужды и голода, где, как говорится, население давит на средства существования, нужны совсем другие средства исцеления, чем в давно заселенных странах, которые испытывают все бедствия перенаселения вследствие уменьшения нормы предложения сырых продуктов. [В одном случае зло происходит от дурного управления, от неуверенности в положении собственности и от недостатка образования во всех слоях народа. Чтобы последний стал счастливее, надо только улучшить систему управления и обучения, и тогда капитал неизбежно будет увеличиваться быстрее, чем население. Никакое увеличение населения не может быть слишком большим, так как производительные силы увеличиваются еще больше. В другом случае население растет быстрее средств, требующихся для его содержания. Всякое напряжения трудолюбия, поскольку оно не сопровождается уменьшением нормы прироста населения, только увеличит зло, ибо производство не может поспевать за населением.

Когда население давит на средства существования, единственными средствами исцеления являются или уменьшение населения или более быстрое накопление капитала. В богатых странах, где вся плодородная земля уже поступила в обработку, последнее средство и не очень практично, и не весьма желательно, потому что результатом его при слишком усердном применении будет одинаковое обнищание всех классов. Но в бедных странах, где средства производства имеются в изобилии, потому что еще не вся плодородная земля возделывается, это—единственно верное и действительное средство для искоренения зла, тем более что результатом его явится улучшение положения всех классов населения.

Друзья человечества могут только желать, чтобы во всех странах рабочие классы развивали в себе потребность в комфорте и развлечениях и чтобы усилия добиться их были поощряемы всеми законными средствами. Нет лучшей гарантии против перенаселения].* В тех странах, где рабочие классы имеют самые малые

* [В первом издании Рикардо стоял на несколько иной точке зрения. Вместо строк «В одном случае зло происходит» до «Нет лучшей гарантии против перенаселения» Рикардо писал: «*Нищета происходит от лени народа.* Чтобы последний стал счастливее, он нуждается только в стимуле к трудолюбию. При таком трудолюбии никакое увеличение населения не может быть слишком большим, так как производительные силы увеличиваются еще больше. В другом случае население растет быстрее средств, требующихся для его содержания. Всякое напряжение трудолюбия, поскольку оно не сопровождается уменьшением нормы прироста населения, только увеличит зло, ибо производство не может поспевать за населением. В некоторых странах Европы и во многих странах Азии, а также на южноокеанских островах народ бедствует от плохого управления или от привычки к беспечности, заставляющих его предпочитать имеющиеся удобства и бездеятельность, хотя и без гарантии против нужды, умеренному трудолюбию с изобилием

нужды и довольствуются самой дешевой пищей, население подвержено величайшим превратностям и нищете. Ему негде укрыться от беды; оно не может искать убежища в более низком состоянии, ибо его состояние уже настолько низко, что ниже оно опуститься не может. При всяком недостатке в главном средстве его пропитания население может прибегнуть лишь к очень немногим суррогатам, и дороговизна сопровождается для него почти всеми бедствиями голода.

При естественном поступательном движении общества заработная плата труда имеет тенденцию к падению, поскольку она регулируется предложением и спросом, потому что приток рабочих будет постоянно возрастать в одной и той же степени, тогда как спрос на них будет увеличиваться медленнее. Если, например, заработная плата регулируется ежегодным возрастанием капитала, составляющим 2%, то она упадет, когда процент его накопления будет составлять только $1\frac{1}{2}$ %. Она упадет еще ниже, когда капитал будет увеличиваться только на 1 или на $\frac{1}{2}$ %. Так будет продолжаться до тех пор, пока капитал, а вместе с ним и заработная плата не сделаются стационарными, причем заработная плата будет достаточна только для сохранения численности существующего населения. Я утверждаю, что при таких обстоятельствах заработная плата, поскольку она регулировалась бы исключительно предложением и спросом рабочих, будет падать, но мы не должны забывать, что заработная плата регулируется также ценами товаров, на которые она расходуется.

С ростом населения цены на предметы насущной необходимости будут постоянно повышаться, потому что для их производства будет требоваться больше труда. Если бы, значит, денежная заработная плата труда падала и в то же время каждый товар, на кото-

лици и предметов жизненной необходимости. Уменьшая население этих стран, мы им не окажем никакой помощи, ибо производство будет уменьшаться в такой же, если еще не в большей пропорции. Средство против зла, от которого страдают Польша и Ирландия, так же как и средство против зла, испытываемого на южноокеанских островах, заключается в том, чтобы стимулировать трудолюбие, создать новые потребности и развить новые вкусы; ибо эти страны должны накоплять гораздо большее количество капитала до тех пор, пока уменьшенная норма производства сделает рост капитала необходимо менее быстрым, чем рост населения. Легкость, с которой удовлетворяются нужды ирландцев, позволяет этому народу проводить большую часть своего времени в лени; если бы население уменьшилось, это зло возросло бы, потому что повысилась бы заработная плата, и вследствие этого рабочий имел бы возможность получить в обмен на еще меньшую часть своего труда все, что требуется для удовлетворения его умеренных потребностей.

Создайте у ирландского рабочего вкус к комфорту и удовольствиям, которые привычка сделала существенно необходимыми для английского рабочего, и он будет тогда согласен посвятить еще какую-то часть своего времени производству, чтобы иметь возможность получить их. Тогда будут добываться не только все добываемые теперь средства пропитания, но и большая добавочная стоимость при производстве тех товаров, на которое может быть направлен незанятый теперь труд страны».]

рый она расходуется, становился дороже, рабочий страдал бы вдвойне и скоро совершенно лишился бы возможности существовать. На деле денежная заработная плата труда будет не падать, а повышаться, но не в достаточной мере для того, чтобы рабочий имел возможность покупать столь же много предметов комфорта и необходимости, сколько он покупал до повышения цены этих товаров. Если раньше его заработная плата оставляла 24 ф. ст. в год, или 6 кварталов хлеба, при цене квартера в 4 ф. ст., то он, вероятно, будет получать только стоимость 5 кварталов, когда цена хлеба поднимется до 5 ф. ст. за квартал. Но 5 кварталов будут стоить 25 ф. ст.; следовательно, он получит прибавку к своей денежной заработной плате, хотя и при этой прибавке он не сможет иметь столько же хлеба и других товаров, сколько он и его семья потребляли прежде.

Таким образом, несмотря на то, что рабочий будет в действительности оплачиваться хуже, возрастание его заработной платы необходимо уменьшит прибыль фабриканта, ибо товары его будут продаваться не по более высокой цене, тогда как издержки производства их увеличатся. Но это явление мы рассмотрим после, при исследовании законов, регулирующих прибыль.

Итак, оказывается, что та же причина, которая повышает ренту, а именно, возрастающая трудность получения добавочного количества пищи с помощью пропорционального добавочного количества труда, будет повышать и заработную плату. А потому, если стоимость денег останется без изменения, как рента, так и заработная плата будут иметь тенденцию расти вместе с ростом богатства и населения.

Но между ростом ренты и ростом заработной платы имеется существенная разница. Повышение денежной стоимости ренты сопровождается увеличением ее доли в продукте; не только денежная рента землевладельца становится больше, но и его хлебная рента; он получает больше хлеба, и каждая определенная мера этого хлеба будет обмениваться на большее количество всех других товаров, стоимость которых не повысилась. Судьба рабочего будет менее счастливой; правда, он будет получать большую денежную заработную плату, но его хлебная заработная плата сократится. И он не только будет распоряжаться теперь меньшим количеством хлеба. Ухудшится также и его общее положение, потому что ему труднее будет поддерживать рыночную норму заработной платы выше ее естественной нормы. Когда цена хлеба повысится на 10%, заработная плата всегда повысится менее чем на 10%, рента же всегда повысится в большем отношении; положение рабочего будет вообще ухудшаться, а землевладельца—становиться все лучше и лучше.

Предположим, что заработная плата рабочего составляла 24 ф. ст. в год при цене квартера пшеницы в 4 ф. ст., или равнялась по стоимости 6 квартерам пшеницы, и предположим, что

половину своей заработной платы он расходовал на пшеницу, а другую половину, или 12 ф. ст., на прочие вещи.

Он получал бы:

24 ф. ст. 14 шилл.	} когда пшеница стоила	{ 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс.	} или стои- мость	{ 5,83 кварт.
25 » » 10 »		{ 4 » » 10 » 8 »		{ 5,66 »
27 » » 8 »		{ 4 » » 16 » 8 »		{ 5,50 »
26 » » 8 » 6 пенс.		{ 5 » » 2 » 10 »		{ 5,33 »

Получая такую заработную плату, рабочий имел бы возможность жить так же хорошо, как и прежде, но не лучше. Потому что, когда хлеб стоил 4 ф. ст. за квартал, он тратил бы:

На 3 квартера хлеба по 4 ф. ст. квартал	12 ф. ст.
И на другие вещи	12 » »
	24 ф. ст.

Когда пшеница стоила 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс., 3 квартера, которые потребляли он и его семья, стоили бы ему	12 ф. ст. 14 шилл.
А прочие вещи, цены которых не изменились	12 » »
	24 ф. ст. 14 шилл.

При цене в 4 ф. ст. 10 шилл. 3 квартера пшеницы стоили бы	13 ф. ст. 10 шилл.
А прочие вещи	12 » »
	25 ф. ст. 10 шилл.

При цене в 4 ф. ст. 16 шилл. 3 квартера пшеницы стоили бы	14 ф. ст. 8 шилл.
А прочие вещи	12 » »
	26 ф. ст. 8 шилл.

При цене в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс. 3 квар- тера пшеницы стоили бы	15 ф. ст. 8 шилл. 6 пенс.
А прочие вещи	12 » »
	27 ф. ст. 8 шилл. 6 пенс.

Пропорционально вздорожанию хлеба рабочий получал бы меньшую хлебную заработную плату; денежная же заработная плата его все время возрастала бы, тогда как его житейские удобства оставались бы, согласно сделанному выше предположению, точно такими же. Но так как цены других товаров повышаются пропорционально количеству входящего в них сырого продукта, то за некоторые из них он должен был бы платить больше. Хотя его чай, сахар, мыло, свечи и квартирная плата, вероятно, будут не дороже, ему придется платить больше за ветчину, сыр, масло, белье, обувь и платье. Поэтому даже при принятом выше увеличении заработной платы его положение сравнительно ухудшится. Но могут сказать, что, рассматривая влияние заработной платы

на цены, я предполагал, что золото или металл, из которого изготовляются деньги, есть продукт страны, в которой заработная плата изменялась, и что положения, которые я установил, мало согласуются с действительным положением вещей, поскольку золото—металл, добываемый за границей. Однако то обстоятельство, что золото—иностраный продукт, не ослабляет силы аргументации: можно показать, что добывается ли золото в своей стране или же ввозится из-за границы,—результаты в конечном счете и даже непосредственно будут одни и те же.

Когда заработная плата повышается, это происходит вообще потому, что увеличение богатства и капитала вызывает новый спрос на труд, который будет неминуемо сопровождаться увеличением производства товаров. Для обращения этих добавочных товаров, хотя бы по тем же ценам, что и раньше, потребуется больше денег, большее количество того иностранного товара, из которого делаются деньги и который может быть получен только путем ввоза. Всякий раз, как товар требуется в большем количестве, чем прежде, его относительная стоимость повышается в сравнении со стоимостью тех товаров, за которые он покупается. Если бы потребовалось больше шляп, их цена повысилась бы, и за них давали бы больше золота. Если бы понадобилось больше золота, то повысилась бы его цена, а цена шляп упала бы, так как для покупки прежнего количества золота теперь было бы необходимо большее количество шляп и всех других вещей. Но сказать в данном случае, что цены товаров повысились, потому что повысилась заработная плата, значит допускать явное противоречие: сначала мы говорим, что вследствие спроса поднимается относительная стоимость золота, а затем что его относительная стоимость падает, потому что цены поднимаются,—две вещи, совершенно несовместимые друг с другом. Сказать, что повысились цены товаров,—то же самое, что сказать, что понизилась относительная стоимость денег, потому что относительная стоимость золота вычисляется в товарах. Значит, если повысились цены всех товаров, то золото не притекало бы из-за границы для покупки этих дорогих товаров. Оно, наоборот, уходило бы из страны и употреблялось бы с выгодой для покупки сравнительно более дешевых иностранных товаров. Таким образом видно, что повышение заработной платы не поднимет товарных цен, все равно, производится ли металл, из которого делаются деньги, дома или за границей. Цены всех товаров не могут подняться в одно и то же время без добавочного количества денег. Это последнее не может быть ни получено в своей стране, как мы уже показали, ни ввезено из-за границы. Для покупки какого-либо добавочного количества золота за границей наши товары должны быть дешевы, а не дороги. Ввоз золота и повышение цен всех отечественных товаров, на которые покупается золото,—абсолютно несовместимые вещи. Широкое употребление бумажных денег

не изменяет дела, потому что бумажные деньги соответствуют или должны соответствовать стоимости золота, и потому на их стоимость влияют только те причины, которые влияют и на стоимость этого металла.

Таковы, следовательно, законы, которые регулируют заработную плату и управляют благосостоянием наиболее значительной части всякого общества. Так же как и при всяких других соглашениях, размеры заработной платы должны быть предоставлены частной и свободной рыночной конкуренции и никогда не должны контролироваться вмешательством законодательства.

Явная и прямая тенденция законов о бедных прямо противоречит этим очевидным принципам: эти законы ведут не к улучшению положения бедных, что имели в виду благодушные законодатели, а к ухудшению положения и богатых и бедных. Вместо того чтобы делать бедных богатыми, они как бы рассчитаны на то, чтобы сделать богатых бедными. Пока эти законы остаются в силе, вполне естественно, что суммы на содержание бедных будут прогрессивно расти до тех пор, пока они не поглотят весь чистый доход страны или по крайней мере ту часть его, которую государство оставит нам за покрытием своих собственных всегда существующих потребностей по государственным расходам¹.

Эта пагубная тенденция законов о бедных уже не является тайной, после того как она была вполне выяснена компетентным пером Мальтуса, и всякий друг бедных должен горячо желать полной отмены этих законов. К несчастью, однако, они изданы так давно и бедняки настолько свыклись с ними, что радикальное устранение их из нашей политической системы требует величайшей осторожности и умения. Даже самые ревностные сторонники отмены признают, что, если желательно оградить от самой гнетущей нищеты тех, для блага которых такие законы были ошибочно изданы, их отмена должна быть проведена с величайшей постепенностью.

Не подлежит никакому сомнению, что комфорт и благосостояние бедных не могут быть постоянно обеспечены, если вследствие их собственных стараний или некоторых усилий со стороны законодательства не будет урегулировано возрастание их численности и ранние и непредусмотрительные браки не станут менее частыми в их среде. Действие системы законов о бедных было прямо противоположное. Они делали воздержание излишним и поощряли

¹ Если г. Бьюкенен говорит в следующей цитате только о временном состоянии нищеты, то я согласен с ним, что «великое зло в судьбе рабочего есть бедность, происходящая от недостатка или пищи, или работы, и во всех странах издано было бесчисленное множество законов, чтобы помочь ему. Но в нашем общественном устройстве существуют бедствия, которых законодательство не может облегчить, и потому полезно знать пределы его мощи, чтобы мы в погоне за неосуществимым не упустили того хорошего, что действительно в нашей власти» (*Buchanan*, p. 61).

неблагоразумных, предлагая им часть заработной платы благо-разумных и трудолюбивых¹.

Природа этого бедствия сама указывает на лекарство. Суживая постепенно сферу применения законов о бедных, разъясняя беднякам ценность независимости, приучая их рассчитывать в деле пропитания не на систематическую или случайную благотвори-тельность, а на свои собственные усилия, внушая им, что благо-разумие и предусмотрительность—не лишние и не безвыгодные добродетели, мы постепенно приблизимся к более нормальному и здоровому состоянию.

Всякий план реформы законов о бедных, который не ставит себе конечной целью их отмену, не заслуживает ни малейшего внима-ния. И лучшим другом бедняков и дела всего человечества мы признаем того, кто может указать самые верные и в то же время наименее принудительные меры для достижения этой цели. Если бы каким-нибудь новым способом, отличным от настоящего, мы уве-личили фонд для содержания бедных, мы несколько не смяг-чили бы это зло. Наоборот, если бы мы увеличили этот фонд или, как некоторые предлагали в последнее время, собирали его как общий фонд со всей страны, мы не только не облегчили бы зло, которое желаем устранить, но еще более увеличили бы его. Настоя-щий способ его собирания и расходования способствовал смягчению его пагубных действий. Каждый приход собирает отдельный фонд для содержания своих собственных бедных. Поэтому люди более заинтересованы в том, чтобы держать местные сборы на бедных на низком уровне, и это более осуществимо, чем если бы соби-рался один общий фонд для помощи бедным всего королевства. Приход гораздо более заинтересован в экономном взимании налога и в бережливом распределении пособий, когда вся экономия пойдет в его собственную пользу, чем если сотни других приходов будут участвовать в ней.

Только этой причиной мы можем объяснить, что законы о бед-ных не поглотили еще всего чистого дохода страны; строгости, с которой они применяются, мы обязаны тем, что гнет их не воз-рос до невыносимых размеров. Если бы всякое человеческое суще-ство, нуждающееся в поддержке, было уверено, что получит ее в силу закона и получит в размере, вполне достаточном для снос-

¹ К счастью, прогресс в понимании этого вопроса, который обнаружила палата общин с 1796 г., довольно велик, как это можно видеть, сравнив послед-ний доклад комитета по рассмотрению законов о бедных со следующими заяв-лениями Питта, сделанными в названном году. «Пусть,—сказал он,—получе-ние помощи в тех случаях, когда есть много детей, будет делом права и чести, а не предметом позора и презрения. Это сделает большое семейство благосло-влением, а не проклятием и проведет надлежащую разграничительную линию между теми, кто может пропитать себя собственным трудом, и теми, кто, обо-гатив страну большим числом детей, имеет право на помощь с ее стороны в деле их пропитания» (Hansard's Parliamentary History, v. XXXII, p. 710). [Это примечание имеется только во втором и третьем изданиях.]

ной жизни, то теоретически можно было бы ожидать, что все другие налоги, взятые вместе, были бы безделицей в сравнении с одним налогом на бедных. Законы о бедных имеют тенденцию,—и эта тенденция не менее достоверна, чем закон тяготения,—превращать богатство и силу в нищету и бессилие; они отвлекают усилия труда от всех иных целей, кроме одной—добывания пропитания; они уничтожают всякие умственные различия и занимают ум одной мыслью об удовлетворении физических потребностей, пока, наконец, все классы не будут поражены чумой всеобщей бедности. К счастью, эти законы действовали в период возрастающего благосостояния, когда фонд заработной платы возрастал регулярно и размножение населения не стимулировалось искусственным путем. Но если бы наш прогресс замедлился, если бы мы пришли к стационарному состоянию, от которого, я уверен, мы еще весьма далеки, то пагубная природа этих законов стала бы более явственной и угрожающей, и тогда отмена их встретила бы, кроме того, много новых затруднений.

ГЛАВА VI

О ПРИБЫЛИ

Мы уже показали, что прибыли на капиталы, помещенные в разных отраслях, находятся в определенном отношении друг к другу и имеют тенденцию изменяться в одинаковой степени и в одинаковом направлении. Теперь мы должны рассмотреть, какова причина постоянных изменений в норме прибыли и связанных с ними постоянных перемен в норме процента.

Мы видели, что цена¹ хлеба регулируется количеством труда, необходимого для его производства, с помощью той части капитала, которая не платит никакой ренты. Мы видели далее, что цены всех промышленных товаров повышаются или падают соразмерно тому, больше или меньше труда необходимо для их производства. Ни фермер, обрабатывающий землю того разряда, который регулирует цену, ни фабрикант, который изготавливает промышленные товары, не поступаются никакой долей продукта ради ренты. Вся стоимость их товаров делится только на две части: одна составляет прибыль на капитал, другая—заработную плату.

Если предположить, что хлеб и промышленные изделия всегда продаются по одной и той же цене, то прибыль будет высока или низка в соответствии с тем, низка или высока заработная плата. Но предположим, что цена хлеба поднялась потому, что требуется больше труда для его производства; эта причина не повысит цены

¹ Прошу читателя помнить, что для большей ясности я принимаю, что стоимость денег неизменна и потому всякое изменение в цене должно быть отнесено на счет перемены в стоимости товара.

промышленных товаров, в производстве которых не требуется добавочного количества труда. Если бы, следовательно, заработная плата осталась прежней, то и прибыль фабриканта осталась бы прежней; но если—а это безусловно произойдет—вместе с повышением цены хлеба повысится и заработная плата, то прибыль необходимо упадет.

Если фабрикант всегда продает свои товары за одни и те же деньги, например за 1 тыс. ф. ст., то его прибыль зависит от цены труда, необходимого для изготовления этих товаров. Она будет меньше, когда заработная плата составляет 800 ф. ст., чем когда она составляет только 600. Следовательно, прибыль будет падать соразмерно повышению заработной платы. Но мне могут задать вопрос: если цена сырых произведений увеличится, то не будет ли в конце концов прибыль фермера оставаться на прежнем уровне, хотя он и должен платить добавочную сумму в качестве заработной платы? Наверное, нет; ведь ему придется наравне с фабрикантом не только платить возросшую заработную плату каждому рабочему, которого он нанимает, но и платить ренту или же употреблять добавочное число рабочих для получения того же продукта. А повышение цены сырых произведений будет соразмерно только этой ренте или же этому добавочному числу рабочих и не вознаградит его за повышение заработной платы.

Если и фабрикант и фермер имели по 10 рабочих, причем заработная плата их повысилась с 24 ф. ст. в год на человека до 25 ф. ст., то вся сумма, уплачиваемая каждым из них, будет составлять 250 ф. ст. вместо 240. Фабриканту придется нести только этот добавочный расход, чтобы получить то же количество товаров; но фермер, ведущий хозяйство на новой земле, будет, пожалуй, вынужден нанять добавочного рабочего и платить поэтому добавочную сумму в 25 ф. ст. в качестве заработной платы, а фермер на старой земле вынужден будет платить точно такую же добавочную сумму в 25 ф. ст. в качестве ренты: не будь нужен добавочный труд, ни цена хлеба не могла бы подняться, ни рента увеличиться. Итак, одному фермеру придется платить 275 ф. ст. в качестве одной только заработной платы, а другому в качестве заработной платы и ренты вместе, и каждому из них на 25 ф. ст. больше, чем фабриканту; за последние 25 ф. ст. фермер вознаграждается прибавкой к цене сырых произведений, и потому его прибыль все еще будет соответствовать прибыли фабриканта. Ввиду важности этого положения я постараюсь сделать его еще яснее.

Мы показали, что на ранних стадиях общественного развития как доля землевладельца, так и доля рабочего в *стоимости* продукта земли весьма невелики и что они возрастают пропорционально возрастанию богатства и трудности добывания пищи. Мы показали, кроме того, что, хотя стоимость доли рабочего возрастает вследствие высокой стоимости пищи, его действитель-

ная доля уменьшается. Что же касается доли землевладельца, то возрастает не только ее стоимость, но и ее количество.

Часть продукта земли, остающаяся после уплаты землевладельцу и рабочим, безусловно принадлежит фермеру и составляет прибыль на его капитал. Но мне могут возразить, что, хотя с поступательным движением общества доля фермера во всем продукте уменьшается, он, несмотря на это, может получать более значительную стоимость, так же как землевладелец и рабочий, ибо повысится стоимость всего продукта.

Могут сказать, например, что когда цена хлеба поднимается с 4 до 10 ф. ст., то 180 квартеров, полученных с наилучшей земли, будут продаваться за 1 800 ф. ст. вместо 720. Поэтому, хотя бы и было доказано, что землевладелец и рабочий будут получать в виде ренты и заработной платы большую стоимость, все же стоимость прибыли фермера может также увеличиться. Это, однако, невозможно, как я сейчас постараюсь показать.

Во-первых, цена хлеба поднимается только пропорционально увеличению трудности возделывания его на земле худшего качества.

Уже было замечено, что если труд 10 рабочих на земле известного качества дает 180 квартеров пшеницы стоимостью в 4 ф. ст. квартал, или всего 720 ф. ст., но труд десяти добавочных рабочих произведет на той же или другой земле только 170 добавочных квартеров, то цена пшеницы поднимется с 4 ф. ст. до 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс., так как $107 : 180 = 4 \text{ ф. ст.} : 4 \text{ ф. ст. 4 шилл. 8 пенс.}$ Другими словами, так как для производства 170 квартеров пшеницы во втором случае нужен труд 10 человек, а в первом — только 9,44, то цена повысится в отношении 9,44 к 10, или 4 ф. ст. к 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс. Точно таким же образом можно показать, что если труд десяти добавочных рабочих произведет только 160 квартеров, то цена поднимается далее до 4 ф. ст. 10 шилл., если 150 — то до 4 ф. ст. 16 шилл., и т. д. и т. д.

Но когда на земле, не платящей ренты, производилось 180 квартеров и цена была 4 ф. ст. за квартал, они продавались за 720 ф. ст.

А когда на земле, не платящей ренты, производилось 170 квартеров и цена поднималась до 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс., они продавались все еще за 720 ф. ст.

Точно так же 160 квартеров по 4 ф. ст. 10 шилл. дадут 720 ф. ст.

И 150 квартеров по 4 ф. ст. 16 шилл. дадут ту же сумму в 720 ф. ст.

Очевидно теперь, что если из этих равных стоимостей фермер вынужден сегодня платить заработную плату, регулируемую ценой пшеницы в 4 ф. ст., а завтра заработную плату, регулируемую более высокими ценами, то норма его прибыли будет уменьшаться соразмерно повышению цены хлеба.

Итак, мне кажется, в этом случае ясно доказано, что повышение цены хлеба, которое увеличивает денежную заработную плату рабочего, уменьшает денежную стоимость прибыли фермера.

Но и фермер, обрабатывающий старую, лучшую землю, будет в том же положении; он также будет платить возросшую заработную плату и, как бы ни была высока цена его продукта, никогда не будет удерживать из стоимости его более 720 ф. ст. Эта сумма должна быть поделена между ним и его рабочими, число которых остается все время одинаковым; и чем больше будут получать они, тем меньше будет оставаться ему.

Когда цена хлеба была равна 4 ф. ст., все 180 кварталов принадлежали земледельцу, и он продавал их за 720 ф. ст. Когда цена хлеба поднялась до 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс., он вынужден был платить стоимость 10 кварталов в качестве ренты, следовательно, остальные 170 кварталов давали ему не более 720 ф. ст. Когда цена хлеба поднялась далее до 4 ф. ст. 10 шилл., он платил 20 кварталов—или их стоимость—в качестве ренты и, следовательно, удерживал в свою пользу только 160 кварталов, которые давали ту же сумму в 720 ф. ст.

Мы видим таким образом, что, как бы ни повышалась цена хлеба вследствие необходимости употреблять больше труда и капитала для получения добавочного количества продукта, такое повышение всегда будет выравниваться стоимостью добавочной ренты или употребленного добавочного труда, так что, продается ли хлеб по 4 ф. ст. 10 шилл. или по 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс., фермер всегда будет получать за часть продукта, которая останется ему после уплаты ренты, одну и ту же действительную стоимость. Итак, мы видим, что, составляет ли продукт, принадлежащий фермеру, 180, 170, 160 или 150 кварталов, он всегда будет выручать за него одну и ту же сумму—720 ф. ст., так как цена хлеба возрастает обратно пропорционально количеству его.

Таким образом рента, как оказывается, всегда падает на потребителя и никогда на фермера. Ибо если продукт его фермы будет постоянно составлять 180 кварталов, то с повышением цены он будет удерживать в свою пользу стоимость меньшего количества и отдавать стоимость большего количества землевладельцу. Но вычет этот будет таков, чтобы у него оставалась всегда одна и та же сумма в 720 ф. ст.

Мы видим, кроме того, что во всех случаях одна и та же сумма в 720 ф. ст. должна быть разделена между заработной платой и прибылью. Если стоимость сырых произведений, доставляемых землей, превышает эту стоимость, то излишек, какова бы ни была его величина, присоединяется к ренте. Если бы излишка не было, то и ренты не было бы. Поднимается ли заработная плата или прибыль или же падает, все равно и та и другая должны быть выплачены из этой суммы в 720 ф. ст. С одной стороны, прибыль никогда не может подняться так высоко, чтобы поглощенная ею

часть в 720 ф. ст. сделала остаток недостаточным для снабжения рабочих предметами абсолютной необходимости, с другой—заработная плата никогда не может подняться так высоко, чтобы от 720 ф. ст. ничего не осталось для прибыли.

Таким образом, во всех случаях прибыль как в земледелии, так и в промышленности понижается при повышении цены сырых произведений, если оно сопровождается повышением заработной платы¹. Если фермер не выручает добавочной стоимости за хлеб, остающийся ему после уплаты ренты, если фабрикант не выручает добавочной стоимости за производимые им товары и если оба они вынуждены платить более значительную стоимость в виде заработной платы, то можно ли яснее показать, что прибыль должна падать с повышением заработной платы?

Итак, фермер, хотя он и не платит ни одной части ренты землевладельца, ибо она всегда регулируется ценой продукта и неизменно падает на потребителей, все-таки решительно заинтересован в том, чтобы рента или, скорее, естественная цена сырых произведений держалась на низком уровне. Как потребитель сырых произведений и предметов, в состав которых они входят, он вместе с другими потребителями заинтересован в том, чтобы цена их оставалась на низком уровне. Но всего чувствительнее затрагивает его высокая цена хлеба ввиду влияния ее на заработную плату. С каждым повышением цены хлеба ему придется платить из одной и той же неизменной суммы в 720 ф. ст. добавочную сумму к заработной плате 10 рабочих, которые, по нашему предположению, постоянно работают у него. Мы видели при рассмотрении заработной платы, что она неизменно повышается с повышением цены сырых произведений. Положив в основу нашего вычисления тот же самый расчет, мы увидим, что если при цене пшеницы в 4 ф. ст. за квартал заработная плата равняется 24 ф. ст. в год, то

	ф. ст.	шилл.	пенс.		ф. ст.	шилл.	пенс.
при цене пшеницы в	4	4	8	заработная плата будет равняться	24	14	0
	4	10	0		25	10	0
	4	16	0		26	8	0
	5	2	10		27	8	6

Тогда из неизменного фонда в 720 ф. ст., подлежащего распределению между рабочими и фермерами,

	ф. ст.	шилл.	пенс.		ф. ст.	шилл.	пенс.		ф. ст.	шилл.	пенс.
при цене пшеницы в	4	0	0	рабочие получают	240	0	0	фермер получает	480	0	0
	4	4	8		247	0	0		473	0	0
	4	10	0		255	0	0		465	0	0
	4	16	0		264	0	0		456	0	0
	5	2	10		274	5	0		455	15	0 ²

¹ Читатель знает, что мы оставляем без рассмотрения случайные изменения, зависящие от плохих и хороших урожаев или от увеличения или уменьшения спроса вследствие каких-либо внезапных перемен в состоянии населения. Мы говорим о естественной и постоянной, а не о случайной и колеблющейся цене хлеба.

² 180 кварталов пшеницы будут делиться при вышеуказанных изме-

При предположении, что первоначальный капитал фермера равнялся 3 тыс. ф. ст., прибыль на его капитал, будучи в первом случае равной 480 ф. ст., составит 16%. Когда его прибыль падает до 473 ф. ст., она составляет 15,7%, когда она падает до

465 ф. ст.	15,5%
456 » »	15,2%
445 » »	14,8%

Но норма прибыли упадет еще больше, потому что капитал фермера, следует это вспомнить, состоит в значительной мере из сырых произведений, как его хлеб и сено, невымолоченная пшеница и ячмень, лошади и коровы; и цена их повысится, как только повысится цена продуктов. Его абсолютная прибыль упадет с 480 ф. ст. до 445 ф. ст. 15 шилл.; но если по только что указанной мною причине его капитал возрастет с 3 тыс. до 3 200 ф. ст., то при цене хлеба в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс. его прибыль будет ниже 14%.

Если фабрикант тоже вложил в свое дело 3 тыс. ф. ст., то он будет вынужден вследствие повышения заработной платы увеличить свой капитал, чтобы иметь возможность вести дело в прежнем разmere. Если его товары продавались раньше за 720 ф. ст., то они будут и впредь продаваться по этой же цене, но заработная плата труда, которая раньше составляла 240 ф. ст., поднимается при цене хлеба в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс. до 274 ф. ст. 5 шилл. В первом случае у него оставалось в качестве прибыли с 3 тыс. ф. ст. 480 ф. ст., во втором — он получит всего 445 ф. ст. 15 шилл. прибыли на возросший капитал, и, следовательно, его прибыль должна соответствовать изменившейся норме прибыли фермера.

нениях в стоимости хлеба в следующих пропорциях между землевладельцами, фермерами и рабочими:

Цена квартера			Рента в пшенице	Прибыль в пшенице	Заработная плата в пшенице	Итого
ф. ст.	шилл.	пенс.				
4	0	0	нет никакой	120,0 кв.	60,0 кв.	180
4	4	8	10 кв.	111,7 »	58,3 »	
4	10	0	20 »	103,4 »	56,6 »	
4	16	0	30 »	95,0 »	55,0 »	
5	2	10	40 »	86,7 »	53,3 »	

И при тех же обстоятельствах денежные рента, заработная плата и прибыль будут составлять:

Цена квартера			Рента			Прибыль			Зараб. плата			Итого		
ф. ст.	шилл.	пенс.	ф. ст.	шилл.	пенс.	ф. ст.	шилл.	пенс.	ф. ст.	шилл.	пенс.	ф. ст.	шилл.	пенс.
4	0	0	нет	никакой		480	0	0	240	0	0	720	0	6
4	4	8	42	7	6	473	0	0	247	0	0	762	7	6
4	10	0	90	0	0	465	0	0	255	0	0	810	0	0
4	16	0	144	0	0	456	0	0	264	0	0	864	0	0
5	2	10	205	13	4	445	15	0	274	5	0	925	13	4

Товары, на цене которых не отражалось бы в большей или меньшей степени повышение цены сырых произведений, встречаются очень редко, потому что получаемый от земли сырой материал входит в состав большинства товаров. Цены всех таких товаров, как ситец, холст и сукно, поднимутся вместе с повышением цены пшеницы, но они поднимутся потому, что на сырой материал, из которого они изготавливаются, затрачивается больше труда, а не потому, что фабрикант больше платит рабочим, которых он нанимает для изготовления этих товаров.

Во всех этих случаях цены товаров повысятся потому, что на них затрачивается больше труда, а не потому, что труд, который затрачивается на них, имеет более высокую стоимость. Цены драгоценных вещей, цены изделий из железа, жести и меди не поднимутся, потому что в состав их не входит никакой сырой материал, получаемый с поверхности земли.

Могут сказать, что я принимал за доказанное то, что денежная заработная плата поднимается вместе с повышением цены сырых произведений, но что это вовсе не является необходимым следствием, поскольку рабочий может довольствоваться меньшими житейскими удобствами. Действительно, заработная плата труда могла раньше стоять на высоком уровне и может вынести некоторое понижение. Если так, то падение прибыли будет задержано. Но нельзя допустить, чтобы денежная цена заработной платы упала или оставалась неподвижной при постепенном возрастании цен предметов насущной необходимости. И потому можно считать доказанным, что при обычных обстоятельствах не может иметь места никакое длительное повышение цен предметов насущной необходимости, которое не вызвало бы или которому не предшествовало бы повышение заработной платы.

Одинаковое, или почти одинаковое, действие на прибыль произвело бы и повышение цен других предметов жизненной необходимости, на которые расходуется заработная плата труда помимо пищи. Необходимость платить возросшую цену за эти предметы заставит рабочего требовать большей заработной платы, а все, что увеличивает заработную плату, необходимо уменьшает прибыль. Но предположим, что повысились цены шелка, бархата, мебели и разных других товаров, которые рабочему не требуются, и что повышение это произошло вследствие того, что на них расходуется больше труда. Отразится ли это на прибыли? Конечно, нет: ведь на прибыли не может отразиться ничего, кроме повышения заработной платы; шелк и бархат не потребляются рабочими, и потому повышение их цен не может повышать заработную плату.

Следует помнить, что я говорю о прибыли вообще. Я уже заметил, что рыночная цена товара может превышать его естественную или необходимую цену, потому что он может быть произведен не в таких обильных размерах, каких требует новый спрос на него. Это, однако, лишь временное явление. Высокая прибыль на

капитал, вложенный в производство такого товара, будет, естественно, привлекать капиталы в данную отрасль промышленности, а как только будут доставлены необходимые фонды и количество товара увеличится в надлежащей степени, цена его упадет, и прибыль в данной отрасли придет в соответствие с общим уровнем. Падение общей нормы прибыли вовсе не несовместимо с частичным повышением прибыли в отдельных отраслях. Именно благодаря неравенству прибыли капитал и перемещается из одного занятия в другое. Таким образом, в то время как общая прибыль падает и для нее постепенно устанавливается более низкий уровень вследствие повышения заработной платы и увеличивающейся трудности снабжения возрастающего населения предметами насущной необходимости, прибыль фермера может в течение короткого промежутка времени быть выше прежнего уровня. Точно так же какая-либо отрасль внешней и колониальной торговли может получить на некоторое время необычайный толчок для развития; но допущение этого факта ничуть не обесценивает теорию, в силу которой прибыль зависит от высокой или низкой заработной платы, а заработная плата—от цены предметов жизненной необходимости, цена же последних—главным образом от цен на пищу, потому что количество всех других потребных предметов может быть увеличено почти беспрдельно.

Следует также помнить, что цены на рынке постоянно изменяются и прежде всего в связи со сравнительным состоянием спроса и предложения. Хотя сукно может быть поставлено по 40 шилл. за ярд и дать обычную прибыль на капитал, цена его может подняться до 60 или 80 шилл. вследствие общей перемены моды или какой-либо другой причины, которая неожиданно и сразу усилит спрос на него или уменьшит предложение. Фабриканты сукна будут временно пользоваться необычной прибылью, но капитал, естественно, станет притекать в эту отрасль промышленности, пока спрос и предложение не уравниваются снова, а тогда цена сукна опять упадет до 40 шилл.—до его естественной или необходимой цены. Точно таким же образом с каждым возрастанием спроса на хлеб цена его может подняться так высоко, что будет давать фермеру прибыль выше средней. Если плодородная земля имеется в изобилии, то цена хлеба опять упадет до прежнего уровня после того как на производство его будет затрачено требуемое количество капитала и прибыль опять вернется к своей прежней норме; но если плодородная земля не имеется в изобилии, если для производства добавочного количества требуется больше капитала и труда, чем прежде, то цена хлеба не упадет до своего прежнего уровня. Его естественная цена поднимется, и фермер, вместо того чтобы постоянно получать большую прибыль, окажется вынужденным довольствоваться меньшей нормой ее как неизбежным последствием повышения заработной платы, вызванного повышением цен на предметы насущной необходимости.

Итак, прибыль имеет естественную тенденцию падать, потому что с прогрессом общества и богатства требующееся добавочное количество пищи получается при затрате все большего и большего труда. К счастью, эта тенденция, это, так сказать, тяготение прибыли, приостанавливается через повторные промежутки времени благодаря усовершенствованиям в машинах, применяемых в производстве предметов жизненной необходимости, а также открытиям в агрономической науке, которые позволяют нам сберечь часть труда, требовавшегося раньше, и таким образом понизить цену предметов первой необходимости рабочего. Повышение цены предметов жизненной необходимости и заработной платы труда имеет, однако, свой предел: как только заработная плата будет равна (как в приведенном раньше случае) 720 ф. ст., т. е. всей выручке фермера, должен наступить конец накоплению; никакой капитал не может тогда давать какой-либо прибыли, и не может быть никакого спроса на добавочный труд, а следовательно, и численность населения достигнет своей наивысшей точки. В действительности задолго до этого периода весьма низкая норма прибыли остановит всякое накопление, и почти весь продукт страны, за вычетом платы рабочим, станет собственностью землевладельцев и сборщиков десятины и налогов.

Таким образом, положив в основу вычисления прежний очень несовершенный расчет, мы увидим, что, когда хлеб будет стоить 20 ф. ст. за квартал, весь чистый доход страны будет принадлежать землевладельцам, потому что тогда то же количество труда, которое первоначально было необходимо для производства 180 кварталов, будет необходимо для производства 36 (20 ф. ст. : 4 ф. ст. = 180 : 36). Фермер, который произвел 180 кварталов (если таковой отыщется, потому что старый и новый капитал, вложенные в землю, настолько перемешаются, что их никак нельзя будет различить), будет продавать

180 кварталов по 20 ф. ст. за квартал, или	3 600 ф. ст.
минус стоимость 144 кварталов	{ в пользу землевладельца в форме ренты, равняющейся разнице между 36 и 180 кварталами } 2 880 » »
36 кварталов	720 ф. ст.
минус стоимость 36 кварталов 10 рабочим	720 » »

Итак, на прибыль не остается ничего.

[Я предполагал, что]* при этой цене в 20 ф. ст. за квартал рабочие будут попрежнему потреблять

три квартала в год каждый стоимостью в	60 ф. ст.
и что на другие товары они будут расходовать	12 » »

Итого на каждого рабочего . . . 72 ф. ст. в год

Следовательно, 10 рабочих будут стоить в год 720 ф. ст.

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

Всеми этими вычислениями я желал только сделать ясным основной принцип, и едва ли надо оговаривать, что все мое вычисление построено на случайно взятых цифрах и может служить только для примера. Я мог бы самым точным образом определить разницу в числе рабочих, необходимом для получения последовательных количеств хлеба, требующихся для растущего населения, а также размеры потребления семьи рабочего, и пр. и пр., но результаты получились бы в сущности те же самые, несмотря на различие порядка цифр. Для большей ясности я старался упростить проблему и потому не принимал в расчет возрастание цены других предметов жизненной необходимости, кроме пищи рабочего. А такое возрастание было бы следствием увеличения стоимости сырых материалов, из которых они сделаны; вздорожание их, конечно, еще более увеличило бы заработную плату и понизило бы прибыль. Я уже сказал, что задолго до того, как такое состояние цен станет постоянным, исчезнет всякое побуждение к накоплению, потому что никто не накапливает иначе, как с целью применять производительно накопленный капитал; ведь только при таком употреблении последний влияет на прибыль. Без соответствующего побуждения не может быть накопления, и, следовательно, такое состояние цен никогда не может иметь места. Фермер и фабрикант так же мало могут жить без прибыли, как рабочий без заработной платы. Их побуждение к накоплению будет уменьшаться с каждым уменьшением прибыли. Оно совершенно прекратится, когда их прибыль будет так низка, что не будет давать им надлежащего вознаграждения за хлопоты и риск, которому они необходимо должны подвергаться при производительном применении своего капитала.

Я должен опять оговорить, что норма прибыли будет падать гораздо быстрее, чем я это принимал в своем вычислении. Ибо при той стоимости продукта, какую я принимал при предположенных обстоятельствах, стоимость капитала фермера значительно возросла бы: ведь этот капитал на деле состоит из многих таких товаров, стоимость которых увеличилась бы. Прежде чем цена хлеба поднялась бы с 4 ф. ст. до 12, меновая стоимость капитала фермера, вероятно, удвоилась бы и равнялась бы 6 тыс. ф. ст. вместо 3 тыс. И если его прибыль составляла 180 ф. ст., или 6%, на его первоначальный капитал, то норма прибыли в действительности была бы теперь не выше 3%, потому что при 3% 6 тыс. ф. ст. дают 180 ф. ст.; и только на этих условиях мог бы новый фермер, имеющий в кармане 6 тыс. ф. ст., заняться сельским хозяйством.

Многие отрасли промышленности извлекли бы некоторую большую или меньшую выгоду из того же источника. Пивовар, водочный заводчик, фабрикант сукон, фабрикант холста были бы отчасти вознаграждены за уменьшение их прибыли повышением стоимости их запасов сырых и обработанных материалов, но норма прибыли фабрикантов металлических изделий, драгоценных вещей

и многих других товаров, а также тех, чей капитал состоит только из денег, полностью подверглась бы падению без какого-либо вознаграждения.

Мы могли бы также ожидать, что, как бы ни уменьшилась норма прибыли на капитал вследствие накопления капитала в земледелии и повышения заработной платы, общая сумма прибыли все же возросла бы. Так, предполагая, что с накоплением каждых новых 100 тыс. ф. ст. норма прибыли будет падать с 20% до 19, 18, 17, постоянно уменьшаясь, можно все же ожидать, что общая сумма прибыли, полученной всеми последовательными владельцами капитала, будет всегда прогрессировать; она будет больше, когда капитал равняется 200 тыс. ф. ст., чем когда он достигает всего 100 тыс., еще больше, когда он составляет 300 тыс. и т. д., возрастая, хотя и в уменьшающемся отношении, с каждым возрастанием капитала. Однако эта прогрессия верна только для известного периода; так, 19% с 200 тыс. составляют больше, чем 20% со 100 тыс., 18% с 300 тыс.—больше, чем 19% с 200 тыс., но когда накопленный капитал достигнет очень большой суммы и прибыль опять упадет, дальнейшее накопление будет уменьшать сумму прибыли. Предположим, что накопление достигло 1 млн., а прибыль равна 7%, тогда сумма прибыли составит 70 тыс.; если теперь к миллиону прибавится еще 100 тыс., а прибыль понизится до 6%, то собственники капитала получают 66 тыс., или на 4 тыс. меньше, хотя вся сумма капитала возросла с 1 млн. до 1 100 тыс.

Однако, пока капитал дает вообще какую-либо прибыль, немыслимо такое накопление капитала, которое не сопровождалось бы возрастанием как количества, так и стоимости продукта. Затрата добавочных 100 тыс. ф. ст. не сделает ни одну из частей прежнего капитала менее производительной. Продукт земли и труда страны должен возрасти, и стоимость его увеличится не только на стоимость, добавленную к прежнему количеству продуктов, но и на новую стоимость, которая прибавляется ко всему продукту земли вследствие увеличения трудности производства последней доли его *. Однако когда накопление капитала станет очень большим, то, несмотря на это возрастание стоимости, продукт будет распределяться таким образом, что на долю прибыли будет доставаться меньшая стоимость, чем прежде, а на долю ренты и заработной платы большая. Так, при последовательных прибавках к капиталу, совершаемых каждый раз в размере 100 тыс. ф. ст., и при падении нормы прибыли с 20% до 19, 18 и 17 возрастает количество годовичного продукта, а стоимость его увеличится на сумму более значительную, чем добавочная стоимость, которая должна быть произведена добавочным капиталом. Стоимость продукта повысится с 20 тыс. ф. ст. до 39 тыс. с лишним,

* [В первом издании сказано было: «каковая новая стоимость всегда прибавляется к ренте».]

затем до 57 тыс. с лишним. А когда затраченный капитал будет, как мы предположили раньше, равен миллиону, то, хотя при прибавке новых 100 тыс. ф. ст. общая сумма прибыли будет в действительности меньше, чем прежде, доход страны увеличится все же больше чем на 6 тыс. ф. ст. Но это увеличение достанется землевладельцам и рабочим. Они получают больше, чем добавочный продукт, и будут даже по своему положению в состоянии захватить часть прежнего барыша капиталиста. Предположим, что цена хлеба—4 ф. ст. за квартал и что поэтому, как мы рассчитали раньше, из каждых 720 ф. ст., остающихся фермеру после уплаты ренты, 480 удерживаются им, а 240 уплачиваются его рабочим. Когда цена поднимется до 6 ф. ст. за квартал, он будет вынужден платить своим рабочим 300 ф. ст. и будет удерживать себе в виде прибыли только 420 ф. ст.; [он будет вынужден платить им 300 ф. ст., чтобы они имели возможность потреблять то же количество предметов жизненной необходимости, что и прежде, но не более]*. Если теперь затраченный капитал так велик, что дает 100 тыс. раз по 720 ф. ст., или 72 млн. ф. ст., то вся сумма прибыли составит 48 млн. ф. ст. при цене пшеницы в 4 ф. ст. за квартал; если же вследствие затраты более значительного капитала будет получено 105 тыс. раз по 720 ф. ст., или 75 600 тыс. ф. ст., то при цене пшеницы в 6 ф. ст. прибыль фактически упадет с 48 млн. до 44 100 тыс., или 105 тыс. раз по 420 ф. ст., а заработная плата повысится с 24 млн. ф. ст. до 31 500 тыс. Заработная плата повысится, потому что по отношению к капиталу будет занято больше рабочих и каждый рабочий будет получать более значительную денежную заработную плату; но положение рабочего, как мы уже показали, будет хуже, потому что он будет располагать меньшим количеством продукта страны. В действительности выиграют одни только землевладельцы; они будут получать более высокую ренту, во-первых, потому, что продукт будет иметь более высокую стоимость, и, во-вторых, потому, что они будут получать значительно возросшую долю [этого продукта]**.

Хотя производится более значительная стоимость, но зато и более значительная часть того, что остается за уплатой ренты, потребляется производителями, а именно это, и только это, регулирует прибыль. Пока земля дает обильные урожаи, заработная плата может временно повыситься, и производители могут потреблять больше чем свою обычную долю, но стимул, который таким образом будет дан росту населения, скоро вернет рабочих к их обычному потреблению. Но когда в обработку поступают плохие земли или когда больше капитала и труда затрачивается на старой земле, а количество продукта уменьшается, тогда резуль-

* [Слова текста в прямых скобках представляют вставку, сделанную во втором и третьем изданиях.]

** [Эти слова прибавлены только в третьем издании.]

тат должен быть более постоянным. Более значительная доля той части продукта, которая остается после уплаты ренты и подлежит разделу между собственниками капитала и рабочими, будет уделаться последним. Каждый рабочий может и вероятно будет получать абсолютно меньше, но так как будет занято больше рабочих по отношению к величине всего продукта, удерживаемого фермером, то стоимость значительно большей доли всего продукта будет поглощена заработной платой, и, следовательно, на долю прибыли достанется меньшая стоимость меньшей доли. Это будет по необходимости постоянным явлением в силу законов природы, которые ограничили производительные силы земли.

Таким образом мы снова приходим к тому же заключению, какое пытались установить раньше, а именно, что во всех странах и во все времена прибыль зависит от количества труда, требующегося для снабжения рабочих предметами насущной необходимости, на той земле или с тем капиталом, которые не дают никакой ренты. Значит, результаты накопления будут различны в разных странах в зависимости главным образом от плодородия земли. Как бы обширна ни была страна, земля которой недостаточно плодородна и куда ввоз жизненных припасов запрещен, самое умеренное накопление капитала будет сопровождаться там значительным понижением нормы прибыли и быстрым повышением ренты. И, наоборот, небольшая, но плодородная страна, особенно если она разрешает свободный ввоз пищевых продуктов, может накапливать капитал в изобилии без значительного уменьшения нормы прибыли или значительного возрастания земельной ренты. В главе о заработной плате мы старались показать, что денежная цена товаров не поднимется вследствие повышения заработной платы, будет ли золото, служащее денежным, эталоном, продуктом данной страны или же оно ввозится из-за границы. Но если бы это было иначе, если бы высокая заработная плата влекла за собою постоянное повышение цен товаров, было бы все же вполне правильно утверждать, что высокая заработная плата неизменно отражается на тех, кто нанимает труд, лишая их части их действительной прибыли. Предположим, что шляпочник, чулочник и сапожник платят каждый на 10 ф. ст. больше заработной платы при изготовлении данного количества своих товаров и что цена шляп, чулок и башмаков поднялась на сумму, окупающую эти 10 ф. ст.,—положение фабрикантов будет не лучше, чем если бы не было этого повышения. Если чулочник продал свои чулки за 110 ф. ст. вместо 100, то его прибыль будет равняться точно такой же сумме денег, как и раньше; однако так как в обмен за эту равную сумму он получит на одну десятую меньше шляп, башмаков и всякого другого товара и так как при прежнем размере своих сбережений он вследствие повышения заработной платы может нанимать меньше рабочих, а вследствие повышения цен покупать меньше сырых материалов, то он будет не в лучшем

положении, чем если бы его денежная прибыль действительно уменьшилась, но цены всех предметов не изменились. Итак, я старался показать, во-первых, что повышение заработной платы не повышает цены товаров, но неизменно понижает прибыль и, во-вторых, что если бы цены всех товаров и повысились, то действие такого повышения на прибыль оставило бы ее размеры прежними, и фактически понизилась бы только стоимость меры, в которой исчисляются цены и прибыль.

ГЛАВА VII

О ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

Никакое расширение внешней торговли не может увеличить непосредственно сумму стоимостей в стране, хотя оно и будет очень сильно способствовать увеличению массы товаров и, следовательно, количества житейских удобств. Так как стоимость всех иностранных товаров измеряется количеством продуктов нашей земли и труда, которое отдается в обмен на них, то мы не будем иметь больше стоимостей, если вследствие открытия новых рынков будем получать вдвое большее количество иностранных товаров в обмен на данное количество наших. Если, купив английских товаров на 1 тыс. ф. ст., купец может получить за них такое количество иностранных товаров, которое он может продать на английском рынке за 1 200 ф. ст., то посредством такого применения своего капитала он получит 20% прибыли, но ни его барыш, ни стоимость ввозимых товаров не увеличатся и не уменьшатся вследствие увеличения или уменьшения количества полученных им иностранных товаров. Ввозит ли он, например, 25 или же 50 бочек вина, на его барышах это нисколько не отражается, раз он продает в первом случае 25, а во втором—50 бочек за одну и ту же сумму в 1 200 ф. ст. В обоих случаях прибыль его составляет 200 ф. ст., или 20% на его капитал, и в обоих случаях в Англию ввозится одинаковая стоимость. Если 50 бочек будут проданы больше чем за 1 200 ф. ст., прибыль данного купца будет превышать общую норму прибыли, и, естественно, капитал будет притекать в эту выгодную отрасль торговли, пока падение цены вина не восстанавливает прежнее положение вещей.

Правда, некоторые утверждали, что значительная прибыль, которая получается отдельными купцами во внешней торговле, повысит общую норму прибыли в стране и что перемещение капитала из других занятий в более доходную внешнюю торговлю повысит вообще цены, а вместе с тем и прибыль. Один высокий авторитет утверждал, что если на возделывание хлеба, изготовление сукна, шляп, обуви и пр. уделяется по необходимости меньше капитала, а спрос остается прежним, то цены этих товаров повысятся настолько, что фермер, шляпочник, суконщик и сапожник

будут получать возросшую прибыль наравне с торговцем иностранными товарами¹.

Те, кто выдвигает этот довод, признают вместе со мною, что прибыли в различных занятиях имеют тенденцию выравниваться, вместе повышаясь и вместе понижаясь. Разногласие наше состоит в следующем: они утверждают, что равенство прибылей явится следствием общего повышения прибылей, я же держусь того мнения, что прибыль получаемая в благоприятствуемой отрасли торговли, быстро опустится до общего уровня.

Я, во-первых, отрицаю, что на выращиваемые хлеба, на производство сукна, шляп, обуви и пр. будет необходимо уделяться меньше капитала, если спрос на эти товары не уменьшился, а если так, то цена их не поднимется. На покупку иностранных товаров будет употребляться или та же самая, или большая, или меньшая доля продукта земли и труда Англии. Если же эта доля не изменится, то на сукно, обувь, хлеб и шляпы будет существовать такой же спрос, как и прежде, и на их производство будет уделяться прежняя доля капитала. Если вследствие удешевления цены иностранных товаров на покупку их будет употребляться меньшая доля ежегодного продукта земли и труда Англии, то больше останется на покупку других вещей. Если спрос на шляпы, обувь, хлеб и пр. будет более значителен, чем прежде,—а это вполне возможно, так как потребители иностранных товаров имеют теперь в своем распоряжении добавочную долю своего дохода,—то имеется к услугам и капитал, который раньше шел на покупку иностранных товаров, когда стоимость их была больше. Таким образом наравне с возрастанием спроса на хлеб, обувь и пр. существуют и средства для доставления возросшего количества их, и потому ни цены, ни прибыль не могут повыситься надолго. Если на покупку иностранных товаров будет употребляться больше продукта земли и труда Англии, то меньше может быть употреблено на покупку других вещей, и, следовательно, меньше потребуются шляп, обуви и пр. По мере того как капитал освобождается из производства обуви, шляп и пр., большее количество его должно употребляться на изготовление тех товаров, за которые покупаются иностранные товары. Следовательно, во всех случаях спрос на иностранные и отечественные товары вместе, поскольку дело касается стоимости, ограничивается доходом и капиталом страны. Если увеличивается спрос на один, то должен уменьшиться спрос на другие товары. Если в обмен на одно и то же количество английских товаров ввозится вдвое больше вина, чем прежде, то английский народ может или потреблять вдвое больше вина, чем прежде, или прежнее количество вина, но гораздо больше английских товаров. Если мой доход равнялся 1 тыс. ф. ст., из которых 100 ф. ст. я тратил ежегодно на покупку

¹ А. Смит, Богатство народов, кн. I, гл. IX.

бочки вина и 900 ф. ст. на известное количество английских товаров, то при падении цены вина до 50 ф. ст. за бочку я могу затратить сбереженные 50 ф. ст. или на покупку лишней бочки вина или на покупку большего количества английских товаров. Если я буду покупать больше вина и каждый потребитель вина поступит так же, то внешняя торговля не испытает никакого ущерба; в обмен на вино будет вывозиться прежнее количество английских товаров, и мы будем получать вдвое большее количество вина, но не вдвое большую стоимость. Но если я и другие будем довольствоваться прежним количеством вина, то будет вывозиться меньше английских товаров, и потребители вина будут потреблять или товары, которые раньше вывозились, или какие-нибудь другие, к которым они имеют склонность. Капитал, требующийся для их производства, будет заменен капиталом, освободившимся из внешней торговли.

Капитал может быть накапливаем двояким способом: он сберегается или путем увеличения дохода или путем уменьшения потребления. Если моя прибыль повысится с 1 тыс. ф. ст. до 1 200, а расходы останутся прежними, то я буду накапливать ежегодно на 200 ф. ст. больше, чем раньше. Если я сберегу 200 ф. ст. на своих расходах, а прибыль моя останется прежней, то получится такой же результат: к моему капиталу будет прибавляться по 200 ф. ст. в год. Купец, который ввез вино, после того как прибыль поднялась с 20 до 40%, купит свои английские товары не за 1 тыс. ф. ст., а за 857 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс., продавая вино, которое он ввозит взамен их, попрежнему за 1 200 ф. ст.; если же он продолжает покупать свои английские товары за 1 тыс. ф. ст., то он должен повысить цену своего вина до 1 400 ф. ст. Таким образом он получил бы 40% прибыли вместо 20 на свой капитал. Но если вследствие дешевизны всех товаров, на которые расходовался его доход, он и все другие потребители могут сберечь стоимость в 200 ф. ст. из каждой 1 тыс. ф. ст., которую они тратили раньше, то они увеличат реальное богатство страны более действительным способом: в одном случае сбережение было бы сделано вследствие возрастания дохода, в другом—вследствие уменьшения расхода.

Если вследствие введения машин стоимость большинства товаров, на которые тратился мой доход, упадет на 20%, я буду в состоянии сберегать так же успешно, как если бы мой доход повысился на 20%; но в одном случае норма прибыли остается без изменения, в другом она повышается на 20%. Если благодаря ввозу дешевых иностранных товаров я могу сберечь 20% на своих расходах, результат будет совершенно такой же, как если бы машины понизили издержки их производства, но прибыль не повысилась бы.

Итак, норма прибыли повышается не вследствие расширения рынка, хотя такое расширение может оказать влияние на увеличение массы товаров и тем дать нам возможность увеличить фонды,

предназначенные для содержания труда и приобретения материалов, к которым может быть приложен труд. Для счастья человечества не имеет значения, происходит ли увеличение наших житейских удобств благодаря лучшему распределению труда, т. е. вследствие того что каждая страна производит те товары, к производству которых она приспособлена в силу своего положения, климата и других естественных или искусственных преимуществ, и обменивает их на товары других стран, или оно является результатом повышения нормы прибыли.

Я старался показать на продолжении этого труда, что норма прибыли может повыситься только вследствие падения заработной платы и что последняя может упасть надолго только вследствие падения стоимости предметов насущной необходимости, на которые она расходуется. Если, следовательно, благодаря расширению внешней торговли или благодаря усовершенствованиям в машинах пища и предметы насущной необходимости рабочего могут быть доставлены на рынок по пониженной цене, то прибыль поднимется. Если, вместо того чтобы возделывать свой собственный хлеб или изготавливать платье и другие предметы потребления рабочего, мы откроем новый рынок, откуда можно получать эти товары по более дешевой цене, то заработная плата упадет и прибыль повысится; но если товары, получаемые по более дешевой цене благодаря расширению внешней торговли или усовершенствованиям в машинах, потребляются исключительно богатыми, в норме прибыли не произойдет никакого изменения. Норма заработной платы не изменится, если вино, бархат, шелк и другие дорогие товары упадут на 50% и, следовательно, прибыль останется без перемен.

Таким образом внешняя торговля весьма полезна для страны тем, что увеличивает массу и разнообразие предметов, на которые может расходоваться доход, и создает благодаря обилию и дешевизне товаров побуждение к сбережению и к накоплению капитала; однако она не имеет тенденции повышать прибыль с капитала, если только ввозимые товары не принадлежат к разряду тех, на которые расходуется заработная плата труда.

Замечания, сделанные относительно внешней торговли, одинаково приложимы и к внутренней. Норма прибыли никогда не повышается вследствие лучшего распределения труда, изготовления машин, проведения дорог и каналов или каких-либо других способов сокращения труда в производстве или перевозке товаров. Эти причины влияют на цены и приносят всегда большую пользу потребителям, так как позволяют им за тот же труд или за стоимость продукта того же труда получать в обмен большее количество товара, в производстве которого применяются усовершенствованные способы, но на прибыль они не оказывают никакого действия. С другой стороны, всякое уменьшение заработной платы труда повышает прибыль, но не оказывает никакого действия на

цену товаров. Одно выгодно всем классам, потому что все классы являются потребителями; другое приносит пользу только предпринимателям; они получают больше барыша, в то время как цены всех товаров остаются без изменения. В первом же случае они получают столько же, сколько и прежде, но меновая стоимость всех предметов, на которые они расходуют свои барыши, уменьшается.

Правило, регулирующее относительную стоимость товаров в одной стране, не регулирует относительную стоимость товаров, обмениваемых между двумя или несколькими странами.

При системе полной свободы торговли каждая страна, естественно, затрачивает свой капитал и труд на такие отрасли промышленности, которые доставляют ей наибольшие выгоды. Это преследование индивидуальной выгоды самым удивительным образом связано с общим благом всех. Стимулируя трудолюбие, вознаграждая изобретательность, утилизируя наиболее действительным образом все те силы, которые дает нам природа, этот принцип приводит к самому эффективному и наиболее экономному разделению труда между разными нациями. И в то же время, увеличивая общую массу продуктов, он увеличивает всеобщее благополучие и связывает узами общей выгоды и постоянных сношений все цивилизованные нации в одну всемирную общину. Именно этот принцип определяет, что вино должно производиться во Франции и Португалии, что хлеб должен возделываться в Америке и Польше, а различные металлические изделия и другие товары должны изготовляться в Англии.

В одной и той же стране уровень прибыли, вообще говоря, всегда одинаков. Различия происходят только потому, что одно помещение капитала более или менее безопасно и привлекательно, чем другое. Если прибыль на капитал, занятый в Йоркшире, превышает прибыль на капитал, занятый в Лондоне, то капитал, быстро переместится из Лондона в Йоркшир, и равенство прибыли восстановится. Но если вследствие уменьшения производительности земледельческого труда в Англии или вследствие возрастания капитала и населения заработная плата повысится, а прибыль упадет, то из этого не следует, что капитал и население необходимо переместятся из Англии в Голландию, или Испанию, или Россию, где прибыль может быть выше.

Если бы Португалия не находилась в торговых сношениях с другими странами, она была бы вынуждена извлечь значительную часть своего капитала и труда из производства вин, за которые она покупает необходимые для нее металлические изделия и сукна из других стран; она должна была бы затратить эту часть на изготовление данных товаров, причем получала бы их, вероятно, меньше и они были бы ниже по качеству.

Количество вина, которое она отдает в обмен на английское сукно, не определяется соответственными количествами труда,

затрачиваемого на производство того или другого, как это имело бы место, если бы оба товара изготовлялись или в Англии или в Португалии.

В Англии условия могут быть таковы, что производство сукна требует труда 100 рабочих в течение года, а на производство вина, если бы она вздумала выделять его, потребовался бы труд 120 чел. в течение того же времени. Поэтому Англия найдет более выгодным ввозить вино и покупать его посредством вывоза сукна.

Производство вина в Португалии может требовать труда только 80 чел. в течение года, а производство сукна потребовало бы труда 90 чел. в течение того же времени. Поэтому для нее будет выгодно вывозить вино в обмен на сукно. Этот обмен может иметь место даже в том случае, если ввозимый Португалией товар мог быть произведен там с меньшим количеством труда, чем в Англии. Хотя бы она могла изготовить сукно трудом 90 чел., она будет ввозить его из страны, где на производство его требуется труд 100 чел. Для нее будет выгоднее употреблять свой капитал предпочтительно на производство вина, за которое она получит больше сукна из Англии, чем она произвела бы сама, если бы она переместила часть своего капитала из виноделия в производство сукон.

Таким образом Англия отдавала бы продукт труда 100 чел. за продукт труда 80. Такой обмен не мог бы иметь места между индивидами одной и той же страны. Труд 100 англичан не может быть отдан за труд 80 англичан, но продукт труда 100 англичан может быть отдан за продукт труда 80 португальцев, 60 русских или 120 индусов. Разница в этом отношении между одной страной и многими легко объясняется, если мы примем во внимание трудность перемещения капитала из одной страны в другую в поисках более прибыльного занятия и подвижность, с какою он неизменно перемещается из одной области в другую в пределах одной и той же страны¹.

Несомненно, как для английских капиталистов, так и для потребителей обеих стран было бы выгодно, чтобы при таких обстоятельствах и вино и сукно изготовлялись в Португалии и, следовательно, чтобы английский капитал и труд, занятые в производстве сукна, переместились для той же цели в Португалию.

¹ Оказывается, таким образом, что страна, обладающая очень значительными преимуществами по части машин и мастерства и изготовляющая поэтому товары с помощью гораздо меньшего количества труда, чем ее соседи, может ввозить в обмен на такие товары часть хлеба, требующегося для ее потребления, даже в том случае, если ее земля плодороднее и возделывание хлеба требует в ней меньше труда, чем в стране, откуда он ввозится. Два человека выделывают обувь и шляпы, и один превосходит другого в обоих занятиях, но, изготовляя шляпы, он может превзойти своего соперника на одну пятую, или на 20%, а изготовляя обувь,—на одну треть, или на 33%; не будет ли для них выгоднее, чтобы более искусный занялся исключительно изготовлением обуви, а менее искусный—производством шляп?

В таком случае относительная стоимость этих товаров регулировалась бы тем же самым принципом, как если бы один из них производился в Йоркшире, а другой в Лондоне; и во всех других случаях при свободном перемещении капитала в те страны, где он мог бы быть применен наиболее прибыльно, не было бы никакой разницы в норме прибыли и никакой другой разницы в реальной или трудовой цене товаров, кроме той, которая определяется добавочным количеством труда, требующимся для перевозки их на разные рынки, где они должны быть проданы.

Опыт, однако, показывает, что воображаемое или действительно неуверенное положение капитала, который уже не находится под непосредственным контролем своего владельца, естественное нерасположение всех людей покидать свою родину, рвать старые связи и верить себя со всеми своими установившимися привычками чужестранному правительству и новым законам задерживают эмиграцию капитала. Эти чувства, ослабление которых мне было бы печально видеть, побуждают большинство лиц со средствами скорее довольствоваться низкой нормой прибыли у себя на родине, чем искать более выгодного помещения для своего богатства в чужих странах.

Так как золото и серебро были выбраны всеобщим средством обращения, то торговая конкуренция распределяет их между различными странами мира в пропорциях, соответствующих естественному обмену, который имел бы место, если бы не существовало таких металлов и международная торговля была чисто меновой торговлей.

Так, сукно не может ввозиться в Португалию, если не продается там за большее количество золота, чем то, которого оно стоит в стране, откуда оно ввозится, и вино не может ввозиться в Англию, если оно не продается выше своей стоимости в Португалии. Если бы торговля была чисто меновой торговлей, то она могла бы продолжаться лишь до тех пор, пока Англия могла бы выделять сукно так дешево, чтобы получать с помощью данного количества труда, затраченного на сукно, больше вина, чем если бы она занималась виноделием, и пока в Португалии промышленность дает противоположные результаты.

Предположим теперь, что Англия открыла такой способ выделения вина, при котором ей выгоднее самой производить его, чем ввозить; естественно, часть своего капитала она перенесет из внешней торговли во внутреннюю: она перестанет изготавливать сукно для вывоза и станет возделывать для себя виноград. В соответствии с этим будет регулироваться и денежная цена этих товаров: в Англии цена вина упадет, а цена сукна останется без изменения, в Португалии же не произойдет никакого изменения в цене ни того, ни другого товара. Сукно будет в течение некоторого времени попрежнему вывозиться от нас, потому что цена его в Португалии будет попрежнему выше, чем здесь; но вместо вина

за него будут расплачиваться деньгами, до тех пор пока накопление денег здесь и уменьшение их количества за границей не повлияют на относительную стоимость сукна в обеих странах так, что вывоз его перестанет быть прибыльным. Если усовершенствование в выделке вин будет весьма значительно, то для обеих стран может оказаться выгодным поменаться занятиями так, чтобы Англия производила все вино, а Португалия все сукно, потребляемые ими; но это может произойти только при посредстве нового распределения драгоценных металлов, которое подняло бы цену сукна в Англии и понизило ее в Португалии. Относительная цена вина упала бы в Англии вследствие действительной выгоды, полученной благодаря усовершенствованию его выделки, иначе говоря, оттого, что его естественная цена упала бы; относительная же цена сукна поднялась бы тут вследствие накопления денег.

Так, предположим, что до введения улучшений в выделке вина в Англии цена его равнялась здесь 50 ф. ст. бочка, а цена известного количества сукна—45 ф. ст., тогда как в Португалии цена того же количества вина была 45 ф. ст., а того же количества сукна—50 ф. ст.; вино вывозилось бы из Португалии с прибылью в 5 ф. ст., а сукно из Англии—с прибылью того же размера.

Предположим, что после введения усовершенствований цена вина упадет в Англии до 45 ф. ст., а цена сукна останется без изменения. Всякая сделка в торговле есть самостоятельная сделка. Пока купец может покупать сукно в Англии по 45 ф. ст. и продавать его с обычной прибылью в Португалии, он будет продолжать вывозить его из Англии. Его дело заключается просто в покупке английского сукна с уплатой за него векселем, который он покупает на португальские деньги. Для него совершенно безразлично, что станет с этими деньгами: он расплатится со своим долгом, переведя вексель. Его сделка несомненно регулируется условиями, на каких он может получить этот вексель, но они известны ему в данное время, а до причин, которые могут повлиять на рыночную цену векселей, или вексельный курс, ему нет дела.

Если условия рынка будут благоприятны для вывоза вина из Португалии в Англию, то экспортер вина будет продавцом векселя, который будет куплен или импортером сукна, или лицом, которое продало ему свой вексель. Таким образом экспортерам в каждой стране будет уплачено за их товары без перемещения денег из одной страны в другую. Деньги, уплаченные в Португалии импортером сукна, будут уплачены португальскому экспортеру вина, хотя между этими двумя лицами нет никаких прямых сделок, а в Англии путем учета того же векселя экспортер сукна приобретет право получить его стоимость от импортера вина.

Но если цены на вино будут таковы, что вино не может вывозиться в Англию, импортер сукна будет попрежнему покупать вексель, однако цена этого векселя будет выше, потому, что продавец его знает, что на рынке нет обратного векселя, с помощью

которого он мог бы в конечном счете ликвидировать счета между двумя странами. Он мог бы знать, что золотые или серебряные деньги, которые он получил в уплату за свой вексель, должны быть действительно пересланы его корреспонденту в Англию, чтобы дать последнему возможность уплатить по векселю, на предъявление которого даны соответствующие полномочия; он мог бы поэтому включить в цену своего векселя все могущие возникнуть издержки вместе со своей нормальной и обычной прибылью.

Если, следовательно, эта премия за вексель на Англию будет равна прибыли от ввоза сукна, то ввоз, конечно, прекратится. Но если премия на вексель будет составлять только 2%, если, чтобы иметь возможность покрыть долг в 100 ф. ст. в Англии, надо уплатить в Португалии 102 ф. ст., тогда как сукно, обходящееся в 45 ф. ст., будет продано за 50 ф. ст., то сукно будет ввозиться. Векселя будут тогда покупать и деньги вывозить до тех пор, пока уменьшение количества денег в Португалии и накопление их в Англии не приведет к такому состоянию цен, при котором уже будет невыгодно продолжать дальше эти сделки.

Но уменьшение количества денег в одной стране и увеличение количества их в другой влияет на цену не одного только товара, а на цены всех. Поэтому цена как вина, так и сукна повысится в Англии и понизится в Португалии. Цена сукна поднимется, вероятно, выше 45 ф. ст. в одной стране и упадет ниже 50 ф. ст. в другой, т. е. до 49 или 48 ф. ст. в Португалии и до 46 или 47 ф. ст. в Англии; после уплаты премии за вексель такие цены не будут давать достаточной прибыли, чтобы какой-либо купец имел стимул ввозить этот товар.

Таким именно образом деньги распределяются между отдельными странами только в таких количествах, какие необходимы для регулирования прибыльной меновой торговли. Англия вывозила сукно в обмен на вино, потому что при таком образе действий ее труд становится для нее более производительным; она имела больше сукна и вина, чем если бы выделявала то и другое для себя самой, а Португалия ввозила сукно и вывозила вино, потому что труд Португалии мог с большей выгодой для обеих стран быть употреблен на выделку вина. Если в Англии станет труднее производить сукно или в Португалии вино или же в Англии станет легче производить вино, а в Португалии сукно, то торговля должна будет немедленно прекратиться.

Если в Португалии условия несколько не изменились, но Англия находит, что может более производительно применять свой труд в виноделии, то меновая торговля между двумя странами сейчас же изменяется. Не только останавливается вывоз вина из Португалии, но происходит и новое распределение драгоценных металлов, и ввоз сукна в нее тоже прекращается.

Обе страны, вероятно, найдут более выгодным производить свое собственное вино и свое собственное сукно, но это приведет

к следующему своеобразному результату: хотя в Англии вино и подешевеет, но цена сукна повысится, и потребитель будет платить за него больше, между тем как в Португалии потребители и сукна и вина будут иметь возможность покупать эти товары дешевле. В стране, где имело место усовершенствование, цены повысятся, в стране, где не произошло никакого изменения, но которая лишилась прибыльной отрасли внешней торговли, цены упадут.

Это, однако, будет для Португалии лишь кажущейся выгодой, потому что общее количество вина и сукна, производимого в ней, уменьшится, тогда как в Англии увеличится. В известной степени стоимость денег изменится в обеих странах: она понизится в Англии и повысится в Португалии. Выраженный в деньгах весь доход Португалии уменьшится; выраженный в той же мере весь доход Англии возрастет.

Таким образом, оказывается, что улучшение в том или другом производстве в какой-либо стране имеет тенденцию изменять распределение драгоценных металлов между нациями мира: оно создает тенденцию к умножению количества товаров и в то же время к повышению средних цен в той стране, где имеет место это улучшение.

Для упрощения вопроса я предполагал, что торговля между двумя странами ограничивается двумя товарами—вином и сукном, но хорошо известно, что в списках вывоза и ввоза значится много разных товаров. Отлив денег из одной страны и накопление их в другой отражается на ценах всех товаров и, следовательно, поощряет вывоз многих других товаров сверх денег, а это в свою очередь ослабляет то резкое воздействие на стоимость денег в обеих странах, какого можно было бы ожидать при других условиях.

Кроме улучшений в методах производства и машинах, есть еще много других причин, которые постоянно влияют на естественное течение торговли и нарушают равновесие и относительную стоимость денег. Вывозные или ввозные премии и новые налоги на товары нарушают иногда прямо, а иногда косвенно естественную меновую торговлю и вызывают, таким образом, необходимость ввоза или вывоза денег для приспособления цен к естественному течению торговли. И такой результат имеет место не только в стране, где возникла причина пертурбации, но и в большей или меньшей мере во всех странах торгового мира.

Это до известной степени объясняет различную стоимость денег в разных странах и показывает также, почему цены отечественных товаров, а также громоздких товаров, хотя бы последние и имели сравнительно небольшую стоимость, будучи независимы от других причин, выше в тех странах, где процветает промышленность. Если мы возьмем две страны с совершенно одинаковым населением, с одним и тем же количеством одинаково плодородной земли под обработкой и одинаковым знанием сельского хозяйства, то цены

сырых произведений будут наиболее высокими в той, которая искуснее в производстве товаров, предназначенных для вывоза, и пользуется лучшими машинами. Норма прибыли будет, вероятно, различаться очень мало, потому что заработная плата, или реальное вознаграждение рабочего, может быть одинакова в обеих странах; но заработная плата, как и сырые произведения, будет оцениваться в большей сумме денег в той стране, куда вследствие выгод, вытекающих из превосходства ее мастеров и машин, деньги вывозятся в изобилии в обмен за ее товары.

Если одна из этих стран будет иметь преимущество в изготовлении товаров одного рода, а другая—в изготовлении товаров другого рода, то ни в той, ни в другой не будет наблюдаться очень резкого прилива драгоценных металлов; но если одна из них имеет решительный перевес над другой, то этот результат будет неизбежен.

В предыдущей части настоящего труда мы для развития аргументации принимали, что деньги всегда сохраняют одинаковую стоимость; теперь же мы стараемся показать, что, кроме обычных изменений в стоимости денег и тех, которые общи всему торговому миру, бывают также частные изменения, которым деньги подвергаются в отдельных странах; стоимость денег никогда не бывает одинаковой в двух странах в силу различий в их системах налогов, в уровне промышленного мастерства, а также благодаря преимуществам климата, естественным богатствам и многим другим причинам.

Но хотя стоимость денег непрерывно изменяется и вследствие этого цены товаров, которые производятся в большинстве стран, также значительно разнятся, ни прилив, ни отлив денег не оказывает никакого действия на норму прибыли. Капитал не возрастет вследствие увеличения количества средств обращения. Если рента, уплачиваемая фермером землевладельцу, и заработная плата, уплачиваемая им рабочим, в одной стране на 20% выше, чем в другой, и если в то же время и номинальная стоимость капитала фермера на 20% выше, то норма его прибыли будет так же велика, как и прежде, хотя он и продает свой сырой продукт на 20% дороже.

Прибыль—и это необходимо каждый раз повторять—зависит от заработной платы—не от номинальной, но от реальной заработной платы, не от числа фунтов стерлингов, уплачиваемых ежегодно рабочему, а от числа дней труда, необходимого для получения этих фунтов. Поэтому заработная плата может быть совершенно одинакова в двух странах, может находиться в одинаковом отношении к ренте и ко всему продукту, получаемому от земли, хотя бы в одной стране рабочий получал 10 шилл. в неделю, а в другой—12.

На ранних стадиях общественного развития, когда промышленность развита мало и все страны производят почти одни и те же товары, преимущественно громоздкие и наиболее полезные пред-

меты, стоимость денег в различных странах регулируется главным образом расстоянием последних от рудников, доставляющих драгоценные металлы; но, по мере того как в обществе развиваются ремесла и все более применяются технические улучшения, различные нации приобретают особенный опыт в отдельных отраслях промышленности и главным регулятором стоимости драгоценных металлов становится превосходство в количестве таких отраслей, хотя расстояние все еще входит в расчет.

Предположим, что все нации производят только хлеб, скот и грубое сукно и что страны, в которых эти товары производятся или которые ими распоряжаются, могут получить золото путем вывоза этих товаров. Естественно, что золото будет иметь большую меновую стоимость в Польше, чем в Англии, ввиду больших издержек на пересылку такого громоздкого товара, как хлеб, на более далекое расстояние и большей стоимости доставки золота в Польшу.

Эта разница в цене золота, или, что то же самое, в цене хлеба, в двух странах существовала бы, даже если бы легкость производства хлеба в Англии значительно превосходила легкость производства хлеба в Польше в силу большего плодородия почвы и превосходства в искусстве и орудиях рабочего.

Если, однако, Польша первая усовершенствует свою промышленность, если она будет успешно изготовлять товар, на который всюду имеется спрос и который в малом объеме заключает большую стоимость, или если природа благословит ее каким-нибудь продуктом, на который всюду имеется спрос и которым не обладает никакая другая страна, то в обмен на этот товар она будет получать добавочное количество золота, которое будет оказывать влияние на цену ее хлеба, скота и грубого сукна. Невыгоды расстояния будут, вероятно, более чем уравновешены выгодами обладания экспортным товаром большей стоимости, и деньги будут постоянно иметь в Польше более низкую стоимость, чем в Англии. Если, напротив, превосходство мастерства и машин будет на стороне Англии, то прибавится еще одно основание, в силу которого золото должно иметь меньшую стоимость в Англии, чем в Польше, а хлеб, скот и сукно должны быть дороже в первой.

Вот, по моему мнению, те две причины, которые одни только регулируют сравнительную стоимость денег в разных странах мира; хотя налоги и вызывают нарушение равновесия в количестве денег, но это происходит оттого, что они лишают страну, в которой введены, некоторых из преимуществ, связанных с квалификацией труда, трудолюбием и климатом.

Я старался тщательно установить различие между низкой стоимостью денег и высокой стоимостью хлеба или всякого другого товара, с которым могут быть сравниваемы деньги. Обыкновенно считают, что в данном случае мы имеем дело с одним и тем же явлением, но очевидно, что когда цена хлеба повышается с 5 до

10 шилл. за бушель, то это может быть вызвано или падением стоимости денег или повышением стоимости хлеба. Так, мы видели, что в силу необходимости прибегать последовательно к обработке земли все худшего и худшего качества, чтобы прокормить возрастающее население, стоимость хлеба должна повышаться в сравнении со стоимостью других предметов. Если поэтому стоимость денег остается постоянной, то хлеб будет обмениваться на бóльшие количества таких денег, т. е. цена его будет повышаться. Такое же повышение цены хлеба может произойти вследствие усовершенствования машин в промышленности, благодаря которому мы будем в состоянии изготавливать товары особенно дешево: ведь последствием этого будет прилив денег, стоимость их упадет, и потому они будут обмениваться на меньшее количество хлеба. Но результаты высокой цены хлеба, вызванной повышением стоимости хлеба или падением стоимости денег, будут совершенно различны. В обоих случаях денежная цена заработной платы повысится, но если это происходит вследствие падения стоимости денег, то поднимается не только денежная заработная плата и цена хлеба, но и цена всех других товаров. Если фабриканту придется платить больше в качестве заработной платы, то он будет и получать больше за изготавливаемые им товары, и норма прибыли останется без изменения. Но когда повышение цены хлеба является результатом трудности производства, прибыль падает, потому что фабрикант будет вынужден платить более высокую заработную плату и не будет в состоянии вознаградить себя за это повышением цены своих промышленных товаров.

Всякое улучшение в горном деле, вследствие которого металлы могут быть добываемы с помощью меньшего количества труда, вообще понижает стоимость денег. Последние будут обмениваться тогда на меньшее количество товаров во всех странах; но если какая-либо отдельная страна отличается своей промышленностью, так что усиливается прилив денег к ней, то стоимость последних будет в такой стране ниже, а цены хлеба и труда относительно выше, чем в других странах.

Эта более высокая стоимость денег не будет диктоваться вексельным курсом; векселя могут обмениваться попрежнему *al pari*, хотя цены хлеба и труда будут в одной стране на 10, 20 или 30% выше, чем в другой. При предположенных обстоятельствах такая разница в ценах будет в порядке вещей, и вексельный курс может стоять *al pari*, только когда в страну, отличающуюся своей промышленностью, ввезено количество денег, достаточное для того, чтобы цены хлеба и труда в ней повысились. Правда, если другие страны воспретят вывоз денег и сумеют заставить повиноваться такому закону, то они могут действительно помешать повышению цен на хлеб и труд в промышленной стране. Ибо такое повышение может иметь место только в случае прилива драгоценных металлов при условии, конечно, что бумажные деньги не упо-

требляются. Но эти страны не могут помешать тому, чтобы вексельный курс был очень неблагоприятен для них. Если бы Англия была такой промышленной страной и если бы было возможно помешать ввозу денег, то вексельный курс с Францией, Голландией и Испанией мог бы быть на 5, 10 или 20% против этих стран.

Когда денежный поток насильственно задерживается и имеются препятствия для удержания денег на их нормальном уровне, то нет границ возможным изменениям вексельного курса. Результаты получаются точно такие же, как и результаты внедрения в обращение бумажных денег, не могущих быть разменными на металл по желанию их владельца. Обращение таких денег необходимо ограничивается страной, где они выпущены: они не могут при большом избытке их разлиться по другим странам. Уровень обращения нарушен, и вексельный курс будет неизбежно неблагоприятен для страны, где количество средств обращения чрезмерно. Точно таким было бы действие металлического обращения, если бы при помощи насильственных мер, законов, которые нельзя обойти, деньги удерживались в стране, в то время как течение торговли толкает их в направлении к другим странам.

Когда каждая страна имеет как раз такое количество денег, какое она должна иметь, деньги не будут в действительности иметь одинаковой стоимости во всех странах: по отношению ко многим товарам разница эта может составлять 5, 10 или даже 20%, но вексельный курс будет *al pari*. 100 ф. ст. в Англии или серебро, заключающееся в 100 ф. ст., купят вексель на 100 ф. ст. или равное количество серебра во Франции, Испании или Голландии.

Говоря о вексельном курсе и сравнительной стоимости денег в разных странах, мы отнюдь не должны принимать во внимание стоимость денег, выраженную в товарах той или другой страны. Вексельный курс никогда не определяется путем оценки сравнительной стоимости денег в хлебе, сукне или каком-либо другом товаре, но посредством оценки стоимости средств обращения одной страны в средствах обращения другой.

Его можно установить путем сравнения с каким-нибудь мериллом, общим для обеих стран. Если вексель на 100 ф. ст. на Англию купит то же количество товаров во Франции или Испании, что и вексель на ту же сумму на Гамбург, то вексельный курс между Гамбургом и Англией стоит *al pari*; но если вексель на 130 ф. ст. на Англию купит не больше, чем вексель на 100 ф. ст. на Гамбург, то вексельный курс на 30% против Англии.

В Англии 100 ф. ст. могут купить вексель или право получить 101 ф. ст. в Голландии, 102 ф. ст. во Франции и 105 ф. ст. в Испании. В этом случае говорят, что вексельный курс между Англией и этими странами на 1% против Голландии, на 2% против Франции и на 5% против Испании. Это показывает, что уровень денежного обращения в этих странах выше, чем следует, и сравнительная

стоимость денег, находящихся в обращении у них и в Англии, немедленно возвратится к *al pari* при уменьшении их обращения или увеличении его в Англии.

Те, которые утверждают, что наши деньги были обесценены в течение последних десяти лет, когда вексельный курс колебался от 20 до 30% против Англии, никогда не оспаривали—хотя их в этом упрекали,—что стоимость денег относительно разных товаров не может быть в одной стране больше, чем в другой; но они настаивали, что 130 ф. ст. могли быть удержаны в Англии только в случае их обесценения, если, оцениваемые в деньгах Гамбурга или Голландии, они представляли не бóльшую стоимость, чем слиток в 100 ф. ст.

Послав 130 полноценных английских фунтов в Гамбург, я имел бы там 125 ф. ст. даже при расходе в 5 ф. ст. на пересылку; что же в таком случае заставляло меня давать 130 ф. ст. за вексель, который дал бы мне 100 ф. ст. в Гамбурге, если не то, что мои фунты не были полноценными фунтами стерлингов? Последние были бы испорчены, внутренняя стоимость их была бы ниже гамбургских фунтов, и, будь они действительно посланы туда, они были бы проданы только за 100 ф. ст. По отношению к металлическим фунтам стерлингов никто не отрицает, что за свои 130 ф. ст. я получил бы в Гамбурге 125 ф. ст., но за бумажные фунты стерлингов я могу получить только 100 ф. ст.; и, однако, утверждали, что 130 ф. ст. бумажных равнялись по стоимости 130 ф. ст. в серебре или золоте.

Правда, некоторые утверждали с бóльшим основанием, что 130 ф. ст. бумажных не равнялись по стоимости 130 ф. ст. металлическим, но они говорили, что изменилась стоимость не бумажных, а металлических денег. Они хотели ограничить смысл слова «обесценение» действительным падением стоимости, а не сравнительной разницей между стоимостью денег и того эталона, которым она по закону регулируется. 100 ф. ст. английских денег прежде имели такую же стоимость, как 100 ф. ст. гамбургских денег, и могли купить их: во всякой другой стране вексель в 100 ф. ст. на Англию или на Гамбург мог купить совершенно одинаковое количество товаров. Но чтобы получить те же самые вещи в данное время, я должен был отдавать 130 ф. ст. английских денег, тогда как Гамбург мог получить их за 100 ф. ст. гамбургских денег. Если английские деньги имели ту же стоимость, что и прежде, то стоимость гамбургских должна была подняться. Но где доказательство этого? Как удостовериться, что упала стоимость английских денег или что поднялась стоимость гамбургских? Нет меры, с помощью которой можно было бы определить это. Это—довод, который не допускает никакого доказательства, его нельзя ни полностью утверждать, ни полностью отрицать. Нации всего мира давно уже должны были убедиться в том, что в природе нет эталона стоимости, к которому они могли бы безошибочно прибегать,

и потому избрали меру, которая в общем итоге казалась им менее изменчивой, чем всякий другой товар.

С этой мерой мы должны сообразоваться, пока не изменен закон и не найден какой-нибудь другой товар, пользуясь которым мы получим более совершенную меру, чем та, какую мы установили. Пока золото является в этой стране единственным эталоном, деньги обесцениваются, когда фунт стерлингов не равен по своей стоимости 5 драхам 3 гранам золота установленной пробы, независимо от того, поднимается или падает обычная стоимость золота.

ГЛАВА VIII

О НАЛОГАХ

Налоги составляют ту долю продукта земли и труда страны, которая поступает в распоряжение правительства; они всегда уплачиваются в конечном счете или из капитала или из дохода страны.

Мы уже показали, что капитал страны является или основным или оборотным в зависимости от степени своей долговечности. Трудно определить с точностью, где начинается разница между основным и оборотным капиталом, потому что число степеней долговечности капитала почти бесконечно. Пища страны потребляется и воспроизводится по крайней мере раз в год; платье рабочего потребляется и воспроизводится, вероятно, не чаще чем каждые два года; дом его и обстановка рассчитаны на десяти-двадцатилетний период.

Когда годовое производство данной страны значительно превышает ее годовое потребление, говорят, что капитал ее возрастает; когда ее годовое потребление даже не покрывается ее годовым производством, говорят, что ее капитал уменьшается. Таким образом, капитал может увеличиться или вследствие увеличения производства или вследствие уменьшения [непроизводительного]* потребления.

Если потребление правительства возрастает вследствие взимания добавочных налогов и покрывается или увеличением производства или уменьшением потребления со стороны народа, то налоги падают на доход, и национальный капитал остается нетронутым; но если производство не увеличится или [непроизводительное]** потребление всего народа не уменьшится, то налоги необходимо упадут на капитал [т. е. будет затронут фонд, предназначенный для производительного потребления¹]***.

* [Вставка в третьем издании.]

** [То же.]

*** [То же.]

¹ Не следует упускать из виду, что все продукты страны потребляются, но разница между потреблением их теми, кто воспроизводит их стоимость вновь, или же теми, кто не воспроизводит ее, неизмеримо велика. Когда мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразуме-

Соразмерно уменьшению капитала страны необходимо уменьшится и ее производство; поэтому если такие [непроизводительные]* расходы народа и правительства продолжаются и если годовое воспроизводство постоянно уменьшается, то ресурсы народа и государства будут падать с возрастающей быстротой, и результатом будут нищета и разорение.

Несмотря на огромные расходы английского правительства за последние 20 лет, едва ли можно сомневаться в том, что возрастание национального производства более чем уравнивало их. Национальный капитал не только не был затронут, но и значительно возрос, и годовой доход народа даже за вычетом налогов в настоящее время, вероятно, больше, чем в какой-нибудь прежний период нашей истории.

В доказательство этого мы можем сослаться на увеличение населения, расширение земледелия, развитие судостроения и промышленности, сооружение доков, прорытие многочисленных каналов и на многие другие дорогостоящие предприятия; все это указывает на умножение как капитала, так и годового производства.

[Верно, однакоже, что, не будь налогов, это увеличение капитала было бы гораздо больше. Таких налогов, которые не имели бы тенденции уменьшать силу накопления, нет. Все налоги необходимо падают или на капитал или на доход. Если они падают на капитал, то должен соответственно уменьшиться тот фонд, размером которого всегда регулируется производительная деятельность страны, а если они падают на доход, то они или уменьшают накопление или заставляют налогоплательщиков уменьшать для покрытия их на соответствующую величину свое прежнее непроизводительное потребление предметов жизненной необходимости и комфорта]**. Одни налоги оказывают такое действие в большей степени, чем другие, но великое зло податного обложения заключается не столько в том, что оно падает на те или другие объекты, сколько в его действии, взятом в целом.

Налоги не необходимо падают на капитал, когда обложен капитал, или на доход, когда обложен доход. Если из дохода в 1 тыс. ф. ст. в год мне приходится уплачивать 100 ф. ст., то это действи-

ваем, что та доля дохода, о которой говорится, как о прибавке к капиталу, потребляется производительными рабочими вместо непроизводительных. Не может быть большего заблуждения, чем предположение, что капитал увеличивается от непотребления. Если бы цена труда поднялась до такой высоты, что, несмотря на увеличение капитала, он не мог бы быть применен в большем количестве, то я сказал бы, что такое приращение капитала будет опять-таки потреблено непроизводительно.

* [Вставка в третьем издании.]

** [В первом издании сказано было: «Нет таких налогов, которые не имели бы тенденции уменьшать накопления, ибо нет таких, которые не могли бы быть рассматриваемы как задерживающие производство и причиняющие такие же последствия, как плохая почва или климат, снижение квалификации или трудолюбия, ухудшение системы разделения труда или утрата каких-нибудь полезных машин. И хотя некоторые налоги» и т. д.]

тельно будет налог на доход в том случае, если я удовлетворюсь расхождением остальных 900 ф. ст., но если я расходую попрежнему 1 тыс. ф. ст., то это будет налог на капитал.

Пусть капитал, приносящий мне доход в 1 тыс. ф. ст., равняется 10 тыс. ф. ст., а налог в 1% на такой капитал составит 100 ф. ст., но если, уплатив этот налог, я буду тратить на себя только 900 ф. ст., то мой капитал не будет опять-таки затронут им.

Свойственное каждому человеку желание сохранить житейское положение и удерживать свое богатство на раз достигнутой высоте ведет к тому, что большинство налогов, будут ли то налоги на капитал или же на доход, уплачивается из дохода. Поэтому с ростом обложения или с умножением правительственных расходов то количество предметов комфорта, которым пользуется народ, должно уменьшаться, если только он не сможет соответственно увеличить свой капитал и свой доход. Задача политики правительства и должна состоять в том, чтобы поощрять это стремление к накоплению. Оно никогда не должно вводить такие налоги, которые неминуемо падают на капитал. Поступая так, оно затрагивает фонд, предназначенный для содержания труда, и тем самым уменьшает будущее производство страны.

В Англии такой политикой пренебрегали. Так, были введены пошлины за утверждение завещаний, налоги на наследство и всякие налоги на переход собственности от умерших к живым. Если наследство в 1 тыс. ф. ст. обложено налогом в 100 ф. ст., то наследник считает его равным только 900 ф. ст. и не чувствует особенного побуждения покрыть налог в 100 ф. ст. посредством сбережений на своих расходах: капитал страны таким образом уменьшается. Между тем, если бы он получил действительно 1 тыс. ф. ст. и обязан был уплатить 100 ф. ст. в качестве налога на доход, на вино, на лошадей или на слуг, он, вероятно, сократил бы свои расходы на эту сумму или, скорее, не стал бы их умножать, и капитал страны остался бы нетронутым.

«Налоги при переходе собственности от умерших к живым,—говорит Адам Смит,—падают в конце концов, да и непосредственно, на лиц, к которым собственность переходит. Налоги на продажу земли падают целиком на продавца. Продавец почти всегда поставлен в необходимость продать и поэтому должен взять ту цену, какую ему дают. Покупатель почти никогда не бывает вынужден купить, поэтому покупатель дает только такую цену, которую считает подходящей. Он высчитывает, сколько ему будет стоить земля вместе с налогом. Чем больше ему придется уплатить в виде налога, тем меньшую цену он расположен дать за землю. Такие налоги падают, следовательно, почти всегда на нуждающееся лицо и потому являются очень жестокими и гнетущими». «Гербовые пошлины и нотариальные пошлины с векселей и всяких других денежных обязательств падают целиком на должника и фактически всегда уплачиваются им. Судебные пошлины этого рода

падают на истца. Они уменьшают и для истца и для ответчика капитальную стоимость предмета тяжбы. Чем больше расходы по приобретению какого-либо имущества, тем меньше чистая стоимость приобретенного.

Все налоги на передачу имущества всякого рода, поскольку они уменьшают капитальную стоимость этого имущества, ведут к уменьшению фондов, предназначенных для содержания производительного труда. Все они—более или менее невыгодные налоги, так как они умножают доход государя, который редко содержит иных работников, кроме непроизводительных, в ущерб капиталу народа, который содержит только производительных работников*.

Но это не единственное возражение против налогов на передачу имущества; они мешают распределению национального капитала наиболее благотворным для общества образом. В интересах общего благосостояния необходимо всячески облегчать переход и обмен всякого рода имущества, так как только благодаря этому капитал всякого рода скорее найдет себе путь в руки тех, кто даст ему наилучшее применение, увеличивая производство страны. «Почему,—спрашивает Сэй,—человек хочет продать свою землю? Потому, что имеет в виду другое, более производительное помещение для своих средств. Зачем другой хочет купить эту самую землю? Чтобы дать приложение капиталу, который приносит ему слишком мало, или остается без употребления, или же может быть использован, по его мнению, лучше. Этот обмен умножит общий доход посредством умножения дохода обеих сторон. Но если пошлины настолько обременительны, что мешают этой сделке, то они являются препятствием к увеличению общего дохода**». Но эти налоги легко собираются, и многие могут подумать, что это несколько искупает их вредное действие.

ГЛАВА IX

НАЛОГИ НА СЫРЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В одной из предыдущих глав этого труда было, как мне кажется, вполне удовлетворительно доказано, что цена хлеба регулируется издержками его производства исключительно на той земле, или, лучше сказать, с тем капиталом, который не платит никакой ренты. Следовательно, все, что может увеличить издержки производства, будет увеличивать цену, а все, что может понизить издержки производства, будет понижать цену. Необходимость прибегать к обработке худшей земли или же уменьшение выручки при приложении данного добавочного капитала к уже обрабатываемой земле будет неизбежно повышать меновую стоимость сырых произведений. Изобретение машин, которые позволяют земледельцу получать хлеб с меньшими издержками производства,

* [«Богатство народов», кн. V, гл. II.]

** [«Economie politique», кн. III, гл. VIII.]

будет необходимо понижать его меновую стоимость. Всякий налог, будет ли то земельный налог, десятина или же налог на уже полученный продукт, будет увеличивать издержки производства и, следовательно, повышать цену сырых произведений.

Если цена сырых произведений не поднимается настолько, чтобы возместить земледельцу налог, то он, естественно, покинет занятие, в котором его прибыль упала ниже общего уровня прибыли; это вызовет уменьшение предложения, пока неумещающийся спрос не приведет к такому повышению цены сырья, что производство его станет так же прибыльно, как и помещение капитала во всякую другую отрасль промышленности.

Повышение цен есть единственное средство, с помощью которого земледелец может уплатить налог и получать попрежнему обычную среднюю прибыль от такого употребления своего капитала. Он не мог бы вычесть налог из ренты и заставить землевладельца платить его, потому что он не платит никакой ренты. Он не мог бы вычесть его из своей прибыли, потому что у него нет оснований продолжать дело, которое дает малую прибыль, когда все другие занятия дают большую. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что он будет иметь возможность поднять цену сырых произведений на сумму, равную налогу.

Налог на сырые произведения не будет уплачен ни землевладельцем, ни фермером; его уплатит в повышенной цене потребитель.

Следует помнить, что рента есть разность между количествами продукта, получаемого от приложения равных долей труда и капитала к земле одного и того же или различного качества. Надо помнить, кроме того, что денежная и хлебная земельная рента изменяется не в одинаковой пропорции.

Налог на сырые произведения, земельный налог или десятина влияют на изменение хлебной ренты, но оставляют без изменения денежную ренту.

Если, как мы предполагали раньше, обрабатывается земля трех разрядов и при равных капиталах

с № 1	получается	180	квартиров	хлеба
» № 2	»	170	»	»
» № 3	»	160	»	»

то рента № 1 будет равна 20 квартирам—разности между № 1 и № 3, рента № 2—10 квартирам—разности между № 2 и № 3, а № 3 не будет платить ренты вовсе.

При цене хлеба в 4 ф. ст. за квартал денежная рента № 1 составила бы 80 ф. ст., а № 2—40 ф. ст.

Предположим теперь, что хлеб обложен налогом в 8 шилл. с квартера; в таком случае цена его повысится до 4 ф. ст. 8 шилл., и если бы землевладельцы получали прежнюю хлебную ренту, то рента № 1 равнялась бы 88 ф. ст., а № 2—44 ф. ст. Но они не получают прежней хлебной ренты: налог упадет с большей силой на № 1, чем на № 2, и на № 2, чем на № 3, потому что будет взиматься

с большего количества хлеба. Цену регулирует трудность производства на № 3, и она повысится до 4 ф. ст. 8 шилл., чтобы прибыль на капитал, прилагаемый к № 3, могла быть на одном уровне с обычной прибылью на капитал.

Продукт и налог, получаемые с земли трех разрядов, будут таковы:

№ 1 дает 180 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. за квартал .	792 ф. ст.
за вычетом стоимости 16,3 квартера, или по 8 шилл. с квартера со 180 кварталов	72 ф. ст.
чистый продукт в хлебе— <u>163,7</u> квартера, чистый продукт в деньгах	720 ф. ст.
№ 2 дает 170 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. за квартал .	748 ф. ст.
за вычетом стоимости 15,4 квартера по 4 ф. ст. 8 шилл., или по 8 шилл. с квартера со 170 кварталов	68 ф. ст.
чистый продукт в хлебе— <u>154,6</u> квартера, чистый продукт в деньгах	680 ф. ст.
№ 3 дает 160 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. за квартал .	704 ф. ст.
за вычетом стоимости 14,5 квартера по 4 ф. ст. 8 шилл., или по 8 шилл. с квартера со 160 кварталов	64 ф. ст.
чистый продукт в хлебе— <u>145,5</u> квартера, чистый продукт в деньгах	640 ф. ст.

Денежная рента № 1 будет попрежнему равняться 80 ф. ст., или разности между 720 ф. ст. и 640 ф. ст., а денежная рента № 2—40 ф. ст., или разности между 680 ф. ст. и 640 ф. ст., т. е. такой же сумме, как и раньше, но хлебная рента № 1 понизится с 20 кварталов до 18,2—разности между 163,7 и 145,5 квартера, а хлебная рента № 2—с 10 кварталов до 9,1 [разности между 154,6 и 145,5 кварталера]*.

Итак, налог на хлеб падет на потребителей хлеба и повысит его стоимость сравнительно со стоимостью всех других товаров прямо пропорционально налогу. Поскольку сырые произведения входят в состав других товаров, стоимость последних тоже повысится, если действие налога не уравновесится действием других причин. Фактически они будут обложены косвенно, и стоимость их повысится в соответствии с налогом.

Однако налог на сырые произведения и на предметы насущной необходимости для рабочего будет иметь и другое действие: он повысит заработную плату. В силу влияния закона населения на размножение человечества заработная плата самого низшего разряда никогда не может долго держаться значительно выше нормы, которая требуется для содержания рабочего как природой, так и обычаем. Этот класс никогда не может выносить сколько-нибудь значительной доли податного обложения, и, следовательно, если рабочим приходится платить добавочные 8 шилл. за квартал пшеницы и несколько меньшую надбавку к цене других предметов насущной необходимости, они не будут в состоянии существовать

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

на ту же заработную плату, что и раньше, и продолжать свой род. Заработная плата неизбежно и необходимо поднимется, и пропорционально ее повышению упадет прибыль. Правительство получит 8 шилл. налога с каждого квартера хлеба, потребляемого в стране; часть этого налога будет уплачена прямо потребителями хлеба, другая часть будет уплачена косвенно теми, кто пользуется наемным трудом; это отразится на прибыли так, как если бы заработная плата поднялась в силу превышения спроса на труд над предложением его или в силу возросшей трудности добывания пищи и других предметов, в которых нуждаются рабочие.

Поскольку налог касается потребителей, он будет равномерным налогом, но поскольку он касается прибыли, он будет налогом односторонним, потому что он не заденет ни землевладельца, ни денежного капиталиста, которые будут получать: один—прежнюю денежную ренту, другой—прежние денежные дивиденды. Следовательно, налог на произведения земли действует таким образом:

во-первых, он повышает цену сырых произведений на равную ему сумму и поэтому падает на каждого потребителя пропорционально его потреблению;

во-вторых, он повышает заработную плату и понижает прибыль.

Против такого налога можно сделать следующие возражения:

во-первых, что, повышая заработную плату и понижая прибыль, он является неравномерным налогом, так как он падает на доход фермера, купца и промышленника, оставляя необложенным доход землевладельца, денежного капиталиста и других лиц, пользующихся твердым доходом;

во-вторых, что между повышением цены хлеба и повышением заработной платы пройдет значительный промежуток времени, в течение которого рабочий будет испытывать большую нужду;

в-третьих, что, повышая заработную плату и понижая прибыль, он уменьшает побуждение к накоплению и действует точно так же, как естественная бедность почвы;

в-четвертых, что вследствие повышения цены сырых произведений повышаются цены всех товаров, в которые входят сырые произведения, и потому мы встречаемся с иностранными промышленниками на общем рынке не в равных условиях.

На первое возражение, что такой налог, повышая заработную плату и понижая прибыль, действует неравномерно, так как затрагивает доход фермера, купца и промышленника и оставляет нетронутым доход землевладельца, денежного капиталиста и других лиц, пользующихся твердым доходом, можно ответить так: если налог имеет неравномерное действие, то дело законодательства сделать его равномерным, обложив прямым налогом земельную ренту и дивиденды с денежных капиталов. Этим путем цель, которая преследуется подоходным налогом, была бы достигнута без необходимости прибегать к неприятной мере заглядывания

в дела всех и каждого и без предоставления податным чиновникам полномочий, противных привычкам и чувствам свободной страны.

На второе возражение, что между повышением цены хлеба и повышением заработной платы пройдет значительный промежуток времени, в течение которого низшие классы будут терпеть большую нужду, я отвечу, что при разных обстоятельствах заработная плата следует за ценой сырых произведений с весьма неодинаковой быстротой; что в одних случаях повышение цены хлеба не оказывает вовсе никакого действия на заработную плату, в других—повышению цены хлеба предшествует повышение заработной платы; кроме того, действие [на заработную плату сказывается иногда медленно, а иногда быстро]*.

Те, кто утверждает, что цену труда регулирует цена предметов насущной необходимости,—принимая всегда в расчет ту стадию развития, на которой общество находится,—слишком поспешно соглашаются как будто с тем, что повышение или падение заработной платы очень медленно следует за повышением или падением цены предметов насущной необходимости. Высокая цена может быть результатом весьма различных причин и соответственно с этим может оказывать весьма различное действие. Она может быть результатом:

- во-первых, недостаточного предложения;
- во-вторых, постепенно усиливающегося спроса, сопровождаемого в конце концов увеличением издержек производства;
- в-третьих, падения стоимости денег;
- в-четвертых, введения налогов на предметы насущной необходимости.

Эти четыре причины недостаточно различались и обособлялись теми, кто исследовал влияние высокой цены предметов насущной необходимости на заработную плату. Рассмотрим их порознь.

Плохой урожай вызывает вздорожание предметов питания, и высокая цена является только средством заставить потребление сообразоваться с состоянием предложения. Если бы все покупатели хлеба были богаты, цена могла бы подняться до любой высоты, но результат был бы прежний; в конце концов цена стала бы так высока, что наименее богатые вынуждены были бы отказаться от потребления некоторой части того количества, которое они обычно потребляли, так как лишь путем сокращения потребления спрос мог бы быть понижен до размеров, предопределяемых предложением. При таких обстоятельствах нет более нелепой политики, чем принудительное регулирование денежной заработной платы сообразно с ценой пищи, как это часто делается благодаря неудачному применению законов о бедных. Такая мера не даст действительного облегчения рабочему, потому что результатом ее будет

* [В первом издании было сказано: «сказывается медленно, а иногда промежуток должен быть очень короток».]

еще большее вздорожание хлеба, и в конце концов рабочий будет вынужден ограничить свое потребление в соответствии с ограниченным предложением. При естественном ходе вещей, без пагубного и неблагоразумного вмешательства, недостаточное предложение вследствие неурожая не повлекло бы за собой повышения заработной платы. Повышение ее является чисто номинальным для тех, кто ее получает; оно увеличивает конкуренцию между покупателями на хлебном рынке и в конечном своем результате увеличивает барыши сельских хозяев и хлеботорговцев. В действительности заработная плата регулируется соотношением между предложением и спросом на предметы насущной необходимости и предложением и спросом на труд, а деньги служат только средством оценки или мерой, в которой выражается заработная плата. В данном случае, следовательно, нужда рабочего неизбежна, и единственным средством, к которому может прибегнуть законодательство, является ввоз добавочной пищи [или замена ее наиболее пригодными суррогатами]*.

Когда высокая цена хлеба является следствием возросшего спроса, ей всегда предшествует возрастание заработной платы, потому что спрос не может возрасти без увеличения у народа возможности платить за то, чего он желает. Накопление капитала, естественно, вызывает усиленное соперничество между теми, кто пользуется наемным трудом, а благодаря ему—повышение цены труда. Приращение же заработной платы не всегда издерживается непосредственно на пищу. Сначала оно служит для доставления рабочему новых предметов удовольствия. Но улучшение его положения побуждает его и дает ему возможность жениться, и тогда спрос на пищу для содержания семьи, естественно, вытесняет спрос на те предметы удовольствия, на которые временно расходовалась его заработная плата. Следовательно, цена хлеба повышается потому, что спрос на него возрастает, потому, что в обществе есть люди, у которых увеличились средства на покупку его. И прибыль фермера поднимается и будет выше общего уровня прибыли до тех пор, пока на производство хлеба не будет затрачено требуемое количество капитала. Упадет ли цена хлеба после того, как это случится, до своего прежнего уровня, или же повышение сохранится надолго, будет зависеть от качества земли, с которой получено добавочное количество хлеба. Если оно получено с земли, столь же плодородной, как и последняя, бывшая под обработкой, и с не более значительными издержками труда, то цена упадет до прежнего уровня, если с более бедной земли, то цена надолго останется выше его. В первом случае повышение заработной платы происходило вследствие увеличения спроса на труд; поскольку оно поощряло браки и шло на содержание детей, оно имело своим действием рост предложения труда. Когда предложение труда

* [Вставка в третьем издании.]

увеличится, заработная плата опять упадет до своего прежнего размера, если цена хлеба вернулась к своему старому уровню; если же добавочное количество хлеба получено с земли низшего качества, то заработная плата будет все-таки выше, чем прежде. Высокая цена вовсе не несовместима с обильным предложением: цена повышается надолго не потому, что количество продукта недостаточно, а потому, что производство было сопряжено с возросшими издержками. Правда, обыкновенно случается, что когда размножению населения дан стимул, действие последнего окажется сильнее, чем это требовалось в данном случае; население может возрасти и обыкновенно возрастает настолько, что, несмотря на увеличение спроса на труд (по отношению к фондам, предназначенным для содержания рабочих), оно будет больше, чем до увеличения капитала. Тогда наступает реакция, заработная плата падает ниже своего естественного уровня и будет оставаться в таком положении до тех пор, пока не восстановится обычное соотношение между предложением и спросом. В данном же случае повышение заработной платы предшествует повышению цены хлеба, и потому последнее не подвергает рабочего никаким бедствиям.

Второй причиной повышения цены пищи является падение стоимости денег вследствие наплыва драгоценных металлов из рудников или вследствие злоупотребления банковской привилегией. Но падение стоимости денег не вызывает никакого изменения в количестве производимой пищи. Число рабочих остается прежним, спрос на них — тоже, потому что тут не происходит ни возрастания, ни уменьшения капитала. Количество предметов насущной необходимости, которое достается рабочему, зависит как от сравнительного спроса и предложения этих предметов, так и от сравнительного спроса и предложения труда, деньги же служат только мериллом, в котором выражается это количество, а так как ни спрос, ни предложение предметов насущной необходимости и труда не изменились, то не может измениться и действительное вознаграждение рабочего. Денежная заработная плата повысится, но она позволит ему только иметь то же количество предметов жизненной необходимости, что и раньше. Те, кто оспаривает этот принцип, должны показать, почему умножение количества денег не должно оказать того же влияния на повышение цены труда, количество которого не возросло, какое, по их же признанию, оно непременно оказывало бы на повышение цены обуви, шляп и хлеба, если бы количество этих товаров не возросло. Относительная рыночная стоимость шляп и обуви регулируется спросом и предложением шляп в сравнении со спросом и предложением обуви, а деньги служат только мериллом, в котором выражается их стоимость. Если цена обуви удвоилась, то удвоилась также и цена шляп, и сравнительная стоимость их останется прежней. Точно так же, если удвоится цена хлеба и всех предметов насущной необходимости для рабочего, то удвоится

также и цена труда. А раз нет нарушения в обычном спросе и предложении предметов насущной необходимости и труда, то нет никакого основания для изменения их относительной стоимости.

Ни падение стоимости денег, ни налог на сырые произведения, хотя каждое из этих обстоятельств повышает цены, не отражаются *необходимо* на количестве сырых произведений или на числе людей, которые в состоянии купить и хотят потреблять их. Нетрудно понять, почему при нерегулярном росте капитала страны заработная плата поднимается, тогда как цена хлеба остается стационарной или повышается в меньшем отношении, и почему при уменьшении капитала страны заработная плата падает, тогда как цена хлеба остается прежней или же падает в гораздо меньшем отношении и притом на длительный период. Причина заключается в том, что труд—такой товар, количество которого не может быть увеличено или уменьшено по желанию. Если на рынке слишком мало шляп сравнительно со спросом, цена их поднимается, но лишь на короткое время, потому что в течение года количество шляп может быть увеличено путем приложения большего капитала в производстве их в любых нужных размерах; поэтому рыночная цена шляп не может долго превышать очень значительно их естественную цену. Но с рабочими дело обстоит иначе: вы не можете увеличить их число в один-два года в случае возрастания капитала или быстро уменьшить их число, когда капитал регрессирует; поэтому если число рабочих рук возрастает или уменьшается медленно, а фонды, предназначенные для содержания труда, возрастают или уменьшаются быстро, то пройдет значительный промежуток времени, пока цена труда будет точно регулироваться ценой хлеба и предметов необходимости. Но в случае падения стоимости денег или обложения налогом хлеба избыточное предложение труда или ослабление спроса на него не является необходимостью, и потому нет основания для действительного уменьшения заработной платы рабочего.

Налог на хлеб не необходимо уменьшает количество хлеба, он только повышает денежную цену последнего; он не необходимо уменьшает и спрос на труд сравнительно с предложением; почему же он должен уменьшить долю, уплачиваемую рабочему? Допустим, что это верно, что налог уменьшит количество хлеба, даваемое рабочему, другими словами, что он не повысит его денежной заработной платы в том же отношении, в каком поднимет цену потребляемого им хлеба. Но не превысит ли тогда предложение хлеба спрос? Не упадет ли его цена? И не получит ли таким образом рабочий свою обычную часть? Правда, в таком случае капитал был бы извлечен из земледелия, потому что если цена хлеба не возрастет на всю сумму налога, то прибыль в земледелии будет ниже общего уровня и капитал будет искать более выгодного помещения. Итак, что касается налога на сырые произведения, который мы теперь рассматриваем, то мне кажется, что между повышением

в цене сырых произведений и повышением заработной платы рабочего не пройдет такого промежутка времени, в течение которого положение рабочего значительно ухудшится. Поэтому рабочий класс не подвергается никакому другому неудобству, кроме того, какое он испытывает от всякого иного вида обложения, а именно риска, что налог может затронуть фонды, предназначенные для содержания труда, и тем задержать или ослабить спрос на него.

Что касается третьего возражения против налогов на сырые произведения, состоящего в том, что повышение заработной платы и понижение прибыли ослабляют побуждение к накоплению и действуют таким же образом, как естественная бедность почвы, то я старался показать в другой части настоящего труда, что сбережения могут делаться с одинаковым успехом как путем сокращения расходов, так и путем расширения производства, как при понижении стоимости товаров, так и при повышении нормы прибыли. Если моя прибыль возрастет с 1 тыс. ф. ст. до 1 200 при прежних ценах, моя способность увеличивать свой капитал путем сбережений увеличится, но не настолько, насколько она возросла бы, если бы моя прибыль оставалась прежней, а цены товаров понизились бы так сильно, что на 800 ф. ст. я мог бы купить столько же, сколько раньше покупал на 1 тыс. ф. ст.

Сумма, требуемая налогом, должна быть собрана, и вопрос заключается просто в том, будет ли таковая сумма взята с частных лиц путем уменьшения их прибыли или же путем повышения цен товаров, на которые эта прибыль будет израсходована.

Обложение, в какую бы форму оно ни облекалось, представляет собою только выбор из двух зол: если оно не влияет на прибыль или на другие источники дохода, то оно должно влиять на расходы, и совершенно безразлично, на что падает налог, лишь бы только бремя его распределялось равномерно и не задерживало воспроизводства. Налоги на производство или на прибыль с капитала, — взимаются ли они прямо с прибыли или же косвенным путем, посредством обложения земли или ее произведений, — имеют перед другими налогами то преимущество, что при условии одновременного обложения и всех других доходов никакой класс общества не может ускользнуть от них и каждый платит соразмерно своим средствам.

От уплаты налогов на расход может уклониться скряга: он может, имея доход в 10 тыс. ф. ст. в год, тратить только 300 ф. ст.; но от уплаты налогов на прибыль, прямых или косвенных, он уклониться не может; он будет платить их, отдавая часть своего продукта или стоимость ее; или же вследствие повышения цен всех предметов, необходимых для производства, он будет поставлен в невозможность накапливать капитал в прежних размерах. Доход его, правда, может иметь прежнюю стоимость, но он не будет иметь в своем распоряжении ни прежнего количества труда,

ни прежнего количества материалов, к которым этот труд может быть приложен.

Если страна вследствие своего островного положения обособлена от других и не имеет торговых сношений ни с кем из своих соседей, она никоим образом не может сложить с себя какую-нибудь часть налогов. Часть продукта ее земли и труда будет уделена на государственные надобности, и мне кажется, что вопрос о том, взимаются ли налоги с прибыли, с земледельческих или же с промышленных товаров, имеет второстепенное значение, если, конечно, они не дают несоразмерно на тот класс, который накапливает и берегает. Если я имею 1 тыс. ф. ст. годового дохода и должен уплатить налогов на сумму в 100 ф. ст., то для меня имеет мало значения, плачу ли я их из своего дохода, оставляя себе только 900 ф. ст., или же плачу лишних 100 ф. ст. за земледельческие товары или за промышленные изделия. Если 100 ф. ст. составляют мою справедливую долю в расходах страны, то достоинство обложения заключается в том, чтобы обеспечить уплату мною этих 100 ф. ст., не больше и не меньше. А для этого нет более надежного способа, чем обложение заработной платы, прибыли или сырых произведений.

Нам остается рассмотреть еще четвертое и последнее возражение. Оно заключается в том, что повышение цены сырых произведений повысит цены всех товаров, в состав которых входят сырые произведения, и, следовательно, мы встретимся с иностранными промышленниками на общем рынке на неравных условиях.

Но, во-первых, цены хлеба и всех отечественных товаров не могут существенно подняться без прилива драгоценных металлов, потому что при высоких ценах данное количество товаров не может быть приведено в обращение тем же количеством денег, что и при низких ценах, драгоценные же металлы никогда не могут быть куплены на дорогие товары. Если требуется больше золота, то для получения его надо отдать в обмен за него больше, а не меньше товаров. Недостаток денег не может быть покрыт бумажными деньгами, потому что не бумага регулирует стоимость золота как товара, а золото регулирует стоимость бумаги. Следовательно, если стоимость золота не понизится, бумажные деньги не могут быть прибавлены к обращению, не подвергаясь обесценению. А что стоимость золота не может понизиться, это станет нам ясно, если мы примем во внимание, что стоимость золота как товара должна регулироваться количеством товаров, отдаваемых иностранцам в обмен на него. Когда золото дешево, товары дороги, а когда золото дорого, товары дешевы и цены их падают. Но так как нет никакого основания ожидать, чтобы иностранцы продавали свое золото дешевле, чем обыкновенно, то весьма мало вероятно, чтобы в данном случае произошел какой-либо прилив золота. А без такого прилива не может возрасти его количество

или упасть его стоимость, а следовательно, невозможно и общее повышение цен товаров¹.

Вероятным последствием налога на сырые произведения будет повышение цены этих последних и всех товаров, в состав которых они входят, но отнюдь не пропорционально налогу; цены же других товаров, в состав которых не входят сырые произведения, например металлических и гончарных изделий, упадут. Итак, прежнего количества денег будет достаточно для всего обращения.

Налог, который оказал бы повышательное действие на цены всех продуктов страны, уменьшил бы стимул вывоза только на очень ограниченное время. Если бы цены продуктов повысились внутри страны, последние действительно нельзя было бы сразу же вывозить с прибылью, ибо они несли бы здесь бремя, от которого за границей были бы свободны. Налог произвел бы такое же действие, как изменение в стоимости денег, которое не было бы общим для всех стран, а ограничилось лишь одной. Если бы этой страной была Англия, она, может быть, не могла бы продавать, но она могла бы покупать, потому что цены ввозимых товаров не повысились бы. При таких обстоятельствах в обмен на иностранные товары не вывозилось бы ничего, кроме денег, а такая торговля не может долго длиться; денежный фонд нации не может истощиться, так как после отлива известного количества денег поднялась бы стоимость оставшегося количества, и в результате цены товаров стали бы такими, что можно было бы снова вывозить с выгодой. Следовательно, когда стоимость денег поднимется, мы не будем вывозить их больше в обмен за товары, а будем вывозить те фабрикаты, цены которых сначала поднялись вследствие повышения цены сырых произведений, из которых они сделаны, а потом снова понизились вследствие вывоза денег.

Но могут возразить, что когда поднимется стоимость денег, то это повышение одинаково коснется как отечественных, так и иностранных товаров, и, следовательно, всякое побуждение к ввозу иностранных товаров прекратится. Так, предполагая, что мы ввозили товары, которые стоят за границей 100 ф. ст., а здесь продавались за 120 ф. ст., мы перестали бы ввозить их, когда стоимость денег поднялась бы в Англии настолько, что они продавались бы здесь только за 100 ф. ст. Этого, однако, никогда не может случиться. Мотивом, побуждающим нас ввозить товар, служит факт его относительной дешевизны за границей, сравнение его цены за границей с ценой внутри страны. Если страна вывозит шляпы и ввозит сукно, она это делает потому, что может получить больше сукна, производя шляпы и обменивая их на сукно, чем

¹ Могут возразить, что при повышении цены товаров только вследствие обложения потребуются больше денег для их обращения. Я думаю, что нет. [Это примечание сделано только в третьем издании.]

если бы она изготовляла его сама. Если повышение цены сырых произведений вызывает какое-либо увеличение издержек производства шляп, то оно вызовет также и увеличение издержек производства сукна. Если бы поэтому оба товара изготовлялись дома, то повысились бы цены обоих. Но так как один из них мы ввозим, то цена его не повысится и не упадет даже при повышении стоимости денег, а если его цена не упадет, то она будет опять находиться в своем естественном отношении к цене вывозимого товара. Повышение цены сырых произведений вызывает повышение цены шляпы с 30 до 33 шилл., или на 10%; в силу той же причины цена сукна, если бы мы выделывали его, повысилась бы с 20 до 22 шилл. за ярд. Это повышение не нарушает отношения между ценой сукна и ценой шляп: шляпа стоила и продолжает стоить полтора ярда сукна. Но если мы ввозим сукно, то его цена будет оставаться попрежнему 20 шилл. за ярд, и на нее не будет влиять сначала падение, а потом повышение стоимости денег; цена же шляп, поднявшись с 30 до 33 шилл., снова упадет с 33 до 30 шилл., т. е. до точки, на которой восстановится прежнее отношение между сукном и шляпами.

Чтобы упростить исследование этого вопроса, я предполагал, что повышение стоимости сырых материалов повысит в равном отношении цены всех отечественных товаров, так что если вследствие этого повышения цена одного товара поднимется на 10%, то и цены остальных поднимутся тоже на 10%. Но так как стоимость товаров складывается различным образом из стоимостей сырого материала и труда, так как на некоторых товарах, например металлических изделиях, совсем не отразится повышение цены сырых произведений, добываемых с поверхности земли, то очевидно, что налог на сырые произведения будет действовать на стоимость товаров самым различным образом. Поскольку это действие имеет место, оно поощряет или задерживает вывоз отдельных товаров и несомненно сопровождается теми же неудобствами, как и обложение самих товаров: оно нарушает естественное отношение между их стоимостями. Так, вместо того чтобы равняться [стоимости] полутора ярдов сукна, естественная цена шляпы может стать равной стоимости только одного ярда с четвертью или одного ярда и трех четвертей, и, следовательно, внешняя торговля может получить несколько иное направление. Все эти неудобства не отразятся, вероятно, на стоимости вывоза и ввоза, они только помешают наилучшему распределению капитала всего мира, которое никогда не регулируется так хорошо, как тогда, когда всякому товару предоставляется свобода утвердиться на своей естественной цене [без каких-либо искусственных ограничений]*.

Итак, хотя повышение цены большинства наших собственных товаров затруднило бы на время вывоз вообще и могло бы надолго

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

прекратить вывоз некоторых отдельных товаров, оно не могло бы существенно отразиться на внешней торговле и не поставило бы нас в сравнительно невыгодное положение по отношению к конкуренции на внешних рынках.

ГЛАВА X

НАЛОГИ НА РЕНТУ

Налог на ренту оказывает влияние только на ренту; он всецело падает на землевладельцев и не может быть переложен на какой-нибудь класс потребителей. Повысить ренту землевладелец не может, потому что разность между продуктом, получаемым с наименее производительной земли, находящейся в обработке, и продуктом, получаемым с земли всякого другого разряда, остается прежней. Обрабатывается земля трех разрядов: № 1, 2 и 3, которые при затрате одинакового количества труда дают соответственно 180, 170 и 160 кварталов пшеницы; но № 3 ренты не платит и потому остается необложенным, рента же с № 2 не может превышать стоимость 10 кварталов, а рента с № 1 — стоимость 20 кварталов. Такой налог не может повысить цены сырых произведений, ибо земледелец № 3, поскольку он не платит ни ренты, ни налога, не имеет никакой возможности повысить цену произведенного товара. Налог на ренту не уменьшит стимула к обработке новой земли, потому что такая земля не платит ренты и осталась бы необложенной. Если бы в обработку поступил № 4 и дал бы 150 кварталов, то эта земля не платила бы налога; но создавалась бы рента в 10 кварталов с № 3, который начал бы тогда платить налог.

Налог на ренту, как она обычно устанавливается, уменьшил бы стимул к обработке земли, потому что был бы налогом на прибыль землевладельца. Как я уже отметил в другом месте, термином «земельная рента» обыкновенно называют всю сумму стоимости, уплачиваемую фермером землевладельцу, тогда как только часть ее является, строго говоря, рентой. Постройки со всеми их принадлежностями и прочие расходы, сделанные землевладельцем на свой счет, составляют в строгом смысле слова часть капитала фермы и были бы произведены фермером, если бы о них не позаботился землевладелец. Рента есть сумма, уплачиваемая землевладельцу за пользование землей, и только землей. Остальная сумма, уплачиваемая ему под именем ренты, платится за пользование постройками и пр. и в действительности составляет прибыль на капитал землевладельца. Так как при обложении ренты не делали бы различия между той ее частью, которая платится за пользование землей, и той, которая платится за пользование капиталом землевладельца, то часть налога упала бы на прибыль землевладельца и, следовательно, уничтожила бы стимул к обработке земли, если только не повысилась бы цена сырых произведений.

С той земли, за пользование которой не платилось ренты, землевладелец мог получать под этим именем вознаграждение за пользование его постройками. Эти постройки не были бы сооружены, и сырые произведения не выращивались бы на той земле до тех пор, пока цена, по которой они продаются, не окупала бы не только все обычные расходы, но также и добавочный расход на налог. Эта часть налога падает не на землевладельца и не на фермера, а на потребителя сырых произведений.

Едва ли можно сомневаться в том, что при введении налога на ренту землевладельцы скоро научились бы различать ту часть, которая уплачивается им за пользование земель, от той, которая платится за пользование зданиями и улучшениями, сделанными за счет капитала землевладельца. Последняя была бы выделена под именем ренты с дома и построек, или же на всей вновь поступающей в обработку земле не землевладелец, а арендатор воздвигал бы такие постройки и вводил бы улучшения. Правда, для этой цели мог бы, конечно, употребляться капитал землевладельца, номинально расходы производил бы арендатор, но средства доставлял бы ему землевладелец или в форме ссуды или же приобретая право на известный ежегодный доход в течение всего срока аренды. Делается ли это различие или нет, разница в характере вознаграждения, получаемого землевладельцем за различные вещи, в действительности существует. Совершенно верно, что налог на действительную земельную ренту падает целиком на землевладельца а налог на вознаграждение, которое землевладелец получает за пользование его капиталом, затраченным на ферму, падает в развивающейся стране на потребителя сырых произведений. Если бы рента была обложена налогом и не было принято никаких мер к различению отдельных частей вознаграждения, уплачиваемого теперь арендатором землевладельцу под именем ренты, то налог, поскольку он касается ренты за здания и другие сооружения, никогда не падал бы в течение сколько-нибудь долгого времени на землевладельца, а падал бы на потребителя. Капитал, затраченный на эти строения и пр., должен давать обычную прибыль, но он перестал бы давать эту прибыль на земле, поступившей в обработку позже других, если бы издержки на эти здания и пр. не падали на арендатора. А если бы они падали на последнего, то арендатор перестал бы получать свою прибыль с капитала, если бы не мог переложить их на потребителя.

ГЛАВА XI

ДЕСЯТИНА

Десятина есть налог на валовой продукт земли и, подобно налогам на сырые произведения, падает всецело на потребителя. От налога на ренту она отличается тем, что падает и на ту землю, которой первый не касается, и повышает цену сырых произведе-

ний, на которую налог на ренту не влияет. Десятиной облагается как самая лучшая, так и самая худшая земля, притом строго пропорционально количеству даваемого земель продукта. Следовательно, десятина—налог равномерный.

Если земля низшего качества, или та, которая не платит ренты и которая регулирует цену хлеба, дает количество, достаточное, чтобы фермер имел обычную прибыль на капитал, когда квартал пшеницы стоит 4 ф. ст., то для того, чтобы можно было получить ту же прибыль после обложения этой земли десятиной, цена хлеба должна подняться до 4 ф. ст. 8 шилл. Ибо теперь с каждого квартала пшеницы земледелец должен платить в пользу церкви 8 шилл.; [если же он не получит той же прибыли, то у него нет никакого основания продолжать свое старое дело, раз он может получить такую прибыль при другом занятии]*.

Единственное различие между десятиной и налогами на сырые произведения состоит в том, что первая представляет собою переменный денежный налог, а вторые принадлежат к категории постоянных денежных налогов. При неподвижном состоянии общества, когда легкость производства хлеба не возрастает и не уменьшается, эти налоги будут производить совершенно одинаковое действие, потому что при таком состоянии цена хлеба будет неизменной и налог поэтому будет также неизменным. Но как при оставании общества, так и при таком состоянии его, когда в земледелие вводятся крупные улучшения и когда, следовательно, стоимость сырых произведений падает в сравнении со стоимостью других предметов, десятина окажется более легким налогом, чем постоянный денежный налог; если цена хлеба упадет с 4 ф. ст. до 3 ф. ст., то и налог упадет с 8 до 6 шилл. При поступательном движении общества, но при отсутствии сколько-нибудь заметных улучшений в земледелии цена хлеба будет повышаться и десятина будет более тяжелым налогом, чем постоянный денежный налог. Если цена хлеба повысится с 4 до 5 ф. ст., то десятина с той же земли повысится с 8 до 10 шилл.

Ни десятина, ни денежный налог не коснутся денежной ренты землевладельцев, но оба налога существенно отразятся на хлебной ренте. Мы уже видели, как действует на хлебную ренту денежный налог; очевидно, что и десятина окажет подобное же действие. Если земли № 1, 2 и 3 дают 180, 170 и 160 кварталов, то рента с № 1 составит 20 кварталов, а с № 2—10. Но после уплаты десятины эта пропорция нарушится, потому что если вычесть из продукта земли каждого разряда десятую долю, то остающийся продукт будет равен 162, 153 и 144, и, следовательно, хлебная рента № 1 понизится до 18, а № 2—до 9 кварталов. Но цена хлеба поднимется с 4 ф. ст. до 4 ф. ст. 8 шилл. $10^2/3$ пенса, так как 144 квартала: 160 кварталов = 4 ф. ст.: 4 ф. ст. 8 шилл. $10^2/3$ пенса, и, сле-

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

довательно, денежная рента останется прежней, потому что для № 1 она будет равна 80 ф. ст.¹, а для № 2—40 ф. ст.²

Главное возражение против десятины состоит в том, что этот налог не является устойчивым и твердым, так как стоимость его возрастает вместе с возрастанием трудности производства хлеба. Если в силу этой трудности цена квартера хлеба равняется 4 ф. ст., то налог составляет 8 шилл.; если вследствие дальнейшего возрастания трудности производства хлеба цена его повысится до 5 ф. ст., то налог составит 10 шилл., а если она повысится до 6 ф. ст., то налог составит уже 12 шилл. Увеличивается, однако, не только стоимость, но и масса облагаемого хлеба. Так, когда обрабатывался только № 1, десятина взималась всего со 180 кварталов; когда в обработку поступил № 2, то она взималась со 180+170, или с 350 кварталов, а когда начал обрабатываться и № 3, то десятина взималась уже со 180+170+160, или с 510 кварталов. При возрастании количества продукта с 1 млн. до 2 млн. кварталов возрастет не только сумма налога со 100 тыс. до 200 тыс. кварталов: благодаря увеличению количества труда, необходимого для производства второго миллиона, относительная стоимость сырых произведений может подняться настолько, что 200 тыс. кварталов, превышая по своему количеству 100 тыс. кварталов, уплаченные прежде лишь вдвое, могут по своей стоимости пре-
высить их втрое.

Если бы такая же стоимость собиралась в пользу церкви каким-нибудь другим способом, возрастая, как и десятина, пропорционально трудности обработки земли, то результат получился бы тот же. [Поэтому ошибочно предполагать, что десятина, в силу того что она взимается с земли, действует на земледелие более неблагоприятным образом, чем действовала бы равная ей сумма, взимаемая как-нибудь иначе.]* В обоих случаях церковь получала бы постоянно все большую и большую долю чистого продукта земли и труда страны. При поступательном движении общества чистый продукт земли по отношению к ее валовому продукту всегда уменьшается, а между тем все налоги берутся в конечном счете из чистого дохода страны, будет ли последняя развиваться или переживать застой. Налог, который растет вместе с валовым доходом, но падает своей тяжестью на чистый доход, должен быть по необходимости крайне обременительным и невыносимым налогом. Десятина составляет десятую долю не чистого, а валового продукта земли. Следовательно, вместе с развитием общественного богатства она при сохранении того же отношения к валовому продукту должна поглощать все большую и большую долю чистого продукта.

¹ 18 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. 10²/₃ пенса. [Это примечание сделано только в третьем издании.]

² 9 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. 10²/₃ пенса. [То же.]

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

На десятину можно, однако, смотреть, как на налог, наносящий ущерб землевладельцам, поскольку она действует как премия на ввоз: в то время как производство хлеба внутри страны облагается этим налогом, ввоз иностранного хлеба совершается вполне свободно. И если бы с целью защиты землевладельцев от последствий уменьшения спроса на землю, которое должно быть результатом такой премии, ввозимый хлеб был бы также обложен [в одинаковой степени с отечественным]* и получаемый таким образом доход поступал бы в пользу государства, то это была бы самая правильная и справедливая мера, ибо выручка, доставляемая государству таким налогом, позволила бы уменьшить другие налоги, необходимые на покрытие государственных расходов. Но если бы такой налог служил только для увеличения фонда, идущего в пользу церкви, то хотя в целом он мог бы действительно увеличить общую массу продуктов, он уменьшил бы ту часть этой массы, которая уделяется производительным классам.

Если бы торговля сукном была совершенно свободна, наши фабриканты могли бы продавать сукно дешевле, чем обходилось бы нам сукно, ввозимое из-за границы. Если бы отечественный фабрикант должен был платить налог, которого импортер сукна не платил бы, то это оказало бы вредное действие на капитал и заставило бы его оставить суконное производство для какого-нибудь другого, так как ввозимое сукно было бы дешевле, чем производимое внутри страны. Если бы ввозимое сукно было тоже обложено, сукно опять могло бы производиться у нас. Сначала потребитель покупал отечественное сукно, потому что оно было дешевле заграничного, потом он стал покупать заграничное, потому что, не будучи обложено налогом, оно стоило дешевле отечественного, обложенного налогом. Наконец, он стал опять покупать отечественное сукно, потому что при одинаковом обложении отечественного и заграничного сукна первое опять стало дешевле заграничного. В последнем случае он платит за сукно самую высокую цену, но вся добавочная плата поступает в пользу государства. Во втором случае он платит за сукно дороже, чем в первом, но уплачиваемый им излишек не поступает в пользу государства, ибо это возрастание цены вызвано трудностями производства: связав нас новым налогом, у нас отняли бы возможность производить наиболее легким способом.

ГЛАВА XII

ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАЛОГ

Земельный налог, пропорциональный ренте с земли и изменяющийся с каждым изменением ренты, есть в действительности налог на ренту. Так как такой налог не коснется земли, которая не дает

* [В первом издании вместо этих слов: «в размере одной десятой».]

ренды, или продукта капитала, который прилагается к земле в расчете только на прибыль и никогда не платит ренты, то он нисколько не повлияет на цены сырых произведений, а всецело падает на землевладельцев. Такой налог ничем не отличается от налога на ренту. Но если земельным налогом будет обложена вся возделываемая земля, то, как бы он ни был умерен, он будет налогом на продукт и потому повысит цену продукта. Если последней возделываемой землей была земля № 3, то хотя она и не платит ренты, она не может возделываться после введения налога и давать при этом прибыль соответственно общей норме ее, если налог не будет покрыт повышением цены продукта. Капитал будет или избегать такого приложения до тех пор, пока цена хлеба не повысится вследствие спроса настолько, чтобы давать ему обычную прибыль, или, если капитал уже вложен в такую землю, он оставит ее, чтобы поискать более выгодного применения. Налог не может быть переложен на землевладельца потому, что, по нашему предположению, тот не получает никакой ренты. Такой налог или соразмеряется с качеством земли, с изобилием ее продукции, и тогда он ничем не отличается от десятины, или является твердым налогом с акра всей возделываемой земли, каково бы ни было ее качество.

Земельный налог последнего рода будет очень неравномерным и противоречит одному из четырех общих правил, которым, по мнению А. Смита, должны удовлетворять все налоги. Эти четыре правила таковы:

«1) Подданные каждого государства должны платить на содержание правительства по возможности пропорционально своим средствам.

2) Налог, приходящийся на долю каждого индивида, должен быть определен точно, а не произвольно.

3) Каждый налог должен взиматься в наиболее удобное время для плательщика и наиболее удобным для него способом.

4) Взимание каждого налога должно производиться так, чтобы из кармана народа бралось возможно меньше сверх того, что поступает в государственную казну»*.

Равномерный земельный налог, который падает одинаково на всю землю, находящуюся под обработкой, несмотря на различия в ее качестве, повысит цену хлеба пропорционально налогу, уплачиваемому с земли самого худшего качества. Земли различного качества дают при приложении к ним одинаковых капиталов весьма неодинаковые количества сырых произведений. Если земля, дающая при данном капитале 1 тыс. кварталов хлеба, будет обложена налогом в 100 ф. ст., цена хлеба должна подняться на 2 шилл., чтобы возместить фермеру налог. Но на земле лучшего качества при затрате одинакового капитала может быть произведено 2 тыс.

* [«Богатство народов», кн. V, гл. II.]

квартиров, которые при повышении цены на 2 шилл. дадут лишних 200 ф. ст. Однако налог, будучи одинаковым для той и другой земли, составит и с лучшей и с худшей земли 100 ф. ст., и, следовательно, потребитель хлеба будет платить не только налог для удовлетворения нужд государства, но еще 100 ф. ст. в пользу арендатора лучшей земли в течение всего срока аренды, а затем позволит землевладельцу поднять на всю эту сумму ренту. Таким образом налог этого рода противоречит четвертому правилу Адама Смита,—он будет брать из народного кармана больше, чем дает государственному казначейству. Подобным налогом была земельная подать (taille) во Франции до революции; были обложены только земли, находившиеся в руках недворян, цена сырых произведений повышалась пропорционально налогу, и, следовательно, те, кто не платил налога, получали еще выгоду вследствие возрастания ренты. Налоги на сырые произведения и десятины свободны от этого упрека: они повышают цену сырых произведений, но каждый разряд земли платит соразмерно своему действительному продукту, а не соразмерно продукту наименее производительной земли.

Своеобразная точка зрения, с которой Адам Смит рассматривает ренту, и то обстоятельство, что он не заметил, какое большое количество капитала затрачивается в каждой стране на землю, не платящую ренты, привели его к заключению, что все земельные налоги,—облагается ли ими земля непосредственно в форме налога или десятины, берутся ли они из продукта или взимаются с прибыли фермера,—неизменно падают на землевладельца, который всегда является действительным плательщиком, хотя бы налог номинально авансировался вообще арендатором.

«Налоги на продукт земли,—говорит он,—в действительности являются налогами на ренту. Если они даже вносятся первоначально фермером, то в конечном счете они уплачиваются землевладельцем. Если известная часть продукта должна быть уплачена в форме налога, то фермер старается высчитать с возможной точностью, как велика будет в среднем ежегодная стоимость этой части, и соответственно этому делает вычет из ренты, которую он соглашается платить землевладельцу. Мы не встретим ни одного фермера, который не высчитал бы заранее, сколько будет составлять в среднем ежегодно церковная десятина, которая тоже в сущности является земельным налогом»*. Вполне правильно, что фермер высчитывает все и всякие вероятные расходы, когда заключает с землевладельцем соглашение о ренте, уплачиваемой за ферму. И если за десятину, уплачиваемую церкви, или налог на продукт земли он не получил бы вознаграждения в повышенной относительной стоимости своих продуктов, он, конечно, постарался бы сделать соответствующий вычет из ренты. Но в этом

* [«Богатство народов», кн. V, гл. II.]

именно и состоит спорный вопрос: действительно ли он сделает такой вычет из ренты или вознаградит себя повышением цены продукта. По тем основаниям, которые я уже приводил, я ничуть не сомневаюсь, что эти налоги вызовут повышение цены продуктов и что, следовательно, Адам Смит занял в этом важном вопросе неправильную позицию.

Именно эта точка зрения доктора Смита заставила его, вероятно, утверждать, что «десятина, как и всякий земельный налог этого рода, несмотря на видимость полного равенства, в действительности является очень неравномерным налогом, так как определенная часть продукта представляет при различных условиях далеко не одинаковую часть ренты». Я старался показать, что налоги этого рода не падают неравномерно на различные группы фермеров или землевладельцев, так как и те и другие получают вознаграждение в повышенной цене старых произведений и участвуют в платеже налога только пропорционально своему потреблению сырых произведений. В действительности, поскольку вследствие налога изменяется заработная плата, а под ее влиянием и норма прибыли, землевладельцы не только не участвуют в платеже этого налога, но являются, наоборот, тем классом, который освобожден от него. Именно из прибыли на капитал берется часть налога, падающая на рабочих, неспособных вследствие недостатка средств уплатить его; эта часть уплачивается исключительно теми, кто получает свой доход от вложения капитала, и, следовательно, она нисколько не затрагивает землевладельцев.

Из этого еще вовсе не следует, что десятина и другие налоги на землю и ее продукты не задерживают развития земледелия. Все, что увеличивает меновую стоимость различных товаров, на которые существует всеобщий спрос, имеет тенденцию уничтожать стимул к развитию как земледелия, так и производства вообще. Но это зло неразрывно связано со всяким обложением и не ограничивается теми именно налогами, о которых мы теперь говорим.

В действительности это зло представляет неизбежную невыгоду, относящуюся ко всем налогам, взимаемым и расходуемым государством. Каждый новый налог превращается в новую тягость для производства и влечет за собой повышение естественной цены товаров. Та часть труда страны, которой располагал прежде плательщик налога, теперь попадает в руки государства [и поэтому не может быть больше употреблена производительно]*. Эта часть может принять такие размеры, при которых не останется достаточного прибавочного продукта, необходимого для поощрения тех, кто своими сбережениями увеличивает обычно капиталы всего государства. К счастью, ни в одной свободной стране налоговое обложение никогда еще не доходило до таких размеров, чтобы из года в год постоянно уменьшать ее капитал. Ни одна

* [Вставка в третьем издании.]

страна не могла бы переносить долго такое обложение. Но если бы какая-нибудь страна его выносила, то налоги поглощали бы такую значительную часть ее годового продукта, что она скоро представляла бы ужасную картину нищеты, голода и обезлюдения.

«Земельный налог,—говорит Адам Смит,—разверстанный, как в Великобритании, для каждого округа по определенному неизменному правилу, если даже он и был равномерным при его введении, с течением времени необходимо становится неравномерным в силу того, что в разных частях страны земледелие улучшается или приходит в упадок в неодинаковой степени. В Англии оценка, на основании которой в силу закона, изданного в четвертый год царствования Вильяма и Марии, был определен земельный налог различных графств и приходов, уже в самом начале была очень неравномерна. Вот почему этот налог грешит против первого из вышеупомянутых четырех правил. Остальным трем он соответствует вполне. Величина его определена вполне точно. Время взимания его совпадает с временем уплаты ренты, следовательно, оно очень удобно для плательщика. Хотя во всех случаях действительным плательщиком является землевладелец, налог обыкновенно вносится арендатором, которому землевладелец обязан делать соответствующую скидку при уплате ренты»*.

Если налог перелажается арендатором не на землевладельца, а на потребителя, то он никогда не может стать неравномерным, если только он не был таким сначала, потому что цена продукта сразу же поднимается пропорционально налогу и потом не будет уже больше изменяться в силу этой причины. Он может грешить против четвертого правила, если будет, как я старался показать, неравномерным, но против первого правила он не грешит. Он может брать из народного кармана больше, чем дает государственной казне, но он не падает неравномерно на какой-либо особый класс плательщиков. Г-н Сэй, по моему мнению, не понял природы и действия английского земельного налога. Он говорит: «Многие писатели думают, что английское земледелие достигло большого расцвета именно благодаря этой неизменной оценке. Несомненно, она много способствовала ему. Но что сказали бы мы о правительстве, которое обратилось бы к мелкому промышленнику с такими словами: «Располагая небольшим капиталом, вы делаете ограниченные обороты, и вследствие этого ваши прямые платежи в казну весьма малы. Занимайте и накапливайте капитал; расширяйте ваши обороты, чтобы они давали вам огромные барыши: ваши платежи в казну никогда не будут повышены. Мало того: когда нажитые вами прибыли достанутся вашим наследникам и они еще приумножат их, их состояние будет оцениваться для взимания налога не в большую сумму, чем теперь, и ваши наследники будут нести не большую долю общественного бремени».

* [«Богатство народов», кн. V, гл. II.]

«Несомненно, это дало бы сильный толчок развитию промышленности и торговли; но было ли бы это справедливо? Разве нельзя способствовать развитию их как-нибудь иначе? Разве в самой Англии промышленная и торговая деятельность не сделала за тот же период еще больших успехов, хотя и не пользовалась такими льготами? Землевладелец благодаря своей энергии, бережливости и искусству увеличивает свой годовой доход на 5 тыс. фр. Если государство потребует от землевладельца в свою пользу пятую долю его увеличенного дохода, то разве остальные 4 тыс. фр. не будут служить для него поощрением к дальнейшим усилиям?»*

[По предположению г-на Сэя, «землевладелец благодаря своей энергии, бережливости и искусству увеличивает свой годовой доход на 5 тыс. фр.», но землевладелец не имеет никакой возможности применить свою энергию, бережливость и искусство к земле, если не ведет на ней хозяйства сам, а в последнем случае он вводит улучшения в качестве капиталиста и фермера, а не к качеству землевладельца. Немыслимо, чтобы он мог увеличить продукт своей фермы каким-нибудь *особенным* искусством, не умножив вначале размеров капитала, прилагаемого к ней. А если он умножит капитал, то его более значительный доход может быть в таком же отношении к его возросшему капиталу, как доход всех других фермеров к их капиталам.]***

Если бы, следуя совету г-на Сэя, государство потребовало себе пятую долю увеличенного дохода фермера, то это был бы односторонний налог, затрагивающий только прибыль фермеров и не касающийся прибыли лиц, занимающихся другими промыслами. Налог уплачивался бы со всякой земли, как той, которая дает скудный урожай, так и той, которая дает обильный урожай, и в тех случаях, когда земля не платит никакой ренты, его нельзя было бы возместить путем вычета из ренты. Но односторонний налог на прибыль никогда не падает на отрасли промышленности, которые им обложены, потому что промышленник или оставит свое занятие или вознаградит себя за налог. Те же, кто не платит никакой ренты, могут получить возмещение только посредством повышения цены продукта, и таким образом предлагаемый г-ном Сэем налог упадет на потребителя, а не на землевладельца или фермера.

Если бы предлагаемый налог возрастал пропорционально возрастанию количества или стоимости валового продукта, получаемого с земли, то он ничем не отличался бы от десятины и точно так же был бы переложен на потребителя. Таким образом, облагается ли валовой или же чистый продукт земли, налог одинаково является налогом на потребление и затрагивает землевладельца и фермера лишь в той же мере, как и другие налоги на сырые произведения.

* [«Economie politique», v. II, p. 353—354.]

** [Весь этот абзац вставлен только в третьем издании.]

Если бы земля вовсе не была обложена и та же сумма взималась каким-нибудь иным способом, земледелие процветало бы по меньшей мере как и прежде. Невозможно, чтобы какой бы то ни было налог на землю мог поощрять земледелие; умеренный налог может не задерживать и, вероятно, не задерживает в значительной степени рост производства, но поощрять его он не может. Английское правительство не держало таких речей, какие ему приписывает г-н Сэй. Оно не обещало освободить земледельческий класс и его наследников от всякого обложения в будущем и собирать дальнейшие средства, которые могут потребоваться государству, с других классов общества. Оно сказало только: «В этой форме мы больше не будем обременять страну никакими тяготами, но мы оставляем за собой полную свободу заставить вас вносить полностью в какой-либо другой форме падающую на вас долю необходимых расходов государства».

Говоря о натуральных налогах или налогах, составляющих определенную часть продукта, т. е. вполне тождественных с десятиной, г-н Сэй замечает: «Этот способ обложения является, повидимому, наиболее справедливым. В действительности же трудно найти более несправедливый налог. При нем совершенно не принимаются во внимание затраты, сделанные производителем, и он взимается пропорционально валовому, а не чистому доходу. Два земледельца производят сырые произведения различного рода: один из них возделывает хлеб на земле среднего качества, и его издержки достигают в среднем ежегодно 8 тыс. фр. Он продает свои продукты за 12 тыс. фр. и имеет таким образом чистый доход в 4 тыс. фр.

«Сосед его владеет пастбищами или лесами, которые доставляют ему ежегодно те же 12 тыс. фр., хотя его расходы составляют только 2 тыс. фр. Таким образом его чистый доход составляет в среднем 10 тыс. фр.

Закон постановляет взимать $\frac{1}{10}$ часть всех плодов земли без всякого различия. В силу этого закона у первого из них отбирается хлеб стоимостью в 1 тыс. фр., у второго—сено, скот или лес также стоимостью в 1 тыс. фр. Что же случилось? У одного из них взяли $\frac{1}{4}$ его чистого дохода в 4 тыс. фр., у другого, чистый доход которого составляет 10 тыс. фр., взяли всего $\frac{1}{10}$. Доходом мы называем чистую прибыль, которая остается после возмещения всего капитала в точности в его прежнем состоянии. Разве доход купца составляется из суммы всех продаж, совершаемых им в течение целого года? Конечно, нет. Доход его равняется только излишку суммы его продаж над расходами. Поэтому налог на доход должен взиматься только с этого излишка»*.

Ошибка г-на Сэя заключается в предположении, что так как стоимость продукта одной из этих двух ферм превышает после воз-

* [*Economie politique*], v. II, p. 344, 350.]

мещения капитала стоимость продукта другой, то и чистый доход одного земледельца превышает чистый доход другого ровно на столько же. [Чистый доход владельцев и арендаторов лесной площади может быть в совокупности гораздо больше, чем чистый доход владельцев и арендаторов пахотной земли, но это происходит вследствие разницы в ренте, а не разницы в норме прибыли.]* Г-н Сэй совершенно забыл, что ему следует еще рассмотреть разницу в размерах рент, которые должны будут платить оба арендатора. В одной и той же отрасли хозяйства не может существовать двух норм прибыли; поэтому, если стоимость продукта находится в разном отношении к капиталу, то разница будет заключаться не в прибыли, а в ренте. На каком основании один человек получал бы с капитала в 2 тыс. фр. чистый доход в 10 тыс. фр., в то время как другой, применяя капитал в 8 тыс. фр., получает только 4 тыс. фр.? Пусть г-н Сэй примет во внимание ренту, пусть он, кроме того, примет во внимание действие, которое такой налог оказал бы на цены различных видов сырых произведений. Тогда он заметит, что этот налог далеко не является неравномерным и что производители будут участвовать в уплате его таким же образом, как и любой другой класс потребителей.

ГЛАВА XIII

НАЛОГИ НА ЗОЛОТО

Всякий налог на товары или увеличивающаяся трудность их производства всегда влекут за собой в конце концов повышение их цены. Но сколько пройдет времени, пока рыночная цена товара придет в соответствие с его естественной ценой, зависит как от природы самого товара, так и от возможности быстро уменьшить его количество. Если бы количество обложенного товара не могло быть уменьшено, если бы, например, фермер или фабрикант шляп не могли перевести свой капитал в другие отрасли промышленности, то падение их прибыли ниже общего уровня вследствие налога не сопровождалось бы никакими другими последствиями. Если только спрос на их товары не увеличится, они не будут в состоянии повысить рыночную цену хлеба и шляп, чтобы сравнять ее с повысившейся естественной ценой этих товаров. Их угрозы покинуть свое занятие и перевести свои капиталы в другие отрасли промышленности, находящиеся в более благоприятном положении, остались бы только пустыми словами. Они не могли бы привести их в исполнение, а следовательно, и повысить цены своих товаров путем уменьшения их производства. Но—хотя и с различной степенью скорости—количество всякого товара может быть уменьшено, точно так же как и капитал может быть перемещен из менее

* [Вставка в третьем издании.]

прибыльной отрасли промышленности в более прибыльную. Чем скорее может быть уменьшено без ущерба для производителя количество того или другого товара, тем скорее повысится его цена, если вследствие обложения или какой-нибудь другой причины возрастет трудность его производства. Так как хлеб представляет товар, безусловно необходимый каждому, то спрос на него не подвергнется вследствие введения налога существенному изменению, а потому и предложение хлеба оказалось бы, вероятно, слишком большим только в течение короткого времени; это было бы так даже в том случае, если бы производители встретили большие затруднения при перемещении своего капитала из земледелия в другие отрасли промышленности. Вот почему цена хлеба быстро повысится вследствие обложения и фермер будет в состоянии переложить налог с себя на потребителя.

Если бы рудники, которые снабжают нас золотом, находились в нашей стране и золото было бы обложено налогом, то его относительная стоимость не могла бы повыситься в сравнении с другими предметами, пока не сократилось бы его количество. И это явление наблюдалось бы в особенности при условии, что золото употреблялось бы исключительно для чеканки монеты. Верно, что наименее производительные рудники, не платящие ренты, перестали бы давать обычную норму прибыли и разработка их приостановилась бы до тех пор, пока относительная стоимость золота не повысилась бы на сумму, равную налогу. Количество золота, а следовательно, и количество денег постепенно уменьшалось бы; в течение первого года оно уменьшилось бы незначительно, в течение второго года — немного больше, пока в конце концов стоимость золота не повысилась бы пропорционально налогу; но в это переходное время пострадали бы землевладельцы или арендаторы, так как налог платили бы они, а не те, кто пользуется деньгами. Если бы из каждой тысячи кварталов пшеницы, имеющейся в наличности, или из каждой тысячи кварталов следующего урожая правительство брало в качестве налога 100 кварталов, то остальные 900 будут обмениваться на такое же количество других товаров, на какое прежде обменивалась тысяча кварталов. Но если бы то же самое произошло с золотом, если бы из каждой 1 тыс. ф. ст. монеты, находящейся в стране, или той, которая будет ввезена, правительство могло бы брать в качестве налога 100 ф. ст., то остальные 900 ф. ст. вряд ли имели бы большую покупательную силу, чем прежде 900 ф. ст. Налог упадет на тех, чье имущество заключается в деньгах, и это будет продолжаться до тех пор, пока количество денег не сократится пропорционально увеличению издержек производства золота, поскольку это увеличение вызвано налогом.

Такое явление наблюдается, пожалуй, чаще, когда мы имеем дело с металлом, который служит деньгами, чем когда мы имеем дело со всяким другим товаром. Ведь спрос на деньги не имеет таких определенных количественных пределов, как спрос на пред-

меты одежды или пищи. Спрос на деньги регулируется всецело их стоимостью, а их стоимость—их количеством. Если бы стоимость золота удвоилась, то половинное количество его могло бы выполнять те же функции в обращении, а если бы стоимость его уменьшилась вдвое, то для выполнения их требовалось бы двойное количество золота. Если бы рыночная стоимость хлеба вследствие обложения или увеличения трудности производства возросла на одну десятую, то сомнительно, чтобы это сколько-нибудь повлияло на количество потребляемого хлеба: нуждаясь в определенном количестве хлеба, каждый потреблял бы его столько же, сколько и прежде, если бы, конечно, он имел средства для покупки хлеба. Что же касается денег, то спрос на них прямо пропорционален их стоимости. Никто не мог бы потратить вдвое больше хлеба, чем ему обычно необходимо для поддержания существования, но каждый при покупке и продаже одного и того же количества товаров может быть вынужден употреблять вдвое, втрое и даже и несколько раз больше денег, чем раньше.

Аргументы, которые я только что приводил, имеют значение только для тех фаз общественного развития, в течение которых в качестве денег употребляются драгоценные металлы, а кредитные бумаги еще не существуют. Золото, как и все другие товары, имеет свою рыночную стоимость, которая в конечном счете регулируется сравнительной легкостью или трудностью его производства. Хотя вследствие его долговечности и трудности уменьшить его количество рыночная стоимость золота вообще не легко подвергается колебаниям, возможность последних в значительной степени уменьшается еще и потому что золото выполняет функцию денег. Если бы количество золота, обращающегося на рынке только для нужд торговли, составляло 10 тыс. унций, а промышленное потребление его составляло бы ежегодно 2 тыс. унций, то при уменьшении его количества на сумму годового ввоза стоимость его могла бы повыситься на одну четверть, или на 25%. Но если бы количество золота, выполняющего функцию денег, составляло 100 тыс. унций, то стоимость его повысилась бы на одну четверть не раньше, чем через 10 лет. Так как количество бумажных денег может быть легко уменьшено, то стоимость их, хотя бы базой их и являлось золото, могла бы возрасти так же быстро, как стоимость самого золота, при условии, что этот металл, составляя весьма малую часть обращающихся денег, был очень слабо связан с денежным обращением.

Если бы золото добывалось только в одной стране, а в качестве денег употреблялось бы во всех странах, его можно было бы обложить значительным налогом, который падал бы на каждую страну пропорционально количеству золота, потребляемого для промышленных целей и производства различной утвари. Но как бы ни был велик налог, падающий на ту часть золота, которая употребляется в качестве денег, никто не платил бы его. Таково характерное свой-

ство денег. Стоимость всех других товаров, количество которых ограничено и не может быть увеличено путем конкуренции, зависит от вкусов, каприза и средств покупателей. Но деньги—такой товар, увеличение количества которого не может быть желательным и не является необходимым ни для какой страны: употребляя 20 млн. в качестве средств обращения, она получила бы не больше выгоды, чем от употребления 10 млн. Страна может пользоваться монополией производства шелка или вина, и все-таки цены шелковых изделий и вина упали бы, если бы в силу каприза, моды или изменения вкусов эти товары должны были уступить свое место сукну и водке. То же самое могло бы в известной степени произойти и с золотом, поскольку оно употребляется только для промышленных целей. Но, поскольку деньги служат всеобщим орудием обмена, спрос на них не зависит от свободного выбора и всегда является делом необходимости: вы вынуждены брать его в обмен за ваши товары. Вот почему при падении стоимости золота нет никакого предела увеличению его количества, которое может быть вам навязано внешней торговлей, и точно так же при повышении стоимости золота вам придется согласиться на любое уменьшение его количества. Правда, вы можете заменить золото бумажными деньгами, но этим путем вы не уменьшите, да и не можете уменьшить количество денег; [потому что последнее регулируется стоимостью того металла, на который размениваются бумажные деньги]*. Только путем повышения цен товаров можно задержать вывоз их из страны, где они покупаются за малое количество денег, в страну, в которой они могут быть проданы за более значительное количество. А это повышение может быть достигнуто только посредством ввоза металлических денег из-за границы или же посредством введения или увеличения выпуска бумажных денег внутри страны. Таким образом, если бы испанский король,—предполагая, что золотые рудники находятся в его монопольном владении и что только золото употребляется в качестве денег,—обложил золото большим налогом, то он в значительной степени повысил бы естественную стоимость денег. А так как рыночная стоимость золота в Европе в конечном счете регулируется его естественной стоимостью в Испанской Америке, то Европа отдавала бы больше товаров за данное количество золота. Но тогда в Америке перестали бы добывать прежнее количество золота, потому что стоимость его возросла бы только пропорционально уменьшению его количества, вызванному возрастанием издержек его производства. Итак, Америка в обмен на вывозимое золото получала бы такое же количество товаров, как и прежде. В чем же заключался бы тогда выигрыш Испании и ее колоний? В том, что при добывании меньшего количества золота на производство его затрачивалось бы меньше капитала. Из Европы получалась бы при применении меньшего

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

капитала такая же стоимость в виде товаров, как прежде при употреблении большего капитала. Следовательно, масса продуктов, получаемых с помощью капитала, освобожденного из производства золота, составляла бы прямую выгоду, которую Испания извлекала бы из обложения его; обладая же монополией на какой-нибудь другой товар, она вряд ли могла бы получить такую значительную или такую верную выгоду путем его обложения. Такой налог, поскольку дело касается денег, не причинил бы европейским нациям никакого ущерба; они имели бы в своем распоряжении то же самое количество товаров и, следовательно, такое же самое количество средств потребления, как и прежде, хотя обращение этих товаров совершалось бы [вследствие повышения стоимости золота]* при помощи меньшего количества денег.

Если бы вследствие введения налога в рудниках добывалась только одна десятая часть золота, добываемого теперь, то стоимость этой десятой части равнялась бы стоимости всех десяти десятых, добываемых в настоящее время. Но испанский король не является монопольным собственником всех рудников, из которых добываются драгоценные металлы. Если бы даже он был им, то выгода его от владения ими и права обложения золота могла бы очень значительно уменьшиться благодаря ограничению спроса и потребления в Европе; последнее же явилось бы следствием более или менее полной повсеместной замены металлических денег бумажными. Согласование рыночной и естественной цены всех товаров всегда зависит от легкости, с какой может быть увеличено или уменьшено их предложение. В тех случаях, когда мы имеем дело с такими товарами, как золото, дома, труд и многие другие, такой результат не может быть при известных условиях получен быстро. Иначе обстоит дело с товарами, которые потребляются и вновь производятся из года в год, как, например, шляпы, обувь, хлеб и сукно. Количество их в случае необходимости может быть уменьшено, и потребуются короткий промежуток времени, чтобы в соответствии с возрастанием издержек их производства последовало сокращение их предложения.

Налог на сырые произведения, получаемые с поверхности земли, падает, как мы видели, на потребителя и никоим образом не затрагивает ренты. Последнее может произойти лишь в том случае, если уменьшатся фонды, назначенные на содержание труда, и благодаря этому понизится заработная плата, уменьшится население и сократится также спрос на хлеб. Но налог на золото, получаемое из рудников, увеличивая стоимость этого металла, необходимо приведет к уменьшению спроса на него и потому так же необходимо вызовет отлив капитала из золотопромышленности. Таким образом, несмотря на то, что Испания получила бы от налога на золото все выгоды, указанные мною выше, владельцы рудников,

* [Вставна во втором и третьем изданиях.]

разработка которых прекратилась бы, лишились бы своей ренты. А так как рента является не созданием богатства, а только перемещением его, то это было бы потерей для отдельных лиц, а не для всей нации: испанский король и владельцы рудников, разработка которых продолжалась бы, получили бы сообща не только все, что произвел освобожденный капитал, но и все, что потеряли другие владельцы.

Предположим, что разрабатываются три рудника и дают первый 100, второй—80 и третий—70 ф. золота; рента № 1 равняется, значит, 30 ф., а № 2—10. Предположим теперь, что каждый разрабатываемый рудник обложен налогом в 70 ф. золота в год и что, следовательно, только № 1 может разрабатываться с прибылью; очевидно, что тогда сейчас же исчезнет всякая рента. До введения налога из 100 ф., добывавшихся из № 1, уплачивалось 30 ф. ренты, а 70 ф., т. е. количество, равное продукту наименее производительного рудника, оставалось золотопромышленнику. Но стоимость того, что остается теперь капиталисту рудника № 1, должна равняться прежней, иначе он не получит обычной прибыли на капитал; следовательно, стоимость 30 ф., которые остались бы за вычетом из 100 ф. налога в 70 ф., должна равняться стоимости прежних 70 ф., а стоимость всех 100 ф.—стоимости прежних 250. Она может подняться выше, но не может опуститься ниже, иначе прекратилась бы разработка и этого рудника. Так как золото представляло бы собою монопольный товар, то стоимость его могла бы превысить его естественную стоимость, и оно доставляло бы ренту, равную этому превышению. Но никто не стал бы затрачивать капиталы на разработку рудника, если бы стоимость добытого золота была ниже его естественной стоимости. В обмен за одну треть прежнего количества труда и капитала Испания получила бы теперь такое количество золота, которое обменивалось бы на то же или почти то же самое количество товаров, что и прежде. Она стала бы богаче на продукт двух третей капитала и труда, освободившихся из золотопромышленности. Если стоимость 100 ф. золота равнялась бы стоимости 250 фунтов, добывавшихся раньше, то доля испанского короля, т. е. его 70 ф., равнялась бы по стоимости прежним 175: только небольшая часть королевского налога падала бы на подданных короля, а большая часть его получалась бы благодаря лучшему распределению капитала.

Счет Испании имел бы такой вид:

Производилось прежде:

250 фунтов золота, стоимость которых составляла,	
положим	10 000 ярдов сукна

Производится теперь:

Двумя капиталистами, которые покинули золото- промышленность, такая же стоимость, [на ка- кую раньше обменивались]* 140 ф. золота, или	5 600 ярдов сукна

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

Капиталистом, который разрабатывает рудник № 1,—30 ф. золота, стоимость которых теперь возросла в отношении $2\frac{1}{2} : 1$ и потому равна стоимости	3 000 ярдов сукна
Королевский налог—70 ф. [стоимость которых тоже возросла в отношении $2\frac{1}{2} : 1$, и потому]* составляет	7 000 ярдов сукна
	15 600 ярдов сукна

Из получаемых королем 7 тыс. испанский народ уплачивал бы только 1 400, а 5 600 были бы чистым выигрышем, который получался бы вследствие освобождения капитала.

Если бы налог составлял не постоянную сумму с каждого разрабатываемого рудника, а известную долю продукта, то добываемое количество не сократилось бы немедленно вследствие его введения. Хотя налог поглощал бы половину, треть или четверть золота, добываемого из каждого рудника, владельцы последних были бы тем не менее заинтересованы в том, чтобы из их рудников добывалось так же много золота, как и прежде. Но если бы количество добываемого золота не уменьшалось и только часть добычи переходила бы от собственника к королю, то стоимость его не повысилась бы; налог падал бы на население колоний и не принес бы никакой выгоды. Налог этого рода оказал бы такое же действие, какое, по мнению Адама Смита, налоги на сырые произведения оказывают на земельную ренту: он падал бы всецело на ренту с рудников. В действительности такой налог уже при небольшом его повышении не только поглотил бы всю ренту, но и лишил бы золотопромышленника обычной прибыли на капитал, и в результате он извлек бы свой капитал из золотопромышленности. При дальнейшем повышении налога была бы поглощена также рента более богатых рудников и последовал бы дальнейший отлив капитала. Таким образом количество золота все уменьшалось бы, а его стоимость—повышалась, и получились бы те же результаты, на какие мы указывали раньше: часть налога уплачивалась бы населением испанских колоний, а другая часть его была бы вновь созданным продуктом, полученным благодаря возрастанию стоимости металла, который употребляется как средство обмена.

Налоги на золото бывают двойного рода: одни—на наличное количество золота, находящегося в обращении, и другие—на количество его, ежегодно добываемое из рудников. И те и другие имеют тенденцию уменьшать количество и повышать стоимость золота, но ни те, ни другие не повысят его стоимость, пока количество его не уменьшится. Поэтому временно, пока не уменьшится предложение золота, они будут падать на владельцев денег; в конечном же счете часть, постоянно падающая на общество, будет

* [Вставка во втором и третьем изданиях].

уплачена, с одной стороны, владельцем рудника путем вычета из его ренты, а с другой—покупателем той части золота, которая идет на производство предметов украшения и не превращается полностью в деньги.

ГЛАВА XIV

НАЛОГИ НА ДОМА

Кроме золота, существуют еще и другие товары, количество которых не может быть быстро уменьшено. Поэтому всякий налог на такие товары падает на их собственника, если возрастание их цены будет сопровождаться уменьшением спроса.

К налогам этого рода принадлежат налоги на дома: хотя они взимаются с нанимателей, они часто падают на землевладельца, уменьшая его ренту. Продукт земли потребляется и воспроизводится из года в год. То же самое можно сказать о многих других товарах. И так как количество их вследствие этого можно скоро привести к одному уровню со спросом, то цена не может долго превышать их естественную цену. Но налог на дома можно рассматривать как дополнительную ренту, уплачиваемую нанимателем. Этот налог имеет поэтому тенденцию уменьшить спрос на дома, доставляющие одинаковую годовую ренту, не уменьшая их предложения. Рента, следовательно, упадет, и часть налога будет тогда косвенно уплачена землевладельцем.

«Рента с домов,—говорит Адам Смит,—распадается на две части, из которых одна может быть вполне правильно названа рентой со строений, а другая обыкновенно называется земельной рентой.

Рента со строений представляет процент или прибыль на капитал, затраченный на постройку дома. Чтобы поставить строительное дело на один уровень с другими отраслями промышленности, необходимо, чтобы рента со строений была достаточно велика, во-первых, для возмещения процентов, которые были бы получены предпринимателем с капитала, если бы он отдал его в займы под хорошее обеспечение, и, во-вторых, для содержания и ремонта дома или—что сводится к тому же—для погашения в течение определенного периода капитала, который был затрачен на постройку дома. Если строительное дело приносит когда-либо более значительную прибыль в сравнении со ссудным капиталом, то усиленный приток капитала из других отраслей промышленности скоро вернет его прибыль к прежнему уровню. Если же он получает менее значительную прибыль в сравнении со ссудным процентом, то отлив капитала из строительного дела в другие отрасли промышленности в свою очередь вызовет увеличение его прибыли.

Что же касается той части всего дохода, получаемого с дома, которая, как бы она ни была велика, остается после вычета достаточной прибыли, то она, естественно, входит в земельную ренту. Там, где собственник земли и собственник здания — различные

лица, эта часть в большинстве случаев целиком уплачивается первому. Для деревенских строений, находящихся на далеком расстоянии от крупных городов, в местностях, где много свободной земли, эта земельная рента представляет ничтожную величину или составляет немногим больше того, что приносила бы земля под строениями, если бы она поступила в обработку. Для дач, расположенных поблизости от какого-нибудь крупного города, эта рента иногда значительно выше, и за какие-нибудь особенные удобства или красивое местоположение приходится часто платить очень высокую плату. Выше всего земельная рента бывает в столице, в особенности в тех ее кварталах, где спрос на дома всего сильнее, независимо от причин, вызывающих этот спрос: потребности торговли и промышленности, потребность в увеселениях в светском обществе или прихоть моды и тщеславие)*. Налог на ренту с домов может падать на нанимателя, на землевладельца или же на домовладельца. При обыкновенных условиях можно считать, что весь налог уплачивается непосредственно и в конечном счете нанимателем.

Если налог является умеренным, страна же или находится в неподвижном состоянии или прогрессирует, то у нанимателя мало оснований довольствоваться домами худшего разряда. Но если налог высок или если какие-нибудь другие обстоятельства уменьшают спрос на дома, то доход землевладельца упадет, так как наниматель отчасти вознаградит себя за налог уменьшением платы. Однако трудно сказать, в каком отношении часть налога, сберегаемая нанимателем путем уменьшения платы, распределится между рентой со строений и земельной рентой. В первом случае уменьшение коснулось бы, вероятно, и той и другой, но так как дома, хотя и медленно, все же несомненно разрушаются и постройка их прекратилась бы до тех пор, пока прибыль строителя не достигла бы прежнего уровня, то после известного промежутка времени рента со строений вернулась бы к своей естественной цене. Так как строитель получает ренту только до тех пор, пока держится строение, то даже при очень неблагоприятных условиях он мог бы в течение очень долгого времени не платить ни единой доли налога на дом.

Таким образом, уплата этого налога падает в конце концов на нанимателя и землевладельца, но «в каком отношении эта конечная уплата,—говорит Адам Смит,—распределится между ними, очень трудно определить. Вероятно, это распределение будет очень различно при различных условиях, и налог такого рода мог бы падать соответственно различным условиям очень неравномерно как на нанимателя, так и на землевладельца»**.

По мнению Адама Смита, земельная рента представляет особенно пригодный объект для обложения. «И городская земельная рента и обыкновенная представляют такой вид дохода, которым собствен-

* [«Богатство народов», кн. V, гл. II.]

** [Там же.]

ник во многих случаях пользуется без всякого труда или забот со своей стороны. И если бы часть этого дохода отбиралась у его собственника для покрытия государственных расходов, то это не задержало бы развития ни одной отрасли промышленности. Годовой продукт земли и труда всего общества, действительное богатство и доход массы населения оставались бы после введения такого налога такими же, как и прежде. Вот почему городская земельная рента и обыкновенная земельная рента являются, быть может, теми формами дохода, которые лучше всего могут вынести специальный налог на них». Нужно признать, что последствия этих налогов будут именно такими, какими их изобразил Адам Смит. Но было бы, конечно, очень несправедливо обложить налогом исключительно доход одного какого-нибудь класса общества. Бремя государственных расходов должно быть распределено между всеми пропорционально средствам каждого: так гласит одно из четырех правил, с которыми, по мнению Адама Смита, должно сообразоваться всякое обложение. Рентой пользуются часто те, кто после многих лет трудовой жизни реализует свои барыши и затрачивает свое имущество на покупку земли или домов. И если бы мы обложили ренту неравномерным налогом, мы несомненно нарушили бы принцип, который всегда должен оставаться для нас священным, — неприкосновенность собственности. Остается только сожалеть, что пошлины, которыми обременен переход земельной собственности, существенным образом мешают переходу ее в руки тех, кто мог бы, вероятно, использовать ее наиболее производительно. Необходимо принять во внимание, что, будучи рассматриваема как объект, пригодный для исключительного обложения, земля не только потеряла бы часть своей цены в вознаграждение за риск, связанный с таким обложением, но в силу неопределенной природы и переменчивой стоимости такого риска она сделалась бы объектом, пригодным для спекуляции, носящей скорее характер биржевой игры, чем здоровой торговли. Вероятно, окажется, что земля в этом случае попадет скорее всего в руки человека, обладающего в большей мере свойствами игрока, чем свойствами здравомыслящего собственника, который мог бы использовать свою землю наиболее выгодным образом.

ГЛАВА XV

НАЛОГИ НА ПРИБЫЛЬ

Налоги на те товары, которые носят общее название предметов роскоши, падают исключительно на потребителей этих товаров. Налог на вино падает на его потребителя. Налог на

* [«Богатство народов», кн. V, гл. II.]

выездных лошадей или на кареты уплачивается теми, кто пользуется ими, и прямо пропорционален количеству этих предметов удовольствия. Иначе обстоит дело с налогами на предметы необходимости. Такие налоги часто падают на потребителей в пропорции, гораздо более высокой, чем количество потребляемых ими предметов. Мы видели выше, что налог на хлеб, падая на фабриканта как потребителя пропорционально потреблению им и его семей хлеба, уменьшает в то же время его доход еще и другим путем, изменяя норму прибыли на капитал. Все, что увеличивает заработную плату, уменьшает прибыль с капитала. Поэтому всякий налог на какой-либо товар, потребляемый рабочим, имеет тенденцию понижать норму прибыли.

Налог на шляпы повысит цены шляп, налог на обувь—цену обуви. В противном случае такой налог был бы в конце концов уплачен фабрикантом: его прибыль упала бы ниже общего уровня, и он покинул бы свой промысел. Специальный налог на прибыль повысил бы цену продуктов, подвергшихся обложению. Так, налог на прибыль фабриканта шляп повысил бы цены шляп. Ибо если налог будет взиматься только с прибыли фабриканта шляп, а прибыль других фабрикантов будет свободна от него, то прибыль первого, раз он не может повысить цены своих шляп, понизилась бы в сравнении с общей нормой прибыли, и он переменил бы свое занятие.

Точно так же налог на прибыль фермера вызвал бы повышение цены хлеба, налог на прибыль фабриканта сукон—повышение цены сукон, и если бы налог, пропорциональный прибыли, был установлен во всех отраслях промышленности, то повысились бы цены всех товаров. Но если бы рудники, снабжающие нас материалом, из которого нами делаются деньги, находились в нашей стране, если бы налог падал также на прибыль владельцев этих рудников, то цены товаров не повысились бы и каждый отдавал бы одинаковую часть своего дохода. В этом случае положение вещей несколько не изменилось бы.

Если бы деньги не были обложены и, следовательно, сохраняли свою стоимость, в то время как стоимость всех других товаров вследствие обложения увеличилась бы, то фабрикант шляп, фермер, фабрикант сукон платили бы одну и ту же сумму в виде налогов при условии, что они употребляют одинаковый капитал и получают одинаковую прибыль. Если бы налог равнялся 100 ф. ст., то стоимости шляп, сукна и хлеба возросли бы каждая на 100 ф. ст. Если фабрикант шляп выручает за свои шляпы вместо 1 тыс. ф. ст. 1 100 ф. ст., то он уплатит правительству в виде налога 100 ф. ст. Следовательно, у него постоянно будет оставаться 1 тыс. ф. ст., которую он может издержать на товары, нужные ему для собственного потребления. Но так как в силу той же самой причины повысятся цены сукна, хлеба и всех других товаров, то фабрикант шляп получит за свою 1 тыс. ф. ст. не больше, чем прежде за 910 ф. ст.,

и таким образом он будет участвовать в покрытии государственных нужд, уменьшая свои личные расходы. Уплачивая налог, он, вместо того чтобы потребить определенную часть продукта земли и труда страны, представляет ее в распоряжении правительства. Если бы, вместо того чтобы издержать 1 тыс. ф. ст., он прибавил ее к своему капиталу, то он нашел бы, что его сбережение в 1 тыс. ф. ст. составляет теперь вследствие повышения заработной платы и возросших издержек на сырой материал и машины не больше, чем прежнее сбережение в 910 ф. ст.

Если бы деньги были обложены каким-нибудь налогом или стоимостью их в силу какой-нибудь причины изменилась, а цены всех товаров остались бы без изменения, то прибыль фабриканта и фермера также осталась бы без изменения: она составляла бы, как и прежде, 1 тыс. ф. ст. А так как они должны были бы каждый уплатить правительству 100 ф. ст., то у них осталось бы только¹ по 900 ф. ст., и они могли бы теперь располагать меньшей частью продукта земли и труда страны, все равно, будет ли эта часть затрачена на производительный или непроизводительный труд. Ровно столько, сколько они теряют, приобретает правительство. В первом случае плательщик налога получил бы за 1 тыс. ф. ст. такое же количество товаров, как прежде за 910; во втором—столько же, сколько прежде за 900 ф. ст., так как цены товаров не изменились бы, а у него оставалось бы для расходов только 900 ф. ст. Это является результатом разницы в размерах налога: в первом случае налог составляет $\frac{1}{11}$ часть дохода плательщика, во втором— $\frac{1}{10}$, так как деньги в обоих случаях имели различную стоимость.

Но хотя даже при отсутствии налога на деньги и сохранении ими прежней стоимости цены всех товаров повышаются, они все-таки повышаются не в одинаковой пропорции, так как после обложения товаров налогом их относительная стоимость изменилась бы в сравнении с той, которая существовала до обложения. В одной из предыдущих глав мы уже рассматривали влияние, которое оказывает на цены товаров разделение капитала на основной и оборотный, или, скорее, на долговечный и преходящий. Мы показали, что два фабриканта могут затратить капиталы одинакового размера и могут также получать одинаковую сумму прибыли, но будут продавать свои товары за совершенно различные суммы денег, смотря по тому, скоро или медленно потребляются и воспроизводятся затраченные ими капиталы. Один из них мог продать свои товары за 4 тыс. ф. ст., а другой—за 10 тыс. ф. ст., между тем как капитал каждого из них составлял 10 тыс. ф. ст. и каждый получил 20% прибыли, или 2 тыс. ф. ст. Капитал одного из них мог состоять, например, из 2 тыс. ф. ст. оборотного капитала, который должен быть воспроизведен, и 8 тыс. ф. ст. основного—в машинах и зданиях; напротив, капитал второго мог состоять из 8 тыс. ф. ст. оборотного капитала и всего 2 тыс. ф. ст. основного—в зданиях и машинах. И вот, если каждый из них должен был

бы платить налог, составляющий 10% его дохода, или 200 ф. ст., то один из них для получения обычной нормы прибыли должен был бы повысить цену своих продуктов с 10 тыс. до 10 200 ф. ст., а другой—с 4 тыс. до 4 200 ф. ст. До установления налога товары, продаваемые одним из них, были дороже товаров другого в 2,5 раза, после установления налога они будут дороже в 2,42 раза. Цена первых повысилась бы на 2%, а цена вторых—на 5%. Следовательно, налог на доход, пока деньги сохраняют свою прежнюю стоимость, изменил бы относительные цены и стоимость товаров. Это [было бы]* верно и в том случае, если бы налог взимался не с прибыли, а с самих товаров. При условии, что последние будут обложены налогом пропорционально стоимости капитала, употребленного на их производство, цены их повысятся одинаково, какова бы ни была их стоимость, и, следовательно, прежнее соотношение между ними нарушится. Цена товара, возросшая с 10 тыс. до 11 тыс. ф. ст., не может оставаться в том же отношении к цене другого товара, если последняя возросла с 2 тыс. до 3 тыс. ф. ст. Если при данных условиях стоимость денег в силу какой-нибудь причины увеличивается, то это окажет неодинаковое действие на цены различных товаров. Та самая причина, которая понизит цену одного товара с 10 200 до 10 тыс., или меньше чем на 2%, понизит цену другого с 4 200 до 4 тыс., или на $4\frac{3}{4}\%$. Если бы они понизились в какой-либо другой пропорции, то прибыль была бы неодинакова. Чтобы сделать ее одинаковой, необходимо, чтобы при цене одного товара в 10 тыс. ф. ст. цена другого составляла бы 4 тыс., а при цене первого товара в 10 200 ф. ст. цена второго должна составлять 4 200 ф. ст.

Установив этот факт, мы легче поймем один очень важный принцип, который, как мне кажется, до сих пор не был указан. Он состоит в следующем: в стране, в которой не существует никаких налогов, изменение в стоимости денег, вызванное их недостатком или избытком, повлияет в одинаковом отношении на цены всех товаров, так что если стоимость одного товара, равная 1 тыс. ф. ст., повысится до 1 200 или понизится до 800, то стоимость другого товара, равная 10 тыс., тоже повысится до 12 тыс. или упадет до 8 тыс. Напротив, в стране, в которой цены искусственно вздуты благодаря налогам, изобилие денег вследствие притока их из-за границы или вывоз их, а значит и редкость их в силу спроса на них за границей, повлияют на цены всех товаров не в одинаковом отношении; так что если цены одних повысятся или понизятся на 5, 6 или 12%, то цены других поднимутся или упадут на 3, 4 или 7%. Если бы в стране не существовало налогов и стоимость денег упала, то изобилие их на всех рынках произвело бы одинаковое действие на каждый товар. Если бы цена мяса возросла на 20%, то повысились бы также на 20% и цены хлеба, пива, обуви, труда и всех

* [В первом издании сказано категорически: «это верно».]

других товаров. Без этого общего повышения нельзя было бы обеспечить для всех отраслей промышленности одинаковую норму прибыли. Но дело должно происходить иначе, как только на один из этих товаров устанавливается налог. Если бы в этом случае цены всех товаров повысились пропорционально падению стоимости денег, то прибыль оказалась бы неодинаковой. При обложении товаров налогом прибыль поднялась бы выше общего уровня, и капитал начал бы отливать в другие отрасли промышленности, пока не восстановилось бы равновесие прибыли, а это возможно было бы только после изменения относительных цен.

Не дает ли нам этот принцип ключ к объяснению различного воздействия, которое оказало на цены товаров изменение в стоимости денег в тот период, когда Английский банк прекратил свои платежи? Тем, кто утверждал, что в течение всего этого периода деньги были обесценены вследствие слишком больших выпусков бумажных денег, возражали, что в таком случае цены всех товаров должны были бы повыситься в одной и той же пропорции; между тем оказалось, что цены некоторых товаров изменились гораздо больше, чем цены других товаров. Отсюда сделан был вывод, что рост цен вызван был каким-нибудь обстоятельством, повлиявшим на изменение стоимости самих товаров, а не каким бы то ни было изменением в стоимости денег. Но мы сейчас видели, что в стране, в которой товары обложены налогами, цены их не будут изменяться в одинаковой пропорции вследствие повышения или падения стоимости денег.

Если бы налог на прибыль был установлен во всех отраслях промышленности за исключением прибыли фермера, то повысилась бы денежная стоимость всех товаров за исключением сырых произведений. Фермер получал бы тот же доход в виде хлеба, что и прежде, и продавал бы свой хлеб за ту же цену, но так как он должен был бы платить добавочную цену за все товары, которые он потребляет, за исключением хлеба, то для него это равнялось бы налогу на потребление. От этого налога его не избавило бы даже изменение стоимости денег, ибо это изменение может понизить цены всех обложенных товаров до их прежнего размера, но цена того из них, который был освобожден от налога, упала бы ниже прежнего уровня. Следовательно, хотя фермер покупал бы нужные ему товары по прежним ценам, он будет иметь теперь меньше денег для их покупки.

Точно в таком же положении находился бы и землевладелец. Если бы цены всех товаров повысились, а стоимость денег не изменилась, то он получал бы такую же хлебную и денежную ренту, как и прежде. Но если бы цены товаров остались без изменения, он перестал бы получать такую же денежную земельную ренту, хотя его хлебная рента не изменилась бы. Итак, в обоих случаях он косвенным образом участвовал бы в уплате взимаемых денег, хотя его доход не был бы обложен непосредственно.

Предположим теперь, что прибыль фермера также подвергнется обложению. Он будет тогда в таком же положении, как и все другие предприниматели. Цена его сырых произведений повысится, и по уплате налога он будет получать тот же денежный доход, но зато он будет платить добавочную цену за все товары, которые он потребляет, включая сырые произведения.

Однако его землевладелец был бы теперь в другом положении. Налог на прибыль фермера принесет ему выгоду, так как он получил бы вознаграждение за прибавку в цене, которую он должен платить при покупке промышленных товаров, если цены последних повышаются. Он получал бы тот же самый денежный доход, если бы вследствие уменьшения стоимости денег товары продавались по прежним ценам. Налог на прибыль фермера не представляет собою налога, пропорционального валовому продукту земли; он пропорционален чистому продукту, который остается после уплаты ренты, заработной платы и всех других расходов. Так как арендаторы различных разрядов земли, № 1, № 2 и № 3, затрачивают совершенно одинаковые капиталы, то и прибыль их будет тоже совершенно одинакова независимо от величины валового дохода, который у одного может быть больше, чем у другого. Следовательно, и налог будет падать на них одинаково равномерно. Предположим, что валовой продукт земли № 1 равняется 180 квартерам, № 2—170 квартерам и № 3—160 квартерам и что каждый из них обложен налогом в 10 кварталов. Разность между валовыми продуктами № 1, № 2 и № 3 после уплаты налога будет та же, что и прежде: если валовой продукт № 1 понизился до 170, № 2—до 160 и № 3—до 150 кварталов, то разность между № 3 и № 1 будет, как и прежде, составлять 20 кварталов, а разность между № 3 и № 2—10 кварталов. Если после введения налога цены хлеба и всех других товаров останутся без изменения, то и денежная и хлебная ренты сохранят свою прежнюю величину, но если вследствие налога цены хлеба и всех других товаров повысятся, то денежная рента увеличится в той же пропорции. Если бы цена хлеба равнялась 4 ф. ст. за квартал, то рента № 1 составляла бы 80 ф. ст., а рента № 2—40 ф. ст., но если бы цена хлеба увеличилась на 5%, или до 4 ф. ст. 4 шилл., рента также увеличилась бы на 5%, ибо 20 кварталов стоили бы тогда 84 ф. ст., а 10—42 ф. ст. И в том и в другом случае такой налог не коснулся бы землевладельца. Налог на прибыль с капитала не вызывает никаких изменений в величине хлебной ренты, поэтому денежная рента изменяется в зависимости от цены хлеба. Зато налог на сырые произведения, или десятина, всегда вызывает изменения в величине хлебной ренты, но оставляет обычно без изменения денежную ренту. В другой части настоящего сочинения я отметил, что если бы на все обрабатываемые земли без различия их плодородия был наложен одинаковый денежный земельный налог, то он оказался бы очень неравномерным, так как особенную выгоду

получили бы владельцы наиболее плодородных земель. Такой налог повысил бы цену хлеба пропорционально бремени, которое несет арендатор худшей земли. Но так как эта прибавка в цене получалась бы за счет большего количества продукта, доставляемого более плодородными землями, то арендаторы последних получали бы на все время аренды добавочный барыш, а после истечения срока аренды этот барыш был бы присвоен землевладельцами в форме повышения ренты. Такое же действие оказал бы одинаковый налог на *прибыль* фермеров. Он увеличил бы денежную ренту землевладельца, если бы деньги сохранили свою прежнюю стоимость. Но так как налог падает одинаково на прибыль фермера и на прибыль всех других предпринимателей и, следовательно, одновременно с повышением цены хлеба повысятся также цены всех других товаров, то землевладелец теряет от возросшей денежной цены товаров и хлеба, на которые он тратит свою ренту, столько же, сколько он выигрывает от повышения своей ренты. При увеличении стоимости денег и одновременном введении налога на прибыль цены всех предметов вернулись бы к своему старому уровню и рента приняла бы также прежние размеры. Землевладелец получал бы ту же самую денежную ренту и покупал бы все товары, на которые он прежде тратил ее, по старым ценам. Таким образом при всевозможных условиях он был бы избавлен от налога¹.

[Это явление любопытно. Вы облагаете налогом фермера и, несмотря на это, не обременяете его больше, чем если бы вы совсем освободили его прибыль от налога. И в то же время землевладелец сильно заинтересован в том, чтобы прибыль его арендатора была обложена, так как только при этом условии он сам в действительности освобождается от всякого налога.]*

Если бы цены всех товаров повысились пропорционально налогу, то налог на прибыль с капитала** коснулся бы также денежного капиталиста, [хотя дивиденд последнего не был бы затронут налогом]***; но если бы вследствие изменения стоимости денег цены всех товаров вернулись к прежнему уровню, денежный капиталист не принимал бы никакого участия в уплате налога. Он покупал бы все товары по прежним ценам и получал бы в то же время свой прежний денежный дивиденд.

Если мы допускаем, что вследствие обложения прибыли только одного промышленника должна повыситься цена его товаров, для

¹ Для землевладельца было бы в высокой степени выгодно, чтобы налог падал только на прибыль фермеров, а не на прибыль каких-нибудь других капиталистов. В действительности это был бы налог на потребителей сырых произведений, который частью шел бы в пользу государства, частью в пользу землевладельцев. [Это примечание сделано к третьему изданию.]

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

** [В первом и втором изданиях Рикардо вместо слова «capital» употребляет «stock».]

*** [Вставка в третьем издании.]

того чтобы он был в равных условиях с другими промышленниками, если мы, далее, допускаем, что при обложении прибыли двух промышленников должны повыситься цены товаров того и другого, то я не понимаю, как можно отрицать, что при обложении налогом прибыли всех промышленников повысятся цены всех товаров,— конечно, при условии, что рудники, снабжающие нас деньгами, [находятся в нашей стране и не обложены налогами]*. Но так как деньги или денежный материал—товар, привозимый из-за границы, то цены всех товаров не могут повыситься. Такое повышение возможно было бы только при добавочном количестве денег¹, а последние, как это показано было в пятой главе, не могут быть получены в обмен за дорогие товары. Впрочем, если бы даже такое повышение произошло, оно не могло бы быть постоянным, так как оно оказало бы огромное влияние на внешнюю торговлю. Дорогие товары не могли бы вывозиться в обмен на ввозимые товары, и в течение известного времени мы вынуждены были бы продолжать свои покупки, хотя мы прекратили бы продажу своих товаров. Мы вывозили бы таким образом деньги или слитки до тех пор, пока относительные цены товаров не стали бы приблизительно такими же, как и прежде. Я считаю совершенно несомненным, что хорошо урегулированный налог на прибыль в конце концов привел бы к восстановлению тех же самых денежных цен, какие существовали на отечественные и иностранные товары до введения налога.

Так как налоги на сырые произведения, десятина, налог на заработную плату и на предметы насущной необходимости для рабочего влекут за собой повышение заработной платы и, следовательно, понижают прибыль, то все они, хотя и не в одинаковой степени, приведут к тем же последствиям.

* [В первом издании: «находятся в стране, где они обложены налогами».]

¹ После вторичного рассмотрения этого вопроса я сомневаюсь, действительно ли требуется большее количество денег для обращения того же количества товаров, если цены их повысились вследствие введения налога, а не вследствие увеличения трудности их производства. Предположим, что в данной местности и в данное время продаются 100 тыс. кварталов хлеба по 4 ф. ст. за квартал. Если вследствие прямого налога в 8 шилл. на квартал цена квартала поднимается до 4 ф. ст. 8 шилл., то мне кажется, что для обращения этого хлеба по возросшим ценам вполне достаточно будет прежнего количества денег. Если я прежде покупал 11 кварталов по 4 ф. ст. и вследствие налога должен сократить свое потребление до 10 кварталов, то я не нуждаюсь в большем количестве денег, ибо я в обоих случаях буду платить за хлеб 44 ф. ст. В действительности население будет потреблять меньше на одну одиннадцатую часть, и это количество пошло бы в пользу правительства. Деньги, необходимые для покупки хлеба, получены были бы из сбора в 8 шилл. на квартал, который взимался бы с фермеров в виде налога, но одновременно с этим вся сумма налога возвращалась бы к ним в уплату за их хлеб. Вот почему этот налог в действительности представляет собой натуральный налог и не делает необходимым употребление большего количества денег, а если и требует, то столь незначительного, что мы можем им пренебречь. [Это большое примечание сделано к третьему изданию.]

Изобретение машин, существенно улучшающих отечественную промышленность, имеет всегда тенденцию повышать относительную стоимость денег, а следовательно, и поощрять их ввоз. Напротив, всякий налог, всякие препятствия, которые ставятся фабриканту или земледельцу, имеют тенденцию понижать относительную стоимость денег, а следовательно, и поощрять их вывоз.

ГЛАВА XVI

НАЛОГИ НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ

Налоги на заработную плату приводят к ее повышению и уменьшают таким образом норму прибыли с капитала. Мы видели уже, что налог на предметы насущной необходимости повышает их цены, благодаря чему повышается заработная плата. Единственное различие между налогом на предметы насущной необходимости и налогом на заработную плату состоит в том, что первый неизбежно сопровождается ростом цен на эти предметы, а второй — нет. Поэтому налог на заработную плату совершенно не затрагивает ни денежных капиталистов, ни землевладельцев, ни какой-нибудь другой класс, кроме предпринимателей, нанимающих рабочую силу. Налог на заработную плату является целиком налогом на прибыль, налог на предметы насущной необходимости — отчасти налогом на прибыль, отчасти налогом на богатых потребителей. Вот почему последствия, к которым в конце концов приводят эти налоги, вполне тождественны с результатами и прямого налога на прибыль.

«Заработная плата низших слоев рабочего народа, — говорит Адам Смит, — необходимо регулируется всюду, как я старался показать в первой книге, двумя различными обстоятельствами — спросом на труд и обычной или средней ценой пищевых продуктов. Спрос на труд регулирует заработную плату рабочего. Смотря по тому, возрастает ли этот спрос, остается неподвижным или уменьшается и обуславливает ли он таким образом рост, неподвижное состояние или уменьшение населения, он определяет, насколько заработная плата рабочего будет щедрой, умеренной или скудной. Обычная или средняя цена пищевых продуктов определяет количество денег, которое должно быть уплачено рабочему, чтобы дать ему возможность ежегодно оплачивать щедрое, умеренное или скудное потребление. Пока спрос на труд и цена пищевых продуктов остаются неизменными, прямой налог на заработную плату приведет только к тому, что она повысится немного больше, чем на сумму налога»*.

Против этого положения д-ра Смита г-н Бьюкенен выдвигает два возражения. Во-первых, он отрицает, что денежная заработ-

* [«Богатство народов», кн. V, гл. II.]

ная плата регулируется ценою пищевых продуктов, и, во-вторых, он отрицает, что налог на заработную плату приведет к повышению цены труда. По отношению к первому пункту аргументация г-на Бьюкенена* сводится к следующему (стр. 59): «Заработную плату, как уже было замечено, составляют не деньги, а то, что можно купить за деньги, т. е. пищевые продукты и другие предметы жизненной необходимости, и часть, достающаяся рабочему из общего имущества, будет всегда пропорциональна предложению. Там, где пищевые продукты *дешевы и находятся в изобилии*, его доля будет больше; там, где они *скудны и дороги*, доля рабочего будет меньше. Его заработная плата будет ему всегда доставлять его справедливую долю, да она и не может дать ему больше. Правда, д-р Смит и многие другие писатели придерживались мнения, что денежная цена труда регулируется денежной ценой пищевых продуктов и что при повышении цены последних пропорционально повышается и заработная плата. Но ясно, что цена труда не стоит ни в какой необходимой связи с ценою съестных припасов, так как она целиком зависит от соотношения между предложением труда и спросом на него. Кроме того, следует заметить, что высокая цена пищевых продуктов является верным признаком их недостаточного предложения и при естественном ходе вещей она поднимается, чтобы задерживать рост потребления. При уменьшении количества предлагаемых пищевых продуктов и распределении их между тем же числом потребителей каждому достанется, очевидно, меньшая доля, и рабочий должен будет взять на себя часть общей потери. Цены повышаются, чтобы распределить это бремя равномерно и помешать рабочему потреблять средства существования так же свободно, как и прежде. Но вслед за повышением цен должна, оказываться, возрастать и заработная плата, чтобы дать рабочему возможность потреблять то же количество пищевых продуктов, предложение которых уменьшилось. Получается, таким образом, что природа сама себе противоречит: сначала она повышает цену съестных припасов, чтобы уменьшить потребление, а затем повышает заработную плату, чтобы дать рабочему то же самое количество, что и прежде».

Мне кажется, что в приведенной аргументации г-на Бьюкенена истина сильно переплетается с заблуждением. Так как высокая цена пищевых продуктов вызывается иногда недостаточным предложением, то г-н Бьюкенен считает высокую цену несомненным признаком недостаточного предложения. Результат, который мог быть обусловлен многими причинами, он приписывает действию исключительно одной причины. Не подлежит никакому сомнению, что в случае недостаточного предложения между прежним числом потребителей будет разделено мень-

* [Smith, ed. Buchanan, 1814, v. IV.]

шее количество пищевых продуктов и каждому достанется меньшая доля. Чтобы распределить равномерно лишения и помешать рабочему потреблять средства существования так же свободно, как и прежде, цены повышаются. Поэтому следует согласиться с г-м Бьюкененом, что всякое повышение цены пищевых продуктов, вызванное недостаточным предложением, не должно непременно повысить денежную заработную плату: ведь потребление должно сократиться, а это достигается только путем уменьшения покупательной силы потребителей. Но одно то обстоятельство, что цена пищевых продуктов повышается вследствие недостаточного предложения, не дает еще нам права заключить, как это, повидимому, делает Бьюкенен, что при высоких ценах невозможно вполне достаточное предложение,—при высоких ценах не только в сравнении с деньгами, но и со всеми другими предметами.

Естественная цена товаров, которая всегда в конце концов определяет их рыночную цену, зависит от легкости производства, но произведенное количество непропорционально этой легкости. Хотя земли, которые обрабатываются теперь, по своим качествам значительно уступают тем, которые обрабатывались триста лет назад, и трудность производства, следовательно, возросла, может ли кто-нибудь сомневаться, что количество, производимое теперь, несравненно больше, чем количество, производившееся тогда? Высокая цена не только совместима с возрастающим предложением, но почти всегда сопровождает последнее. И если вследствие налогов или трудности производства поднимается цена пищевых продуктов без уменьшения их количества, то повысится и денежная заработная плата. Ибо, как вполне справедливо заметил г-н Бьюкенен, «заработную плату составляют не деньги, а то, что можно купить за деньги, т. е. пищевые продукты и другие предметы жизненной необходимости; а часть, достоящаяся рабочему из общего имущества, всегда будет пропорциональна предложению»*.

По отношению ко второму пункту,—повлечет ли за собою налог на заработную плату повышение цены труда,—г-н Бьюкенен говорит: «Если рабочий получил уже справедливое вознаграждение за свой труд, то может ли он требовать от своего предпринимателя вознаграждение за то, что ему после придется заплатить в качестве налога? Нет такого закона или принципа в человеческом обществе, которые могли бы оправдывать такое заключение. После того как рабочий получил свою заработную плату, последний находится в его полном распоряжении, и он должен, в меру своей способности, сам нести все бремя, которое будет возложено на него потом какими-нибудь поборами. Ясно, что у него нет никаких средств принудить тех, кто уже заплатил ему справедливую цену за его труд, вознаградить его за эту потерю»**. Но сам г-н Бьюкенен

* [Smith. ed. Buchanan. 1814. v. IV.]

** [Ibid., v. III, p. 338.]

цитирует с большим одобрением следующее удачное место из сочинения г-на Мальтуса о народонаселении,—место, которое, по моему мнению, дает вполне удовлетворительный ответ на возражение самого г-на Бьюкенена. «Цена труда,—если она может свободно достигать своего естественного уровня,—представляет собой наиболее важный политический барометр, выражающий отношение между предложением съестных припасов и спросом на них, между количеством, которое должно быть потреблено, и числом потребителей. Взятая в среднем, независимо от случайных обстоятельств, цена труда выражает, кроме того, вполне ясно потребности общества по отношению к народонаселению. Это значит: каково бы ни было среднее число детей от каждого брака, необходимое для сохранения населения в его теперешнем размере, цена труда будет или вполне достаточна для сохранения этого числа, или выше, или ниже, смотря по тому, в каком состоянии находятся фонды для содержания рабочих: в неподвижном, прогрессирующем или регрессирующем. Однако, вместо того чтобы рассматривать цену труда с этой точки зрения, мы смотрим на нее, как на нечто такое, что мы можем повышать или уменьшать по своему произволу и что определяется главным образом королевскими мировыми судьями. Когда повышение цены пищевых продуктов уже показывает, что спрос на них слишком велик в сравнении с их предложением, мы—с целью поставить рабочего в прежнее положение—повышаем цену труда, т. е. увеличиваем спрос, и после этого удивляемся, что цена пищевых продуктов продолжает расти. Мы при этом поступаем именно так, как если бы при падении ртутного столбика барометра до точки «*буря*» мы искусственным давлением подняли бы ртуть до «прекрасной погоды» и были бы поражены, видя, что дождь продолжается»*.

«Цена труда выражает вполне ясно потребности общества по отношению к народонаселению»; она будет как раз достаточна для поддержания того населения, которого в данное время требует состояние фондов для содержания рабочих. Если заработная плата рабочего до того времени была только достаточна для поддержания требуемого населения, то после введения налога она перестала бы быть достаточной, потому что рабочий не имел бы тех же средств на содержание своей семьи. Следовательно, цена труда будет повышаться, потому что спрос на него будет продолжаться, а предложение его не прекратится только вследствие повышения цены.

То обстоятельство, что цены шляп или солода повышаются вследствие обложения, представляет самое обыкновенное явление. Цена их повышается потому, что требуемое количество не имелось бы в наличии, если бы цены их не повысились. То же самое происходит с трудом: если на заработную плату устанавливается налог, цена труда возрастает, потому что в противном слу-

* [«Essay on population», v. II, p. 165, 166.]

чае нельзя было бы поддерживать требуемое население. И разве сам г-н Бьюкенен не признает всего этого, когда говорит: «если бы он (рабочий) действительно был вынужден довольствоваться только предметами самой насущной необходимости, то он не мог бы вынести дальнейшее понижение заработной платы, так как при таких условиях он не мог бы продолжать свой род»? Положим, что страна находится в таких условиях, при которых низшие слои рабочего населения должны были бы не только продолжать свой род, но и умножать его. Тогда их заработная плата регулировалась бы соответственно. Но множились ли бы они в требуемом количестве, если бы налог отнимал у них часть заработной платы и вынуждал их довольствоваться лишь предметами самой насущной необходимости?

Не подлежит никакому сомнению, что цена обложенного товара не повысится пропорционально налогу, если спрос на него уменьшится, а количество его не может быть уменьшено. Если бы всюду употреблялись металлические деньги, то стоимость их не повысилась бы вследствие налога на длительное время пропорционально его размерам, потому что при более высокой цене денег спрос на них уменьшился бы, а количество их не уменьшилось бы. Бесспорно, что та же самая причина часто влияет на заработную плату. Число рабочих не может быть быстро увеличено или уменьшено пропорционально увеличению или уменьшению фонда, назначенного на их содержание, но в предположенном случае уменьшение спроса на труд не является необходимым, а если он и уменьшается, то непропорционально налогу. Г-н Бьюкенен забывает, что средства, собираемые путем налога, употребляются правительством на содержание рабочих; правда, непроизводительных, но все-таки рабочих. Если бы при установлении налога на заработную плату цена труда не возрастала, то в очень сильной степени возросло бы соперничество в спросе на труд, потому что владельцы капитала, которых этот налог не коснулся бы, имели бы в своем распоряжении те же самые средства для найма рабочих, и в то же время правительство, получившее этот налог, тоже имело бы для этой цели дополнительные средства. Правительство и народ стали бы таким образом конкурировать друг с другом, и результатом этой конкуренции было бы повышение цены труда. То же самое количество рабочих было бы занято, но они получали бы добавочную, заработную плату.

Если бы налог был с самого начала возложен на людей, имеющих капитал, то их фонды на содержание труда сразу же уменьшились бы в той же самой степени, в какой возросли бы фонды правительства, назначенные для той же цели. Таким образом не произошло бы никакого повышения заработной платы, потому что если бы даже спрос не изменился, то исчезла бы все-таки прежняя конкуренция. Если бы правительство сейчас же после сбора налога отравило всю выручку за границу в качестве субсидии иностранному

государству, если бы, следовательно, этот фонд был затрачен на содержание иностранных, а не английских рабочих—солдат, матросов и т. д.,—то спрос на труд действительно уменьшился бы и заработная плата не возросла бы, хотя бы она и была обложена налогом. Но то же самое произошло бы, если бы налог был установлен на предметы потребления, или прибыль с капитала, или если бы для уплаты субсидии та же сумма взималась бы каким-нибудь другим образом: меньшее количество рабочих могло бы быть занято в самой стране. В одном случае рост заработной платы был бы задержан, в другом—она безусловно понизилась бы. Но предположим, что вся сумма налога на заработную плату, после того как он был получен от рабочих, была бы передана предпринимателям даром. Это увеличило бы их денежный фонд на содержание труда, но это не увеличило бы ни числа товаров, ни числа занятых. В результате усилилась бы только конкуренция между предпринимателями, и налог в конце концов не причинил бы ущерба ни хозяину, ни рабочему. Хозяин платил бы рабочему более высокую цену за его труд; прибавка, которая получалась бы рабочим, уплачивалась бы им в качестве налога правительству и опять возвращалась бы к хозяевам. Не следует, однако, забывать, что суммы, получаемые путем налогов, [расходятся обыкновенно расточительно, что налоги всегда взимаются в ущерб удобствам и удовольствиям народа и что они обыкновенно или уменьшают капитал или задерживают его накопление]*. Уменьшая капитал, они тем самым создают тенденцию к уменьшению действительного фонда, назначенного на содержание труда, и, следовательно, к уменьшению действительного спроса на него. Следовательно, налоги вообще, поскольку они уменьшают действительный капитал страны, уменьшают спрос на труд. Поэтому вероятное, хотя и не необходимое, последствие налога на заработную плату, собственное не только ему, состоит в том, что хотя последняя и повысится, она не увеличится на сумму, в точности равную налогу.

Адам Смит полностью признает, как мы уже видели, что последствием налога на заработную плату является повышение ее на сумму, по крайней мере равную налогу, и что налог этот,—если не непосредственно, то в конечном счете,—выплачивается предпринимателем. До сих пор мы с ним совершенно согласны, но мы существенно расходимся в вопросе о дальнейшем действии таких налогов.

«Следовательно, прямой налог на заработную плату труда,—говорит Адам Смит,—хотя он, может быть, и уплачивается непосредственно рабочим, в сущности говоря, не всегда даже авансируется им; так бывает, по крайней мере, в том случае когда спрос на труд и средняя цена пищевых продуктов остались после введе-

* [В первом издании сказано было только: «расходятся часто расточительно», остальное представляет вставку.]

ния налога без изменения. Во всех таких случаях лицо, непосредственно доставляющее рабочему занятие, авансирует в действительности не только налог, но даже и некоторую сумму сверх него. В конечном счете уплата будет падать в различных случаях на различных людей. Прибавка к заработной плате мануфактурного рабочего, обусловленная таким налогом, была бы авансирована владельцем мануфактуры *который имел бы право, да и был бы вынужден увеличивать цену своих товаров на всю эту прибавку плюс прибыль*. Прибавка к заработной плате сельского рабочего, вызванная этим налогом, была бы авансирована фермером, который, чтобы иметь возможность содержать прежнее число рабочих, был бы вынужден затратить более значительный капитал. Чтобы получить обратно этот увеличенный капитал *плюс обычная прибыль на капитал*, он должен был бы удержать в свою пользу более значительную часть или, что сводится к тому же, цену более значительной части продукта земли. Он, следовательно, будет платить землевладельцу меньшую ренту. В этом случае прибавка к заработной плате была бы оплачена в конце концов землевладельцем, который должен был бы оплатить также и *добавочную прибыль фермера, авансировавшего эту прибавку*. Во всяком случае прямой налог на заработную плату в конце концов вызвал бы и более значительное уменьшение земельной ренты и более значительное повышение цены промышленных товаров, чем то, какое последовало бы, если бы сумма, равная выручке от этого налога, была бы непосредственно разверстана путем специального обложения между земельной рентой и предметами потребления^{*}. Итак, в этом отрывке автор утверждает, что прибавка к заработной плате, уплаченная фермерами, в конечном счете падает на землевладельцев, которые получают уменьшенную ренту, но что прибавка к заработной плате, которая выплачивается фабрикантами, вызовет повышение цен промышленных товаров и, следовательно, падет на потребителей этих товаров.

Предположим, теперь, что общество состоит из землевладельцев, фабрикантов, фермеров и рабочих. Допустим также, что рабочие будут вознаграждены за уплачиваемый ими налог. Но кем? Кто уплатит ту часть, которая не падает на землевладельца? Ведь фабриканты могли бы ничего не платить: если бы цена их товаров возрастала пропорционально выплачиваемой ими прибавке к заработной плате, они после введения налога находились бы в лучшем положении, чем прежде. Если бы фабрикант сукон, фабрикант шляп, фабрикант обуви и т. п. могли повысить каждый цену своих товаров на 10%,—предполагая, что 10% вполне вознаградят их за уплачиваемую ими прибавку к заработной плате,—если бы, как говорит Адам Смит, «они имели право, да и были бы вынуждены увеличить цену своих товаров на всю прибавку к заработной

^{*} [Smith, ed. Buchanan, v. III p. 337.]

плате плюс прибыль», то каждый из них мог бы потреблять столько же товаров других фабрикантов, сколько и прежде, и, следовательно, никто из них в действительности не платил бы налога. Если бы фабрикант сукон платил больше за шляпы и обувь, он получал бы в свою очередь больше за сукно, и если бы фабрикант шляп платил больше за сукно и обувь, он также получал бы больше за свои шляпы. Таким образом они покупали бы все промышленные товары с такой же выгодой, как и прежде, и, поскольку цена хлеба не повысилась бы [—а это именно и есть предположение д-ра Смита—]* в течение всего времени, покуда в их распоряжении остается добавочная сумма на покупку хлеба, они не только ничего не теряли бы от такого налога, но даже выигрывали бы от него.

Если бы таким образом ни рабочие, ни фабриканты не принимали участия в уплате такого налога, если бы фермеры также были вознаграждены путем уменьшения ренты, то землевладельцы не только одни несли бы целиком все бремя налога, но еще должны были бы способствовать увеличению барышей фабрикантов. Однако для этого им пришлось бы потребить все промышленные товары страны, так как прибавка к цене, падающая на всю массу товаров, едва ли многим больше, чем сумма того налога, которым первоначально были обложены промышленные рабочие.

Но никто не будет оспаривать, что фабрикант сукна, фабрикант шляп и все другие фабриканты потребляют продукты друг друга; бесспорно также, что рабочие всех категорий потребляют мыло, сукно, обувь, свечи и различные другие товары. Поэтому невозможно, чтобы вся тяжесть этих налогов падала только на землевладельцев.

Но если рабочие не принимают никакого участия в уплате налога, а цены промышленных товаров поднимаются, то должна также повыситься заработная плата: не только для того, чтобы вознаградить их за налог, но также и за повышение цены производимых промышленностью предметов жизненной необходимости. Поскольку это повышение затрагивает сельскохозяйственных рабочих, оно явится новой причиной понижения ренты, а поскольку оно затрагивает промышленный труд, оно должно привести к дальнейшему повышению цен промышленных товаров. Повышение цен последних опять-таки повлияет на заработную плату: такое действие и обратное действие—сначала заработной платы на цены товаров, а затем цен товаров на заработную плату—будет продолжаться до бесконечности. Доказательства, приводимые в пользу этой теории, ведут к таким нелепым выводам, что сразу бросается в глаза вся несостоятельность самого принципа.

Точно такое же влияние, какое—при условии естественного прогресса общества и возрастающей трудности производства—ока-

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

зывает на прибыль с капитала и заработную плату повышение ренты и цен на предметы насущной необходимости, вызовет также рост заработной платы вследствие обложения ее налогом. Поэтому потребление предметов удовольствия как рабочим, так и предпринимателем подвергнется благодаря налогу сокращению. И не только благодаря данному налогу, но и [всякому] другому того же размера, [так как все они имеют тенденцию уменьшать фонд, назначенный на содержание труда]*.

Ошибка Адама Смита объясняется прежде всего его предположением, что все налоги, которые уплачиваются фермером, должны необходимо падать на землевладельца в форме вычета из его ренты. Я уже достаточно подробно высказался об этом предмете, и, я надеюсь, мне удалось вполне удовлетворительно показать читателю, что, пока на землю, не платящую ренты, затрачивается значительный капитал и пока результат, получаемый с помощью этого капитала, регулирует цену сырых произведений, из ренты не может быть произведен никакой вычет. Следовательно, фермер или не получит никакого вознаграждения за налог на заработную плату или если он даже получит его, то только в форме прибавки к цене сырых произведений.

Если налоги дают на фермера больше, чем на других предпринимателей, он сможет повысить цены сырых произведений, чтобы быть в одинаковых условиях с ними. Но налог на заработную плату, который падает одинаково на фермера и на представителей других отраслей промышленности, не мог бы быть переложен или возмещен посредством прибавки к цене сырых произведений. Та же самая причина, которая побуждала бы его повысить цену хлеба, а именно, желание вознаградить себя за налог, заставила бы также фабриканта сукон повысить цену сукна, а фабриканта обуви, фабриканта шляп и фабриканта мебели повысить цены обуви, шляп и мебели.

Положим, что все они могли бы увеличить цены своих товаров, чтобы с лихвой вознаградить себя за налог. Но все они в то же время являются потребителями товаров друг друга; следовательно, налог никогда не был бы уплачен, ибо кто же платил бы его, если бы все получали вознаграждение за него?

Я надеюсь, мне удалось показать, что всякий налог, который приводит к повышению заработной платы, будет уплачен путем уменьшения прибыли и что, следовательно, налог на заработную плату есть в действительности налог на прибыль.

Принцип разделения продукта труда и капитала между заработной платой и прибылью, который я старался установить, кажется мне настолько достоверным, что за исключением лишь периода непосредственного действия таких налогов почти безразлично,

* [В первом издании: «но и любому другому того же размера». Остальное — вставка во втором и третьем изданиях.]

облагается ли прибыль с капитала или заработная плата. Облагая прибыль с капитала, вы, вероятно, изменили бы темп возрастания фондов на содержание труда, и заработная плата, поднявшись слишком высоко, перестала бы соответствовать состоянию этих фондов. Облагая заработную плату, вы уменьшаете вознаграждение, уплачиваемое рабочему, а упав слишком низко, оно также перестало бы соответствовать состоянию этих фондов. Естественное равновесие между прибылью и заработной платой было бы восстановлено в первом случае путем падения, во втором — путем повышения денежной заработной платы. Таким образом налог на заработную плату не падает на землевладельца, он падает на прибыль с капитала. Фабрикант вовсе не «имел бы права и [не] был бы вынужден увеличить цену своих товаров на всю сумму налога плюс прибыль», так как он не мог бы сделать это. И он должен был бы поэтому полностью и без всякого вознаграждения уплатить этот налог¹.

Если налоги на заработную плату приводят к описанным мною результатам, то они не заслуживают порицания, с которым о них высказывался д-р Смит. Предоставим ему слово: «Говорят, что эти и подобные им налоги, повысив цену труда, разорили большую часть промышленности Голландии. Такие же налоги, хотя и не столь обременительные, существуют в Милане, Генуе, в герцогстве Моденском, в герцогствах Парме, Пиаченце и Гвастале, а также в папских областях. Один неизвестный французский писатель предложил преобразовать финансы своей страны путем замены всех налогов этим наиболее разорительным из всех налогов. «Нет такой нелепости,—говорит Цицерон,—которую не отстаивал бы иногда какой-нибудь философ». В другом месте д-р Смит замечает: «Налоги на предметы необходимости, повышая заработную плату, обязательно создают тенденцию к повышению цены всех мануфактурных изделий и, следовательно, уменьшают размеры их сбыта и потребления»*. Они не заслуживали бы этого порицания, даже если бы принцип д-ра Смита был верен, т. е. если бы такие налоги действительно увеличивали цены промышленных товаров. Ибо такое действие этих налогов было бы только временным и не причиняло бы нам никаких невыгод в нашей внешней торговле. Если бы какая-нибудь причина вызвала повышение цен некоторых промышленных товаров, то она прекратила бы или задержала бы их вывоз; но если бы та же самая причина действовала одинаково на все товары, тогда она оказала бы только номинальное действие: она не затро-

¹ Г-н Сай, повидимому, разделяет общий взгляд на этот предмет. Говоря о хлебе, он замечает: «отсюда следует, что цена его влияет на цены *всех* товаров. Фермер, фабрикант или торговец занимают известное число рабочих, которые нуждаются для своего потребления в известном количестве хлеба. Если цена хлеба возрастает, они вынуждены соответственно повысить цены своих продуктов» (т. I, стр. 255.)

* [«Богатство народов», кн. V, гл. II.]

нула бы их относительной стоимости и ничуть не ослабила бы стимул к меновой торговле, к которой в сущности сводится вся торговля, как внутренняя, так и внешняя.

Я уже пытался показать, что если какая-нибудь причина вызовет повышение цен всех товаров, то она оказывает почти такое же действие, как падение стоимости денег. Если стоимость денег падает, поднимаются цены всех товаров. Если это действие ограничивается одной страной, оно будет влиять на ее внешнюю торговлю таким же образом, как высокая цена товаров, вызванная всеобщим обложением. Следовательно, рассматривая следствия низкой стоимости денег в пределах одной страны, мы исследуем также влияние высокой цены товаров, поскольку оно ограничивается пределами одной страны. Конечно, Адам Смит вполне понимал сходство между этими двумя случаями. Поэтому-то он и утверждал, что низкая стоимость денег или, как он говорит, серебра в Испании причинила вследствие запрещения его вывоза громадный ущерб промышленности и внешней торговле этой страны. «Но такое понижение стоимости серебра, которое является результатом или свособразного положения данной страны или мероприятий ее политических учреждений и ограничивается пределами только одной страны, чрезвычайно важными последствиями. Оно не только не приводит к чему-либо реальному обогащению, но ведет наоборот к тому, что всякий становится на деле более бедным. *Повышение денежной цены всех товаров, которое в данном случае ограничивается пределами одной этой страны*, задерживает в большей или меньшей степени развитие всякого рода промышленности в этой стране. Оно дает также возможность другим нациям, которые смогут доставлять почти все товары за меньшее количество серебра, чем это могли бы сделать ее собственные работники, продавать эти товары дешевле не только на внешнем, но и на внутреннем рынке» (т. II, стр. 278)*.

Одна и, по моему мнению, единственная из невыгод низкой стоимости серебра в данной стране, проистекающая от принудительного увеличения его количества, была очень хорошо выяснена Д. Рикардом. Если бы торговля золотом и серебром была свободна, то «золото и серебро, которое вывозилось бы из страны, уплывало бы за границу без соответствующего возмещения, а приносило бы обратно одинаковую стоимость в товарах того или иного рода. К тому же эти товары не принадлежали бы исключительно к числу предметов роскоши, потребляемых только праздным людом, который не производит ничего взамен того, что он потребляет. А так как действительное богатство и доход праздного люда не увеличатся вследствие этого необычайного вывоза золота и серебра, то несколько не увеличится вследствие этого и их потребление. Эти товары состояли бы, по всей вероятности, в большей части и, наверное, в некоторой части из материалов, ору-

* [«Богатство народов», кн. IV, гл. V.]

дий и пищевых продуктов, предназначенных для работы и содержания трудового люда, который воспроизводил бы с прибылью полную стоимость своего потребления. Таким образом часть мертвого капитала страны была бы превращена в активный капитал и привела бы в движение больше промышленного труда, чем прежде»*.

Не допуская свободной торговли драгоценными металлами, в то время как цены товаров поднимаются либо вследствие притока этих металлов либо вследствие налогов, вы мешаете превращению части мертвого капитала общества в активный, вы мешаете применению большего количества труда. В этом и состоит все бедствие, — бедствие, совершенно незнакомое тем странам, в которых вывоз серебра прямо дозволен или где на него смотрят сквозь пальцы.

Вексельный курс между странами стоит *al pari* лишь до тех пор, пока они имеют в обращении как раз столько денег, сколько при данных условиях необходимо им для обращения их товаров. Если бы торговля драгоценными металлами была совершенно свободна и металлические деньги можно было бы вывозить без всяких расходов, то для каждой страны вексельный курс всегда стоял бы *al pari*. Если бы торговля драгоценными металлами была совершенно свободна, если бы они всюду употреблялись как средство обращения, то даже при наличии расходов по их перевозке вексельный курс отклонялся бы от паритета только на сумму этих расходов. Мне кажется, что эти принципы теперь никем не оспариваются. Если бы страна пользовалась бумажными деньгами, не подлежащими обмену на золото и поэтому не регулируемым каким-нибудь определенным мериллом, ее вексельный курс отклонялся бы от паритета. Это отклонение совершалось бы в той самой пропорции, в какой количество обращающихся денег превышало бы их количество, необходимое для обращения по общему ходу торговли, и при условии вполне свободной торговли деньгами и использования драгоценных металлов в качестве денег или стандартной денежной меры.

Если бы в соответствии с общей суммой торговых оборотов 10 млн. ф. ст. определенного веса и пробы составляли долю Англии и если бы они были заменены бумажными деньгами на ту же сумму в 10 млн., то вексельный курс остался бы без изменения. Но если бы вследствие злоупотребления правом выпуска бумажных денег в обращение были брошены 11 млн., то вексельный курс был бы на 9% против Англии, при 12 млн. — на 16%, а при 20 млн. — на 50% против Англии. Но, чтобы вызвать этот результат, нет необходимости употреблять именно бумажные деньги. Всякая причина, задерживающая в обращении большее количество фунтов стерлингов, чем обращалось бы, если бы торговля была свободна и если бы в качестве денег или стандартной денежной меры употреблялись драгоценные металлы определенного веса и пробы, произвела бы

* [«Богатство народов». кн. IV, гл. V.]

точно такое же действие. Предположим, что золотые или серебряные монеты потеряли вследствие обрезывания часть своего веса и фунты стерлингов не содержат больше законного количества золота или серебра. Тогда в обращении могло бы находиться большее количество фунтов стерлингов, чем прежде. Если бы от каждого фунта стерлингов была отрезана $\frac{1}{10}$ часть его, то вместо 10 млн. в обращении должно было бы находиться 11 млн., если бы были отрезаны $\frac{2}{10}$ —12 млн., а если бы $\frac{1}{2}$, то для нужд обращения потребовалось бы не менее 20 млн. Если бы в обращении находилась вместо 10 миллионов последняя сумма, то удвоились бы цены всех товаров в Англии и вексельный курс был бы на 50% против Англии. Но это не вызвало бы никакой пертурбации во внешней торговле и не помешало бы развитию никакой отрасли промышленности. Если бы, например, цена сукна в Англии поднялась с 20 до 40 ф. ст. за кусок, мы продолжали бы вывозить его так же легко, как и прежде, потому что иностранный покупатель получал бы вознаграждение в размере 50% вследствие изменения вексельного курса: за 20 ф. ст. в деньгах своей страны он мог бы купить вексель, которым он уплатил бы в Англии долг в 40 ф. ст. Точно так же, если бы он вывозил товар, который в его стране стоит 20 ф. ст. и который в Англии продается за 40 ф. ст., он в сущности получал бы только 20 ф. ст., ибо на 40 ф. ст. в Англии можно было бы купить иностранный вексель только на 20 ф. ст. И какая бы причина ни заставляла выпускать в обращение в Англии 20 млн. ф. ст. вместо необходимых 10 млн. ф. ст., все равно результаты получились бы те же самые. Если бы можно было навязать Англии такой нелепый закон, как запрещение вывоза драгоценных металлов, и в результате такого запрета выпустить в обращение 11 млн. только что отчеканенных полноценных фунтов вместо прежних 10 млн., то вексельный курс был бы на 9% против Англии, при 12 млн.—на 16%, а при 20—на 50%. Но это не задержало бы развития английской промышленности. Если бы отечественные товары продавались в Англии по высокой цене, то по таким же высоким ценам продавались бы также иностранные товары. Были бы эти цены высоки или низки, для иностранного экспортера и импортера это имело бы небольшое значение: если бы ему приходилось при продаже своих товаров по дорогим ценам делать соответственную уступку на вексельном курсе, то он получал бы ее в свою очередь, когда ему приходилось бы покупать английские товары по высоким ценам. Таким образом единственная невыгода, которая происходила бы для страны от сохранения в обращении с помощью запретительных законов большего количества золота и серебра, чем это потребовалось бы при других условиях, заключалась бы в потерях, которым подвергается страна вследствие непроизводительного применения части ее капитала. В форме денег этот капитал не производит никакой прибыли, тогда как в форме материалов, машин и продовольствия, которые были бы получены

в обмен за него, он принес бы доход и способствовал бы увеличению богатства и ресурсов государства. Итак, я доказал, надеюсь, удовлетворительно, что сравнительно низкая цена драгоценных металлов, вызванная их обложением, или, другими словами, всеобщее повышение цен товаров, не причинило бы никакого ущерба государству, так как часть этих металлов была бы вывезена, а это повысило бы их стоимость и опять понизило бы цены товаров. Далее я показал, что, если бы даже металл не был вывезен, если бы вследствие запретительных законов он был удержан в стране, изменение вексельного курса уравнило бы действие высоких цен. Поэтому если налоги на предметы насущной необходимости и на заработную плату не повышают цены всех товаров, на которые затрачивается труд, то на этом основании они не могут быть отвергнуты. Более того. Если бы даже мнение [Адама Смита] о таком действии этих налогов было вполне обосновано, они все-таки не представляли бы по этой причине никакого вреда. [Против них можно было бы выдвинуть только те возражения, которые было бы справедливо предъявить против налогов любой другой категории.]

Землевладельцы как таковые были бы избавлены от тяжести налога; но поскольку при расходовании своего дохода они непосредственно использовали бы труд, нанимая садовников, прислугу и т. п., они чувствовали бы на себе действие этого налога.]*

Вполне правильно, что «налоги на предметы роскоши совершенно не имеют тенденции повышать цену каких-либо товаров, кроме обложенных», но неверно, что «налоги на предметы насущной необходимости, повышая заработную плату, обязательно создают тенденцию к повышению цен всех промышленных товаров». Верно, что «налоги на предметы роскоши в конечном счете уплачиваются потребителями обложенных товаров без какого-либо вознаграждения, потому что они падают безразлично на все виды дохода: на заработную плату, на прибыль с капитала, на земельную ренту», но неверно, что «налоги на предметы необходимости, поскольку они касаются работающих бедняков, уплачиваются в конечном счете отчасти землевладельцами в форме уменьшения земельной ренты, отчасти же богатыми потребителями, землевладельцами или другими—в форме надбавки к цене мануфактурных изделий». Поскольку эти налоги касаются трудящихся бедняков, они почти целиком выплачиваются за счет уменьшения прибыли на капитал, и только незначительная часть их уплачивается самими рабочими благодаря уменьшению спроса на труд, всегда являющегося следствием всякого рода налогового обложения.

Именно ошибочный взгляд д-ра Смита на действие таких налогов привел его к выводу, что «средние и высшие слои народа, если бы они хорошо понимали свои интересы, должны были бы противиться всяким налогам на предметы необходимости, а так-

* [Вставка в третьем издании.]

же прямым налогам на заработную плату труда». Этот вывод вытекает из следующего его рассуждения: «Уплата и тех и других налогов падает в конечном счете полностью на эти слои и всегда со значительной надбавкой. Всего тяжелее они обрушиваются на землевладельцев¹, которые платят всегда дважды: и в качестве землевладельцев—благодаря уменьшению их ренты, и в качестве богатых потребителей—благодаря увеличению их расходов. Наблюдение сэра Метью Деккера, что некоторые налоги иногда повторяются и оплачиваются в ценах некоторых товаров четыре или пять раз, вполне оправдывается по отношению к налогам на предметы необходимости. В цене кожи, например, вы должны оплатить не только налог на кожу для ваших собственных сапог, но отчасти и налог на кожу для сапог сапожника и кожевника. Вы должны также оплатить налог на соль, на мыло и свечи, которые потребляются рабочими во время работы у вас, и налог на кожу, которая потребляется солеваром, мыловаром и свечником, пока рабочие находятся у них на работе»*.

А так как д-р Смит не утверждает, что кожевник, солевар, мыловар и свечник получают каждый выгоду от налога на кожу, соль, мыло и свечи и так как вполне ясно, что правительство получит только сумму установленного налога, то невозможно понять, каким образом население уплатит большую сумму, на какой бы слой его этот налог ни падал. Богатые потребители могут и в действительности будут платить за бедных потребителей, но они будут платить сумму установленного налога только один раз. А такое явление, как «повторение и оплачивание налога четыре или пять раз», противоречило бы природе вещей.

Всякая система обложения может иметь недостатки. С народа может взиматься больше той суммы, которая попадает в кассы государства, так как часть налогов вследствие их влияния на цены будет, возможно, получаться теми, кто извлекает выгоду из данных способов взимания налогов. Такие налоги пагубны и не должны быть терпимы. Можно установить как принцип, что всякий налог, если только он действует справедливо, соответствует первому правилу д-ра Смита и отнимает у народа наивозможно меньше сверх того, что поступает в распоряжение государственного казначейства. Г-н Сэй говорит: «Иные предлагают различные финансовые планы и способы наполнить кассы государя без какого-либо обременения для его подданных. Но финансовый план, если он только не носит характера коммерческого предприятия, не может дать правительству больше того, что он в какой-нибудь другой форме берет у частных лиц или у того же правительства. Невозможно по мановению жезла из ничего сделать что-нибудь. В какую бы

¹ Ничуть не бывало,—они едва лишь коснутся землевладельцев и денежных капиталистов. [Это примечание имеется только в третьем издании.]

* [Книга V, гл. II.]

тайну мы ни облакали наши операции, какие бы формы ни принимала, по нашей воле, данная стоимость, каким бы метаморфозам мы ее ни подвергали,—мы можем получить новую стоимость, только производя ее или отнимая ее у других. Лучший финансовый план—тратить мало, и лучший налог—наименьший налог»*.

Д-р Смит постоянно и, по моему мнению, справедливо настаивает, что трудящиеся классы не могут в сколько-нибудь значительных размерах принимать участие в несении государственных тягот. Поэтому налог на предметы насущной необходимости или на заработную плату будет переложен с бедных на богатых. И если, по мнению д-ра Смита, «некоторые налоги иногда повторяются и оплачиваются в ценах некоторых товаров четыре или пять раз» только для достижения указанной цели, т. е. для переложения налога с бедных на богатых, то в этом отношении они не заслуживают никакого порицания.

Предположим, что 100 ф. ст. составляют вполне справедливую долю налогов, падающую на богатого потребителя, и что они взимаются с него непосредственно в виде налога или на доход, или на вино либо какой-нибудь другой предмет роскоши. Но он ничуть не пострадает, если при обложении предметов насущной необходимости он будет уплачивать в соответствии с количеством потребляемых им и его семьей продуктов не более 25 ф. ст. и, кроме того, внесет эту сумму еще три раза, переплачивая при покупке других товаров, чтобы вознаградить рабочих или их предпринимателей за налог, который последние должны были авансировать. Даже в таком случае рассуждение Адама Смита было бы несостоятельно: если бы приходилось платить не больше, чем требует правительство, то не все ли равно для богатого потребителя, платит ли он налог непосредственно в форме более высокой цены за какой-нибудь предмет роскоши или косвенно в форме более высокой цены за предмет жизненной необходимости и другие товары, которые он потребляет? Если бы народ платил не больше, чем получает правительство, то и богатый потребитель платил бы только следуемую с него долю. Но если сумма уплачиваемого налога больше того, что получает правительство, то Адам Смит должен сказать нам, кем она получается. [Но вся его аргументация основана на заблуждении, ибо подобные налоги не приводят к повышению цен товаров.]**

Г-н Сэй, как мне кажется, не всегда придерживался последовательно того очевидного принципа, который я привел выше из его дельного труда. Так, на следующей странице, говоря об обложении, он замечает: «Если оно принимает слишком большие размеры, оно влечет за собой печальные последствия, так как лишает нало-

* [«Economie politique», v. II, p. 298.]

** [Вставка во втором и третьем изданиях.]

гоплательщика части его богатства, не обогащая государства. Мы легко поймем это, если примем во внимание, что способность каждого человека потреблять—производительно или нет—ограничивается его доходом. Лишая его части дохода, мы принуждаем его сократить соответственно потребление. Так возникает уменьшение спроса на товары, которые он больше не потребляет, в особенности на те, которые были обложены. За уменьшением спроса следует уменьшение производства, а следовательно, и количества облагаемых товаров. Налогоплательщик таким образом лишается части своих житейских удобств, производитель—части своей прибыли, а казначейство—части своих поступлений.

Г-н Сэй приводит в виде примера налог на соль в дореволюционной Франции. По его словам, он уменьшил добычу соли наполовину. Однако если потреблялось меньше соли, то и меньше капитала затрачивалось на ее добывание. Следовательно, хотя производитель и получал меньше прибыли при добывании соли, он получал больше при производстве других вещей. Если налог, как бы обременителен он ни был, падает на доход, а не на капитал, он не уменьшает спроса, а только изменяет его природу. Он дает возможность правительству потреблять такое количество продукта земли и труда страны, какое прежде потреблялось лицами, платившими налог. [А это зло достаточно велико, чтобы нужно было еще превеличивать его.]* Если мой доход составляет 1 тыс. ф. ст. в год и если с меня взимается ежегодно налог в 100 ф. ст., то я могу предъявить спрос только на $\frac{9}{10}$ того количества товаров, которое я потреблял прежде, но зато я даю возможность правительству предъявить спрос на остальную десятую часть. Если обложенным товаром является хлеб, то нет необходимости, чтобы уменьшился мой спрос на хлеб, ибо я могу предпочесть платить ежегодно на 100 ф. ст. больше за хлеб и уменьшить на такую же сумму спрос на вино, мебель или другие предметы роскоши¹. В результате всего этого меньший капитал был бы затрачен на виноделие или мебельно-обойное дело, но большее количество его затрачено было бы на производство тех товаров, на которые правительство расходовало бы взимаемые им налоги.

Г-н Сэй говорит, что когда Тюрго понизил наполовину рыночную пошлину на рыбу в Париже (*les droits d'entrée et de halle sur la marée*), он несколько не уменьшил этим ее поступления. Из этого г-н Сэй делает вывод, что потребление рыбы удвоилось. Кроме

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

¹ Г-н Сэй говорит, что «налог, прибавленный к цене товара, повышает его цену. Всякое возрастание цены товара необходимо уменьшает число тех, кто в состоянии купить этот товар, или, по крайней мере, то количество его, которое они потребовали бы». Это вовсе не является необходимым следствием. Я не думаю, чтобы в случае обложения хлеба потребление его уменьшилось больше, чем потребление сукна, вина или мыла, если бы последние товары подверглись обложению.

того, по его мнению, удвоилась также прибыль рыбаков и всех лиц, занятых в этом промысле, а доход страны увеличился на всю сумму возросшей прибыли: давая новый стимул к накоплению, такой рост должен был увеличить ресурсы государства¹.

Не подвергая критике политику, которой было продиктовано это изменение налога, я все-таки сомневаюсь, дало ли оно большой толчок накоплению. Если прибыль рыбака и других лиц, занятых в этом промысле, удвоилась вследствие удвоенного потребления рыбы, то необходимо было извлечь из других отраслей капитал и труд, чтобы дать им применение в рыболовстве. Но так как и в других отраслях капитал и труд производили прибыль, то производство ее должно было прекратиться с отливом их оттуда. Способность страны к накоплению увеличилась лишь благодаря разнице между прибылью, полученной в производстве, в которое капитал был вложен недавно, и прибылью, получавшейся в производствах, из которых он был извлечен.

Берутся ли налоги из дохода или из капитала, они уменьшают количество товаров, которые могли бы быть обложены государством. Если я перестаю тратить на вино 100 ф. ст., так как, уплатив налог в этом размере, я дал правительству возможность издержать эти 100 ф. ст. вместо меня, то из списка облагаемых предметов будет вычеркнуто на 100 ф. ст. товаров. Если доход жителей данной страны составляет 10 млн., то они имеют, по крайней мере, на 10 млн. товаров, которые могли бы быть обложены. Если при обложении некоторых из этих товаров в распоряжение правительства поступает 1 млн., то доход населения продолжает номинально составлять 10 млн., но у него останется только на 9 млн. товаров, которые могли бы быть обложены. При всяких условиях налоги сокращают количество житейских удобств тех лиц, на которых эти налоги в конечном счете падают, и нет никакого средства опять увеличить количество этих удобств, кроме накопления нового дохода.

Налоги никогда не могут быть распределены так равномерно, чтобы влиять в одном и том же отношении на стоимость всех товаров и сохранить все же их относительную стоимость на одном уровне. Своими косвенными последствиями налоги производят часто действие, идущее в разрез с намерениями законодателей. Мы видели уже, что прямой налог на хлеб и сырые произведения повышает—при условии, что деньги производятся в данной стра-

¹ Не менее ошибочным кажется мне и следующее замечание того же автора: «Когда хлопок облагается высокой пошлиной, производство всех товаров, на которые идет хлопок, уменьшается. Если вся стоимость, которая в данной стране ежегодно прибавлялась к хлопку в различных производствах, составляла 100 млн. фр. и потребление уменьшилось бы на половину в результате налога, то последний, кроме сумм, получаемых правительством, отнимал бы еще у страны ежегодно 50 млн. фр.» (т. II, стр. 314).

не,—цены всех товаров в том же отношении, в каком в их состав входят сырые произведения, и что таким образом он нарушает существовавшее между ними прежде естественное соотношение. Другим косвенным последствием этого налога является повышение заработной платы и понижение нормы прибыли, а мы видели также в другой части этого сочинения, что вследствие повышения заработной платы и понижения прибыли понижаются денежные цены тех товаров, в производстве которых основной капитал затрачивается в большей мере.

Всякий товар, на который установлен налог, уже не может быть вывозим с такой выгодой, как прежде. Это настолько очевидно, что при вывозе товара взимаемый налог часто возвращается назад, а на ввоз товаров этого рода налагается пошлина. Если бы такой возврат налога и покровительственная пошлина налагались не только непосредственно на данные товары, но и на те, на которые они могут повлиять косвенно, то в стоимости драгоценных металлов не происходило бы никаких пертурбаций. Раз мы были бы в состоянии вывозить товар после обложения так же легко, как и до него, и раз ввоз иностранных товаров не был бы поставлен в особенно благоприятные условия, драгоценные металлы также не вошли бы в список вывозимых товаров в больших размерах, чем раньше.

Ни один товар не является таким пригодным объектом для обложения, как те товары, которые благодаря природе или уровню производства вырабатываются при особенно благоприятных условиях. По отношению к чужим странам эти товары можно отнести к категории тех, цена которых определяется не количеством затраченного труда, а скорее капризами, вкусами и средствами покупателей. Если бы Англия имела более богатые оловянные рудники, чем другие страны, или если бы в силу превосходства своих машин или топлива она имела бы особые преимущества при производстве хлопчатобумажных изделий, то цены олова и хлопчатобумажных изделий продолжали бы регулироваться в Англии сравнительным количеством труда и капитала, необходимым для их производства; благодаря же конкуренции между нашими купцами цены этих товаров повысились бы лишь незначительно для иностранных потребителей. Наше преимущество в производстве этих товаров было бы настолько значительно, что они, вероятно, могли бы вынести очень большую прибавку к цене их на внешних рынках без существенного уменьшения их потребления. Пока внутри страны конкуренция не встречает никаких ограничений, эти товары могут достигнуть такой высокой цены только при налоге на их вывоз. Этот налог будет падать целиком на иностранных потребителей, и часть расходов английского правительства была бы покрыта налогом на продукт земли и труда других стран. Так, налог на чай, уплачиваемый теперь англичанами и идущий на покрытие расходов английского правительства, мог бы служить для покры-

тия расходов китайского правительства, если бы он был наложен на вывоз чая из Китая.

Налоги на предметы роскоши имеют некоторые преимущества перед налогами на предметы необходимости. Они обыкновенно уплачиваются из дохода и поэтому не уменьшают производительный капитал страны. Если бы вино сильно поднялось в цене вследствие обложения, то всякий, вероятно, скорее отказался бы от удовольствия пить вино, чем согласился бы на значительное уменьшение своего капитала ради возможности покупать вино. Кроме того, налоги на предметы роскоши так тесно сливаются с ценой, что плательщик едва ли даже знает, что он платит налог. Но они имеют также свои невыгоды. Во-первых, они никогда не затрагивают капитал, а при некоторых экстраординарных условиях может явиться целесообразным, чтобы капитал также приносил свою долю для покрытия государственных нужд; во-вторых, трудно определить точно их размеры, так как они иногда не затрагивают даже дохода. Человек, склонный к бережливости, может освободиться от налога на вино, отказавшись от потребления его. Доход страны мог бы не уменьшиться, а все-таки правительство не в состоянии было бы собрать ни одного шиллинга путем таких налогов.

От потребления таких предметов, которые привычка сделала предметом наслаждения, люди отказываются с большим неудовольствием, и они продолжают потреблять эти предметы, несмотря на очень тяжелый налог. Но это неудовольствие имеет свои пределы, и повседневный опыт показывает, что увеличение номинального размера налога часто сопровождается уменьшением суммы его поступления. Тот, кто продолжает потреблять то же самое количество вина, хотя бы цена бутылки поднялась до 3 шилл., скорее откажется от вина, чем согласится платить 4 шилл. Другой согласится платить 4, но откажется платить 5 шилл. То же самое можно сказать о других налогах на предметы роскоши: многие согласятся платить налог в 5 ф. ст. за удовольствие, которое доставляет лошадь, но откажутся платить 10 или 20 ф. ст. Они отказываются от пользования вином или лошадью не потому, что не могут платить больше, а потому, что не хотят. Каждый человек создает для себя собственное мерило, с помощью которого он определяет цену своих удовольствий, но это мерило так же разнообразно, как человеческий характер. В особенности сильно подвергается неудобствам, связанным с этим способом взимания налогов, такая страна, финансовое положение которой сделалось совершенно искусственным благодаря злостной политике накопления огромного национального долга и неизбежному результату ее—непомерному обложению. После того как налогами были обложены чуть не все предметы роскоши, после обложения лошадей, экипажей, вина, прислуги и всех других предметов удовольствия богатого потребителя, министр финансов [вынужден обратиться к более

прямым налогам, вроде налога на доход и имущество, забывая при этом золотое правило г-на Сэя, что «лучший финансовый план—тратить мало и лучший налог—наименьший налог».*

ГЛАВА XVII

НАЛОГИ НА ДРУГИЕ ТОВАРЫ, КРОМЕ СЫРЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В силу того же принципа, согласно которому налог на хлеб приводит к повышению цены хлеба, налог на всякий другой товар также вызовет повышение цены этого товара. Если бы цена товара не поднялась на сумму, равную налогу, то производитель его не получил бы той же прибыли, что прежде, и перевел бы свой капитал в какое-нибудь другое занятие.

Обложение всех товаров, будь то предметы жизненной необходимости или предметы роскоши, влечет за собою при неизменной стоимости денег повышение цен на сумму, равную по крайней мере налогу¹. Налог на промышленные продукты, необходимые для рабочего, окажет такое же действие на заработную плату, как и налог на хлеб, отличающийся от других предметов жизненной необходимости только тем, что он занимает среди них первое и самое важное место. Этот налог произведет поэтому такое же действие на прибыль с капитала и внешнюю торговлю, как и налог на хлеб. Зато налог на предметы роскоши вызовет только повышение их цен. Он упадет целиком на потребителя и не может ни повысить заработную плату, ни понизить прибыль.

* [В первом издании сказано было: «склонен притти к заключению, что страна обложена налогами в максимальной степени, ибо, увеличивая норму обложения, он не в состоянии увеличить поступление какого-либо из этих налогов. Однако он может иногда ошибаться, приходя к такому заключению, ибо весьма возможно, что такая страна может перенести еще очень большую прибавку к налоговой тягости без риска, что будет ушиблен капитал».]

¹ Г-н Сэй замечает, что «фабрикант не в состоянии заставить потребителя заплатить весь налог, взимаемый с его товара, потому что возросшая цена его вызовет уменьшение потребления этого товара». Если бы это действительно было так, если бы потребление уменьшилось, то разве и предложение не уменьшится так же скоро? Почему фабрикант должен оставаться в какой-нибудь отрасли промышленности, если прибыль в ней опустилась ниже общего уровня? Г-н Сэй, повидимому, опять забыл теорию, которой он придерживается в другом месте, а именно, что «издержки производства определяют цену, ниже которой не могут долго продаваться товары, так как в этом случае производство их было бы прекращено или уменьшено» (т. II, стр. 26).

«Налог падает в этом случае отчасти на потребителя, который вынужден заплатить более высокую цену за обложенный товар, а отчасти на производителя, который за вычетом налога получит меньше. Государственное казначейство получит в свою пользу прибавку, которую платит покупатель, и часть прибыли, которой вынужден поступиться производитель. Так, порох в одно и то же время оказывает действие и на ядро, которое он выбрасывает, и на пушку, которую он откатывает назад» (т. II, стр. 333).

Налоги, которыми облагается страна для ведения войны или для покрытия обыкновенных государственных расходов и предназначенные главным образом для поддержания непроизводительных работников, взимаются с производительной деятельности страны; всякое сбережение, которое может быть сделано в таких расходах, обыкновенно прибавляется к доходу, а то и к капиталу налогоплательщиков. Если на расходы для ведения войны в течение одного года собирается 20 млн. путем займа, то эти 20 млн. берутся из производительного капитала нации. Миллион, который собирается ежегодно путем налога для уплаты процентов по этому займу, только переходит от тех, которые платят его, к тем, которые получают его,—от налогоплательщика к национальному кредитору. Действительный расход представляют 20 млн., а не проценты, которые платятся по этому займу¹. Будут ли уплачиваться эти проценты или нет, страна не станет ни богаче, ни беднее. Правительство могло бы сразу потребовать эти 20 млн. в форме налогов, и в этом случае не было бы необходимо взимать ежегодно налоги на сумму в 1 млн., но это не изменило бы характера всей сделки. Отдельное лицо, вместо того чтобы платить каждый год по 100 ф. ст., могло бы быть вынуждено заплатить сразу 2 тыс. ф. ст. Для него было бы, пожалуй, выгоднее занять 2 тыс. ф. ст. и платить 100 ф. ст. ежегодно в виде процентов своему займодавцу, чем взять большую сумму из собственных фондов. В одном случае—это частная сделка между *A* и *B*, в другом—правительство гарантирует *B* уплату процентов, которые все равно поступят от *A*. Если бы это была частная сделка, она не была бы официально зарегистрирована, и для страны было бы сравнительно безразлично, выполняет ли *A* добросовестно свой договор с *B* или он противозаконно удерживает в свою пользу ежегодно 100 ф. ст. Вообще говоря, страна заинтересована в добросовестном соблюдении договоров, но, поскольку речь идет о национальном богатстве, вопрос этот решается в зависимости от того, кто употребил бы эти 100 ф. ст. наиболее производительно—*A* или *B*. Но решать этот вопрос страна не имеет ни права, ни возможности. Возможно, что если бы *A*

¹ «Мелон говорит, что долги нации—это долги правой руки левой, от которых организм не слабеет. Верно, конечно, что общее богатство не уменьшится вследствие уплаты процентов или недоимок по займам. Проценты—это стоимость, которая переходит из рук налогоплательщика в руки национального кредитора. Я согласен, что для всего общества безразлично, кто накапливает или потребляет их—национальный кредитор или налогоплательщик. Но что случилось с капитальной суммой долга? Она больше не существует. Потребление, которое последовало за займом, уничтожило капитал, который уже больше не даст дохода. Общество лишилось не процентов, которые переходят из рук в руки, а дохода на уничтоженный капитал. Если бы этот капитал был затрачен производительным тем, кто ссудил его государству, он также принес бы ему доход, но этот доход был бы получен путем действительного производства, а не из кармана своего же согражданина» (*Сэй*, кн. III и IX). Этот отрывок и по мысли и по изложению вполне соответствует истинному духу науки.

удержал их в свою пользу, он растратил бы их самым бесполезным образом, а если бы эти 100 ф. ст. были уплачены *B*, то последний прибавил бы их к своему капиталу и употребил производительно. Возможно и обратное явление: *B* мог бы растратить их, а *A*—употребить производительно. С точки зрения одного только национального богатства может быть безразличным или более желательным, чтобы *A* уплатил или не уплатил свой долг. Но требования справедливости и честности, требования более важные, не могут быть принесены в жертву требованиям менее важным, и в соответствии с этим, если бы государство было призвано на помощь, суд заставил бы *A* выполнить свое обязательство. Долг, гарантируемый всей нацией, ничем не отличается от вышеприведенной сделки. Справедливость и честность требуют, чтобы проценты по национальному займу продолжали уплачиваться и чтобы те, кто авансировал свои капиталы для общего блага, не были вынуждены отказаться от своих справедливых требований под предлогом государственной целесообразности.

Но и независимо от этого соображения отнюдь нельзя утверждать, что политическая польза может выиграть что-нибудь, принеся в жертву политическую честность. Нет никаких оснований думать, что те, кто будет освобожден от уплаты процентов по национальному займу, употребили бы их более производительно, чем те, кто имеет беспорное право на получение этих процентов. Уничтожая национальный долг, мы увеличиваем доход одного человека с 1 тыс. ф. ст. до 1 500 ф. ст. и уменьшаем доход другого с 1 500 ф. ст. до 1 тыс. ф. ст. Доход этих двух человек равняется и теперь 2 500 ф. ст. и, следовательно, составляет такую же сумму, как и прежде. Если бы правительство хотело повысить налоги, то и в первом и во втором случаях оно имело бы перед собою одинаковую сумму капитала и дохода для обложения. Вот почему уплата процентов по национальному долгу еще не составляет бедствия для страны, а освобождение ее от уплаты этих процентов не является для нее облегчением. Только путем сбережений из доходов и путем сокращения расходов можно увеличить национальный капитал, а уничтожением национального долга нельзя ни увеличить доход, ни сократить расходы. Страна беднеет вследствие расточительных расходов правительства и частных лиц и вследствие займов. Поэтому всякая мера, которая ставит себе целью поощрение общественной и частной экономии, облегчает тяжелое положение общества. Но было бы ошибкой и самообманом думать, что можно устранить действительное национальное бремя, если свалить его с плеч одного класса общества, который по справедливости должен нести его, на плечи другого, который по всем принципам справедливости должен нести на себе только свою долю этого бремени.

Из сказанного мною еще не следует делать вывод, что я рассматриваю систему займов как наиболее целесообразную систему для покрытия экстраординарных государственных расходов. Эта систе-

ма имеет тенденцию делать нас менее бережливыми—обманывать нас насчет нашего действительного положения. Если бы расходы на войну составляли ежегодно 40 млн. и доля, которую должен был бы вносить каждый для покрытия этих расходов, составляла бы 100 ф. ст., то, в случае если бы их пришлось внести сразу, все старались бы поскорее сберечь эти 100 ф. ст. из своего дохода. При системе же займов человек должен платить только проценты по этим 100 ф. ст., или 5 ф. ст. ежегодно. Он думает, что для него достаточно сберегать из своего дохода 5 ф. ст., и тешит себя мыслью, что он так же богат, как и прежде. Поступая и рассуждая таким образом, вся нация сберегает только проценты на 40 млн., или 2 млн. Она поэтому теряет не только проценты или прибыль, которая была бы принесена капиталом в 40 млн., если бы он был затрачен производительно, но еще и 38 млн., т. е. разность между сбережениями и расходами. Если бы, как я отметил прежде, каждое отдельное лицо само брало деньги взаймы и отдавало бы всю сумму на удовлетворение государственных нужд, то сейчас же по окончании войны прекратилось бы и взимание налога, и мы немедленно же вернулись бы к естественному состоянию цен. Может быть *A* должен был бы платить из своих частных фондов *B* проценты за деньги, которые *A* занял у *B* во время войны, чтобы заплатить следующую с него долю расходов, но нации до этого не было бы никакого дела.

Страна, накопившая громадный долг, находится в высшей степени неестественном положении. Хотя размеры обложения и возросшая цена труда не могут ухудшить и, по моему мнению, действительно ни в каком отношении не ухудшают условий ее конкуренции с чужими странами,—кроме такой неизбежной невыгоды, как самая уплата налогов,—каждый налогоплательщик все-таки заинтересован в том, чтобы свалить с себя это бремя и переложить эту уплату на кого-либо другого. Искушение переселиться со своим капиталом в другую страну, где он был бы избавлен от этого бремени, под конец становится непреодолимым и побеждает естественное отвращение, с которым каждый человек покидает свою родину и старые связи. Страна, которая запуталась в затруднениях, связанных с этой искусственной системой, поступила бы благоразумно, если бы откупилась от них, пожертвовав частью имущества, необходимой для выкупа ее долга. То, что разумно со стороны отдельного лица, разумно также и со стороны нации. Тот, у кого имеется 10 тыс. ф. ст., приносящих ему доход в 500 ф. ст., из которых он ежегодно платит 100 ф. ст. в виде процента по займу, в действительности имеет только 8 тыс. ф. ст. и будет одинаково богат, будет ли он продолжать платить ежегодно 100 ф. ст. или пожертвует сразу 2 тыс. ф. ст. Но могут спросить: откуда же возьмется покупатель той собственности, которую он должен продать, чтобы получить эти 2 тыс. ф. ст.? Ответ ясен: национальный кредитор, который получит эти 2 тыс. ф. ст., будет нуждаться

в помещении своих денег и будет расположен ссудить их землевладельцу или фабриканту, а то и купить часть собственности, которую они хотят продать. Держатели государственных бумаг сами в значительной мере содействовали бы такой уплате. Этот план неоднократно был уже предлагаем, но я опасаюсь, что у нас нехватит ни достаточно мужества, ни достаточно мудрости, что бы принять его. Следует, однако, признать, что в период мира наши неустанные усилия должны быть направлены на уплату части займа, заключенного во время войны. И никакое искушение облегчить или желание избавиться от переживаемых нами, надеюсь временных, бедствий не должно ослаблять наше внимание к этому важному вопросу.

Никакой фонд погашения не поможет нам в деле уменьшения долга, если он будет получаться не от перевеса государственных доходов над расходами. Остается только сожалеть, что фонд погашения является у нас таковым только по имени, так как у нас нет перевеса доходов над расходами. Путем экономии он должен быть превращен в настоящий фонд погашения—в фонд, действительно пригодный для уплаты долга. Если к моменту объявления новой войны долг наш не будет уменьшен в значительной степени, то должно будет произойти одно из двух: или все расходы на войну будут покрыты налогами, взимаемыми каждый год, или же к концу этой войны, а может быть и раньше, мы переживем национальное банкротство. Не то, чтобы мы не могли вынести большой прибавки к нашему долгу: трудно указать точно пределы возможностей великой нации. Но есть, несомненно, пределы той цене, которую отдельное лицо согласно платить в форме постоянного налога за одну только привилегию жить в родной стране¹.

Когда товар имеет монопольную цену, он достигает самой высокой цены, по которой только потребители согласны его покупать. Товары имеют монопольную цену в том случае, когда никакими способами нельзя увеличить их количество и когда конкуренция существует всецело на одной стороне—на стороне покупателей. Монопольная цена в течение одного периода может быть гораздо выше или ниже, чем монопольная цена в течение другого, потому что конкуренция между покупателями не может не зависеть от их богат-

¹ «В общем кредит полезен, ибо он дает возможность капиталу переходить из рук тех, кто не может употребить его с пользой, в руки тех, кто употребляет его производительно. Он отвлекает капитал от занятия, выгодного только для капиталиста, как, например, помещения капитала в государственные фонды, чтобы сделать его производительным в промышленности. Он облегчает приложение всякого рода капиталов и не оставляет ни одного из них неиспользованным» (*Economie politique*, v. II, p. 463, 4-е éd.). Со стороны г-на Сэя это, вероятно, недосмотр. Капитал держателя государственных бумаг никогда не может быть сделан производительным—в действительности это вовсе не капитал. Если бы он хотел продать свои ценные бумаги и употребить полученный за них капитал производительно, он мог бы сделать это, только отвлекая капитал покупателя его бумаг от производительного занятия.

ства, вкусов и каприза. Вина особенных качеств, производимые в очень ограниченном количестве, и такие произведения искусства, которые вследствие своего совершенства или редкости приобрели баснословную стоимость, будут обмениваться на самые различные количества продуктов обыкновенного труда в зависимости от того, богато или бедно общество, имеет ли оно много или мало таких продуктов, находится ли оно еще на первобытной или высокой ступени цивилизации. Поэтому меновая стоимость товара, который имеет монопольную цену, нигде не регулируется издержками производства.

Сырые произведения не имеют монопольной цены, потому что рыночная цена ячменя и пшеницы регулируется издержками их производства точно так же, как и рыночная цена сукна и полотна. Разница состоит только в том, что в земледелии цену хлеба регулирует одна часть капитала, именно та его часть, которая не платит никакой ренты, а в производстве промышленных товаров каждая часть затраченного капитала дает одинаковые результаты. А так как ни одна из них не платит ренты, то каждая из них в одинаковой степени является регулятором цены. К тому же количество хлеба и других сырых произведений может быть увеличено путем приложения к земле большего капитала; поэтому и такие товары не имеют монопольной цены. Конкуренция здесь одинаково существует как между продавцами, так и между покупателями. Иначе обстоит дело с производством редких вин и тех драгоценных произведений искусств, о которых мы говорили выше. Количество их не может быть умножено, и цена их ограничивается только покупательной силой и желаниями покупателей. Так, рента, приносимая виноградниками, может возрасти до самых экстраординарных размеров, потому что при отсутствии других земельных участков, производящих вино такого же качества, они не боятся никакой конкуренции.

Хлеб и другие сырые произведения страны иногда могут, правда, продаваться по монопольным ценам, но это может стать постоянным явлением лишь при условии, что нельзя уже больше затратить прибыльно новый капитал на обработку земли и что, следовательно, продукт ее не может быть умножен. При таких условиях каждый участок земли, находящийся в обработке, и каждая часть капитала, вложенного в землю, будут доставлять ренту, которая, правда, будет неодинаковой в зависимости от разницы в количестве получаемого продукта. В такой период всякий налог на фермера падал бы на ренту, а не на потребителя. Фермер не может повысить цену своего хлеба, так как—согласно нашему предположению—она уже все равно достигла высшего уровня, при котором покупатели хотят или могут покупать хлеб. Но фермер не будет довольствоваться меньшей нормой прибыли, чем та, которую получают другие капиталисты, и, следовательно, ему предоставляется только одна альтернатива—или добиться уменьшения ренты или покинуть свое занятие.

По мнению г-на Бьюкенена, хлеб и сырые произведения имеют монопольную цену потому, что они доставляют ренту. Он исходит из предположения, что все товары, доставляющие ренту, имеют монопольную цену. Отсюда он делает вывод, что все налоги на сырые произведения падают на землевладельца, а не на потребителя. «Так как,—говорит он,—на цену хлеба, который всегда приносит ренту, нисколько не влияют издержки производства, то издержки, вызванные налогом, должны быть уплачены из ренты. Если они увеличиваются или уменьшаются, то следствием их является не более высокая или более низкая цена, а более высокая или более низкая рента. С этой точки зрения все налоги на батраков фермы, лошадей или земледельческие орудия являются в действительности земельными налогами, бремя которых падает на фермера в продолжение всего срока аренды, а затем, когда срок аренды истекает и договор должен быть возобновлен,—на землевладельца. Таким же образом все усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, дающие фермеру возможность сократить издержки, как молотилки, жатвенные машины, а также все, что облегчает ему сношения с рынком, как, например, хорошие дороги, каналы и мосты,—все это, хотя и уменьшает первоначальные издержки производства хлеба, не уменьшает его рыночной цены. Следовательно, все, что сберегается путем этих усовершенствований, принадлежит землевладельцу как часть его ренты»^{*}.

Очевидно, что, если мы признаем основу, на которой г-н Бьюкенен строит всю свою аргументацию, правильной, если мы согласимся, что цена хлеба всегда дает ренту, мы должны будем признать и все следствия, которые, по его мнению, вытекают из этого факта. Налоги на фермера падали бы тогда не на потребителя, а на ренту, и все улучшения в сельском хозяйстве приводили бы к повышению ренты. Но я, надеюсь, достаточно ясно показал, что, пока в стране еще не вся земля обработана и притом не в самой высокой степени, в ней всегда существует часть капитала, затраченная на землю, которая не приносит ренты, и что именно эта часть капитала, продукт которой, как и в обрабатывающей промышленности, делится между прибылью и заработной платой, регулирует цену хлеба. А так как на цену хлеба, не дающего ренты, влияют издержки его производства, то последние не могут уплачиваться из ренты. Следовательно, результатом возрастания этих издержек явится именно более высокая цена, а не более низкая рента¹.

^{*} [Smith, ed. Buchanan, 1814, v. IV, «Observations», p. 97—98.]

¹ «Обрабатывающая промышленность увеличивает количество своих продуктов пропорционально спросу, и цены падают, но количество продуктов земли не может быть увеличено этим путем, и высокая цена всегда необходима для предупреждения превышения потребления над предложением» (Бьюкенен, т. IV, стр. 40). Может ли г-н Бьюкенен серьезно утверждать, что количество продукта земли не может быть увеличено, если спрос возрастает?

Замечательно, что и Адам Смит и г-н Бьюкенен, которые в полном согласии друг с другом признают, что налоги на сырые произведения, земельный налог и десятина все падают на ренту с земли, а не на потребителей сырых произведений, допускают все-таки, что налог на солод упадет на потребителя пива, а не на ренту землевладельца. Аргументация Адама Смита представляет такую удачную защиту той точки зрения, с которой я рассматриваю налог на солод и всякий налог на сырые произведения, что я не могу удержаться от желания познакомить с ней читателя.

«Рента и прибыль с земли под ячменем должны почти всегда равняться ренте и прибыли со всякой другой земли, столь же плодородной и столь же хорошо обрабатываемой. Если бы они были меньше, часть земли, находящаяся под ячменем, была бы вскоре использована для какой-нибудь другой цели, а если бы они были больше, культура ячменя приняла бы скоро большие размеры. Если обычная цена любого продукта земли достигает таких размеров, что может быть названа монопольной, то налог на него необходимо повлечет за собой понижение ренты и прибыли¹ с земли, на которой этот продукт произрастает. Так, ценные виноградники всегда доставляют недостаточно вина, чтобы удовлетворить платежеспособный спрос на него, и цена земли под ними всегда выше всякой другой земли, столь же плодородной и столь же хорошо обрабатываемой; поэтому налог на продукт их необходимо повлек бы за собой уменьшение ренты и прибыли² с этих виноградников. Так как цена вина достигла уже высшего уровня, какой только возможен при том количестве его, которое обыкновенно доставляется на рынок, то она не могла бы повыситься еще больше без уменьшения этого количества. А уменьшение этого количества сопровождалось бы еще большими потерями, потому что освободившуюся землю нельзя было бы обратить под обработку какого-либо другого столь же ценного продукта. Поэтому вся тяжесть налога пала бы на ренту и прибыль³, говоря точнее, на *ренту* с винограда». «Но обычная цена ячменя никогда не была монопольной ценой, а рента и прибыль с земли под ячменем никогда не были выше их естественного отношения к ренте и прибыли со всякой другой земли, столь же плодородной и столь же хорошо обрабатываемой. Различные налоги, которыми облагались солод, пиво и эль, *никогда не понижали цены ячменя* и никогда не понижали

¹ Я предпочел бы, чтобы слово «прибыль» было опущено. Д-р Смит, очевидно, предполагает, что прибыль арендаторов ценных виноградников должна быть выше общей нормы прибыли. Если бы она не была выше, они не платили бы налога только в том случае, если бы им удалось переложить его на землевладельца или потребителя.

² [См. предыдущее примечание.]

³ [См. предыдущее примечание.]

ренды и прибыли, получаемых с земли под ячменем. Цена солода постоянно увеличивалась для пивовара пропорционально обложению солода, и такие налоги вместе с различными акцизами на пиво и эль или всегда повышали цену или, что сводится к тому же, понижали качество продукта, доставшегося потребителю. В конечном счете уплата таких налогов постоянно падала не на производителя, а на потребителя*. По поводу этого места г-н Бьюкенен замечает: «Акциз на солод не может никогда понизить цену ячменя, потому что если бы ячмень, превращенный в солод, давал при продаже меньше, чем ячмень в сыром виде, то требуемое количество не было бы доставлено на рынок. Ясно поэтому, что цена солода должна подниматься пропорционально налогу на него, так как иначе спрос не был бы удовлетворен. Но цена ячменя является постольку же монопольной, поскольку таковой будет цена сахара; оба они приносят ренту, и рыночная цена обоих одинаково потеряла всякую связь с первоначальными издержками производства».

Итак, г-н Бьюкенен, повидимому, думает, что налог на солод повысит цену солода, но налог на ячмень, из которого готовится солод, не увеличит цены ячменя, и что, следовательно, в случае обложения солода налог будет уплачен потребителем, а если будет обложен ячмень, то налог будет уплачен землевладельцем, который получит меньшую ренту. По мнению г-на Бьюкенена, ячмень таким образом продается по монопольной цене, т. е. по высшей цене, которую покупатели готовы дать за него, но солод, приготовленный из ячменя, не продается по монопольной цене, и, следовательно, цена его может быть повышена пропорционально налогу, которым он обложен. Этот взгляд г-на Бьюкенена на следствия налога на солод находится, как мне кажется, в резком противоречии с его же взглядом на аналогичный налог — на налог на хлеб. «Налог на хлеб будет в конце концов уплачен не путем повышения цены, а путем уменьшения ренты**». Если налог на солод повышает цену пива, то налог на хлеб должен повысить цену хлеба.

Следующая аргументация г-на Сэя покоится на тех же основаниях, что и аргументация г-на Бьюкенена: «количество вина или хлеба, производимого участком земли, останется почти одинаковым, как бы ни был велик налог, который падает на этот участок. Налог может отнять половину или даже три четверти его чистого продукта или, если хотите, его ренты, но земля будет тем не менее обрабатываться и дальше ради остальной половины или четверти, не поглощенной налогом. Рента или, иначе говоря, доля землевладельца будет только несколько ниже. Мы поймем причины этого явления, если примем во внимание, что в предположенном случае

* [«Богатство народов», кн. V, гл. II.]

** [Smith, ed. Buchanan, v. III, p. 355.]

количество продукта, полученного от земли и посланного на рынок, останется все-таки без изменения. С другой стороны, причины, обуславливающие спрос на продукт, также остаются прежними.

И вот, если предлагаемое количество продукта и требуемое продолжают по необходимости оставаться неизменными, несмотря на обложение земли налогом или увеличение его, то и цена продуктов тоже останется без изменения. А если цена не изменится, то потребитель не будет платить ни малейшей доли этого налога.

Но, может быть, скажут, что фермер, доставляющий труд и капитал, будет нести вместе с землевладельцем тягость этого налога? Наверное, нет: введение налога не уменьшило числа арендуемых ферм и не увеличило числа фермеров. Пока и в этом случае предложение и спрос остаются неизменными, не подвергнется изменениям и рента, получаемая с ферм. Пример солевары, который может переложить на потребителей только часть налога, а также землевладельца, который не может вознаградить себя ни в малейшей степени, показывает всю ошибочность взгляда тех, кто в противоположность экономистам¹ утверждает, что всякий налог в конце концов падает на потребителей» (т. II, стр. 338).

Если бы налог «отнимал половину или даже три четверти чистого продукта земли» и цена продукта не возросла бы, то каким образом получили бы обычную прибыль на капитал те фермеры, которые платят очень умеренную ренту? Ведь они располагают только теми земельными участками, которые требуют для получения того же количества продукта более значительного количества труда, чем более плодородные участки. Если бы им уступили даже всю ренту, они все же получали бы меньшую прибыль, чем в других отраслях промышленности, и они прекратили бы поэтому обработку земли, если бы они не могли повысить цены ее произведений. Если бы налог падал на фермеров, уменьшилось бы количество фермеров, согласных арендовать фермы; если бы налог падал на землевладельца, многие фермы вовсе не отдавались бы в аренду, ибо они не приносили бы никакой ренты. Но из какого источника платили бы налог те, кто производит хлеб, не уплачивая никакой ренты? Вполне ясно, что налог должен падать на потребителя. Каким образом могла бы платить налог в одну половину или три четверти всего ее продукта земля, которую г-н Сэй описывает в следующих словах:

«В Шотландии мы встречаем бедные земли, которые обрабатываются собственниками и которые не могли бы обрабатываться никем другим. Таким же образом мы находим в отдаленных областях США обширные и плодородные земли, дохода с которых не хватает на прокормление их собственника. И все-таки они обрабатываются. Но необходимо, чтобы собственник обрабатывал их сам,

¹ Имеются в виду физиократы.—Ред.

или, другими словами, к ренте, которая представляет ничтожную величину или совсем отсутствует, он должен прибавить прибыль с своего капитала и труда, чтобы иметь возможность жить в довольстве. Хорошо известно, что земля, хотя бы и обрабатываемая, не доставит никакого дохода землевладельцу, если ни один фермер не захочет платить за нее ренту. Это доказывает, что такая земля дает только прибыль на капитал и труд, необходимые для ее обработки» (*Сэй*, т. II, стр. 127).

ГЛАВА XVIII

НАЛОГИ В ПОЛЬЗУ БЕДНЫХ

Мы видели, что налоги на сырые произведения и на прибыль фермера падают на потребителей сырых произведений. Если бы фермер не мог вознаградить себя путем повышения цены, то прибыль его понизилась бы вследствие налога в сравнении с общим уровнем прибыли, и он был бы вынужден перейти со своим капиталом в какую-нибудь другую отрасль промышленности. Мы видели, кроме того, что он не может посредством вычета из ренты переложить этот налог с себя на землевладельца, так как фермер, который не платит никакой ренты, будет так же затронут налогом, как и арендатор лучшей земли, будет ли этот налог падать на сырые произведения или на прибыль фермера. Я пытался также показать, что если бы налог был всеобщим и затрагивал одинаково прибыль фабрикантов и прибыль фермеров, он не оказал бы никакого действия на цены товаров или сырых произведений, а непосредственно, да и в конечном счете, падал бы на производителей. Было отмечено также, что налог на ренту падал бы исключительно на землевладельца и никоим образом не мог бы быть переложен на арендатора.

Налог в пользу бедных соединяет свойства всех этих налогов и при различных обстоятельствах падает на потребителя сырых произведений и промышленных товаров, на прибыль с капитала и на земельную ренту. Это—налог, который с особенной силой падает на прибыль фермера и потому может быть рассматриваем как налог, влияющий на цену сырых произведений. В той мере, в какой он падает одинаково на прибыль в обрабатывающей промышленности и в сельском хозяйстве, он представляет всеобщий налог на прибыль с капитала и не вызывает никаких изменений в цене сырых произведений и промышленных товаров. Поскольку фермер не может вознаградить себя путем повышения цены сырых произведений за ту часть налога, которая падает специально на него, налог в пользу бедных будет налогом на ренту и будет уплачен землевладельцем. Поэтому, чтобы определить влияние налога в пользу бедных в течение какого-либо периода, мы должны исследовать, затрагивает ли он в это время прибыль фабриканта

и фермера в одинаковой или в неодинаковой степени и может ли фермер при данных условиях повысить цену на сырые произведения.

Некоторые думают, что налоги в пользу бедных взимаются с фермера пропорционально выплачиваемой им ренте, и в соответствии с этим фермер, который платит маленькую ренту или не платит никакой, будет платить небольшой налог или совсем не будет платить его. Если бы это было верно, то налог в пользу бедных, поскольку он выплачивался бы земледельческим классом, падал бы целиком на землевладельца и не мог бы перелagаться на потребителя сырых произведений. Но я думаю, что это неверно. Налог в пользу бедных взимается вовсе не пропорционально ренте, которую фермер платит в данный момент землевладельцу,—он всегда пропорционален годовой стоимости его земли, придется ли эта годовая стоимость земле с помощью капитала землевладельца или же капитала арендатора.

Если бы два фермера арендовали земельные участки различного качества в одном и том же приходе и один платил бы ежегодно ренту в 100 ф. ст. за 50 акров самой плодородной земли, а другой тоже 100 ф. ст. за 1 тыс. акров наименее плодородной земли, то они платили бы одинаковый налог в пользу бедных, раз никто из них не пытался бы улучшить землю. Но если фермер, арендующий плохую землю, решается в расчете на очень долгий арендный срок увеличить, несмотря на большие расходы, производительные силы своей земли с помощью удобрения, дренажа, огораживания и т. д., он будет платить налог в пользу бедных пропорционально не ренте, уплачиваемой им в данное время землевладельцу, а всей действительной годовой стоимости земли. Налог мог бы равняться или даже быть больше ренты, но так или иначе ни одна часть налога не была бы уплачена землевладельцем. Фермер предварительно рассчитал бы все это: если бы цена продукта не была достаточна, чтобы возместить ему все его расходы вместе с добавочным расходом на налог в пользу бедных, он не предпринял бы улучшений. Таким образом, очевидно, что в этом случае налог уплачивается потребителем. Ибо если бы налога не было, то эти улучшения были бы предприняты, и обычная общая норма прибыли была бы получена на затраченный капитал при более низкой цене хлеба.

Ни малейшей разницы не получилось бы и в том случае, если бы землевладелец сам ввел все эти улучшения и вследствие этого повысил бы свою ренту со 100 до 500 ф. ст. Налог был бы также переложен на потребителя, ибо решение вопроса о том, затратит ли землевладелец большую сумму денег на свою землю, зависело бы от величины ренты—или того, что называется рентой,—которую он получил бы как вознаграждение за землю. А это опять зависело бы от цены на хлеб или другие сырые произведения, т. е. от того, достаточно ли высоки были бы эти цены, чтобы не только покрыть добавочную ренту, но и налог, которым была бы обложена земля.

Если бы капитал обрабатывающей промышленности принимал в то же время участие в уплате налога в пользу бедных в той же пропорции, как и капитал, затраченный фермером или землевладельцем на улучшение земли, то налог в пользу бедных превратился бы из специального налога на прибыль с капитала фермера или землевладельца в налог на капитал производителей всех категорий. Он, следовательно, не мог бы быть переложен ни на потребителя сырых произведений, ни на землевладельца. Прибыль фермера была бы затронута налогом не больше, чем прибыль фабриканта, и первый так же мало, как и последний, мог бы сослаться на налог, как на основание для повышения цены своих товаров. Не абсолютное понижение прибыли удерживает людей от приложения капитала в какой-нибудь отдельной отрасли промышленности, а ее относительное понижение: именно разница в прибыли гонит капитал из одного занятия в другое.

Следует, однако, признать, что при современной организации налога в пользу бедных на фермера падает пропорционально его прибыли более значительная сумма налога, чем на фабриканта; ведь фермер облагается в соответствии с действительным количеством продукта, который он получает, а фабрикант—в соответствии со стоимостью здания, в котором он работает, без всякого отношения к стоимости машин, труда и капитала, которыми он пользуется. Отсюда следует, что фермер имеет возможность повысить цену своих продуктов на всю эту разность. Так как налог падает неравномерно и падает в особенности на прибыль фермера, то у последнего было бы меньше побуждения посвящать свой капитал обработке земли, и он скорее поместил бы его в какое-нибудь другое предприятие, если бы не повысилась цена сырых произведений. Напротив, если бы налог падал с большей тяжестью не на фермера, а на фабриканта, то последний тоже мог бы повысить цену своих товаров на всю разность на том же самом основании, на каком фермер повысил бы при подобных условиях цену сырых произведений. Следовательно, когда в обществе, которое расширяет свое земледелие, налог в пользу бедных падает с особенной тяжестью на землю, он будет отчасти уплачен теми, кто вложил капитал и чья прибыль понизится, отчасти же потребителями, которые должны платить более высокие цены за сырые произведения. При таком положении вещей налог может даже быть при некоторых обстоятельствах скорее выгодным, чем убыточным, для землевладельцев. Если налог, уплачиваемый тем, кто обрабатывает худшую землю, был бы по отношению к количеству полученного продукта выше, чем налог, уплачиваемый арендаторами более плодородных земель, то повышение цены хлеба, которое распространилось бы на весь хлеб, более чем достаточно вознаградило бы последних за налог. Этой выгодой они пользовались бы в течение всего срока аренды, но затем она пошла бы на пользу землевладельца. Таковы были бы результаты налога

в пользу бедных в прогрессирующем обществе. Что же касается страны, переживающей состояние застоя или упадка, то, поскольку капитал не мог бы быть извлечен из земли при всяком увеличении налога на содержание бедных, та часть его, которая падает на земледелие, уплачивалась бы в продолжение арендного срока фермерами, но по истечении этого срока она почти целиком падала бы на землевладельцев. Если бы во время прежней аренды фермер затратил свой капитал на улучшение земли и эта земля продолжала бы оставаться в его руках, то при новом увеличении налога он был бы обложен пропорционально новой стоимости, которую земля приобрела вследствие улучшения. Он был бы вынужден платить эту сумму в течение всего срока аренды, хотя прибыль его упала бы благодаря этому ниже общей нормы прибыли, потому что затраченный им капитал так тесно сросся бы с землей, что не мог бы быть извлечен. Действительно, если бы он или его землевладелец (если бы капитал был затрачен последним) мог извлечь свой капитал из земли и уменьшить таким образом ее годовую стоимость, то налог упал бы в таком же отношении, а так как количество продукта в то же время уменьшилось бы, то цена его поднялась бы. Он вознаградил бы себя за налог, переложив его на потребителя, и ни одна часть этого налога не упала бы на ренту. Но это невозможно, по крайней мере для некоторой части капитала, и, следовательно, налог будет уплачиваться в соответствующей пропорции фермерами в течение всего срока аренды, а землевладельцами—по окончании этого срока. Если бы этот добавочный налог падал с особенной тяжестью на фабрикантов, чего на самом деле нет, то при таких обстоятельствах он был бы приравлен к цене товаров, ибо нет никакого основания, в силу которого прибыль их упала бы ниже общей нормы, раз они легко могут перевести свои капиталы в земледелие¹.

¹ В предыдущей части этого сочинения я отметил разницу между собственно рентой и тем вознаграждением, которое под названием ренты уплачивается землевладельцу за выгоды, доставленные его капиталом арендатору. Но я, быть может, недостаточно ясно показал разницу, являющуюся результатом различных способов приложения этого капитала. Так как часть капитала, однажды затраченная на улучшение фермы, неразрывно срастается с землей и направлена на увеличение производительных сил последней, то вознаграждение, уплачиваемое землевладельцу за пользование ею, носит полностью характер ренты и подчиняется всем законам ренты. Сделано ли это улучшение за счет землевладельца или арендатора, оно прежде всего не было бы введено, если бы не было большой вероятности, что доход будет по крайней мере равен прибыли, которая может быть получена путем затраты другого капитала тех же размеров. Но раз это улучшение сделано, то полученный доход будет в дальнейшем всегда иметь всецело характер ренты и подвергнется всем изменениям, свойственным ренте. Однако некоторые из этих издержек улучшают землю только на определенный период и увеличивают ее производительные силы не навсегда. Так, если они затрачены на здания и другие улучшения переходящего свойства, они должны постоянно возобновляться и поэтому не доставляют землевладельцу какой-нибудь постоянной прибавки к его действительной ренте.

ГЛАВА XIX

**О ВНЕЗАПНЫХ ПЕРЕМЕНАХ
В ХОДЕ ТОРГОВЛИ**

Большая страна с развитой промышленностью особенно подвергается временным затруднениям и осложнениям, вызываемым передвижениями капитала из одного занятия в другое. Спрос на сельскохозяйственные продукты однообразен; он не находится под влиянием моды, предрассудков или каприза. Для поддержания жизни необходима пища, и поэтому спрос на пищу существует постоянно, во всякую эпоху и во всех странах. Иначе обстоит дело с обрабатывающей промышленностью: спрос на тот или иной промышленный товар находится в зависимости не только от потребностей, но и от вкусов и капризов покупателей. Кроме того, новый налог может уничтожить сравнительное преимущество, которым страна прежде пользовалась в производстве данного товара. Или же вследствие войны могут так сильно возрасти фрахт и страховка при пересылке этого товара, что он не сможет уже больше конкурировать с товарами тех стран, в которые он до того времени вывозился. Во всех таких случаях всем, кто занят в производстве этих товаров, придется испытывать значительные затруднения и, без сомнения, некоторые потери. Это неблагоприятное влияние будет чувствоваться ими не только в самый момент такой перемены, но и в течение всего периода перемещения как их капиталов, так и находящегося в их распоряжении труда из одного занятия в другое.

Но эти затруднения будет испытывать не только страна, в которой они возникли. Их в такой же степени испытывают и страны, в которые до того времени вывозились данные товары. Ни одна страна не может ввозить долго что-либо, если она сама также не вывозит каких-нибудь товаров, и, наоборот, она не может долго вывозить их, если она не ввозит в обмен на них другие товары. Поэтому, если в силу какого-нибудь обстоятельства страна на долгое время лишается возможности ввозить обычное количество иностранных товаров, она по необходимости должна будет уменьшить производство некоторых из тех товаров, которые она обыкновенно вывозила. Хотя общая сумма стоимости всех продуктов страны по всей вероятности уменьшится только в очень незначительной степени, поскольку тот же капитал будет все еще применяться, все-таки количество продуктов не будет так же обильно и они не будут так же дешевы. Значительные затруднения будут испытываться также вследствие перехода капитала из одной отрасли промышленности в другую. Если, вложив капитал в 10 тыс. ф. ст. в производство хлопчатобумажных изделий для вывоза, мы ввозили бы ежегодно 3 тыс. пар шелковых чулок стоимостью в 2 тыс. ф. ст. и если вследствие приостановки внешней торговли

мы были бы вынуждены извлечь этот капитал из хлопчатобумажной промышленности и употребить его на производство чулок, то—при условии, чтобы ни одна часть капитала не погибла,—мы продолжали бы получать на 2 тыс. ф. ст. чулок, но в таком случае вместо 3 тыс. пар мы могли бы получить только 2 500. Итак, передвижение капитала из хлопчатобумажной промышленности в производство шелковых чулок сопровождалось бы многими затруднениями, но оно не уменьшило бы в значительной степени стоимость национального имущества, хотя бы при этом передвижении уменьшилось количество ежегодно производимых нами товаров¹.

Война, вспыхнувшая после долгого мира, или мир, последовавший за продолжительной войной, обыкновенно вызывают значительное замешательство в промышленности и торговле. Такие события в значительной степени изменяют характер занятий, в которых прежде применялись соответственные капиталы различных стран. В течение промежутка времени, который проходит, пока капитал найдет для себя помещение, наиболее выгодное при новых обстоятельствах, значительная часть основного капитала остается без приложения, а может быть и совсем погибает, и многие рабочие остаются без работы. Это бедствие будет длиться более или менее долгое время в зависимости от того, насколько сильно нежелание большинства людей отказаться от того применения своего капитала, с которым они давно уже свыклись. И оно часто затягивается еще больше вследствие различных ограничений и запрещений, порождаемых бессмысленной завистью, которая господствует в отношениях между различными государствами торгового мира.

Очень часто бедствие, причиняемое внезапным изменением в ходе торговли, смешивают ошибочно с бедствием, которым сопровождаются уменьшение национального капитала и застой в развитии общества. Между ними, быть может, трудно провести точную разграничительную линию.

Но если мы знаем, что такое бедствие непосредственно последовало за переходом от войны к миру, то мы имеем основание

¹ «Торговля дает нам возможность получать товар в том месте, где он производится, и доставлять его туда, где он будет потреблен. Она поэтому дает нам возможность увеличить стоимость товара на всю разницу между ценою его в одном месте и ценою его в другом» (*Сэй*, т. II, стр. 458). Верно, но каким образом товар получает эту добавочную стоимость? Путем прибавления к издержкам производства, во-первых, издержек по доставке, во-вторых, прибыли на капитал, авансированный торговцем. Данный товар будет, следовательно, стоить больше по той же самой причине, по которой и всякий другой товар будет стоить больше, если на производство и доставку его будет затрачено больше труда еще до того, как он был куплен потребителем. Но это не следует считать одним из преимуществ торговли. Если мы исследуем этот предмет внимательнее, мы увидим, что все выгоды торговли сводятся к тому, что она дает нам средства приобрести не более дорогие предметы, а более полезные. [Это примечание сделано только к третьему изданию.]

думать, что фонды на содержание труда были скорее отвлечены от своего обычного направления, чем подверглись существенному уменьшению, и что после временных страданий нация снова двинется вперед по пути процветания. Кроме того, не следует забывать, что состояние упадка всегда представляет собой ненормальное состояние для общества. За периодом юности у человека следует период расцвета сил, затем силы его слабеют и он умирает. Совсем иначе совершается развитие наций. Когда нация достигает периода наиболее полного развития своих сил, она, правда, может задержаться на этой ступени, но естественная тенденция ее развития заключается в том, что в течение ряда веков она продолжает поддерживать свое благосостояние и население на одном и том же уровне.

В богатых и могущественных странах, в которых огромные капиталы затрачены на машины, внезапное изменение в ходе торговли вызывает больше бедствий, чем в более бедных странах, в которых имеется пропорционально гораздо меньше основного капитала и гораздо больше оборотного и где, следовательно, значительная часть работы производится человеческим трудом. Оборотный капитал гораздо легче извлекается из какого-нибудь занятия, чем основной. Часто совершенно невозможно приспособить машины, построенные для одной отрасли промышленности, для обслуживания другой. Наоборот, одежда, пища и жилище рабочего могут служить ему и в другой отрасли промышленности или тот же самый рабочий может получить ту же пищу, одежду и жилище, хотя бы он переменил свое занятие. Но зло это такого характера, что всякая богатая нация должна с ним волей-неволей мириться. Жаловаться на него было бы так же резонно, как горевать богатому купцу о том, что его корабль подвергается всем опасностям на море, тогда как лачуга его бедного соседа безопасна от таких случайностей.

Но от таких осложнений, хотя и в меньшей степени, не избавлено даже сельское хозяйство. Война, которая мешает сношениям торговой нации с другими народами, очень часто задерживает также вывоз хлеба из тех стран, где он производится сравнительно дешево, в страны, находящиеся в менее благоприятном положении. При таких условиях в сельское хозяйство притекает необычное количество капитала, и страна, которая прежде ввозила хлеб, теперь уже больше не нуждается в иностранной помощи. По окончании войны препятствия, мешавшие ввозу, устраняются, и отечественный производитель становится жертвой убийственной конкуренции, от которой он может избавиться, только пожертвовав большей частью своего капитала. Со стороны государства в этом случае наиболее целесообразной политикой является установление на определенное число лет налога на ввоз иностранного хлеба, — налога, сумма которого время от времени будет уменьшаться, чтобы дать отечественному производи-

телю возможность постепенно извлечь свой капитал из земли¹. Поступая таким образом, страна, может быть, не достигает наиболее выгодного распределения своего капитала; однако временный налог, которому она подчинилась бы, принес бы выгоду определенному классу, чей капитал был распределен с большой пользой для страны: он обеспечивал предложение пищевых продуктов в то время, когда ввоз их был приостановлен. Если бы такие усилия, сделанные в критический момент, сопровождались риском разорения сейчас же по окончании затруднений, то капитал избегал бы такого применения. Кроме обычной прибыли на капитал, фермеры рассчитывали бы на вознаграждение за риск, которому они подвергались вследствие внезапного притока хлеба. Следовательно, цена хлеба для потребителя—и как раз в такие моменты, когда последний больше всего нуждается в хлебе,—повысилась бы не только вследствие более высоких издержек производства хлеба внутри страны, но еще и в силу необходимости оплатить в цене хлеба страхование за особый риск, которому подвергается подобное приложение капитала. Вот почему, хотя для страны было бы гораздо выгоднее разрешить ввоз дешевого хлеба, какими бы жертвами капитала ни сопровождался этот ввоз, было бы более целесообразно установить на несколько лет пошлину на ввоз хлеба.

При исследовании вопроса о ренте мы пришли к заключению, что при всяком возрастании количества предлагаемого хлеба и падении вследствие этого его цены капитал был бы извлечен из более бедных земель, и мериллом, которым регулировалась бы естественная цена хлеба, служила бы более плодородная земля, которая тогда не приносила бы ренты. При цене в 4 ф. ст. за

¹ В последнем томе дополнения к «Британской энциклопедии» в статье «Хлебные законы и торговля» мы находим следующие превосходные указания и замечания: «Если бы мы захотели в будущем пересмотреть предпринятые нами шаги, то мы могли бы принять постепенно понижающуюся шкалу пошлин, чтобы дать время для извлечения капиталов из бедных участков и вложить их в более прибыльные предприятия. Цена, при которой допускается беспошлинный ввоз иностранного хлеба, могла бы ежегодно уменьшаться на 4 или 5 шилл. за квартал, пока вместо 80 шилл., которые служат теперь пределом, она достигла бы 50 шилл. Тогда можно было бы вполне безопасно открыть все порты и навсегда отменить запретительную систему. Когда наступит это счастливое время, не будет уже никакой необходимости насильствовать природу. Капитал и предприимчивость нашей страны обратятся к тем отраслям промышленности, в которых естественные условия, национальный характер или политические учреждения обеспечивают за нами особые преимущества. Хлеб Польши и сырой хлопок Каролины будут обмениваться на металлические изделия Бирмингама и муслин Глазго. Истинный коммерческий дух, который всегда обеспечивает благосостояние народа, несовместим с тайной и мелочной политикой монополий. Нации всего мира подобны провинциям одного и того же королевства, а свободные, ничем не стесняемые сношения одинаково полезны с точки зрения как общей выгоды, так и частной». Статья в целом заслуживает особого внимания: она очень поучительна, хорошо написана и показывает, что автор ее вполне владеет своим предметом. [Это примечание имеется только во втором и третьем изданиях.]

квартир могла бы обрабатываться земля низшего качества, которую мы можем обозначить № 6; при цене в 3 ф. ст. 10 шилл. обрабатывалась бы земля № 5; при цене в 3 ф. ст.—№ 4 и т. д. Если бы цена хлеба вследствие постоянного избытка упала до 3 ф. ст. 10 шилл., капитал, вложенный в № 6, был бы извлечен, так как только при цене в 4 ф. ст. он мог бы получить обычную прибыль, даже если бы он не платил ренты. Он, следовательно, был бы употреблен на производство тех товаров, в обмен на которые был бы куплен и ввезен хлеб, до того производившийся на земле № 6. В новом предприятии капитал необходимо должен приносить своему собственнику больше выгоды, иначе он не был бы отвлечен от прежнего применения. Ибо если собственник этого капитала не мог бы купить на товары, произведенные им, больше хлеба, чем он получал с земли, за которую он не платил ренты, то цена хлеба не могла бы упасть ниже 4 ф. ст.

Однако иные утверждают, что капитал не может быть извлечен из земли, так как он затрачивается в таких формах—удобрение, огораживание, дренаж и т. д.,—в которых он неразрывно срастается с землей. До некоторой степени это верно; но капитал, который заключается в рогатом скоте, овцах, в амбарах для хлеба и сена, телегах и т. д., может быть освобожден. Простой расчет решит, стоит ли, несмотря на низкую цену хлеба, попрежнему употреблять эти предметы для обработки земли или их следует продать и полученную за них стоимость затратить на другое предприятие.

Предположим, однако, что факт констатирован верно, что ни одна часть капитала не может быть освобождена¹. Фермер продолжал бы производить хлеб и притом в точно таком же количестве, какова бы ни была цена хлеба. Ему было бы невыгодно производить меньше, так как если бы он не употребил свой капитал таким образом, он вовсе не получил бы никакого дохода. Хлеб нельзя было бы ввозить, потому что фермер предпочел бы

¹ Всякий капитал, закрепленный в земле, необходимо превращается по окончании аренды в собственность землевладельца, а не арендатора. Какое бы вознаграждение ни получил землевладелец, вновь передавая эту землю, оно примет форму ренты, но никто не платил бы ренты, если бы с помощью данного капитала можно было получить из-за границы больше хлеба, чем вырастить на этой земле внутри страны. Если условия существования общества требуют ввоза хлеба, причем 1 тыс. кварталов могут быть получены путем затраты данного капитала, данная же земля при затрате того же капитала будет доставлять 1 100 кварталов, то 100 кварталов неизбежно составят ренту. Но если из-за границы можно получить 1 200 кварталов, то обработка этой земли будет прекращена, ибо она перестанет давать даже общую норму прибыли. Но это не представляет никакой невыгоды, как бы ни был велик капитал, который был затрачен на эту землю. Этот капитал был затрачен для того, чтобы увеличить количество продукта: такова была—и мы не должны забывать этого—главная цель. И разве для общества не все равно, если половина его капитала понизилась в стоимости или была даже уничтожена совсем, раз оно получает ежегодно большее количество продуктов? Кто оплакивает потерю капитала в этом случае, тот приносит цель в жертву средствам. [Это примечание сделано только к третьему изданию.]

скорее продавать его дешевле 3 ф. ст. 10 шилл., чем вовсе не продавать. А при предположенных нами условиях импортер не мог бы продавать хлеб дешевле этой цены. Пусть фермеры, которые обрабатывали землю указанного разряда, действительно пострадали бы тогда от падения меновой стоимости произведенного ими товара,—как это отразилось бы на всей стране? Мы имели бы точно такое же количество всякого рода товаров, но сырые произведения и хлеб продавались бы по более дешевым ценам. Капитал страны состоит из ее товаров, а так как количество их осталось без изменения, то и воспроизводство будет совершаться тем же темпом. Однако такая низкая цена хлеба будет давать только обычную прибыль с участка № 5, который тогда не платил бы ренты, а рента с лучших земель упала бы. Упала бы также заработная плата, а прибыль поднялась бы.

Но как бы низко ни упала цена хлеба, все-таки, если бы капитал нельзя было извлечь из земли, а спрос не увеличился бы, ввоз хлеба был бы невозможен, потому что внутри страны производилось бы то же количество, что и прежде. Хотя при этом произошло бы совершенно иное разделение продукта и некоторые классы выиграли бы, тогда как другие пострадали бы, общая сумма всего производства осталась бы без изменения, и страна как коллектив не стала бы ни богаче, ни беднее.

Но относительно низкая цена хлеба всегда приносит еще и другую выгоду: разделение наличного продукта приведет вероятнее всего при этом к увеличению фонда на содержание труда, так как большая часть под именем прибыли придется на долю производительного класса, а меньшая, под именем ренты,—на долю непроизводительного класса.

Это верно даже в том случае, если капитал не может быть извлечен из земли, если он должен быть либо применен в земледелии, либо совсем остаться без употребления. Но если большая часть капитала может быть извлечена,—а это, очевидно, возможно,—то капитал будет освобожден только в том случае, когда это освобождение принесет его собственнику больше выгоды, чем если бы этот капитал остался в земле. Следовательно, капитал будет освобожден только тогда, когда в другом занятии он может быть применен более производительно и для собственника и для населения. Собственник капитала соглашается на понижение стоимости той части капитала, которая не может быть отделена от земли, потому что с помощью другой части, которую он может освободить, он может получить большую стоимость и большее количество сырых произведений, чем в случае несогласия его на понижение стоимости первой части капитала. Он находится в таком же точно положении, как человек, который успел затратить большие средства на установку машин на своей фабрике, когда вдруг новые изобретения настолько усовершенствовали машины этого рода, что стоимость производимых им товаров

очень сильно понизилась. Простой расчет должен и в этом случае решить вопрос, стоит ли совсем бросить старые машины и заменить их новыми, более производительными, *теряя всю стоимость старых*, или же лучше продолжать пользоваться сравнительно слабой мощностью старых машин. Кто стал бы советовать ему при таких условиях отказаться от применения лучших машин только потому, что он таким образом уменьшил бы или уничтожил стоимость старых? А именно так аргументируют все, кто желает запретить ввоз хлеба потому, что иначе была бы ущерблена или уничтожена часть капитала фермера, которая навсегда срослась с землей. Они не понимают, что цель всякой торговли заключается в увеличении производства, что, увеличивая производство, вы увеличиваете общее благосостояние, хотя вы при этом можете причинить потери отдельным лицам. Если бы они хотели быть последовательными, они должны были бы попытаться остановить всякий прогресс в земледелии и обрабатывающей промышленности и всякие усовершенствования в машинах. Ведь всякое новое изобретение, хотя оно способствует развитию общего благосостояния, а следовательно, и общего счастья, в момент своего применения всегда уменьшает или уничтожает стоимость части наличного капитала фермеров и фабрикантов¹.

Как и все другие занятия, земледелие—особенно в торговых странах—переживает периоды реакции, которые следуют в прямо противоположном направлении за периодами наиболее интенсивной деятельности. Так, когда война задерживает ввоз хлеба, повышение цены последнего привлекает к земле капитал, дающий при таком применении большую прибыль. Это, вероятно, приведет к чрезмерному увеличению капитала, занятого в земледелии, и на рынок будет выброшено большее количество сырых произведений, чем требует страна. В таком случае цена хлеба упадет вследствие переполнения рынка, и земледелие будет терпеть большие затруднения до тех пор, пока среднее предложение не будет поставлено на один уровень со средним спросом.

ГЛАВА XX

СТОИМОСТЬ И БОГАТСТВО, ИХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА

«Человек богат или беден,—говорит Адам Смит,—смотря по степени, в какой он может обеспечить себе пользование предметами насущной необходимости, удобства и удовольствия»*.

¹ К наиболее дельным работам, доказывающим всю нецелесообразность политики запрещения ввоза хлеба, можно отнести «Опыт о внешней хлебной торговле» («Essay on the external Corn Trade») майора Торренса. Его аргументы не встретили серьезных возражений, и, по моему мнению, они неопровержимы. [Это примечание имеется только во втором и третьем изданиях.]

* [«Богатство народов», кн. I, гл. V.]

Стоимость существенно отличается, следовательно, от богатства, ибо она зависит не от изобилия, а от трудности или легкости производства. Труд 1 млн. человек на фабриках всегда произведет одну и ту же стоимость, но он не произведет всегда одно и то же богатство. Изобретение новых машин, усовершенствование квалификации рабочего, лучшее разделение труда или открытие новых рынков, где можно более выгодно обменивать товары,— все это дает возможность 1 млн. человек производить при одном состоянии общества вдвое или даже втрое больше богатства—предметов «наущной необходимости, удобства и удовольствия»,—чем при другом. Но на этом основании они еще не прибавили бы ничего к стоимости, так как стоимость каждого предмета повышается или падает пропорционально легкости или трудности его производства, или, другими словами, пропорционально количеству труда, затраченного на его производство. Предположим, что труд известного числа людей произвел при помощи данного капитала 1 тыс. пар чулок и что вследствие изобретения машины то же самое число людей может произвести 2 тыс. пар или что, продолжая производить 1 тыс. пар, они могут, кроме того, производить 500 шляп. В этом случае стоимость 2 тыс. пар чулок или 1 тыс. пар чулок и 500 шляп была бы не больше и не меньше, чем стоимость 1 тыс. пар чулок до введения машин, так как они были бы продуктом того же самого количества труда. Но стоимость общей массы продуктов тем не менее уменьшилась бы. Конечно, стоимость возросшего количества, произведенного благодаря улучшениям в машинах, была бы точно такая же, как и стоимость меньшего количества, которое было бы произведено, если бы не было введено никаких улучшений. Но это изменение произвело бы также свое действие и на ту часть не потребленных еще товаров, которые были произведены до усовершенствования машин: стоимость этих товаров уменьшится, поскольку она должна упасть до уровня стоимости такого же точно количества товаров, произведенных уже после введения улучшений. Таким образом, общество, несмотря на возросшее количество товаров, несмотря на возросшее богатство, несмотря на увеличение количества предметов удовольствия, имело бы в своем распоряжении меньшую сумму стоимости. Увеличивая непрестанно легкость производства, мы в то же время уменьшаем стоимость некоторых из товаров, произведенных прежде, хотя этим же путем мы увеличиваем не только национальное богатство, но и производительные силы будущего. Многие заблуждения в политической экономии объясняются ошибочными взглядами на этот предмет, а именно отождествлением возрастания богатства с возрастанием стоимости и слабо обоснованными понятиями о том, что является стандартной мерой стоимости. Одни считают такой мерой деньги, и, по их мнению, нация становится богаче или беднее, смотря по большему или меньшему количеству денег,

на которое обмениваются все ее товары. Другие полагают, что деньги являются очень пригодным мерилом для целей обмена, но не могут служить хорошей мерой для определения стоимости других предметов. По их мнению, действительной мерой стоимости является хлеб¹, и страна согласно этому богата или бедна, смотря по тому, на большее или меньшее количество хлеба обмениваются ее товары². Но есть и такие, которые думают, что страна богата или бедна, смотря по количеству труда, какое она может купить. Но почему золото, или хлеб, или труд могут быть стандартной мерой стоимости скорее, чем уголь или железо, чем одежда, мыло, свечи и другие предметы жизненной необходимости рабочего? Или, короче говоря, почему один какой-либо товар или все товары вместе должны служить эталоном, если этот эталон сам подвергается колебаниям в своей стоимости? Стоимость хлеба, точно так же, как и стоимость золота, может изменяться в сравнении с другими предметами вследствие трудности или легкости производства на 10, 20 или 30%. Почему мы должны во всех этих случаях говорить, что изменилась стоимость других предметов, а не стоимость хлеба? Неизменной стоимостью обладал бы только тот товар, на производство которого во все времена требуется одинаковое количество труда и усилий. Такой товар нам совершенно неизвестен, но о существовании его мы можем рассуждать и говорить гипотетически, как если бы он существовал. Мы можем дополнить наши научные познания, показав ясно безусловную непригодность всех тех мер, какие предлагались до сих пор. Но если бы мы даже допустили, что один из названных товаров может служить правильной мерой стоимости, он все-таки не будет мерой богатства, ибо богатство не зависит от стоимости. Человек богат или беден, смотря по количеству предметов насущной необходимости и роскоши, находящихся в его распоряжении. Как бы ни изменялась меновая стоимость этих предметов по отношению к деньгам, хлебу или труду, как бы высока или низка ни была она, все они одинаково будут доставлять удовольствие их собственнику. Только вследствие смещения понятий стоимости и богатства или благосостояния можно было утверждать, что богатство может быть увеличено путем уменьшения количества товаров, т. е. предметов необходимости, удоб-

¹ Адам Смит говорит, что «различие между действительной и номинальной ценой товаров и труда представляет не только умозрительный интерес, но имеет также большое значение и на практике». Я вполне согласен с ним, но нередко действительная цена труда и товаров определяется их ценою в продуктах—в этой действительной мере Адама Смита—не в большей степени, чем их ценою в золоте и серебре—их номинальной мере. Рабочий только тогда получает действительно высокую цену за свой труд, когда на свою заработную плату он может купить продукт большого количества труда.

² Так, г-н Сэй (т. II, стр. 108) говорит, что серебро теперь имеет такую же стоимость, как и в царствование Людовика XIV, «потому что то же самое количество серебра может купить такое же количество хлеба».

ства и удовольствия. Если бы стоимость была мерой богатства, мы должны были бы с этим согласиться, потому что стоимость товаров возрастает вследствие их редкости; но если прав Адам Смит, если богатство заключается в предметах необходимости и удовольствия, то богатство не может возрасти путем уменьшения их количества.

Конечно, человек, владеющий редким товаром, богаче, если с помощью этого товара он может получить более значительное количество предметов необходимости и удовольствия. Но так как общая сумма предметов, из которой берется богатство каждого человека, уменьшилась на все количество, взятое из нее отдельным человеком, то доля других людей необходимо уменьшится на столько, сколько может присвоить себе лицо, поставленное в более благоприятное положение.

«Если вода сделается редким предметом,—говорит лорд Лодердаль,—и станет монопольной собственностью одного человека, то богатство его возрастет, потому что вода приобретет тогда стоимость, и если общее богатство составляется из суммы индивидуальных богатств, то этим путем возрастает также и общее богатство»*. Несомненно, богатство этого человека возрастет, но так как фермер должен будет продавать часть своего хлеба, а сапожник—часть обуви, так как все люди должны будут отдавать часть своей собственности только для того, чтобы получить воду, за которую они прежде ничего не платили, то они станут беднее на все количество товаров, которые они должны будут затратить с этой целью. Таким образом, собственник воды выиграет ровно столько, сколько другие проиграют. Все общество будет пользоваться тем же самым количеством воды и тем же самым количеством товаров, но они будут иначе распределены. Однако такое положение возможно скорее в случае монополии на воду, чем недостатка в ней. Если бы вода имелась в недостаточном количестве, богатство страны и отдельных лиц действительно уменьшилось бы, поскольку страна лишилась бы части одного из предметов необходимости. Так, фермер имел бы не только меньше хлеба для обмена на другие товары, которые могут быть для него необходимы или желательны, но он, как и всякое другое лицо, должен был бы ограничить потребление одного из наиболее важных предметов своего обихода. В этом случае мы имели бы дело не только с различным распределением богатства, но и с действительной его потерей.

Таким образом, мы можем сказать, что две страны, владеющие совершенно одинаковым количеством предметов жизненной необходимости и комфорта, одинаково богаты, но что стоимость богатства каждой из них зависит от сравнительной легкости или трудности его производства. Если усовершенствованная машина

* [«Inquiry into the nature and causes of Wealth», p. 44.]

дает нам возможность производить без затраты добавочного труда две пары чулок вместо одной, то 1 ярд сукна будет обмениваться на двойное количество чулок. Если бы такое же усовершенствование сделано было в производстве сукна, чулки и сукно обменивались бы в том же отношении, что и прежде, хотя стоимость их одинаково упала бы, так как пришлось бы отдавать двойное количество их в обмен на шляпы, золото или всякие другие товары. Если бы это усовершенствование распространилось на производство золота и всех других товаров, то все стоимости вернулись бы к своим прежним соотношениям. Количество товаров, производимых ежегодно в стране, удвоилось бы, следовательно, удвоилось бы также и богатство страны, но стоимость этого богатства не возросла бы.

Хотя Адам Смит дал верное определение богатства, которое я не раз уже приводил, он в дальнейшем дает еще другое определение. Так, он говорит, что «человек богат или беден, смотря по количеству труда, которое он в состоянии купить»*. Но это определение существенно отличается от первого и совершенно неверно. Предположим, что рудники стали более производительными, так что стоимость золота и серебра вследствие большей легкости производства упала. Или предположим, что на производство бархата требуется настолько меньше труда, чем прежде, что стоимость его понизилась вдвое. Богатство всех, кто покупал эти товары, увеличилось бы: один мог бы увеличить количество своей металлической посуды, другой мог бы купить двойное количество бархата. Но на добавочное количество посуды и бархата они могли бы купить не больше труда, чем прежде, так как вследствие понижения меновой стоимости бархата и посуды они должны были бы отдать пропорционально большую часть богатства этого рода, чтобы купить день труда. Итак, богатство не может быть измеряемо количеством труда, которое оно может купить.

Из всего сказанного следует, что богатство страны может возрастать двояким путем: оно может быть увеличено путем употребления более значительной части дохода на содержание производительного труда, который увеличил бы не только количество, но и стоимость всей массы товаров, или же оно может быть увеличено без затраты дополнительного количества труда, если то же самое количество труда станет более производительным и увеличит только количество, а не стоимость товаров.

В первом случае увеличилось бы не только богатство страны,—возросла бы также и стоимость этого богатства. Страна разбогатела бы путем бережливости—она уменьшила бы расходы на предметы роскоши и комфорта и употребила бы эти сбережения на воспроизводство.

* [«Богатство народов», кн. I, гл. V. У Смита сказано: «смотря по количеству труда, которым он может распоряжаться или которое он в состоянии купить».]

Во втором случае не было бы ни уменьшения расходов на предметы роскоши и комфорта, ни увеличения количества затраченного производительного труда. То же самое количество труда производило бы больше продуктов: возросло бы богатство, но не стоимость. Из этих двух способов увеличения богатства следует предпочесть последний, так как он произведет тот же самый эффект и в то же время не будет сопровождаться лишениями и уменьшением предметов комфорта, которые необходимо связаны с первым способом. Капитал представляет собой ту часть богатства страны, которая затрачивается в целях будущего производства и может быть увеличена тем же способом, что и богатство. Добавочный капитал будет столь же действителен при производстве будущего богатства, все равно, получается ли он путем усовершенствования квалификации рабочего и машин или путем производительного употребления более значительной части дохода. Богатство ведь всегда зависит от количества произведенных товаров безотносительно легкости, с какой могут быть произведены орудия, применяемые в производстве. Известное количество предметов одежды и пищевых продуктов будет содержать и давать занятие тому же числу человек для выполнения того же количества работы независимо от того, произведены ли эти предметы трудом 100 или 200 человек. Разница только в том, что они будут стоить вдвое больше, если на их производство затрачен был труд 200 человек.

Несмотря на поправки, сделанные г-ном Сэем в четвертом и последнем издании его труда «*Traité d'Economie Politique*», я считаю все же его определение богатства и стоимости удивительно неудачным. [Он считает эти два понятия синонимами. По его мнению, человек богат постольку, поскольку он увеличивает стоимость своего имущества и может распоряжаться большим количеством товаров. «Стоимость дохода возрастает в том случае,—замечает он,—если он может доставить—все равно, каким путем,—большее количество продуктов». Г-н Сэй утверждает, что если трудность производства сукна увеличится в два раза и сукно, следовательно, будет обмениваться на вдвое большее количество товаров, чем прежде, то это значит, что стоимость его удвоилась. С этим положением я вполне согласен. Но если бы увеличилась почему-либо легкость производства всех товаров и не возросла бы трудность производства сукна, если бы, следовательно, сукно, как и прежде, обменивалось на двойное количество товаров, то г-н Сэй продолжал бы утверждать, что удвоилась стоимость сукна, тогда как согласно моему взгляду на этот предмет он должен был бы сказать, что сукно сохранило свою прежнюю стоимость и что упала наполовину стоимость остальных товаров. Не противоречит ли себе г-н Сэй, когда он говорит, что вследствие легкости производства два мешка хлеба могут быть произведены там, где прежде производился

один, и что, следовательно, стоимость каждого мешка упадет на половину, и вслед за этим утверждает, что фабрикант сукна, обменивающий свое сукно на два мешка хлеба, получает вдвое большую стоимость, чем прежде, когда он мог получить в обмен на свое сукно только один мешок хлеба? Если два мешка стоят столько же, сколько прежде один, то он, очевидно, получает ту же стоимость, но не больше. Он действительно получает двойное количество богатства, двойное количество полезности или двойное количество того, что Адам Смит называет потребительной стоимостью, но не двойное количество стоимости. Поэтому г-н Сэй неправ, считая стоимость, богатство и полезность синонимами. Конечно, я мог бы сослаться на многие места в труде г-на Сэя, которые говорят в защиту моей теории о существенных различиях между стоимостью и богатством, но должен в то же время признать, что там встречаются и другие места, в которых он поддерживает противоположный взгляд. Я не в состоянии согласовать их друг с другом. Поэтому я решил отметить их и сопоставить, чтобы г-н Сэй, если он окажет мне честь и обратит внимание на мои замечания, мог в одном из следующих изданий своего труда дать объяснения, которые устранили бы трудности, встреченные как мною, так и другими при истолковании его взглядов.

1) При обмене двух продуктов мы в сущности обмениваем производительные услуги, с помощью которых они созданы стр. 504

2) Дороговизна проистекает в действительности только от издержек производства. Вещь дорога лишь тогда, когда ее трудно производить стр. 497

3) Стоимость всех производительных услуг, которые должны быть потреблены при производстве продукта, составляют издержки производства этого продукта . . стр. 505

4) Спрос на товар определяется его полезностью, но размеры этого спроса ограничиваются издержками производства. Если его полезность недостаточна для того, чтобы он имел стоимость, покрывающую издержки его производства, то он не стоит того, что было на него затрачено; это доказывает, что затраченные на него производительные услуги могли быть употреблены для создания товара большей стоимости. Собственники производительных фондов, т. е. те, которые имеют в своем распоряжении капитал, землю или труд, постоянно сравни-

вают издержки производства с меновой стоимостью произведенных предметов или, что сводится к тому же, стоимость различных товаров относительно друг друга. В действительности издержки производства суть не что иное, как стоимость производительных услуг, использованных при создании продуктов, а стоимость производительных услуг есть не что иное, как стоимость товара, являющегося их результатом. Таким образом, стоимость товара, стоимость производительной услуги, стоимость издержек производства представляют эквивалентные стоимости, когда ничто не мешает естественному ходу вещей.

5) Стоимость дохода возрастает тогда, когда он может доставить (все равно, каким способом) большее количество продуктов.

6) Цена есть мера стоимости вещей, а стоимость вещей есть мера их полезности, т. II стр. 4

7) Обмен, совершаемый свободно, устанавливает для данного времени, места и состояния общества цену, которую мы придаем обмениваемым вещам стр. 466

8) Производить — это значит создавать стоимость, придавая предмету полезность или увеличивая ее. Таким образом на него создается спрос, главная причина его стоимости, т. II стр. 487

9) Созданная полезность представляет собою продукт. Происходящая отсюда меновая стоимость есть только мера полезности, мера совершившегося производства... стр. 490

10) Полезность, которую население определенной страны находит в продукте, может быть оценена только с помощью цены, которую дает за него население . . стр. 502

11) Эта цена есть мера полезности, которую она имеет по мнению людей, и мера удовлетворения, которое доставляет им ее потребление. И действительно, никто не потреблял бы эти полезности, если бы за ту же цену можно было получить большую полезность, или доставить себе большее удовольствие.... стр. 506

12) Количество всех других товаров, которое можно получить непосредственно в обмен на предмет, который мы желаем уступить, всегда составляет неоспоримую стоимость последнего, т. II . . . стр. 4

Если дороговизна в действительности проистекает только от издержек производства (см. § 2), то каким образом может увеличиться стоимость товара (см. § 5), если не увеличились издержки его производства? Неужели только потому, что он обменивается на большее количество дешевого товара, — на большее количество товара, издержки производства которого уменьшились? Если я за фунт золота даю в 2 тыс. раз больше сукна, чем за фунт железа, значит ли это, что полезность, которую я приписываю золоту, в 2 тыс. раз больше полезности железа? Конечно, нет. Это доказывает только, — с чем соглашается, впрочем, и сам г-н Сэй (см. § 4), — что издержки производства золота в 2 тыс. раз больше, чем издержки производства железа. Если бы издержки производства двух металлов были одинаковы, я дал бы за них одинаковую цену, но если бы мерой их стоимости служила полезность, я, вероятно, дал бы больше за железо. Именно конкуренция производителей, «которые постоянно сравнивают издержки производства со стоимостью произведенного предмета» (см. § 4), регулирует стоимость различных товаров. Поэтому если я даю 1 шилл. за кусок хлеба и 21 шилл. за одну гинею, то это еще не служит доказательством, что такова именно, по моей оценке, сравнительная мера их полезности.

В § 4 г-н Сэй почти без всяких изменений подтверждает защищаемую мною теорию стоимости. В свои производительные услуги он включает услуги, оказанные землею, капиталом и трудом; я включаю только капитал и труд и совершенно исключаю землю. Наше разногласие проистекает от различия наших взглядов на ренту: по моему мнению, рента есть результат частной монополии; она не только не регулирует цену, но, скорее, сама является следствием ее. Я убежден, что если бы даже землевладельцы отказались от ренты, то товары, полученные с земли, не стали бы дешевле: ведь какая-нибудь часть этих товаров всегда добывается с земли, не платящей ренты, ибо прибавочный продукт ее достаточен только для уплаты прибыли на капитал.

Наконец, я не могу также согласиться с г-ном Сэем, что стоимость какого-нибудь товара лучше всего измеряется количеством товаров, которые даются в обмен на него, хотя я высоко ценю все выгоды, которые проистекают для всех классов потребителей от изобилия и дешевизны товаров. Я вполне разделяю мнение такого замечательного писателя, как г-н Дестю де-Траси, который говорит, что «для измерения какого-нибудь предмета требуется сравнить его с определенным количеством того предмета, который мы принимаем за эталон сравнения, за единицу меры. Следовательно, чтобы измерить длину, вес, стоимость, необходимо определить, сколько заключается в них метров, граммов, франков, одним словом, единиц одного и того же рода». Франк является мерой стоимости не для всякого предмета, а только для известного количества металла, из которого сделан франк, если только франк и предмет, подлежащий измерению, не могли бы быть оба сравниваемы с какой-либо другой мерой, общей для них обоих. Такая мера, по моему мнению, существует, так как оба они являются результатом труда. Следовательно, труд есть общая мера, с помощью которой могут быть определены как действительная, так и относительная стоимость предметов. Я очень рад, что это мнение разделяется, повидимому, и г-ном Дестю де-Траси¹. Он говорит: «Так как вполне очевидно, что наши физические и духовные способности представляют наше единственное первоначальное богатство, то применение этих способностей, т. е. труд, является нашим единственным первоначальным сокровищем. Только это применение создает все предметы, которые мы называем богатством,—предметы самой насущной необходимости и предметы, служащие только для нашего удовольствия. Ясно также, что все эти предметы представляют только труд, создавший их, и если они имеют стоимость или даже две различные стоимости, то они проистекают только от труда, от которого они берут свое начало»*.

¹ «Eléments d'idéologie», v. IV, p. 99. В этом труде г-н де-Траси дал очень полезный и дельный очерк принципов политической экономии. Я должен только прибавить, к моему сожалению, что он поддерживает своим авторитетом определения, которые г-н Сэй дал словам «стоимость», «богатство» и «полезность».

* Вместо стр. 175—178 (начиная словами «Он считает эти два понятия синонимами» и кончая «от труда, от которого они берут свое начало») в первом и втором изданиях сказано было:

«Мне кажется, что г-н Сэй был в высшей степени неудачлив в своем определении богатства и стоимости, данном в первой главе его прекрасного труда. Вот сущность его аргументации. «Богатство,—замечает он,—состоит только из вещей, имеющих сами по себе стоимость; богатство велико, если сумма стоимостей, из которых оно составлено, велика. Богатство невелико, если сумма стоимостей невелика. Две вещи, имеющие одинаковую стоимость, представляют равновеликие богатства. Они имеют одинаковую стоимость, если в силу общего соглашения они свободно обмениваются друг на друга. Так вот, если человечество приписывает вещи стоимость, то только в силу той пользы, кото-

Говоря о достоинствах и недостатках великого труда Адама Смита, г-н Сэй обвиняет его в том, что «он приписывает одному только труду человека способность производить стоимость. Более точный анализ показывает нам, что стоимость обязана своим происхождением действию труда или, скорее, трудолюбию человека в соединении с действием сил природы и капитала. Незнакомство г-на Смита с этим принципом помешало ему установить истинную теорию влияния машин на производство богатства».

В противоположность Адаму Смиту г-н Сэй в четвертой главе говорит о стоимости, придаваемой товарам естественными факторами, как солнце, воздух, давление атмосферы и т. д., которые иногда заменяют труд человека, а иногда оказывают ему содействие в производстве¹. Но эти естественные факторы придают

ую можно извлечь из ее применения... Эту способность удовлетворять различные нужды человечества, которую имеют известные вещи, я называю полезностью. Создавать предметы, которые имеют какую-либо стоимость, значит создавать богатство, так как полезность вещей—первооснова их стоимости, и именно стоимость вещей составляет богатство. Но мы не создаем предметы: все, что мы можем сделать, это воспроизводить материю в другой форме—таким образом мы можем ей придать полезность. Итак, производство есть создание не материи, а полезности, и последняя измеряется стоимостью, возникающей из полезности произведенного предмета. Полезность какого-либо предмета определяется согласно общей оценке количеством других товаров, на которые он может быть обменян. Это определение стоимости, возникающее из общей оценки, создаваемой обществом, говорит о том, что Адам Смит называет меновой стоимостью, что Тюрго называет оценочной стоимостью и что мы более коротко назвали бы термином *стоимость*».

Вот в чем заключается мнение г-на Сэя. Однако в своем анализе стоимости и богатства он смешивает две вещи, которые необходимо всегда различать и которые Адам Смит называет потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Если при помощи усовершенствования машины я могу при том же количестве труда выработать две пары чулок вместо одной, я несколько не уменьшаю *полезность* одной пары чулок, хотя я уменьшаю их стоимость. Если я получаю при этом точно такое же количество сюртуков, башмаков, чулок и всех других вещей, что и прежде, то я буду иметь то же самое количество и остальных предметов и буду, следовательно, так же богат, если мерой богатства является полезность; однако я буду иметь меньшее количество стоимости, ибо мои чулки имеют теперь только половину своей прежней стоимости. Поэтому полезность не может служить мерой меновой стоимости.

Когда мы спрашиваем г-на Сэя, в чем заключается богатство, он отвечает нам, что это—владение предметами, имеющими стоимость. Когда мы затем спрашиваем его, что он подразумевает под стоимостью, он повествует нам, что предметы имеют стоимость постольку, поскольку они обладают полезностью. И когда мы снова просим его объяснить нам, каким путем мы можем судить о полезности предметов, он отвечает, что на основании их стоимости. Таким образом мерой стоимости служит полезность, а мерой полезности—стоимость».

¹ «Первый человек, который научился плавить металлы в огне, не был творцом стоимости, которую этот процесс придал расплавленному металлу. Эта стоимость является результатом физического действия огня, прибавленного к труду и капиталу тех людей, которые воспользовались этим открытием».

«Вследствие этой ошибки г-н Смит сделал ложный вывод, что стоимость всех продуктов представляет настоящий или прошлый труд человека, или, дру-

товарам только *потребительную стоимость*, а не меновую, о которой говорит г-н Сэй. Как только с помощью машин или знания естественных наук мы заставляем силы природы выполнять работу, которая прежде совершалась человеком, меновая стоимость этой работы соответственно понижается. Если до сих пор мельница приводилась в движение трудом 10 чел., а в дальнейшем открыто, что действие воздуха или воды может сберечь труд этих 10 чел., то стоимость муки, которая частично является продуктом работы мельницы, немедленно падает соответственно количеству сбереженного труда. Общество стало бы богаче на всю сумму товаров, которые могли бы быть произведены трудом 10 чел., так как фонд, назначенный на их содержание, нисколько не уменьшился бы. [Г-н Сэй все время не замечает существенной разницы между потребительной стоимостью и меновой стоимостью.]*

Г-н Сэй обвиняет д-ра Смита в том, что последний не заметил стоимости, которая придается товарам естественными факторами и машинами потому, что он полагает, что все предметы получают свою стоимость от человеческого труда. Но этот упрек кажется мне неосновательным, так как Адам Смит никогда не впадает в недооценку услуг, которые оказывают нам естественные факторы и машины. Но он очень точно различает природу стоимости, которую они придают товарам; они оказывают нам услуги, увеличивая количество продуктов, они делают человека более богатым, увеличивая количество потребительных стоимостей, но они выполняют эту работу даром, так как за пользование воздухом, теплотой и водой мы ничего не платим. Поэтому содействие их ничего не прибавляет к меновой стоимости**.

ими словами, что богатство есть только накопленный труд, а отсюда он делает другой столь же ложный вывод, что труд есть единственная мера богатства или стоимости продуктов» (гл. IV, стр. 31). Заключение выводы, которые приводит г-н Сэй, принадлежат ему, а не д-ру Смиту. Они верны, если не делать никакого различия между богатством и стоимостью, а в указанном месте г-н Сэй такового не делает. Но хотя Адам Смит, по мнению которого богатство заключается в предметах необходимости, удобства и удовольствия, согласился бы, что машины и естественные факторы в значительной степени увеличивают богатство страны, он не мог бы согласиться с тем, что они прибавляют что-нибудь к стоимости этого богатства. [В первом и втором изданиях сказано: «к меновой стоимости».]

* [Вставка сделана во втором и третьем изданиях.]

** [В первом и втором изданиях дальше следовало несколько абзацев, выпущенных в третьем издании:]

«В первой главе второй книги г-н Сэй сам дает схожее определение стоимости, ибо он говорит, что «полезность есть основа стоимости, что товары являются предметом желания, потому что они в той или другой форме полезны, но что их стоимость зависит не от их полезности, не от степени, в которой они представляют предмет желания, но от количества труда, необходимого для их производства». «Полезность товара, понимаемая в таком смысле, делает его предметом человеческого желания, заставляет стремиться к нему и определяет спрос на него. Если для получения воды достаточно пожелать ее, то она может быть рассматриваема как часть естественного богатства, данного человеку в неограниченном количестве и используемого им без всякой затраты

ГЛАВА XXI

ВЛИЯНИЕ НАКОПЛЕНИЯ НА ПРИБЫЛЬ
И ПРОЦЕНТ

Мы уже показали выше на основе анализа прибыли, получаемой с капитала, что накопление последнего не может надолго понизить прибыль, если при этом не существует какой-либо постоянной причины, вызывающей повышение заработной платы. Если бы фонды на содержание труда удвоились, утроились или учетверились, то было бы нетрудно найти требуемое количество рук, которые могли бы быть использованы с помощью этих фондов. Но благодаря возрастающей трудности увеличивать постоянно количество пищевых продуктов страны фонды, имеющие ту же стоимость, вероятно, не будут уже достаточны для содержания того же количества труда. Если бы количество предметов жизненной необходимости для рабочего могло возрастать с той же самой легкостью, то, в каких бы размерах ни происходило накопление капитала, нормы прибыли или заработной платы не подвергались бы постоянным изменениям. Однако Адам Смит не обращает никакого внимания на возрастающую трудность добывания пищи для добавочного числа рабочих, занимаемых добавочным капиталом, и неизменно приписывает падение прибыли накоплению капитала и возникающей отсюда конкуренции. «Рост капитала,—говорит он,—повышая заработную плату, стремится понизить при-

на него; таковы воздух, вода, свет солнца. Если бы он мог получить таким способом все предметы, удовлетворяющие его нужды и потребности, он был бы бесконечно богат: он не нуждался бы ни в чем. Но, к несчастью, дело обстоит иначе. Большая часть вещей, пригодных и приятных для него, равно как и те, которые ему безусловно необходимы в общественном состоянии, для которого человек, повидимому, специально создан, не достается ему даром; они могут быть получены только при помощи некоторого количества труда, применения известного капитала и во многих случаях использования земли.

Это—препятствия на пути дарового пользования, препятствия, которые обуславливают действительную затрату производства, так как мы обязаны платить за содействие этих агентов производства. «Только в том случае, когда полезность была таким образом сообщена вещи (т. е. трудом, капиталом, землей), она становится продуктом и *представляет* стоимость. Именно ее полезность является основой спроса на нее, но *жесток и тягосты, необходимые для получения ее, или, другими словами, ее цена, ограничивают размер этого спроса*».

Путаница, которая возникает в результате смешения терминов «стоимость» и «богатство», лучше всего выявляется в следующих рассуждениях г-на Сэя¹. Его ученик замечает: «Вы, кроме того, сказали, что богатства общества состояются из общей суммы стоимости, которой оно владеет; мне кажется, из этого следует, что снижение стоимости какого-либо продукта, например чулок, уменьшая общую сумму стоимости, принадлежащей обществу, уменьшает массу его богатства».

На это дается следующий ответ: *сумма общественного богатства еще не уменьшается в силу этого. Две пары чулок производятся теперь вместо одной, и две пары по 3 фр. представляют одинаковую стоимость с одной парой*

¹ Say, Catechisme d'Economie Politique, p. 99.

быль. Когда капиталы многих богатых купцов устремляются в одну и ту же отрасль промышленности, их взаимная конкуренция, естественно, приводит к понижению их прибыли. А если этот рост капитала происходит одинаково во всех отраслях промышленности данного общества то такая же конкуренция во всех отраслях приведет к тому же результату*. Адам Смит говорит в этом месте о росте заработной платы, но рост этот—временный, вызываемый тем, что фонды на содержание труда возросли раньше, чем увеличилось население. Он, повидимому, не замечает, что в то самое время, когда возрос капитал, возросла в том же самом отношении работа, выполняемая капиталом. Однако г-н Сэй доказал весьма удовлетворительно, что нет такой суммы капитала, которая не могла бы найти себе применения в стране, потому что спрос ограничивается только производством. Каждый человек производит только для продажи или для потребления, и он продает всегда только с целью купить какой-нибудь другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы способствовать будущему производству. Таким образом всякий производитель необходимо становится или потребителем собственных товаров или покупателем и потребителем товаров какого-нибудь другого производителя. Нельзя предположить, что он будет в течение долгого времени плохо осведомлен о том, какие товары он может производить с наибольшей выгодой для того, чтобы достичь своей цели, а именно, приобрести другие

в 6 фр. Доход общества остается без изменения, потому что фабрикант заработал столько же на двух парах по 3 фр., сколько прежде на одной паре в 6 фр. Хотя г-н Сэй и ошибается, но, по крайней мере, он последователен. Если стоимость есть мера богатства, то общество одинаково богато, потому что стоимость всех его товаров та же, что и прежде. Обратимся, однако, к его выводам: «Но когда доход остается без изменения, а продукты падают в цене, общество действительно обогащается. Если одинаковое понижение имеет место для всех товаров в одно и то же время, что не является безусловно невозможным, то общество, получив для себя за половину прежней цены все предметы своего потребления, не потеряв ни одной части своего труда, стало бы действительно в два раза богаче, чем прежде, и могло бы купить двойное количество благ».

В одном случае нам говорят, что если каждая вещь упадет в силу изобилия до половины своей стоимости, то общество будет одинаково богато, потому что будет налицо одинаковое количество товаров по половинной цене, или, другими словами, будет налицо та же самая стоимость. В другом нам рассказывают, что путем удвоения количества товаров, хотя бы стоимость каждого из них уменьшилась наполовину и, следовательно, стоимость всех вместе была бы точно такая же, как и прежде, общество станет вдвое богаче, чем прежде. В первом случае богатство оценивается количеством стоимости, во втором—оно оценивается изобилием товаров, способствующих человеческим наслаждениям. Г-н Сэй говорит дальше, что «человек бесконечно богат, не имея стоимости, если он может за ничто получить все предметы, которых он желает»; в другой же раз нам говорят, что «богатство состоит не в самих продуктах, ибо они не представляют богатства, если они не имеют стоимости, а в их стоимости» (отд. II, стр. 2)].

* [«Богатство народов», кн. I, гл. IX.]

товары. Мало вероятно поэтому, чтобы он продолжал производить товар, на который нет спроса¹.

Невозможно, следовательно, чтобы капитал, накопленный в любых размерах в данной стране, не мог быть применен в ней производительно до тех пор, пока заработная плата не повысится вследствие роста цен на предметы необходимости в такой сильной степени и для прибыли с капитала не останется так мало, что исчезнет всякое побуждение к накоплению². Пока прибыль с капитала высока, существует и побуждение к накоплению. Пока человек не удовлетворил еще вполне все свои потребности, спрос, предъявляемый им на товары, будет все еще расти. И спрос этот будет платежеспособным, пока он может предложить в обмен за них какую-нибудь новую стоимость. Если человеку, имеющему 100 тыс. ф. ст., дадут еще 10 тыс. ф. ст. в год, то он не спрячет их в сундук: он или увеличит свои расходы на 10 тыс. ф. ст., или употребит их производительно, или, наконец, отдаст их для той же цели кому-нибудь другому взаймы. И в том и в другом случае спрос возрастет, хотя и на различные предметы. Если бы он увеличил свои расходы, то его платежеспособный спрос, вероятно, направился бы на такие предметы, как дома, мебель или какие-нибудь другие предметы комфорта. Но если бы он употребил свои 10 тыс. ф. ст. производительно, то его платежеспособный спрос направился бы на предметы пищи, одежду и сырой материал, с помощью которых новые рабочие могли бы взяться за работу. Это опять-таки создает спрос³.

¹ Адам Смит указывает на пример Голландии, где произошло падение прибыли вследствие накопления капитала и переполнения им всех отраслей промышленности. «Правительство платит по займам 2%, а частные лица с хорошим кредитом получают деньги из 3%» (кн. I, гл. IX). Но следует помнить, что Голландия вынуждена ввозить почти весь хлеб, потребляемый ею, и что вследствие обложения тяжелыми налогами предметов насущной необходимости для рабочего заработная плата там очень высока. Одни эти факты вполне достаточно объясняют низкую норму прибыли и процента в Голландии.

² Не противоречит ли следующее положение г-на Сэя его же собственной теории: «Чем обильнее свободные капиталы в сравнении с возможностью найти для них применение, тем больше падает норма процента на ссужаемый капитал» (т. II, стр. 108). Если любая сумма капитала может найти для себя в стране применение, то можно ли сказать, что в стране слишком много капиталов в сравнении с возможностью найти для них применение?

³ Адам Смит говорит: «Если продукт какой-нибудь отдельной отрасли промышленности превышает спрос на него в данной стране, то излишек может быть вывезен за границу и обменен на товар, на который в стране существует спрос. *Без такого вывоза часть производительного труда страны должна была бы прекратиться, и стоимость годового продукта уменьшилась бы.* Земля и труд Великобритании дают больше хлеба, шерстяных и металлических изделий, чем требуется внутренним рынком. Следовательно, излишек их должен быть вывезен за границу и обменен там на товары, на которые имеется спрос внутри страны. Только путем такого вывоза излишек приобретает стоимость, достаточную для вознаграждения за труд и издержки его производства» (кн. II, гл. V). Цитированное место заставляет думать, что, по мнению Адама Смита, мы почему-то поставлены в необходимость производить изли-

Продукты всегда покупаются за продукты или услуги; деньги служат только мериллом, при помощи которого совершается этот обмен. Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже возмещен капитал, затраченный на этот товар. Но это не может случиться одновременно со всеми товарами. Спрос на хлеб ограничивается числом ртов, которые должны есть его, спрос на башмаки и сюртуки—числом лиц, которые будут их носить. Правда, общество—или часть общества—могло бы иметь столько хлеба и столько шляп и башмаков, сколько оно может или желает потребить. Но этого нельзя сказать о всех товарах, производимых природой или искусством человека. Некоторые потребляли бы большее количество вина, если бы они имели средства на приобретение его. Другие, у которых имеется достаточно вина, хотели бы увеличить количество или улучшить качество своей мебели. Третьи, наконец, желали бы украсить свои парки или расширить свои дома. Желание сделать все это или что-нибудь подобное присуще всякому человеку; для этого требуются лишь средства, а эти средства могут быть доставлены только ростом производства. Если бы я имел в своем распоряжении предметы пищи и насущной необходимости, мне нетрудно было бы найти рабочих, которые произвели бы наиболее полезные или наиболее желательные для меня предметы.

Понизится ли прибыль вследствие роста производства и вызванного этим расширения спроса или нет, зависит исключительно от роста заработной платы, а повышение последней за исключением короткого периода зависит от легкости производства предметов пищи и жизненной необходимости. Я говорю: за исключением короткого периода, потому что трудно найти лучше доказанное положение, чем то, что предложение рабочих всегда в конце концов будет пропорционально имеющимся средствам на их содержание.

Есть только один случай, да и тот временный, в котором накопление капитала при низкой цене пищевых продуктов может привести к падению прибыли. Это бывает тогда, когда фонды на содержание труда возрастают гораздо быстрее, чем население: заработная плата в этом случае будет высока, а прибыль низка. Если бы каждый человек отказался от потребления предметов

шек хлеба, шерстяных и металлических изделий и что капитал, произведший эти товары, не мог бы найти другое применение. Но в действительности только от нас зависит выбор способа употребления капитала, и поэтому никакой товар не может быть излишним в течение сколько-нибудь продолжительного времени. В противном случае цена его упала бы ниже своей естественной цены, и капитал переместился бы в более прибыльное занятие. Ни один писатель не показал так удовлетворительно и дельно, как Адам Смит, что капитал имеет всегда тенденцию уходить из таких отраслей промышленности, в которых цена произведенных товаров не оплачивает всех издержек производства и доставки на рынок, включая обычную прибыль (кн. I, гл. X).

роскоши и думал только о накоплении, то возможно, что было бы произведено такое количество предметов насущной необходимости, которое не могло бы немедленно найти потребителей. За этим несомненно могло бы последовать общее переполнение рынка товарами, количество которых ограничено, и, значит, могло бы не быть спроса на добавочное количество их, а применение дополнительного капитала не дало бы прибыли. Если бы люди перестали потреблять, они перестали бы производить. Это допущение не опровергает общего принципа. Трудно предположить, что в такой стране, например, как Англия, имеется стремление посвятить весь капитал и труд страны на производство одних только предметов насущной необходимости.

Если купцы вкладывают свои капиталы во внешнюю торговлю или транспорт, то они поступают так не в силу необходимости, а в силу свободного выбора; они делают это потому, что прибыль в этой отрасли торговли несколько выше, чем во внутренней.

Адам Смит справедливо заметил: «Стремление отдельного человека к пище ограничено узкими пределами человеческого желудка, но стремление к предметам удобства, к украшению жилища, к нарядам, экипажам и мебели, кажется, вовсе не знает границ, или, по крайней мере, определенных границ»*. Поэтому природа неизбежно ограничивает размеры капитала, который может быть с выгодой затрачен на земледелие, но она не поставила никаких границ размерам капитала, который может быть затрачен на производство предметов «удобства и украшения» жизни. Доставить себе максимальное количество этих удобств — вот цель, которая имеется в виду. И только потому, что внешняя торговля или транспорт приводят к этой цели скорее, люди предпочитают заниматься ими, а не производством требуемых товаров или их суррогатов в самой стране. Но если какие-нибудь особенные обстоятельства помешают нам вложить капитал во внешнюю торговлю или транспорт, мы должны будем, хотя и с меньшей выгодой, найти ему употребление внутри страны. А так как «стремление к предметам удобства, к украшению жилища, к нарядам, экипажам и мебели» не знает никаких границ, то и размеры капитала, который может быть затрачен на их производство, не знают никаких других пределов, кроме тех, которые ставятся размерами наших средств на содержание рабочих, производящих эти предметы.

Но Адам Смит говорит о транспорте не как о деле свободного выбора, а как о необходимости; как будто капитал, который не был вложен в него, остался бы иначе без применения, как будто капитал, вложенный во внутреннюю торговлю, мог бы переполнить ее каналы, если бы количество его не было ограничено известными размерами. Он замечает: «Если капитал какой-нибудь

* [«Богатство народов», кн. I, гл. XI.]

страны возрос до такой степени, что он *уже не может быть весь затрачен на производство средств потребления и содержания производительного труда данной страны*, то излишняя часть его естественно направляется на транзитную торговлю и оказывает там такие же услуги другим странам».

«Ежегодно на часть избыточного продукта британской промышленности покупается около 96 тыс. бочек табака. Но спрос самой Великобритании требует, быть может, не больше 14 тыс. Следовательно, если бы остальные 82 тыс. бочек не были вывезены за границу и не были обменены на товар, на который имеется спрос внутри страны, то ввоз табака немедленно прекратился бы, а вместе с ним прекратился бы и производительный труд всех тех жителей Великобритании, которые занимаются производством товаров, ежегодно обменивающихся на 82 тыс. бочек табака*». Но разве эта часть производительного труда Великобритании не могла быть затрачена на производство какого-нибудь другого товара, на который можно было бы купить что-нибудь, на что в стране имеется большой спрос? А если бы это было невозможно, то разве мы не могли бы употребить этот производительный труд, хотя бы и с меньшей выгодой, на производство товаров, на которые имеется спрос в стране, или, по крайней мере, их суррогатов? Если бы мы нуждались в бархате, то разве мы не могли бы попробовать сами заняться его производством? А если бы нам это не удалось, то разве мы не могли бы производить больше сукна или других предметов, на которые существует спрос?

Мы производим товары и покупаем на них товары за границей, потому что мы можем этим путем получить более значительное количество таких товаров, чем если бы мы производили их внутри страны. Отнимите у нас эту торговлю, и мы несомненно начнем опять производить их для себя. Но приведенное мнение Адама Смита противоречит всему его учению об этом предмете. «Если другая страна может доставлять нам известный товар дешевле, чем мы можем его производить, то лучше покупать его на часть продукта нашего собственного труда, применяемого в той области, в которой мы пользуемся некоторыми преимуществами. *Промышленная деятельность страны, всегда находящаяся в соответствии с капиталом, который приводит ее в движение*, несколько от этого не уменьшится;... ей придется только найти способ для наиболее выгодного применения капитала**».

И снова: «Следовательно, те, кто имеет в своем распоряжении больше предметов пищи, чем они могут потребить, всегда готовы обменять свой излишек, или, что то же самое, цену его, на удовлетворение других потребностей. Все, что остается после удовле-

* [«Богатство народов», кн. II, гл. V.]

** [Там же, кн. IV, гл. II.]

творения желаний, ограниченных в их размерах, пойдет на удовлетворение тех желаний, которые не могут быть вполне удовлетворены и, повидимому, не имеют никаких границ. Бедняки, нуждающиеся в куске хлеба, напрягают свои силы, чтобы выполнять прихоти богачей. И они стараются превзойти друг друга по части дешевизны и совершенства своей работы, чтобы обеспечить себе этот кусок хлеба. Число рабочих возрастает вместе с возрастанием количества пищевых продуктов или вместе с усовершенствованием и расширением земледелия. А так как характер их занятий допускает самое детальное разделение труда, то количество материала, который они могут обрабатывать, возрастает в большем отношении, чем их численность. Вследствие этого возникает спрос на всякого рода материалы, которые человеческая изобретательность может использовать для производства полезных предметов или предметов украшения, как, например, зданий, нарядов, экипажей или мебели; возникает также спрос на полезные ископаемые и минералы, скрытые в недрах земли, на драгоценные металлы и драгоценные камни*.

[Из этих допущений следует, что нет никаких границ для спроса на капитал—для его применения до тех пор, пока он приносит какую-нибудь прибыль, и что, в каком бы изобилии ни имелся капитал, единственной подлинной причиной падения прибыли является повышение заработной платы. Следует прибавить еще, что единственной достаточной и подлинной причиной повышения заработной платы является возрастающая трудность добычи пищи и предметов жизненной необходимости для возросшего числа рабочих.]***

Адам Смит справедливо заметил, что в высшей степени трудно определить норму прибыли с капитала. «Прибыль до такой степени колеблется, что установить ее среднюю норму трудно даже в отдельной отрасли промышленности, тем более во всей промышленности вообще. И совершенно невозможно составить себе сколько-нибудь точное представление о том, какова она была раньше или в более отдаленные эпохи»***. Но так как очевидно, что за пользование деньгами будут платить тем больше, чем больше можно сделать с помощью этих денег, то он полагает, что «рыночная норма процента может дать нам некоторое понятие о норме прибыли, а история движения процента может дать нам понятие об истории движения прибыли». Несомненно, если бы мы знали в точности размеры рыночной нормы процента за какой-либо значительный период времени, мы имели бы достаточно верный критерий для того, чтобы установить пути движения прибыли.

* [«Богатство народов», кн. I, гл. XI.]

** [Вставка во втором и третьем изданиях.]

*** [Там же, кн. I, гл. IX. Эта и следующая цитаты представляют не буквальное воспроизведение текста, а только изложение.]

Но во всех странах правительство, руководясь ошибочными принципами политики, вмешивалось в этот процесс. Оно мешало установиться справедливой и свободной рыночной норме процента, налагая тяжелые и разорительные штрафы на всех, кто взимал более высокий процент, чем установленный законами. Во всех странах такие законы, вероятно, обходились, но сохранившиеся записи дают нам очень мало сведений об этом предмете, они скорее отмечают законный и постоянный процент, чем его рыночную норму. В продолжение последней войны учет кредитных обязательств казначейства и морского ведомства часто производился из такого высокого процента, что давал их покупателям 7, 8% или даже еще более высокий процент на затраченные деньги. Правительство заключало займы более чем из 6%, а частные лица бывали зачастую вынуждены, пользуясь всякими обходными путями, платить более 10% по своим займам. А между тем в течение всего этого периода законная норма процента все время составляла неизменно 5%. Мало достоверны, следовательно, данные о том, что считается законным и постоянным процентом, раз он так сильно отличается от рыночной нормы. Адам Смит сообщает нам, что, начиная с 37-го года царствования Генриха VIII и вплоть до 24-го года царствования Якова I, законную норму процента составляли 10%. Вскоре после реставрации она понизилась до 6%, а в 12-й год царствования Анны упала до 5%. Он предполагает, что законная норма следовала за рыночной, а не наоборот. До американской войны английское правительство заключало займы из 3%, а люди кредитоспособные могли иметь деньги как в столице, так и во многих других частях королевства из $3\frac{1}{2}$, 4 и $4\frac{1}{2}$ %*.

Но хотя норма процента всегда регулируется в конечном счете нормой прибыли, она подвержена, однако, временным колебаниям еще и в силу других причин. С каждым колебанием количества и стоимости денег изменяются, естественно, и цены товаров. Как мы уже показали раньше, они изменяются также вследствие изменений в соотношении спроса и предложения, хотя бы при этом трудность производства не увеличилась и не уменьшилась. Когда рыночные цены падают вследствие роста предложения, вследствие уменьшения спроса или вследствие повышения стоимости денег, фабрикант, естественно, скопляет у себя необычное количество готовых товаров, так как он не желает продавать их по слишком низким ценам. И вот, чтобы заплатить по векселям, которые он прежде покрывал продажей товаров, он прибегает к кредиту, за который ему приходится давать возросшую норму процента. Однако это только временное явление: или расчеты фабриканта были основательны, и рыночная цена его товаров опять поднимается, или он убеждается, что уменьшение

* [Кн. I, гл. IX.]

спроса будет продолжаться, и он уже больше не борется с ходом торговых дел. Тогда цены падают, и деньги, точно так же как и проценты, возвращаются снова к своей действительной стоимости. Если вследствие открытия нового рудника, злоупотреблений банков или в силу какой-нибудь другой причины количество денег значительно возрастает, то в результате этого процесса цены товаров повысятся пропорционально возросшему количеству денег. Но при этом, вероятно, имеется всегда промежуток времени, в течение которого норма процента также испытывает некоторое изменение.

Курс государственных займов не может служить постоянным критерием для определения нормы процента. Во время войны фондовый рынок настолько обременяется непрерывными займами правительства, что курсы ценных бумаг не имеют достаточно времени для стабилизации на надлежащем уровне, так как каждая новая кредитная операция или ожидание политических осложнений колеблют их курс. Напротив, в мирное время операции фонда погашения и нежелание известного разряда лиц переместить свои средства в новое дело, отказавшись от старого, — к которому они привыкли и считают верным и при котором они получают свои дивиденды в высшей степени регулярно, — приводит к повышению курса ценных бумаг и, следовательно, понижает процент на них ниже уровня его общей рыночной нормы. Кроме того, следует заметить, что правительство платит неодинаковый процент за разные ценные бумаги. В то время как капитал в 100 ф. ст. в пятипроцентных бумагах продается за 95 ф. ст., билет казначейства в 100 ф. ст. иногда продается за 100 ф. ст. 5 шилл., хотя последний приносит в год не больше 4 ф. ст. 11 шилл. 3 пенс. Одна бумага приносит ее покупателю при указанных ценах более $5\frac{1}{4}\%$, а другая лишь немного более $4\frac{1}{4}\%$. Дело в том, что банкиры предъявляют спрос на известное количество билетов казначейства, как на верное и легко реализуемое помещение для денег. Но если бы это количество билетов казначейства значительно превысило спрос на них, они подверглись бы такому же обесценению, как и пятипроцентные бумаги. Бумага, приносящая ежегодно 3%, будет всегда продаваться по относительно более высокой цене, чем пятипроцентная, потому что капитальная сумма долга и той и другой может быть уплачена только *al pari*, т. е. по 100 ф. ст. монетой за 100 ф. ст. в бумагах. Рыночная норма процента может упасть до 4%, и правительство уплатит тогда держателю пятипроцентных бумаг его капитал по паритету, если только он не согласится получать 4% при норме процента, упавшей несколько ниже 5%. Но правительству было бы невыгодно поступить так по отношению к держателю трехпроцентных бумаг до тех пор, пока рыночная норма процента не упала ниже 3%. Для уплаты процентов по национальному долгу четыре раза в год из обращения извлекаются на несколько

дней огромные суммы денег. Но так как этот спрос на деньги является только временным, то он редко затрагивает цены. Обыкновенно он удовлетворяется путем уплаты высокой нормы процента¹.

ГЛАВА XXII

ПРЕМИИ ЗА ВЫВОЗ И ЗАПРЕЩЕНИЕ ВВОЗА

Премия за вывоз хлеба имеет тенденцию понижать его цену для иностранного потребителя, но она не оказывает постоянного действия на цену его на внутреннем рынке.

Предположим, что цена хлеба, при которой на капитал получается обычная средняя прибыль, должна составлять в Англии 4 ф. ст. за квартал. В этом случае невозможно было бы вывозить хлеб в чужие страны, где он продается по 3 ф. ст. 15 шилл. за квартал. Но если бы за вывоз хлеба выдавалась премия в 10 шилл. с квартала, то хлеб мог бы продаваться на внешнем рынке за 3 ф. ст. 10 шилл. Следовательно, производитель хлеба получит одинаковую прибыль, будет ли он продавать свой хлеб за 3 ф. ст. 10 шилл. на внешнем или за 4 ф. ст. на внутреннем рынке.

Таким образом, премия, которая понизила бы цену, по которой британский хлеб продается в чужих странах ниже издержек производства хлеба в этих последних, увеличила бы, конечно, спрос на британский хлеб и уменьшила бы спрос на их собственный хлеб. Такое возрастание спроса на британский хлеб не преминуло бы повысить временно цену его на внутреннем рынке и помешало бы на все это время падению цены его на внешнем до того уровня, к какому стремится свести его вывозная премия.

¹ «Государственные займы всякого рода, — замечает г-н Сэй, — сопровождаются неудобствами в том отношении, что они отвлекают капитал или части капитала от производительного использования, чтобы посвятить его потреблению; если же они заключаются в стране, *правительство которой не внушает большого доверия*, они, кроме того, влекут за собою и такое неудобство, как повышение процента на капитал. Кто согласится ссужать свой капитал сельскому хозяину, фабриканту или торговцу из 5%, когда он может найти заемщика, который готов ему платить 7 или 8%? Таким образом, тот вид дохода, который называется прибылью на капитал, увеличился бы в ущерб потребителям. Повышение цены продуктов сократило бы их потребление. Кроме того, понизился бы спрос на другие производительные услуги, и они оплачивались бы хуже. Вся нация, за исключением капиталистов, пострадала бы при таком положении вещей». На вопрос: «Кто согласится ссужать свой капитал сельскому хозяину, фабриканту или торговцу из 5%, когда он может найти заемщика, который готов ему платить 7 или 8%», я отвечаю, что согласится всякий благоразумный и рассудительный человек. Если норма процента составляет там, где заимодавец рискует очень сильно, 7 или 8%, то почему эта норма должна быть так же высока в тех местах, где такого риска нет? Г-н Сэй допускает, что норма процента зависит от нормы прибыли, но из этого еще не следует, что норма прибыли зависит от нормы процента. Первая является причиной, вторая — следствием, и никакие обстоятельства не могут заставить их поменяться местами.

Но причины, влияющие таким образом на рыночную цену хлеба в Англии, не произвели бы никакого действия на его естественную цену или на действительные издержки производства. На производство хлеба не требовалось бы больше капитала или больше труда. Следовательно, если прибыль на капитал фермера до того времени равнялась прибыли на капитал других промышленников, то после повышения цен она поднялась бы значительно выше последней. Повышая прибыль на капитал фермера, премия действует как поощрение земледелия, и поэтому капитал будет извлекаться из обрабатывающей промышленности, чтобы быть вложенным в земледелие, до тех пор, пока не будет удовлетворен увеличившийся спрос для внешнего рынка. Тогда на внутреннем рынке опять установится естественная и необходимая цена хлеба, а прибыль снова вернется к своему обычному и установившемуся уровню. Возрастание предложения зерна, оказывая свое действие на внешний рынок, понизит также цену зерна в той стране, в которую оно вывозится, и ограничит, следовательно, прибыль экспортера самой низкой нормой, при которой он только согласится продолжать торговлю.

Итак, конечным результатом премии за вывоз хлеба является не повышение или понижение цены его на внутреннем рынке, а понижение цены его для иностранного потребителя. При этом цена может понизиться на всю сумму премии, если она прежде не была ниже на внешнем рынке, чем на внутреннем, и в меньшей степени, если цена хлеба на внутреннем рынке была выше цены его на внешнем.

Автор статьи о премиях за вывоз хлеба в «Edinburgh Review». v. V, показал очень ясно, какое влияние они имеют на спрос внутри страны и за границей. Он также справедливо заметил, что они не могут не способствовать развитию земледелия в экспортирующей стране, но он, повидимому, усвоил себе ошибочный взгляд, который уже ввел в заблуждение д-р Смит и многих других писателей, занимавшихся этим предметом. По его мнению, цена хлеба,—именно потому, что она в конечном счете регулирует заработную плату,—регулирует также цену всех товаров. Он говорит: «Повышая прибыль фермеров, премия поощряет развитие сельского хозяйства. Повышая цену хлеба для потребителей внутри страны, она на время уменьшает их покупательную силу по отношению к предметам жизненной необходимости и сокращает таким образом их реальное богатство. Очевидно, однако, что последнее действие может быть только временным: заработная плата потребителей-рабочих была уже установлена раньше путем конкуренции; тем же путем будет снова восстановлена старая норма благодаря увеличению денежной цены труда и *через ее посредство цены всех других товаров в соответствии с денежной ценой хлеба*. Следовательно, премия за вывоз в конце концов повысит денежную цену хлеба на внутреннем рынке, но не прямым

путем, а через посредство расширившегося спроса на внешнем рынке и последовавшего за этим повышения действительной цены хлеба внутри самой страны. *А это повышение денежной цены, как только оно распространится на другие товары, не преминет, конечно, упрочиться*».

Но если мне удалось показать, что возрастание денежной заработной платы не повышает цены товаров, а только уменьшает всегда прибыль, то из этого следует, что премия никогда не может привести к повышению цен товаров.

Но временное повышение цены хлеба, вызванное увеличением заграничного спроса, не произведет никакого действия на денежную цену [труда]¹. Повышение цены хлеба вызывается борьбой за то количество его, которое прежде предназначалось исключительно для внутреннего рынка. Рост прибыли привлекает в земледелие добавочный капитал, и в результате предложение увеличивается. Но пока это не произойдет, высокая цена является безусловной необходимостью, чтобы восстановить соотношение между потреблением и предложением, нарушенное повышением заработной платы. Повышение цены хлеба является следствием его скудости и служит в то же время средством для уменьшения спроса со стороны покупателей внутри страны. Если бы заработная плата возросла, увеличилась бы также конкуренция, и дальнейшее повышение цены хлеба опять явилось бы необходимым. В нашем исследовании действия, производимого премией, мы не предполагали какого-либо повышения в естественной цене хлеба, которой в конечном счете управляется его рыночная цена. Мы не предполагали, что для получения данного количества продукта требуется добавочное количество труда, а между тем только это может вызвать повышение естественной цены хлеба. Если бы естественная цена сукна составляла 20 шилл. за ярд, то большое расширение заграничного спроса могло бы увеличить его цену до 25 шилл. или больше; но прибыль, которую получал бы в этом случае фабрикант сукна, не преминула бы привлечь капитал в производство сукна, и, хотя спрос удвоился, утроился или даже учетверился бы, требуемое количество сукна в конце концов было бы получено, и, следовательно, цена сукна опять упала бы до его естественной цены, т. е. до 20 шилл. за ярд. Так, хотя бы мы ежегодно вывозили 200 тыс., 300 тыс. или 800 тыс. кварталов хлеба, необходимое количество его в конце концов производилось бы по естественной цене, которая изменяется только с изменением количества труда, требующегося для производства хлеба.

Быть может, ни одна часть заслуженно знаменитого труда Адама Смита не дает повода к стольким возражениям, как именно глава о премиях. Во-первых, он говорит о хлебе, как о товаре,

¹ [В первом и втором изданиях «заработной платы».]

производство которого не может увеличиться вследствие премии за вывоз; он неизменно предполагает, что премия действует только на уже произведенное количество хлеба и не служит стимулом к дальнейшему производству. «В урожайные годы,—говорит он,—премия чрезвычайно усиливает вывоз хлеба и удерживает цену его на внутреннем рынке на более высоком уровне, чем тот, до которого она упала бы при естественном ходе вещей. Хотя выдача премии в неурожайные годы часто прекращается, все же большой вывоз, вызываемый премией в урожайные годы, нередко в большей или меньшей степени мешает возможности покрыть недостаток хлеба одного года изобилием его в другие годы. Следовательно, премия как в урожайные годы, так и в неурожайные имеет тенденцию подымать денежную цену хлеба на внутреннем рынке несколько выше того уровня, на котором она находилась бы при других условиях»¹.

Адам Смит, повидимому, прекрасно знал, что правильность его аргументации всецело зависит от того, будет ли повышение «денежной цены хлеба, делающее этот товар более прибыльным для фермера, обязательно поощрять его производство».

«Я отвечаю,—говорит, он,—что это могло бы произойти в том случае, если бы премия вызвала повышение действительной цены хлеба или если бы она позволила фермеру содержать при помощи того же самого количества хлеба более значительное число рабочих так же щедро, умеренно или скудно, как другие рабочие вообще содержатся в его округе»*.

Если бы рабочий не потреблял ничего, кроме хлеба, и если бы его доля хлеба была наименьшей, требующейся для поддержания его жизни, то мы имели бы некоторые основания предпо-

¹ В другом месте он говорит: «Как бы ни было велико расширение иностранного рынка, вызванное премией, оно в каждом отдельном году совершается полностью за счет внутреннего, так как всякий бушель хлеба, вывезенный благодаря премии, при отсутствии последней оставался бы на внутреннем рынке, увеличивая потребление и понижая цену хлеба. Следует заметить, что премия за вывоз хлеба, как и всякая другая вывозная премия, налагает на население два различных налога: во-первых, налог, который оно должно вносить на уплату премии, и, во-вторых, налог, который возникает вследствие повышения цены товара на внутреннем рынке; а так как хлеб потребляется всем населением, то при премии за вывоз именно этого товара последний налог уплачивается всем народом. Следовательно, когда мы имеем дело с таким своеобразным товаром, как хлеб, второй налог является наиболее тяжелым». «Итак, на каждые 5 шилл., которые население вносит для уплаты первого налога, оно должно вносить еще 6 ф. ст. 4 шилл. на уплату второго». «Таким образом чрезмерный вывоз хлеба, вызванный премией, не только сокращает в каждом отдельном году внутренний рынок и отечественное потребление ровно настолько, насколько он расширяет внешний рынок и иностранное потребление: ограничивая население и промышленность страны, он имеет еще, кроме того, тенденцию ограничивать и задерживать постепенное расширение внутреннего рынка, и таким путем он с течением времени скорее уменьшает, чем увеличивает весь рынок и все потребление хлеба» (кн. IV, гл. V).

* [«Богатство народов», кн. IV, гл. V.]

лагать, что количество, уплачиваемое рабочему, ни при каких условиях не может быть уменьшено. Но на самом деле денежная заработная плата иногда совсем не повышается и никогда не повышается прямо пропорционально денежной цене хлеба, потому что хлеб составляет, правда, важный, но все же не единственный предмет потребления рабочего. Предположим, что одна половина заработной платы тратится на хлеб, а другая—на мыло, свечи, топливо, чай, сахар, одежду и т. д., т. е. на такие товары, цена которых, по нашему предположению, не повысилась; тогда рабочий будет, очевидно, одинаково хорошо оплачиваться, получая $1\frac{1}{2}$ бушеля пшеницы при цене ее в 16 шилл. за бушель или 2 бушеля при цене в 8 шилл. за бушель, получая деньгами 24 шилл. или, как прежде, 16 шилл. Его заработная плата возросла бы только на 50%, хотя цена хлеба увеличилась на 100%. А это было бы вполне достаточным побуждением для привлечения большего капитала к обработке земли при условии, что прибыль в других отраслях промышленности остается на том же уровне. Но такое повышение заработной платы побудило бы также фабрикантов извлечь свои капиталы из обрабатывающей промышленности и употребить их на обработку земли. В то время как фермер поднял бы цену своих произведений на 100%, а заработную плату только на 50, фабрикант был бы также вынужден повысить заработную плату на 50%, но за это увеличение издержек производства он не получил бы никакого вознаграждения в форме повышения цены его изделий. Вследствие этого капитал начнет приливать из обрабатывающей промышленности в земледелие, до тех пор пока предложение не понизит опять цену хлеба до 8 шилл. за бушель, а заработную плату до 16 шилл. в неделю. Тогда фабрикант будет получать такую же прибыль, как и фермер, и передвижение капитала из одной отрасли в другую прекратится. Именно так происходит всегда расширение земледелия и удовлетворяются возросшие нужды рынка. Фонд на содержание труда возрастает, и заработная плата поднимается. Благоприятное положение рабочего стимулирует браки, население увеличивается, и спрос на хлеб поднимает его цену в сравнении с другими товарами. Растет капитал, выгодно применяемый в земледелии; он продолжает приливать сюда до тех пор, пока предложение не сравняется со спросом, цены опять не упадут, а прибыль в обрабатывающей промышленности не поднимется опять до одного уровня с прибылью в земледелии.

Сохранит ли заработная плата после повышения цены хлеба свои прежние размеры, поднимется ли она слегка или очень сильно, это не имеет в данном случае никакого значения, потому что заработная плата выдается одинаково и фабрикантом и фермером. Следовательно, в этом отношении повышение цены хлеба одинаково затрагивает и того и другого. Но совершенно иначе отражается это повышение на их прибыли: фермер продает свой товар

по повышенной цене, тогда как фабрикант продает свои изделия по старой цене. А между тем именно различие в норме прибыли является всегда стимулом к передвижению капитала из одного занятия в другое. Вот почему будет производиться больше хлеба и меньше промышленных изделий. Цена последних не будет увеличиваться, потому что производство их уменьшится: известное количество их будет ведь получаться в обмен за вывозимый хлеб.

Если премия увеличивает цену хлеба, то она или повышает ее в сравнении с ценами других товаров или не повышает. В первом случае нельзя отрицать, что прибыль фермера значительно повысится и что капитал будет приливать в земледелие, пока цена хлеба не понизится снова вследствие обильного предложения. Но если премия не повышает цены хлеба в сравнении с ценами других товаров, то какой убыток терпит отечественный потребитель, кроме неудобства, которое сопряжено с уплатою налога? Если фабрикант платит более высокую цену за свой хлеб, то он получает вознаграждение в повышенной цене, по которой он продает свой товар, а за этот товар он в конце концов покупает свой хлеб.

Ошибка Адама Смита вытекает из того же самого источника, что и ошибка автора статьи в «Edinburgh Review». Оба они одинаково думают, что «денежная цена хлеба регулирует цену всех других товаров, производимых внутри страны»¹. «Она регулирует,—говорит Адам Смит,—денежную цену труда. Последняя должна быть такова, чтобы рабочий мог купить количество хлеба, достаточное для содержания его самого и его семьи. Смотри по тому, переживает ли общество состояние прогресса, застоя или упадка, предприниматель вынужден давать рабочему щедрое, умеренное или скудное содержание.

Регулируя денежную цену всех остальных сырых произведений, денежная цена хлеба регулирует также цену сырых материалов почти всех промышленных изделий. Регулируя денежную цену труда, она регулирует вместе с тем и цену труда на мануфактурах и в промыслах. А регулируя и ту и другую, она регулирует тем самым цену произведений всей промышленности. *Денежная цена труда и всякого предмета, являющегося продуктом земли или труда, должна необходимо повышаться или понижаться пропорционально денежной цене хлеба*»*.

Я уже прежде пытался опровергнуть это мнение Адама Смита. Считая повышение цен товаров необходимым последствием повышения цены хлеба, он рассуждает так, как будто нет другого фонда, из которого может быть уплачена эта прибавка к цене. Он совершенно пренебрег исследованием прибыли, а между тем

¹ Того же взгляда придерживается и г-н Сэй (т. II, стр. 335).

* [«Богатство народов», кн. IV, гл. V.]

именно за счет прибыли, без повышения цены товаров, и образуется этот фонд. Если бы мнение д-ра Смита было вполне обосновано, то прибыль никогда не могла бы понизиться в действительности, каково бы ни было накопление капитала. Если при повышении заработной платы фермер может повысить цену своего хлеба, если фабриканты сукна, шляп, обуви и все другие фабриканты могут также повысить цены своих товаров пропорционально повышению заработной платы, то даже при увеличении денежной цены всех этих товаров их относительная стоимость продолжала бы оставаться неизменной. Представитель каждой из этих отраслей промышленности получил бы такое же количество товаров, произведенных в других отраслях, как и прежде. А именно это обстоятельство больше всего интересует их, так как не деньги, а товары составляют богатство. Таким образом, повышение цен сырых произведений и других товаров было бы убыточно только для тех лиц, имущество которых состоит из золота и серебра, или тех, кто получает свой ежегодный доход в виде определенного количества этих металлов в форме слитков или монеты. Предположим, что люди отказались от употребления денег и что вся торговля совершается путем непосредственного обмена. Может ли при таких обстоятельствах меновая стоимость хлеба подняться по отношению к другим предметам? Если может, то неверно, что стоимость хлеба регулирует стоимость всех других товаров, так как для этого необходимо, чтобы его относительная стоимость не изменялась. Если не может, то мы имеем право утверждать, что независимо от того, получается ли хлеб с плодородной или с тощей земли, при помощи большого количества труда или малого, при помощи машин или без них, он всегда будет обмениваться на одинаковое количество всех других товаров.

Я не могу, однако, не отметить, что, хотя общее учение Адама Смита находится в полном согласии с только что цитированным местом, в одной из частей своего труда он все же характеризует правильно природу стоимости. «Отношение между стоимостью золота и серебра и стоимостью товаров всякого другого рода *зависит во всех случаях*,—говорит он,—*от отношения между количеством труда, необходимого для доставки известного количества золота и серебра на рынок, и количеством труда, необходимого для доставки туда же определенного количества всякого другого товара*»*. Разве он не признает в этом месте полностью, что при увеличении количества труда, необходимого для доставки на рынок товаров одного рода, и неизменном количестве труда, необходимого для доставки туда же товаров другого рода, относительная стоимость первого товара возрастает?

* [Кн. II, гл. II.]

Если для доставки на рынок сукна или золота требовалось бы не больше труда, чем прежде, то их относительная стоимость не изменилась бы, но если бы для доставки на рынок хлеба и обуви потребовалось больше труда, то разве не изменилась бы стоимость хлеба и обуви по отношению к сукну и золотой монете?

Адам Смит полагает опять-таки, что следствием вывозной премии явится также частичное понижение стоимости денег. «Такое понижение стоимости серебра,—говорит он,—которое является следствием богатства рудников и действие которого распространяется одинаково или почти одинаково на большую часть торгового мира, не имеет особенного значения для отдельной страны. Хотя следующее за этим повышение всех денежных цен не делает тех, кто получает эти повышенные цены, действительно богаче, оно все-таки не делает их беднее. Серебряный сервиз становится на самом деле дешевле, но все остальные товары сохраняют свою прежнюю действительную стоимость»*. Это замечание в высшей степени правильно.

«Но такое понижение стоимости серебра, которое, будучи следствием либо особого положения, либо мероприятий политических учреждений данной страны, ограничивается только пределами последней, имеет громадное значение. Оно не только не делает кого-либо более богатым, но, напротив, делает всякого более бедным. Повышение денежной цены всех товаров, составляющее в данном случае особенность этой страны, приводит к задержке развития в ней всякого рода промышленности. Таким образом, иностранные нации, которые доставляют все роды товаров за меньшее количество серебра, чем это могут сделать ее собственные работники, побеждают последних не только на иностранных рынках, но и на внутреннем»**.

В другом месте я уже пытался показать, что частичное понижение стоимости денег, которое затронуло бы одинаково сельскохозяйственные продукты и промышленные изделия, не может быть продолжительным. Сказать, что деньги в этом смысле потеряли часть своей стоимости, значит сказать, что все товары продаются по высоким ценам. Но так как золото и серебро могут без всяких препятствий употребляться для покупок на самом дешевом рынке, то они будут вывозиться в обмен на более дешевые товары других стран, а затем уменьшение их количества повлечет за собой повышение их стоимости внутри страны. Тогда цены товаров вернутся к своему обычному уровню и товары, приспособленные для внешнего рынка, начнут вывозиться, как и прежде.

Я думаю поэтому, что на этом основании нельзя возражать против премий.

* [Кн. IV, гл. V.]

** [Там же.]

Итак, если премия повышает цену хлеба в сравнении со всеми другими предметами, то фермер будет получать больше прибыли, и в обработку начнут поступать новые участки земли; но если премия не повышает стоимости хлеба в сравнении с другими предметами, то она не будет сопровождаться никаким другим неудобством, кроме необходимости платить ее,—неудобством, значение которого я не желаю ни отрицать, ни уменьшать.

Д-р Смит констатирует, что, «устанавливая высокие пошлины на ввоз хлеба и премии за вывоз его, землевладельцы, повидимому, подражали поведению фабрикантов»*. И те и другие одинаково старались повысить стоимость своих товаров с помощью одних и тех же средств. «Но землевладельцы, быть может, не обратили внимания на крупное и существенное различие, которое установлено природой между хлебом и почти всеми остальными предметами. Когда с помощью одного из указанных выше средств вы даете нашим фабрикантам возможность продавать товары по ценам, более высоким, чем те, которые они получили бы при других обстоятельствах, вы увеличиваете не только номинальную, но и реальную цену этих товаров. Вы увеличиваете не только номинальную, но и реальную прибыль, реальное богатство и доход этих владельцев мануфактур—одним словом, вы действительно поощряете развитие промышленности. Но когда с помощью таких же постановлений вы увеличиваете номинальную или денежную цену хлеба, вы вовсе не увеличиваете его реальную стоимость; вы не увеличиваете реальное богатство наших фермеров или землевладельцев и не способствуете развитию земледелия. Природа вещей придала хлебу реальную стоимость, которая не может быть изменена путем одного только изменения его денежной цены. Во всем мире стоимость эта равняется количеству труда, которое хлеб может содержать»**.

Я уже старался показать, что рыночная цена хлеба будет вследствие возрастания спроса под влиянием премии выше его естественной цены до тех пор, пока не будет получено требуемое добавочное количество, и что тогда она опять сравняется с естественной ценой. Но естественная цена хлеба устанавливается иначе, чем естественная цена товаров, так как при большом добавочном спросе на хлеб придется обратиться к обработке земли худшего качества и затратить для получения данного количества продукта больше труда, чем прежде. В результате естественная цена хлеба поднимется. Следовательно, при постоянной премии за вывоз хлеба создается тенденция к постоянному повышению его цены, а это, как я уже показал прежде¹, не преминет повысить ренту. Вот почему землевладельцы не только временно, но и по-

* [Кн. IV, гл. V.]

** [Кн. IV, гл. V. Текст этой цитаты представляет изложение своими словами.]

¹ См. главу о ренте.

стоянно заинтересованы в запрещении ввоза хлеба и в премиях за вывоз его. Что же касается фабрикантов, то они только временно заинтересованы во введении высоких ввозных пошлин и премий за вывоз товаров.

Несомненно, что премия за вывоз промышленных изделий повысит на время, как думает и Адам Смит, их рыночную цену, но она не окажет никакого влияния на их естественную цену. Труд 200 чел. произведет в два раза больше товаров, чем прежде труд 100 чел. Поэтому, когда будет затрачено количество капитала, требуемое для производства добавочного количества промышленных изделий, цена последних опять сравняется с их естественной ценой, и исчезнут все выгоды, связанные с высокой рыночной ценой. Следовательно, фабриканты будут пользоваться высокой прибылью только до тех пор, пока рыночная цена промышленных изделий будет еще высока и добавочное количество не будет доставлено на рынок. А как только цены вновь понизятся, прибыль фабрикантов также вернется к своему обычному уровню.

Поэтому я не только не могу согласиться с Адамом Смитом, что землевладельцы меньше заинтересованы в запрещении ввоза хлеба, чем фабриканты в запрещении ввоза промышленных изделий, но, напротив, думаю даже, что первые заинтересованы в нем гораздо больше, потому что их выигрыш—постоянный, тогда как выигрыш фабрикантов—только временный. Д-р Смит замечает, что природа установила крупное и существенное различие между хлебом и другими предметами, но вывод, который вытекает из этого обстоятельства, прямо противоположен тому, который делает он. Именно в силу этого различия создается рента, и землевладельцы заинтересованы в повышении естественной цены хлеба. Вместо того чтобы сравнивать интересы фабриканта с интересами землевладельца, д-р Смит должен был бы сравнить интересы первого с интересами фермера, сильно отличающимися от интересов землевладельца. Как фабриканты мало заинтересованы в повышении цены своих товаров, так и фермеры мало заинтересованы в повышении цены хлеба или сырых произведений, хотя и те и другие выигрывают в том случае, когда рыночная цена продуктов выше их естественной цены. Напротив, землевладельцы очень сильно заинтересованы в повышении естественной цены хлеба, ибо повышение ренты является необходимым следствием трудности производства сырых произведений, без которой не может увеличиться естественная цена хлеба. А так как премии за вывоз и запрещение ввоза хлеба увеличивают спрос на него и заставляют нас переходить к обработке более бедных земель, то они неминуемо влекут за собой возрастание трудности производства.

Единственным последствием высоких ввозных пошлин на промышленные изделия и хлеб или премий за их вывоз является

отлив капитала в такие отрасли производства, в которые он при естественном ходе вещей не направился бы. Это приводит к крайне пагубному распределению общих фондов общества, так как такой отлив вводит фабриканта в искушение продолжать дело или даже начинать его в сравнительно невыгодной отрасли производства. Пошлины и премии представляют притом же худший вид обложения, потому что они не отдаются даже чужой стране всего, что они берут у собственной: баланс причиняемых ими потерь определяется наименее выгодным распределением всего капитала. Так, если цена хлеба в Англии составляет 4 ф. ст., а во Франции 3 ф. ст. 15 шилл., то премия в 10 шилл. уменьшит в конечном счете цену хлеба во Франции до 3 ф. ст. 10 шилл., а в Англии будет поддерживать ту же цену в 4 ф. ст. За каждый квартал вывозимого хлеба Англия платит налог в 10 шилл. На каждом квартале хлеба, ввозимого во Францию, она выигрывает только 5 шилл., так что стоимость в 5 шилл. на квартал безусловно теряется для всего мира благодаря такому распределению его фондов, которое приводит к сокращению производства, вероятно, не хлеба, а какого-нибудь другого предмета необходимости или удовольствия.

Г-н Бьюкенен видел, повидимому, что аргументация д-ра Смита в вопросе о премиях не совсем правильна. Он совершенно справедливо замечает по поводу места, которое я цитировал выше: «Утверждая, что природа придала хлебу такую реальную стоимость, которая не может быть изменена путем одного только изменения денежной цены, д-р Смит просто смешивает потребительную стоимость с меновой. Бушель пшеницы в неурожайный год прокормит не больше людей, чем в урожайный. Но бушель пшеницы при неурожае будет обмениваться на большее количество предметов роскоши и комфорта, чем в урожайный год. Поэтому землевладельцы, которые располагают излишком хлеба, в неурожайные годы обогащаются, так как они обменивают свой излишек на более значительную стоимость в других предметах, чем в урожайный год. Нельзя, следовательно, утверждать, что если премия форсирует вывоз хлеба, то она не вызывает также и реального роста цены». Мне лично вся аргументация г-на Бьюкенена по вопросу о премиях кажется вполне ясной и удовлетворительной.

Впрочем, по вопросу о влиянии повышения цены труда на промышленные изделия г-н Бьюкенен, по моему мнению, разделяет ошибочные взгляды д-ра Смита и автора статьи в «Edinburgh Review». Исходя из своей особенной точки зрения, уже отмеченной мною раньше, он думает, что цена труда не находится ни в какой связи с ценой хлеба и что, следовательно, реальная стоимость хлеба может возрастать и возрастает, нисколько не влияя на цену труда. Но если бы цена труда действительно возросла, то г-н Бьюкенен утверждал бы вместе с Адамом Смитом и авто-

ром статьи в «Edinburgh Review», что цена промышленных изделий также поднялась бы. Я не вижу, однако, каким образом он сумел бы отличить такое повышение цены хлеба от повышения его в силу падения стоимости денег или каким путем он мог прийти к другому заключению, чем Адам Смит. В примечании к стр. 276 первого тома «Богатства народов» г-н Бьюкенен замечает, что «цена хлеба не регулирует денежную цену всех других частей сырого продукта земли. Она не регулирует ни цены металлов, ни цены других полезных материалов, как уголь, дерево, камень и т. д. *А так как она не регулирует цену труда, то она не регулирует и цену промышленных изделий.* Таким образом, премия, поскольку она повышает цену хлеба, несомненно, доставляет фермеру действительный выигрыш. Следовательно, на этом основании еще нельзя защищать политику премии. Мы можем допустить, что премии, повышая цену хлеба, поощряют развитие земледелия. Но тогда возникает вопрос, следует ли поощрять развитие земледелия таким путем?» Итак, по мнению г-на Бьюкенена, премия доставляет фермеру выигрыш, потому что не повышает цены труда. А если бы она произвела это действие, то она подняла бы соответственно цены всех остальных товаров и в таком случае не являлась бы для земледелия особым поощрением.

Впрочем, следует признать, что премия за вывоз какого-нибудь товара имеет тенденцию поднимать в небольшой степени стоимость денег. Все, что облегчает вывоз, способствует накоплению денег в стране. И, наоборот, все, что мешает вывозу, имеет тенденцию уменьшать количество денег в стране. Всякий налог, повышая цены обложенных товаров, имеет тенденцию уменьшать вывоз и, следовательно, задерживать приток денег. В силу того же принципа премия усиливает приток денег. Все это было объяснено нами более полно при общем рассмотрении вопроса о налогах.

Вредные последствия меркантилистской системы были подробно изложены д-ром Смитом. Единственная цель этой системы состояла в повышении цен товаров на внутреннем рынке путем исключения иностранной конкуренции. Но для земледельческих классов эта система была не более вредна, чем для какой-либо другой части общества. Толкая капитал в такие каналы, в которые он при других условиях не направился бы, она уменьшала общую сумму производимых товаров. Хотя цены товаров были постоянно высокими, они держались на этой высоте не вследствие недостатка в товарах, а благодаря трудности их производства. Поэтому, хотя продавцы этих товаров и продавали их по более высоким ценам, они перестали бы получать более высокую прибыль, как только на производство товаров было бы затрачено требуемое количество капитала¹.

¹ По мнению г-на Сэя, выгоды отечественных фабрикантов были бы не только временными. «Правительство, безусловно запрещающее ввоз определенных иностранных товаров, устанавливает монополию в пользу тех,

Но и сами фабриканты как потребители должны платить добавочную цену за такие товары. Будет поэтому неправильно сказать, что «повышение цены, вызванное обоими факторами (законодательством о корпорациях и высокими пошлинами на ввоз иностранных товаров), в конце концов всюду оплачивается землевладельцами, фермерами и рабочими данной страны».

Мы считаем тем более необходимым сделать это замечание, что в настоящее время землевладельцы ссылаются на авторитет Адама Смита при защите таких же высоких пошлин на ввоз иностранного хлеба. На том основании, что ошибки законодательства привели к увеличению издержек производства, а вместе с ними и цен различных промышленных товаров для потребителей, нам предлагают во имя справедливости спокойно подчиниться новым поборам. На том основании, что все мы платим добавочную цену за наше полотно, муслин, а также бумажные ткани, считается справедливым, чтобы мы платили добавочную цену и за наш хлеб. На том основании, что при общем распределении труда всего мира мы лишили себя возможности получать большинство продуктов путем приложения нашего труда в обрабатывающей промышленности, мы должны еще и дальше наказывать себя, уменьшая производительные силы общего труда при производстве сырых произведений. Мы поступили бы мудрее, если бы сознали свои заблуждения, к которым нас привела ошибочная политика, и немедленно начали бы постепенно переходить к здоровым принципам всеобщей свободной торговли¹.

кто производит эти товары внутри страны, и *в ущерб тем*, кто потребляет их; другими словами, отечественные производители, пользуясь исключительной привилегией при продаже своих товаров, могут поднять цены этих товаров выше их естественной цены, а потребители, не имея возможности приобрести эти товары в другом месте, вынуждены покупать их по более высоким ценам» (v. I, p. 201).

Но каким образом могут эти производители постоянно поддерживать рыночную цену своих товаров выше их естественной цены, если каждый из их сограждан может свободно заняться тем же промыслом? Они гарантированы только от иностранной конкуренции, но не от внутренней. Действительное зло, которое возникает для страны вследствие таких монополий, если только в данном случае можно употребить этот термин, заключается не в повышении рыночной цены таких товаров, а в повышении их действительной и естественной цены. Вследствие возрастания издержек производства часть труда страны будет применена менее производительно.

¹ «Страна, которая подобно Великобритании изобилует самыми разнообразными промышленными изделиями, товары которой могут удовлетворить потребности всякого общества, нуждается только в свободе торговли, чтобы быть гарантированной от недостатка в хлебе. Народы, живущие на земле, вовсе не осуждены бросать жребий, кому из них подвергнуться бедствиям голода. В мире всегда имеется изобилие пищевых продуктов. Чтобы наслаждаться постоянным изобилием, нам достаточно отказаться от всяких ограничений и запретов и перестать противодействовать благодетельной мудрости providения» (статья «Хлебные законы и торговля» в дополнительном томе «Encyclopaedia Britannica»). [Это примечание имеется только во втором и третьем изданиях.]

«Я уже имел случай заметить,—пишет г-н Сэй, говоря о том, что неправильно называется торговым балансом,—что если купец находит более выгодным вывозить в другие страны не товары, а драгоценные металлы, то это выгодно и для самого государства, так как последнее выигрывает или теряет только через посредство своих граждан. Что касается внешней торговли, то выгода частного лица является также выгодой государства. Поэтому всякая попытка ставить какие-либо препятствия вывозу драгоценных металлов частными лицами приведет только к тому, что они вынуждены будут вывозить какой-нибудь другой товар, но уже с меньшей прибылью как для себя самих, так и для государства. Впрочем, следует заметить, что я говорю только о *внешней торговле*, потому что прибыль, которую получают купцы, имея дело со своими согражданами, так же как и прибыль, получаемая от монопольной торговли с колониями, не является всецело выигрышем государства. В торговле между гражданами одной и той же страны нет другого выигрыша, кроме стоимости произведенной полезности, *que la valeur d'une utilité produite*» (v. I, p. 401)¹. Я не могу уловить различия, делаемого здесь между прибылью, получаемой во внутренней торговле, и прибылью, получаемой во внешней. Цель всякой торговли заключается в увеличении количества продуктов. Если для покупки бочки вина я имел бы возможность вывезти слиток серебра, который был куплен за продукт стоимостью в 100 дней труда, но правительство, запретив вывоз слитков, заставило бы меня купить вино за товар стоимостью в 105 дней труда, то я,—а вместе со мною и правительство,—потерял бы продукт пяти дней труда. Но если бы такие сделки были заключены между частными лицами, живущими в различных провинциях одной и той же страны, то и для них и для страны было бы одинаково выгодно, чтобы они были свободны в выборе товаров, с помощью которых они делают покупки; наоборот, как для них, так и для страны было бы одинаково невыгодно, чтобы правительство заставило их расплачиваться наименее выгодным для них товаром. Если бы с помощью одного и того же капитала фабрикант мог обработать больше железа там, где уголь находится в изобилии, чем там, где в угле чувствуется недостаток, то страна оказалась бы в выигрыше на всю

¹ Не противоречат ли приведенному выше взгляду г-на Сэя следующие отрывки: «Помимо этого внутренняя торговля, хотя на нее обращают меньше внимания (потому что она находится в руках самых различных людей), является наиболее значительной по своим размерам, а следовательно, и наиболее прибыльной. Товары, обмениваемые в этой торговле, обязательно являются продуктами той же самой страны» (v. I, p. 84).

«Английское правительство не заметило, что наиболее прибыльными продажами являются те, которые совершаются внутри самой страны, так как они не могут иметь места без того, чтобы нация не произвела две стоимости: стоимость, которая продается, и стоимость, за которую она покупается» (v. I, p. 221). В гл. XXVI я исследую доброкачественность этой теории.

разницу. Но если бы недостаток в угле чувствовался всюду и предприниматель ввозил бы железо, производя для получения добавочного количества последнего с помощью того же капитала и труда какой-нибудь товар, то он также доставил бы своей стране выигрыш в размере добавочного количества железа. В шестой главе этого труда я старался уже доказать, что всякая торговля, внутренняя или внешняя, приносит выгоду не тем, что она увеличивает стоимость продуктов, а тем, что она увеличивает их количество. Мы не получим более значительную стоимость, будем ли мы вести самую выгодную внешнюю и внутреннюю торговлю или же вследствие запретительных законов будем вынуждены довольствоваться наименее выгодной. Как норма прибыли, так и произведенная стоимость останутся без изменения. Выгода всегда сведется к тому, что г-н Сэй, повидимому, считает преимуществом одной только внутренней торговли. В обоих случаях выигрыш один и тот же: это—стоимость какойнибудь *utilité produite*.

ГЛАВА XXIII

ПРЕМИИ ЗА ПРОИЗВОДСТВО

Будет, пожалуй, бесполезно рассмотреть также влияние, оказываемое премией за *производство* сырых произведений и других товаров. Мы могли бы при этом проследить действие принципов, которые я старался установить по вопросам о прибыли с капитала, о разделении годового продукта земли и труда и об относительных ценах на промышленные изделия и сырые произведения. Предположим сначала, что на все товары устанавливается налог с целью образования фонда, из которого правительство могло бы выдавать премии за *производство* хлеба. Так как ни одна часть этого налога не будет израсходована правительством, так как все, что будет получено от одного класса общества, будет возвращено другому, то нация как коллектив ничего не выиграет и не потеряет от такого налога и премии. Всякий легко согласится, что налог на товары, из которого образуется фонд, поднимет цены обложенных товаров. Поэтому все потребители этих товаров будут в одинаковой степени способствовать созданию такого фонда; другими словами, так как повысилась естественная или необходимая цена товаров, то повысится также и их рыночная цена. Но по тем же причинам, в силу которых повысилась естественная цена этих товаров, понизится естественная цена хлеба. До установления премии за производство фермеры получали за свой хлеб столь большую цену, что она оплачивала ренту и расходы и давала им обычную норму прибыли. После установления премии они будут получать более высокую прибыль, если только цена хлеба не упадет на сумму, равную по крайней мере премии. Таким образом, следствием налога и премии явится

повышение цены товаров на сумму, равную налогу, который взимается с них, и понижение цены хлеба на сумму, равную выплачиваемой премии. Следует еще заметить, что в распределении капитала между земледелием и обрабатывающей промышленностью не может произойти какое-либо длительное изменение, ибо, раз не произойдет никакого изменения ни в количестве капитала, ни в численности населения, спрос на хлеб и на промышленные изделия останется точно таким же, как и прежде. Прибыль фермера после падения цены хлеба будет не выше общего уровня, и прибыль фабриканта не понизится после повышения цены промышленных изделий. Таким образом, премия не увеличит количества капитала, употребляемого на производство хлеба, и не уменьшит количества капитала, затраченного на производство промышленных изделий. Но как отразится премия на интересах землевладельца? Согласно тем же принципам, в силу которых налог на сырые произведения понижает хлебную ренту с земли, оставляя без изменения денежную ренту, премия за производство, представляющая прямую противоположность налогу, повысит хлебную ренту, но оставит без изменения денежную ренту¹. Получая ту же самую денежную ренту, землевладелец платил бы более высокие цены за промышленные изделия и более низкие за хлеб, поэтому он, вероятно, не стал бы ни богаче, ни беднее.

Остается теперь исследовать, какое влияние премия окажет на заработную плату. Для этого нужно решить вопрос, будет ли рабочий при покупке товаров уплачивать в виде налога столько же, сколько он получает вследствие понижения цены хлеба, последовавшего за установлением премии. Если эти две суммы будут равны, то заработная плата останется без изменения, но если обложенные товары не принадлежат к числу тех, которые потребляются рабочим, его заработная плата понизится и вся разница пойдет в пользу предпринимателя. Но для последнего это не является действительной выгодой. Конечно, норма прибыли его повысится, как это всегда происходит в случае падения заработной платы. Но чем меньше рабочий будет участвовать в образовании фонда, из которого выплачиваются премии и который, это следует помнить, должен быть собран с помощью налога, тем больше должен будет платить предприниматель. Другими словами, предприниматель будет участвовать в уплате налога своими расходами ровно настолько же, насколько он выиграет от премии и более высокой нормы прибыли, вместе взятых. Он получает более высокую норму прибыли, которая должна возместить ему уплату не только его собственной доли налога, но и доли его рабочего. Вознаграждение, которое он получает за уплату доли рабочего, выражается в уменьшенной заработной плате или, что то же самое, в возросшей прибыли, а вознаграждение за долю

¹ См. главу IX.

налога, уплачиваемую им за себя лично, выражается благодаря премии в уменьшении цены потребляемого им хлеба.

Теперь вполне уместно будет отметить различное действие, которое оказывают на прибыль с капитала изменение действительной трудовой или естественной стоимости хлеба и изменение относительной стоимости хлеба вследствие обложения и вследствие премии. Если цена хлеба понизилась вследствие изменения его трудовой цены, то изменится не только норма прибыли с капитала, [но улучшится также положение капиталиста. Несмотря на увеличение его прибыли, он будет платить за предметы, на которые он расходовал ее, не больше, чем прежде]*, но, как мы только что видели, этого не будет, если понижение вызывается искусственной премией. При действительном падении стоимости хлеба, происходящем оттого, что на производство этого наиболее важного для потребления человека предмета требуется меньше труда, последний становится более производительным. При помощи того же капитала затрачивается тот же труд, а в результате получается увеличение количества продуктов. Тогда не только возрастает норма прибыли**, [но улучшается также и положение того, кто получает эту прибыль]***. Каждый капиталист будет иметь не только более значительный денежный доход при использовании того же денежного капитала, но и при расходовании этих денег он получит за них большее количество товаров, а значит и больше предметов удовольствия. В случае установления премии выгода, которую он получает от падения цены одного товара, компенсируется невыгодой, которая проистекает для него вследствие необходимости платить за другой товар цену, возросшую в еще большем отношении. Он получает более высокую норму прибыли, чтобы иметь возможность платить более высокую цену. Таким образом, его действительное положение хотя и не ухудшается, все-таки несколько не улучшается. Он, правда, получает более высокую норму прибыли, но он не имеет в своем распоряжении более значительного количества продукта земли и труда своей страны. Если падение стоимости хлеба вызвано естественными причинами, то действие его не парализуется повышением цены других товаров. Напротив, стоимость последних падает вследствие падения стоимости сырого материала, из которого они сделаны. Когда же падение стоимости хлеба вызвано искусственным путем, оно всегда парализуется реальным повышением стоимости некоторых других товаров. И если хлеб в этом случае может быть куплен дешевле, то другие товары стоят дороже.

Итак, мы имеем еще одно доказательство того, что налоги на предметы насущной необходимости не представляют никаких

* [В первом и втором изданиях было сказано: «но и абсолютная прибыль».]

** [В третьем издании выпущены слова: «но и абсолютная прибыль с капитала».]

*** [Вставка сделана в третьем издании.]

особенных неудобств, поскольку речь идет о повышении заработной платы и понижении нормы прибыли. Прибыль действительно понижается, но только на сумму, равняющуюся доле рабочего в уплате налога, а эта доля должна быть уплачена во всяком случае или предпринимателем или потребителем продукта труда рабочего. Будете ли вы вычитать ежегодно 50 ф. ст. из дохода предпринимателя или прибавите 50 ф. ст. к цене потребляемых им товаров,—это обстоятельство имеет для него или для общества значение лишь постольку, поскольку оно может затронуть одинаково и все остальные классы общества. Если бы эта сумма была присоединена к цене товаров, скряга мог бы уклониться от налога, воздержавшись от потребления, но если бы она была вычтена из дохода каждого человека косвенным путем, то наш скряга не мог бы уклониться от уплаты справедливо падающей на него доли государственных повинностей.

Таким образом, премия за производство хлеба не оказала бы никакого действительного воздействия на годовой продукт земли и труда страны, хотя она сделала бы хлеб относительно дешевым, а промышленные изделия относительно дорогими. Но предположим теперь, что принята противоположная мера, что устанавливается налог на хлеб с целью собрать фонд, из которого выплачивалась бы премия за производство товаров.

Очевидно, что в этом случае хлеб будет дорог, а остальные товары—дешевы. Цена труда осталась бы без изменения, если бы рабочий выиграл вследствие дешевизны промышленных товаров ровно столько, сколько он теряет вследствие дороговизны хлеба. Но если бы случилось иначе, заработная плата повысилась бы, а прибыль упала бы, между тем как денежная рента сохранила бы свои прежние размеры. Прибыль упала бы потому, что, как мы только что объяснили, предприниматель уплачивал бы часть налога, причитающуюся на долю рабочего, именно таким способом. Повышение заработной платы вознаградило бы рабочего за налог, который он уплачивает благодаря увеличению цены хлеба. Если бы он не тратил ни одной части своей заработной платы на промышленные товары, он не получил бы ни одной части премии. Последняя была бы целиком получена предпринимателями, и налог был бы отчасти уплачен рабочими, которые получили бы вознаграждение в форме прибавки к заработной плате за новую тяжесть, возложенную на них. Норма прибыли таким образом понизилась бы. В этом случае мы имели бы дело с очень сложным мероприятием, которое не привело бы ни к каким последствиям для нации.

При рассмотрении этого вопроса мы намеренно оставили вне нашего анализа влияние такого мероприятия на внешнюю торговлю. Мы скорее предполагали, что имеем дело с изолированной страной, не имеющей никаких торговых связей с другими странами. Мы видели, что при неизменном спросе страны на хлеб и на другие

товары капитал не будет иметь никакого побуждения передвигаться из одного занятия в другое, какое бы направление ни приняла премия. Но все изменилось бы, если бы существовала внешняя торговля и если бы эта торговля была свободна. Изменяя относительную стоимость товаров и хлеба, оказывая могучее воздействие на их естественные цены, мы дали бы сильный толчок вывозу тех товаров, естественные цены которых понизились, и такой же толчок ввозу товаров, естественные цены которых повысились. Таким образом, рассматриваемая финансовая мера могла бы полностью изменить естественное распределение различных занятий. Это принесло бы выгоду иноземным странам и принесло бы разорение той стране, в которой была бы принята такая бессмысленная политика.

ГЛАВА XXIV

УЧЕНИЕ АДАМА СМИТА О ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЕ

«На рынок может обыкновенно доставляться,—говорит Адам Смит,—только та часть продукта земли, обычная цена которой вполне достаточна, чтобы возместить капитал, затраченный на производство, плюс обычная прибыль на капитал. Если обычная цена выше этой цены, то излишек ее, естественно, пойдет в пользу земельной ренты. *Если же обычная цена не выше, то, хотя товар и может быть доставлен на рынок, он не может дать землевладельцу никакой ренты.* Будет ли обычная цена выше или ниже указанного уровня, зависит от размеров спроса»*.

Эта цитата должна была бы, конечно, привести читателя к выводу, что автор хорошо понял природу ренты и что он должен был знать также, что качество земли, обработки которой могут потребовать нужды общества, зависит от *«обычной цены ее продукта»*, от того, будет ли она *«достаточной, чтобы возместить капитал, затраченный на производство, плюс обычная прибыль на капитал»*.

Но автор в то же время полагает, что «существуют некоторые части продукта земли, спрос на которые всегда так велик, что цена их может быть выше той, какая нужна для доставки их на рынок»**. Он считал пищу одной из таких частей.

Он утверждает, что «при любом почти положении земля производит большее количество предметов пищи, чем нужно для содержания труда, необходимого для доставки их на рынок, хотя бы это содержание было самым щедрым, какое только дается труду. Этот излишек всегда более чем достаточен для возмещения капитала, давшего занятие труду, вместе с его прибылью. Следо-

* [Кн. I, гл. XI.]

** [Там же.]

вательно, всегда имеется остаток для уплаты ренты землевладельцу»*.

Какое же доказательство приводит д-р Смит в защиту этого взгляда? Одно только утверждение, что «самые бесплодные болотистые местности в Норвегии и Шотландии производят кое-какой корм для скота, дающего молоко и приплод; количество же последних достаточно не только для содержания труда, необходимого для ухода за скотом, и для уплаты обычной прибыли фермеру или хозяину стада или табуна, но и для уплаты какой-нибудь небольшой ренты землевладельцу»**. Так вот, я позволю себе усомниться в верности этого утверждения. Я с своей стороны полагаю, что пока что во всякой стране, от наименее культурной до наиболее цивилизованной, существует земля такого качества, которая не может доставлять количество продукта, более чем достаточное для возмещения затраченного на нее капитала, плюс обычная для этой страны прибыль. Все мы знаем, что так обстоит дело в Америке, и все-таки никто не будет утверждать, что принципы, регулирующие ренту в Америке, совершенно другие, чем в Европе. Но если бы даже земледелие в Англии действительно достигло такой высокой ступени развития и у нас теперь не было бы ни одного клочка земли, который не приносил бы ренты, то не менее достоверно, что прежде такие земли должны были существовать. Впрочем, вопрос о том, существовали ли такие земли или нет, в данном случае не имеет никакого значения. Если только в Великобритании имеется какой-нибудь капитал, затраченный на землю, которая возмещает один лишь капитал плюс прибыль на него, то решительно все равно, затрачен ли он на старую или на новую землю. Арендуя участок земли на срок в семь или четырнадцать лет, фермер может решить затратить на него капитал в 10 тыс. ф. ст., так как он знает, что при существующих ценах на зерно и сырые произведения он может возместить ту часть своего капитала, которую он обязан затратить, а затем уплатить ренту и получить общую норму прибыли. Но он не затратит 11 тыс. ф. ст., если только последняя тысяча фунтов стерлингов не может быть затрачена так производительно, чтобы дать ему обычную прибыль на капитал. Подсчитывая, стоит ли ему затратить дополнительный капитал или нет, он спрашивает только, будет ли цена сырых произведений достаточна, чтобы возместить его расходы и дать ему прибыль, так как он знает, что ему не придется платить дополнительную ренту. Даже по окончании срока аренды рента фермера не будет повышена, ибо если бы землевладелец хотел повысить ренту только потому, что на землю затрачен дополнительный капитал в 1 тыс. ф. ст., то фермер взял бы свой капитал обратно. Ведь мы предположили,

* [Кн. I, гл. XI].

** [Там же.]

что, затратив этот капитал, фермер получит только установленную и обычную прибыль, которую он мог бы получить при всяком другом употреблении капитала. Следовательно, он не может согласиться платить добавочную ренту, если только цена сырых произведений не повысится еще больше или, что сводится к тому же, если обычная средняя норма прибыли не упадет.

Если бы Адам Смит с его проницательным умом обратил внимание на этот факт, он не утверждал бы, что рента есть одна из составных частей цены сырых произведений: ведь цена их всюду регулируется доходом той последней части капитала, за которую не платится никакой ренты. Если бы ему был известен этот принцип, он не делал бы никакого различия между законами, которые регулируют ренту с рудников, и законами, которые регулируют земельную ренту.

«Будет ли, например, каменноугольная копь давать ренту или нет,—говорит д-р Смит,—зависит отчасти от ее богатства, отчасти от ее местоположения. Та или иная копь может быть названа богатой или бедной, смотря по тому, насколько количество угля, добываемое из нее при помощи определенной затраты труда, будет больше или меньше того количества, какое может быть добыто при такой же затрате труда из большей части других копей того же рода. Некоторые каменноугольные копи не могут разрабатываться, несмотря на их выгодное положение, потому что они дают мало угля. Добыча не оплачивает даже расходов. Такие копи не дают ни прибыли, ни ренты. Есть и другие копи, продукта которых едва хватает на оплату труда и возмещение затраченного на их разработку капитала плюс обычная прибыль на него. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю, но не доставляют никакой ренты землевладельцу. Они могут разрабатываться с выгодой только самим землевладельцем, который, являясь простым предпринимателем, получает обычную прибыль на затраченный им капитал. Многие каменноугольные копи в Шотландии разрабатываются именно таким способом, да иначе и не могли бы разрабатываться. Владелец земли не допустит никого к разработке их без уплаты ему ренты, но никто не сможет платить ему какую-либо ренту.

Другие каменноугольные копи в той же стране достаточно богаты, но их нельзя разрабатывать вследствие их местоположения. С помощью обычного или даже меньшего, чем обычное, количества труда из них можно добыть количество минерала, которого хватило бы на покрытие издержек разработки, но в местности, находящейся внутри страны, малонаселенной и лишенной хороших дорог или водных путей сообщения, это количество не может быть продано»*. Весь принцип ренты разъяснен здесь превосходно и вполне понятно, но каждое слово может быть

* [Кн. I, гл. XI.]

отнесено с таким же основанием к земле, как и к рудникам. Однако Адам Смит утверждает, что «иначе обстоит дело с имениями на поверхности земли. Отношение между стоимостью их продукта и их рентой определяется отношением последних не к относительному плодородию этих земель, а к их абсолютному плодородию». Но предположим, что нет никакой земли, которая не приносила бы ренты. В этом случае рента с самой плохой земли должна быть пропорциональна избытку стоимости продукта над затратами капитала и обычной прибылью на капитал. Тот же самый принцип будет управлять рентой с земель несколько лучшего качества или лучше расположенных, и, следовательно, рента с этих земель будет вследствие их преимущества выше ренты с земель низшего качества. То же самое можно сказать о землях еще более плодородных и т. д. вплоть до самых плодородных. Не очевидно ли после этого, что именно относительное плодородие земли определяет часть продукта, которая выплачивается в виде земельной ренты, точно так же как относительное богатство рудников определяет часть продукта, которая уплачивается в виде ренты с рудников?

После того как Адам Смит заявил, что есть такие копи, которые могут разрабатываться только собственниками, ибо доставляемого ими количества продуктов хватает лишь на возмещение издержек обработки и обычную прибыль на затраченный капитал, мы были бы вправе ожидать, что, по его мнению, именно эти копи будут регулировать цены продукта, [добываемого из всех копей]*. Если старые копи не могут доставить всего требуемого количества, то цена угля поднимется и будет продолжать подниматься, пока собственник новой и более бедной копи не найдет, что, разрабатывая ее, он может получить обычную прибыль на свой капитал. Если она не принадлежит к числу очень бедных, то повышение цены угля не должно быть особенно значительным, чтобы собственник копи нашел выгодным затратить свой капитал на ее разработку. Но если копь принадлежит к числу очень бедных, то цена должна подниматься до тех пор, пока она даст собственнику копи возможность покрыть все расходы и получить обычную прибыль на капитал. Таким образом цена угля, казалось бы, всегда регулируется наименее богатыми копиями. Однако Адам Смит держится другого взгляда. Он замечает, что «наиболее богатые каменноугольные копи регулируют цену угля для всех соседних копей. И собственник копи и предприниматель одинаково находят, что один может получить более значительную ренту, а другой—более значительную прибыль, если они будут продавать уголь по несколько более низкой цене, чем их соседи. Последние скоро вынуждены будут продавать свой уголь по той же цене, хотя им будет очень трудно сделать это и хотя это всегда

* [Вставка сделана только в третьем издании.]

уменьшает, а иногда и совсем лишает их и ренты и прибыли. Некоторые копи совершенно забрасываются, а другие перестают приносить ренту и могут поэтому разрабатываться только собственником копи»*. Если спрос на уголь уменьшится или если благодаря усовершенствованию процесса добычи угля количество его увеличится, то цена его упадет и разработка некоторых копей прекратится. Но во всяком случае цена угля должна быть достаточно, чтобы оплатить расходы и прибыль по разработке копи, не обремененной рентой. Следовательно, цена регулируется наименее богатыми копиями. Адам Смит, правда, сам соглашается с этим в другом месте, когда он говорит, что «самой низкой ценой, по которой уголь может продаваться в течение сколько-нибудь продолжительного времени, может быть, как и для других товаров, только такая цена, которая только лишь достаточно для возмещения капитала, затраченного для доставки угля на рынок, вместе с обычной прибылью на капитал. Если речь идет о каменноугольной копи, за которую ее владелец не может получить ренты и которую он должен или сам разрабатывать или совсем забросить, то цена угля должна, как правило, находиться на указанном выше уровне»**.

Но те же самые обстоятельства, т. е. изобилие и соответствующая дешевизна угля, какими бы причинами они ни вызывались, которые вынудили бы забросить копи, дающие только очень незначительную ренту или вовсе не дающие никакой ренты, заставили бы—при таком же изобилии и дешевизне сырых произведений—прекратить обработку земель, дающих только очень незначительную ренту или вовсе не дающих никакой ренты. Если бы, например, картофель стал таким же всеобщим и обычным предметом потребления народа, как рис в некоторых странах, то одна четверть или половина земли, находящейся теперь в обработке, была бы, вероятно, сейчас же заброшена. Если, как уверяет Адам Смит, «один акр земли под картофелем дает 6 тыс. весовых единиц доброкачественной пищи, или втрое больше, чем один акр под пшеницей», то население не могло бы в течение продолжительного времени возрасти так сильно, чтобы потребить все количество, которое может быть получено с земель, прежде бывших под пшеницей. Поэтому многие земли будут заброшены, и рента упадет. Но когда население удвоится или утроится, можно будет обрабатывать такое же количество земли, как и прежде, и рента достигнет опять прежней высоты.

Владелец земли не получит также более значительную часть валового продукта, будет ли этот продукт состоять из картофеля, который может прокормить 300 чел., или пшеницы, которая может прокормить только 100 чел. И вот почему: хотя издержки про-

* [Кн. I, гл. XI.]

** [Там же.]

изводства и уменьшились бы в очень значительной степени, если бы заработная плата регулировалась главным образом ценою картофеля, а не ценою пшеницы, хотя часть всего валового продукта, остающаяся после оплаты рабочим, значительно возросла бы, все же ни одна часть добавочного продукта не пошла бы на увеличение ренты; вся добавка неизменно пошла бы целиком в пользу прибыли, которая всегда поднимается при падении заработной платы и падает при ее повышении. Будет ли возделываться картофель или пшеница, рента все равно управляется тем же самым принципом, и она всегда будет равняться разности между количествами продукта, полученными при помощи одинакового капитала с одной и той же земли или с земли различного качества. Следовательно, пока обрабатываются земли одного и того же качества, пока не произошло никакого изменения в их относительном плодородии или других преимуществах, рента будет всегда сохранять свое прежнее отношение к валовому продукту.

Впрочем, Адам Смит утверждает, что часть, достающаяся землевладельцу, возросла бы вследствие уменьшения издержек производства и что, следовательно, он получил бы при изобилии продукта и более значительную часть и более значительное количество, чем если бы продукта было мало. «Рисовое поле,—говорит он,—производит гораздо большее количество предметов пищи, чем самое плодородное поле, засеянное хлебом. Говорят, что один акр дает обыкновенно два сбора в год, от 30 до 60 бушелей каждый. Хотя обработка его требует поэтому больше труда, все же за вычетом всего, что идет на содержание этого труда, остается более значительный излишек. Следовательно, в странах, где рис составляет обычную и любимую растительную пищу народа и главное средство питания земледельцев, владелец земли должен получить более значительную часть этого большего излишка, чем в странах, где возделывается главным образом хлеб»*.

Г-н Бьюкенен также замечает: «Очевидно, что если бы предметом общего потребления народа стал какой-нибудь другой продукт, доставляемый землею в большем количестве, чем хлеб, то рента землевладельца увеличилась бы в соответствии с его большим изобилием».

Если бы картофель стал обычной пищей всего населения, то землевладельцы в течение очень значительного промежутка времени должны были бы мириться с громадным понижением ренты. Они, вероятно, не получили бы даже такое же количество средств существования, какое они получают теперь, не говоря уже о том, что стоимость этих средств существования упала бы втрое против прежней их стоимости. Зато стоимость всех промышленных товаров, на которые затрачивается часть ренты

* [Кн. I, гл. XI.]

землевладельца, упала бы лишь настолько, насколько понизилась бы стоимость сырого материала, из которого они сделаны, вследствие большего плодородия земли, посвященной добыванию этого сырого материала.

Если вследствие роста населения в обработку поступает земля такого же качества, как и прежде, то не изменяется ни часть продукта, которую получает владелец земли, ни стоимость этой части. Следовательно, рента сохранит свои прежние размеры, но прибыль значительно повысится, потому что значительно понизится цена пищи, а следовательно, и заработная плата. Высокая прибыль благоприятствует накоплению капитала. Спрос на труд будет возрастать все больше, а землевладельцы будут все время в выигрышном положении благодаря возрастающему спросу на землю.

[И действительно, обработка тех же самых земель производилась бы еще лучше, если бы с них можно было получать пищу в таком изобилии. Вследствие этого и рента с них, по мере развития общества, могла бы стать еще выше, и та же самая земля поддерживала бы значительно большее население, чем прежде. Это не преминуло бы принести большие выгоды землевладельцам, что вполне согласно с принципом, который, как мне кажется, твердо установлен в результате нашего исследования, а именно: всякая экстраординарная прибыль по самой своей природе не может быть очень продолжительна, так как весь прибавочный продукт земли за вычетом из него лишь такой умеренной прибыли, какая достаточна для поощрения накопления, в конце концов достанется владельцу земли.

При низкой цене труда, которая явится неизбежным следствием изобилия продуктов, земли, уже находящиеся в обработке, не только давали бы гораздо большее количество продукта, но на них был бы также затрачен и больший дополнительный капитал, и из них извлекалась бы большая стоимость. В то же время земли весьма низкого качества приносили бы большую прибыль к вящей выгоде как землевладельцев, так и всех потребителей. Машина, производящая самый важный предмет потребления, была бы усовершенствована и получила бы хорошее вознаграждение соответственно спросу на ее услуги. В первую очередь всеми выгодами пользовались бы рабочие, капиталисты и потребители, но с ростом населения эти выгоды постепенно перешли бы в руки владельцев земли.

Независимо от этих улучшений, в которых общество заинтересовано самым непосредственным образом, а землевладельцы только косвенно]*, интересы землевладельцев всегда противоположны интересам потребителей и фабрикантов. Высокая цена

* [Большая вставка на стр. 209—210 от «И действительно» до «только косвенно» сделана только в третьем издании.]

хлеба может сохраняться долго только в том случае, если на производство его требуется дополнительное количество труда, если увеличились издержки его производства. Но эта же причина неизменно повышает ренту, и поэтому увеличение издержек производства хлеба всегда в интересах землевладельца. Оно, однако, не в интересах потребителя. Он желал бы, наоборот, чтобы стоимость хлеба по отношению к деньгам и товарам была возможно ниже, так как хлеб всегда покупается на товары или деньги. Высокая цена хлеба невыгодна также и для фабриканта, потому что она вызывает повышение заработной платы, но не повышение цены его товаров. Таким образом фабрикант не только должен отдавать больше товаров, или, что то же самое, стоимость более значительного числа их, в обмен на потребляемый им хлеб, но, кроме того, и больше товаров, или стоимость большего количества их, в виде заработной платы рабочему, а за все это он не получает никакого вознаграждения. Следовательно, все классы общества за исключением землевладельцев одинаково проиграли бы от возрастания цены хлеба. Сделки между землевладельцами и потребителями не имеют никакого сходства с торговыми сделками, в которых, как говорят, одинаково выигрывают продавец и покупатель. В них, наоборот, вся потеря достается одной стороне, а весь выигрыш—другой. А если бы благодаря ввозу хлеб можно было получить дешевле, то потеря вследствие запрещения ввоза была бы более значительной для одной стороны, чем выигрыш—для другой.

Адам Смит никогда не проводит никакого различия между низкой стоимостью денег и высокой стоимостью хлеба и поэтому приходит к выводу, что интересы землевладельца не противоположны интересам остального общества. В первом случае стоимость денег низка, а во втором стоимость хлеба высока в сравнении со всеми товарами. В первом случае хлеб и другие товары сохраняют те же относительные стоимости, во втором стоимость хлеба выше по отношению как к товарам, так и к деньгам.

Следующее замечание Адама Смита применимо к низкой стоимости денег, но оно совершенно не применимо к высокой стоимости хлеба: «Если бы ввоз был всегда свободен, наши фермеры и землевладельцы, вероятно, получали бы за свой хлеб из года в год меньше денег, чем теперь, когда ввоз в большинстве случаев фактически воспрещен, но деньги, которые они получили бы, имели бы большую стоимость, *могли бы купить больше товаров всякого рода* и могли бы дать работу большему количеству рабочих. Следовательно, действительное богатство фермеров и землевладельцев, их действительный доход были бы такими же, как и в настоящее время, хотя они выражались бы в меньшем количестве серебра. У них не были бы отняты ни возможность, ни поощрение для возделывания хлеба в том же количестве, что и в настоящее время. Напротив, так как повышение действительной стоимости серебра вследствие понижения денежной

цены хлеба отчасти понижает денежную цену всех других товаров, то оно дает промышленности той страны, где оно произошло, некоторые выгоды на внешнем рынке и поэтому дает последней толчок к поощрению и расширению. Но размеры внутреннего рынка для хлеба должны находиться в соответствии с общим состоянием промышленности страны, где возделывается этот хлеб, или с числом тех людей, которые производят какие-нибудь товары... для обмена на хлеб. Ведь в каждой стране внутренний рынок как наиболее близкий и удобный является в то же время и самым обширным и важным рынком для хлеба. Следовательно, повышение реальной стоимости серебра, являющееся следствием понижения средней денежной цены хлеба, имеет тенденцию расширить самый большой и важный рынок для хлеба и скорее поощряет, чем задерживает возделывание последнего»*.

Высокая или низкая денежная цена хлеба, поскольку она зависит от изобилия и дешевизны золота и серебра, не имеет никакого значения для владельца земли, потому что в этом случае, как и отметил Адам Смит, понижение или повышение коснется одинаково всех товаров. Но относительно высокая цена хлеба является во всех отношениях выгодной для владельца земли: во-первых, она дает ему большее количество хлеба в виде ренты и, во-вторых, за каждую данную меру хлеба он может получить не только большее количество денег, но и большее количество всякого товара, который можно купить за деньги.

ГЛАВА XXV

О КОЛОНИАЛЬНОЙ ТОРГОВЛЕ

В своих замечаниях о колониальной торговле Адам Смит показал самым удовлетворительным образом все выгоды свободной торговли и всю несправедливость, которую терпят колонии вследствие того, что метрополия мешает им продавать свои продукты на самом дорогом рынке и покупать необходимые им фабрики и материалы на самом дешевом. Он показал, что, позволяя каждой стране свободно обменивать продукты своего производства, где и когда ей угодно, мы способствуем наилучшему распределению мирового труда и обеспечиваем людям изобилие предметов жизненной необходимости и удовольствия.

Он пытался также показать, что свобода торговли соответствует не только интересам всего мира, но и каждой отдельной страны и что узкая политика, которая принята во всех странах Европы по отношению к их колониям, приносит метрополиям не меньший вред, чем колониям, интересы которых при этом приносятся в жертву.

* [Кн. IV, гл. V.]

«Монополия колониальной торговли,—говорит он,—подобно всем другим низким и зловредным приемам меркантилистской системы, действует угнетающим образом на промышленность всех стран, но больше всего она гнетет промышленность колоний, нисколько не содействуя и, наоборот, даже препятствуя развитию промышленности в странах, в пользу которых установлена монополия»*.

Впрочем, эта часть его замечаний изложена не таким ясным и убедительным образом, как та, в которой он указывает на несправедливость этой системы по отношению к колониям.

[По моему мнению, позволительно сомневаться в том]**, что метрополия не может иногда выиграть от стеснений, которым она подвергает свои колонии. Кто мог бы сомневаться, например, что, будь Англия колонией Франции, последняя выиграла бы от того, что Англия платила бы большую премию за вывоз хлеба, сукна или других товаров? Рассматривая вопрос о премиях, мы видели, что при цене 4 ф. ст. за квартал введение премии в 10 шилл. на квартал вывозимого из Англии хлеба уменьшило бы цену его во Франции до 3 ф. ст. 10 шилл. И вот если прежде хлеб продавался во Франции по 3 ф. ст. 15 шилл. за квартал, то французские потребители выиграют 5 шилл. на каждый квартал ввозимого хлеба, а если бы естественная цена хлеба во Франции составляла прежде 4 ф. ст., они выиграли бы на каждый квартал всю премию в 10 шилл. Франция таким образом выиграла бы то, что потеряла бы Англия, и притом не только часть, но все, что потеряла бы последняя.

Могут, однако, сказать, что вывозная премия есть мера внутренней политики и нелегко может быть установлена метрополией.

Если бы для Ямайки и Голландии было выгодно обмениваться товарами, которые каждая из них производит, без всякого вмешательства Англии, то совершенно ясно, что при лишении их такой возможности интересы Ямайки и Голландии пострадали бы. Но если бы Ямайка была вынуждена посылать свои товары в Англию и обменивать их там на голландские, то английский капитал или английские агенты участвовали бы в торговле, в которой они при других условиях не принимали бы никакого участия. Они привлекаются в нее премией, которая уплачивается не Англией, а Голландией и Ямайкой.

Адам Смит сам констатировал, что потеря, причиняемая невыгодным распределением труда между двумя странами, может оказаться выгодной для одной из них, в то время как другая понесет большие потери, чем те, которые действительно вытекают из такого распределения. И если это верно, то отсюда следует,

* [Кн. IV, гл. VII, раздел 3.]

** [В первом и втором изданиях абзац начинался иначе: «Не утверждая или не отрицая, что существующая практика Европы по отношению к своим колониям убыточна для метрополий, я позволю себе усомниться в том».]

что мера, которая может принести колонии большой вред, окажется частично выгодной для метрополии.

Говоря о торговых договорах, он замечает: «Если нация связывает себя договором, в силу которого ввоз известных товаров разрешается из какой-нибудь другой страны, но воспрещается из остальных стран или если товары одной страны освобождаются от пошлин, которыми обложены товары всех других стран, то страна, торговля которой поощряется таким образом, или по крайней мере купцы и владельцы мануфактур этой страны непременно извлекают большие выгоды из договора. Эти купцы и владельцы мануфактур пользуются известного рода монополией в стране, которая относится к ним так благожелательно. Страна становится и более обширным и более выгодным рынком для их товаров: более обширным потому, что вследствие исключения из обложения их товаров или обложения тяжелыми пошлинами товаров других стран большая часть рынка захватывается их товарами, более выгодным потому, что купцы наиболее благоприятствуемой страны, пользуясь здесь известной монополией, часто продают свои товары по более высоким ценам, чем те, которые установились бы при свободной конкуренции всех наций»*.

Допустим, что из двух стран, заключивших между собою торговый договор, одна представляет метрополию, а другая — колонию. Адам Смит, очевидно, допускает, что метрополия может выиграть от притеснения колоний. Могут, правда, сказать, что если только монополия на иностранном рынке не находится в руках привилегированной компании, то иностранные покупатели будут платить за товары не дороже, чем туземные. Цена, которую они заплатят, будет только немногим отличаться от естественной цены товаров в стране, где они производятся. Англия, например, при обыкновенных условиях всегда могла бы купить французские товары по их естественной цене во Франции, а Франция имела бы такую же привилегию покупать английские товары по их естественной цене в Англии. Но по таким ценам товары покупались бы и без договора. Какие же выгоды или невыгоды мог бы доставлять такой договор каждой из этих стран?

Невыгоды этого договора для ввозящей страны заключались бы в следующем: она была бы обязана покупать какой-нибудь товар, хотя бы и по естественной цене его, скажем, в Англии, хотя она могла бы, пожалуй, купить его в другой стране по более низкой естественной цене. Таким образом договор вызвал бы невыгодное распределение всего капитала, которое всей своей тяжестью пало бы на страну, обязанную по договору покупать товары на наименее производительном рынке. И в то же время, несмотря на предполагаемую монополию, предоставленную продавцу, договор не приносит последнему никаких выгод, потому

* [Кн. IV, гл. VI.]

что конкуренция соотечественников мешает продавцу продавать свой товар дороже его естественной цены, по которой он сбывал бы его, вывозя его во Францию, Испанию или Вест-Индию или продавая для внутреннего потребления.

В чем же состоят тогда выгоды, доставляемые договором? В том, что те или иные товары не могли бы производиться в Англии для вывоза, если бы она не пользовалась привилегией монопольного обслуживания данного рынка, ибо конкуренция тех стран, где естественная цена таких товаров ниже, лишила бы Англию всякой возможности продавать их. Впрочем, это не имело бы особенного значения, если бы Англии была вполне обеспечена возможность продать на такую же сумму всяких других товаров, которые она может производить, то ли на французском рынке, то ли на каком-нибудь другом с одинаковой выгодой. Цель, которую ставит себе, например, Англия, состоит в том, чтобы купить известное количество французских вин стоимостью в 5 тыс. ф. ст. Она поэтому желает продать где-нибудь товары, за которые она могла бы получить 5 тыс. ф. ст., нужные ей для указанной цели. Если Франция предоставляет ей монополию на суконном рынке, Англия будет охотно вывозить для этой цели сукно, но если бы торговля была свободна, то при конкуренции других стран естественная цена сукна в Англии могла бы не быть достаточно низкой, чтобы доставить ей путем продажи этого сукна 5 тыс. ф. ст. и получить обычную прибыль на затраченный с этой целью капитал. Тогда промышленность Англии должна была бы взяться за производство какого-нибудь другого товара, но при этом могло бы случиться, что при существующей стоимости денег она не в состоянии была бы продавать ни одного из своих товаров по их естественной цене в других странах. Что же получится в результате? Потребители вина в Англии попрежнему готовы отдать за него 5 тыс. ф. ст., и, следовательно, во Францию с этой целью будут вывезены 5 тыс. ф. ст. деньгами. Вследствие этого вывоза денег стоимость их повышается в Англии и понижается в других странах, а вместе с этим понизится и *естественная цена* всех товаров, производимых британской промышленностью. Повышение стоимости денег тождественно с понижением цены товаров. Но теперь для получения 5 тыс. ф. ст. можно будет вывозить британские товары, так как при пониженной естественной цене этих товаров они могут конкурировать с товарами других стран. Впрочем, теперь придется продать больше товаров по низким ценам, чтобы получить требуемые 5 тыс. ф. ст., которые уже не могут доставить то же самое количество вина: в то время как вследствие уменьшения количества денег в Англии естественная цена всех товаров понизилась в этой стране, во Франции, наоборот, вследствие увеличения количества денег естественная цена всех товаров, в том числе и вина, поднялась. Поэтому в Англию при свободной торговле ввозилось бы в обмен на ее товары

меньше вина, чем в то время, когда Англия в силу торгового договора пользовалась бы особыми преимуществами. Однако *норма* прибыли не изменилась бы. Изменилась бы только относительная стоимость денег в этих двух странах. Выгода, полученная Францией, заключалась бы в том, что она в обмен на известное количество своих товаров получала бы теперь более значительное количество английских, а потеря Англии в том, что последняя получала бы в обмен на данное количество товаров гораздо меньшее количество французских товаров.

Итак, поощряется ли развитие внешней торговли, ставят ли ей препятствия или она остается совершенно свободной, все равно внешняя торговля будет продолжать существовать, какова бы ни была сравнительная трудность производства в различных странах. Внешняя торговля может регулироваться только путем изменения естественной цены, а не естественной стоимости товаров, по которой последние могут производиться в этих странах. А изменение естественной цены вызывается только изменением распределения драгоценных металлов. Это объяснение подтверждает высказанное мною в другом месте мнение, что нет такого налога, премии или запрещения вывоза или ввоза товаров, которые не привели бы к перераспределению драгоценных металлов и, следовательно, не изменили бы всюду как естественную, так и рыночную цену товаров.

Ясно поэтому, что можно так регулировать торговлю с колонией, чтобы она в одно и то же время была менее выгодна для колонии и более выгодна для метрополии, чем совершенно свободная торговля. Как отдельный потребитель теряет, если он обязан закупать все товары в одной лавке, так и целая нация потребителей проигрывает, когда она вынуждена покупать необходимые ей товары только в одной стране. Если бы эта лавка или страна доставляли требуемые товары по самой дешевой цене, они, наверное, продали бы их и без такой исключительной привилегии. А если они не могут продавать свои товары дешевле, то интересы всех требуют, чтобы их не поощряли продолжать торговлю, которую они не могут вести при таких же благоприятных условиях, как другие. Лавка или страна, продающие такие товары, могли бы проиграть при перемене занятия, но общая польза ничем не обеспечивается так полно, как наиболее производительным распределением общего капитала, т. е., иначе говоря, свободной торговлей во всем мире.

Возрастание издержек производства какого-либо товара, являющегося предметом насущной необходимости, не необходимо сопровождается уменьшением его потребления, ибо, хотя покупательная сила потребителей уменьшается вследствие повышения цены любого товара, они могут отказаться от потребления какого-нибудь другого товара, издержки производства которого не увеличились. В этом случае как предлагаемое количество, так и

требуемое могут остаться без изменения, возрастут только издержки производства; однако цена поднимется, да и должна подняться, чтобы поставить прибыль производителя товара, издержки производства которого возросли, на один уровень с прибылью, получаемой в других отраслях промышленности.

Г-н Сэй признает, что издержки производства составляют основу цены, и все же он утверждает в различных частях своего труда, что цена регулируется соотношением между спросом и предложением. Действительным и конечным регулятором относительной стоимости двух товаров являються издержки их производства, а не те количества каждого из них, которые могут быть произведены, и не конкуренция между покупателями.

По мнению Адама Смита, колониальная торговля благодаря тому, что в нее мог быть вложен только британский капитал, повысила норму прибыли во всех остальных отраслях торговли. А так как он считает, что высокая прибыль, точно так же как и высокая заработная плата, повышает цены товаров, то он полагает, что колониальная торговля принесла метрополии вред, так как уменьшила способность последней продавать промышленные товары так же дешево, как другие страны. Он говорит: «Благодаря монополии рост колониальной торговли повлек за собой не столько расширение размеров торговли Великобритании, сколько полное изменение ее направления.

2) Эта монополия необходимо содействовала поддержанию нормы прибыли во всех отраслях британской торговли на более высоком уровне, чем ее естественный уровень, существующий при условии, что все нации могут свободно вести торговлю с британскими колониями»*. «Но все, что способствует повышению нормы прибыли в какой-нибудь стране выше того уровня, на котором она держалась бы при других условиях, необходимо ставит эту страну—и относительно и абсолютно—в невыгодное положение во всех отраслях торговли, в которых ей не принадлежит монополия.

Страна попадает в это безусловно невыгодное положение, потому что в таких отраслях торговли ее купцы не могут получить более высокую прибыль, не продавая по более дорогим ценам как товары чужих стран, которые они ввозят в свою родную страну, так и товары своей страны, которые они вывозят в чужие страны. Их родина должна покупать дороже и продавать дороже, покупать меньше и продавать меньше, должна потреблять меньше и производить меньше, чем она это делала бы при других условиях»**.

«Наши купцы часто жалуются на высокую заработную плату британских рабочих, как на причину продажи английских промышленных товаров на иностранных рынках по слишком низкой

* [Кн. IV, гл. VII, раздел 3.]

** [Там же.]

цене, но они умалчивают о высокой прибыли на капитал. Они жалуются на чрезмерные барыши других, но ничего не говорят о своих барышах. А между тем высокая прибыль на британский капитал способствует во многих случаях повышению цен не в меньшей, если не в большей, степени, чем высокая заработная плата британских рабочих»*.

Я допускаю, что монополия колониальной торговли может изменить—и часто очень выгодным образом—направление капитала. Но из того, что сказано уже мною о прибыли, следует, что никакая замена одной отрасли внешней торговли другой или внутренней торговли внешней не может, очевидно, изменить норму прибыли. Вредные последствия такой замены я только что описал: распределение всего капитала и всей промышленности ухудшится, и, следовательно, произойдет сокращение производства. Естественная цена товаров поднимется, и, хотя бы даже потребитель и был в состоянии купить столько же товаров по их денежной стоимости, он получит меньшее количество их. Ясно также, что если бы даже при этом имело место повышение прибыли, цены ничуть не изменились бы, так как цены не регулируются ни заработной платой, ни прибылью.

И разве Адам Смит не разделяет того же взгляда, когда он говорит, что «цены товаров или стоимость золота и серебра в сравнении с другими товарами зависят от отношения между *количествами труда*, необходимыми для доставки на рынок определенного количества золота и серебра или каких-либо других товаров»?** Эти количества не изменятся от того, будет ли прибыль или заработная плата высока или низка. Каким же образом могут подняться цены вследствие повышения прибыли?

ГЛАВА XXVI

О ВАЛОВОМ И ЧИСТОМ ДОХОДЕ

Адам Смит постоянно преувеличивает выгоды, которые страна извлекает из большего валового дохода, в сравнении с выгодами, доставляемыми большим чистым доходом. «Чем большая часть капитала страны применена в земледелии,—говорит он,—тем больше будет количество производительного труда, приводимого в движение этим капиталом внутри страны; тем больше будет также и стоимость, которую применение капитала прибавляет к годовому продукту земли и труда общества. После капитала, вложенного в земледелие, наибольшее количество производительного труда приводится в движение и наибольшая стоимость

* [Кн. IV, гл. VII.]

** [Кн. II, гл. II.]

прибавляется к годовому продукту капиталом мануфактур. Из всех трех видов капитала наименьший эффект дает в этом отношении капитал, вложенный в экспортную торговлю»¹.

Допустим на время, что все это верно. В чем же состоят выгоды, вытекающие для страны от использования большего количества производительного труда, если чистая рента и прибыль, вместе взятые, остаются неизменными независимо от того, занимает ли страна прежнее количество рабочих или меньшее? Весь продукт земли и труда каждой страны делится на три части; из них одна идет на заработную плату, другая — на прибыль, третья — на ренту. Только из двух последних частей можно производить какие-нибудь вычеты на налоги или на сбережения; первая же, если размеры ее умеренны, всегда составляет необходимые издержки производства². Для человека, имеющего капитал в 20 тыс. ф. ст., приносящий ему ежегодно 2 тыс. ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятия 100 или 1 тыс. человек, продается ли произведенный товар за 10 тыс. или 20 тыс. ф. ст., если только прибыль, получаемая им, ни в каком случае не падает ниже 2 тыс. ф. ст. Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый действительный доход, ее рента и прибыль не изменяются, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или 12 млн. людей. Ее способность содержать армию и флот и всякого рода непроизводительный труд должна всегда быть пропорциональна ее чистому доходу, а не валовому. Если 5 млн. чел. могут производить столько предметов пищи и одежды, сколько необходимо для 10 млн., то пища и одежда для 5 млн. составляют чистый доход. Получит ли страна какую-либо выгоду, если для производства того же самого чистого дохода потребуется 7 млн. чел. или, другими словами, если 7 млн. чел. будут заняты производством одежды и пищи, достаточных для 12 млн. чел.? Пища и одежда для 5 млн. продолжали бы оставаться чистым доходом. Использование более значительного числа людей не дало бы нам возможности увеличить число людей

¹ [Кн. II, гл. V.] Г-н Сэй разделяет мнение Адама Смита: «Самым производительным применением капитала для всей страны в целом после земледелия являются обрабатывающая промышленность и внутренняя торговля. Ибо этот капитал приводит в движение промыслы, прибыль с которых получается в самой стране, тогда как капитал, вложенный во внешнюю торговлю, увеличивает производительность промышленности и земли всех стран без всякого различия.

Наименее выгодной для нации затратой капитала является торговля, занимающаяся переправкой продукта одной чужой страны в другую» (*Say*, v. II, p. 120).

² Это, быть может, слишком решительное выражение, так как под именем заработной платы рабочих обычно получает больше, чем составляют абсолютно необходимые издержки производства. В этом случае рабочий получает часть чистого продукта страны. Он может сберечь ее или же израсходовать. Она может также дать рабочему возможность способствовать защите страны. [Это примечание сделано к третьему изданию.]

в армии и флоте ни на одного человека или внести хотя бы одну лишнюю гинею в виде налога.

И если Адам Смит отдает преимущество такому употреблению капитала, при котором последний приводит в движение максимальное количество промышленного труда, то он это делает не потому, что, по его мнению, большое население доставляет какие-нибудь особенные выгоды или что при этом большее число человеческих существ может пользоваться благополучием. Нет, Адам Смит отдает предпочтение такому употреблению капитала только потому, что оно увеличивает могущество страны¹. Так, он говорит: «Богатство и могущество каждой страны, поскольку могущество зависит от богатства, всегда пропорциональны стоимости ее годового продукта, того источника, из которого в конечном счете выплачиваются все налоги»*. Но вполне очевидно, что налогообеспособность страны пропорциональна не ее валовому, а чистому доходу.

При распределении различных занятий между всеми странами капитал более бедных наций будет, естественно, применяться в таких отраслях производства, которые дают возможность содержать большое количество труда внутри страны, так как в таких странах очень легко получить предметы пищи и жизненной необходимости для растущего населения. Напротив, в богатых странах, где пища дорога, капитал при свободе торговли будет, естественно, притекать к таким занятиям, которые требуют содержания внутри страны минимального количества рабочих. Таковы транспорт, внешняя торговля с отдаленными странами и производство, в которых требуются дорогие машины, одним словом, такие отрасли торговли и промышленности, в которых прибыль пропорциональна не количеству использованного труда, а количеству капитала².

Я вполне допускаю, что в земледелии определенный капитал, вкладываемый в силу природы ренты в какую угодно землю, но только не в ту, которая позже всех поступила в обработку, приводит в движение большее количество труда, чем

¹ Г-н Сэй меня совершенно не понял, предполагая, что я не придаю никакого значения благополучию столь значительного числа человеческих существ. Полагаю, что текст достаточно ясно показывает, что мои замечания относятся только к тем именно положениям, из которых исходит Адам Смит. [Это примечание сделано только к третьему изданию.]

* [Кн. II, гл. V.]

² «Мы можем считать большим счастьем, что естественный ход вещей привлекает капитал не в такие занятия, которые были бы наиболее прибыльными для него, а в такие, которые наиболее прибыльны для всего общества» (т. II, стр. 122). Г-н Сэй забыл только сказать нам, что это за занятия, которые являются наиболее прибыльными для отдельного лица и не являются прибыльными для государства. Если страны, имеющие очень мало капиталов, но очень много плодородной земли, не торопятся принять участие во внешней торговле, то причина этого заключается в том, что это менее прибыльно для отдельных лиц, а следовательно также и для государства.

такой же капитал, вложенный в обрабатывающую промышленность и торговлю; я, однако, не могу допустить, что есть какое-нибудь различие между количеством труда, применяемого капиталом, вложенным во внутреннюю торговлю, и таким же капиталом, вложенным во внешнюю торговлю.

«Капитал, отправляющий шотландские промышленные изделия в Лондон и привозящий обратно в Эдинбург английский хлеб и промышленные же изделия, — говорит Адам Смит, — неизбежно замещает при каждой операции этого рода два британских капитала, которые были оба затрачены на земледелие или обрабатывающую промышленность в Великобритании.

Капитал, затраченный на покупку иностранных товаров для внутреннего потребления, — если эта покупка совершается с помощью предметов отечественного производства, — также замещает при каждой операции этого рода два различных капитала, но только один из них идет на поддержку отечественной промышленности. Капитал, отправляющий британские товары в Португалию и привозящий обратно в Великобританию португальские товары, замещает при всякой операции этого рода только один британский капитал, так как другой занят в португальской промышленности. Следовательно, если бы даже обороты внешней торговли предметами потребления совершались так же быстро, как обороты внутренней торговли, капитал, затраченный в первой, будет в два раза слабее поощрять развитие промышленности или производительного труда страны»*.

Эта аргументация кажется мне ошибочной. Если даже согласно предположению Адама Смита употребляются два капитала, из которых один английский, а другой португальский, то все-таки капитал, затраченный на внешнюю торговлю, в два раза больше, чем капитал, затраченный на внутреннюю. Предположим, что Шотландия употребляет капитал в 1 тыс. ф. ст. на производство полотна, которое она обменивает на продукт одинакового капитала, затраченного на производство шелковых изделий в Англии. Таким образом обе страны затрачивают 2 тыс. ф. ст. капитала и занимают ответственное количество труда. Предположим теперь, что Англия узнает, что за шелковые изделия, которые она прежде вывозила в Шотландию, она может получить гораздо больше полотна из Германии, а Шотландия узнает, что в обмен на свое полотно она из Франции может получить гораздо больше шелковых изделий, чем из Англии. Разве в этом случае Англия и Шотландия не прекратили бы немедленно торговлю друг с другом и разве внутренняя торговля предметами потребления не превратилась бы немедленно во внешнюю? Разве, несмотря на то, что в этой торговле будут теперь принимать участие два новых капитала — один — германский, а другой — французский, — та же

* [Кн. II, гл. V.]

сумма шотландского и английского капитала не будет затрачиваться и в дальнейшем? И не будет ли она приводить в движение такое же количество промышленного труда, как если бы она была затрачена на внутреннюю торговлю?

ГЛАВА XXVII

О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ И О БАНКАХ*

О денежном обращении писали уже так много, что из всех лиц, занимающихся вопросами этого рода, разве одни только предрешенные игнорируют его истинные принципы. Я поэтому ограничусь только кратким очерком некоторых законов, регулирующих количество обращающихся денег и их стоимость.

Стоимость золота и серебра, точно так же как и стоимость всех других товаров, пропорциональна количеству труда, необходимого для их производства и доставки на рынок. Золото почти в 15 раз дороже серебра не потому, что на него существует больший спрос, не потому, что предложение серебра в 15 раз больше, чем предложение золота, а исключительно потому, что для получения определенного количества золота необходимо в 15 раз больше труда, чем для получения соответствующего количества серебра.

Количество денег, которое может быть употреблено в стране, зависит от их стоимости: если бы для обращения товаров употреблялось только одно золото, то количество его, которое потребовалось бы для этой цели, было бы в 15 раз меньше того количества серебра, которое было бы необходимо при использовании серебра для той же цели.

Обращение никогда не может быть настолько обильным, чтобы выйти из берегов, ибо, уменьшая стоимость средств обращения, вы в том же отношении увеличиваете их количество, а увеличивая их стоимость, уменьшаете их количество**.

Пока государство чеканит монету, не взимая никакой пошлины за чеканку, металлические деньги будут иметь такую же стоимость, как и любой кусок того же металла одинакового веса

* [В первом издании глава начиналась следующими словами: «{I не имею намерения утомлять читателя длинным рассуждением по вопросу о деньгах».]

** [В первом издании имелось еще следующее примечание:

«Употребление золота и серебра устанавливает таким образом в каждой местности известную необходимость в этих товарах, и если страна обладает количеством, нужным для удовлетворения этой потребности, то все, что ввозится свыше того, представляет, не встречая спроса, бесплатную стоимость, не приносящую пользы их собственникам» (*Say*, v. I, p. 187).

На стр. 196 г-н Сэй говорит: «Предположим, что страна требует для нужд внутреннего сообщения 1 тыс. повозок, а на деле имеет 1 500. Тогда все повозки свыше 1 тыс. будут бесполезны». Отсюда он делает вывод, что если эта страна владеет большим количеством денег, чем это *необходимо*, то излишек не будет использован.]

и пробы. Но если государство взимает известную пошлину за чеканку монеты, то стоимость вычеканенной монеты будет превосходить стоимость куска металла, не подвергнувшегося чеканке, на всю сумму взысканной пошлины, ибо на производство монеты требуется большее количество труда, или, что то же самое, она приобретает в обмен на стоимость продукта большего количества труда.

Пока одно лишь государство занимается чеканкой монеты, трудно поставить какие-либо пределы повышению пошлины за чеканку, ибо путем ограничения количества монет пошлина может быть поднята до какой угодно высоты.

Именно на этом принципе основывается обращение бумажных денег: все расходы, сопряженные с ним, могут быть рассматриваемы как пошлина за чеканку. Хотя бумажные деньги не имеют никакой внутренней стоимости, все же при ограничении их количества меновая стоимость их так же велика, как и стоимость монет того же наименования или металла, содержащегося в этих монетах. В силу того же самого принципа, а именно благодаря ограничению количества, стертая монета могла бы обращаться по стоимости, которую она имела бы, если бы обладала законным весом и пробой, а не по стоимости количества металла, который она действительно содержит. Вот почему, как это показывает история британского монетного дела, средства обращения никогда не обесценивались прямо пропорционально уменьшению их веса. Причина этого лежит в том, что количество их никогда не увеличивалось прямо пропорционально уменьшению их внутренней стоимости¹.

[Полное понимание всех следствий, вытекающих из принципа ограничения количества денег,—вот что имеет наиболее важное значение в деле выпуска бумажных денег. Вряд ли кто-нибудь поверит лет через пятьдесят, что директора банков и министры серьезно утверждали как в парламенте, так и в парламентских комиссиях, будто выпуски банкнот Английского банка,—размеры которых не ограничивались каким-либо правом держателя требовать в обмен на них золото в монете или слитках,—не оказывали и не могли оказывать никакого влияния на цены товаров, слитков или вексельные курсы.]*

После учреждения банков государство не имеет больше исключительной привилегии чеканки денег или выпуска их. Количество денег в обращении может возрастать как вследствие выпуска монеты, так и вследствие выпуска бумажных денег. Поэтому если бы государство выпустило в обращение неполновесную монету, сократив в то же время ее количество, то оно не могло бы

¹ Все, что сказано о золотой монете, относится в равной степени к серебряной, но нет никакой необходимости говорить в каждом отдельном случае об обоих.

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

поддерживать стоимость этих денег, потому что банки имели бы такую же возможность увеличить общее количество находящихся в обращении денег.

Согласно этим принципам нет, очевидно, никакой необходимости, чтобы бумажные деньги для обеспечения их стоимости подлежали размену на монету. Необходимо только, чтобы количество их регулировалось в соответствии со стоимостью металла, служащего денежным стандартом. Если бы таковым было золото данного веса и пробы, можно было бы увеличивать количество бумажных денег при каждом падении стоимости золота, или, что то же самое по своим последствиям, при всяком повышении цены товаров.

«Выпуская слишком большое количество бумажных денег,—говорит д-р Смит,—излишек которых постоянно возвращался назад для обмена на золото и серебро, Английский банк в течение целого ряда лет вынужден был ежегодно чеканить золота на сумму от 800 тыс. до 1 млн. ф. ст., или в среднем на 850 тыс. ф. ст. Благодаря тому, что золотая монета вот уж несколько лет как стерлась и износилась, Английский банк нередко должен был покупать слитки по такой высокой цене, как 4 ф. ст. за унцию, чтобы получать золото, необходимое для чеканки такого количества монеты. Сейчас же вслед за этим он выпускал тот же слиток в обращение в форме монеты, но уже по 3 ф. ст. 17 шилл. 10 $\frac{1}{2}$ пенс. за унцию и терял таким образом на чеканке такой большой суммы около 2 $\frac{1}{2}$ или 3%. Хотя банк не платил никакой пошлины за чеканку, хотя в действительности все издержки ее падали на правительство, эта щедрость правительства нисколько не избавляла банк от лишних расходов»*.

На основе установленного выше принципа для меня совершенно ясно, что если бы Английский банк не выпускал опять в обращение предъявленные ему для размена билеты, то стоимость всех находящихся в обращении как неполновесных, так и новых золотых монет повысилась бы, и тогда требования, предъявляемые банку, прекратились бы.

Г-н Бьюкенен, впрочем, думает иначе. По его мнению, «большие расходы, которые падали тогда на банк, вызывались не неосторожными выпусками бумажных денег, как думает, повидимому, д-р Смит, а очень плохим состоянием всех находящихся в обращении денег и вследствие этого высокой ценой слитков. Надо заметить, что Английский банк, вынужденный выпускать в обмен на предъявленные билеты новые золотые гинеи, мог получить их, только отсылая на Монетный двор слитки золота для пере-чеканки их в гинеи**». Когда в обращении находилось много

* [Кн. II, гл. II.]

** [В первом издании к этому месту имелось следующее примечание: «В сделках, которые правительство заключает с частными лицами, и в сделках частных лиц между собой каждая монета принимается, какое бы наиме-

неполновесных монет и цена слитков соответственно возросла, получать от банка в обмен на бумажные деньги полновесные гиней стало прибыльным делом: их переплавляли в слитки, продавали с прибылью за банкноты и снова предъявляли последние, чтобы получить новую сумму гиней, которые опять переплавлялись и продавались. И такому отливу золотой монеты Английский банк будет подвергаться всегда, когда в обращении находится неполновесная монета, так как в этом случае постоянный обмен бумажных денег на монеты приносит легкий и верный барыш. Следует, однако, заметить, что, как бы ни были иногда велики неудобства и расходы, которыми сопровождался для банка такой отлив золотой монеты, никто никогда не останавливался на мысли освободить его от обязательства платить монетой за банкноты».

Г-н Бьюкенен, очевидно, думает, что стоимость всех обращающихся денег необходимо понизится до уровня стоимости стертой и неполновесной монеты, а между тем путем одного только уменьшения количества обращающихся денег можно поднять стоимость остающихся в обращении денег до уровня стоимости лучших монет.

Д-р Смит, повидимому, забыл о принципе, установленном им же самим в его рассуждениях о денежном обращении в колониях. Вместо того чтобы объяснить понижение стоимости бумажных денег в колониях слишком большим количеством их, он задает вопрос: будут ли 100 ф. ст., платеж по которым должен последовать через пятнадцать лет, при условии, что колония дает вполне надежное обеспечение, стоить столько же, сколько 100 ф. ст., платеж по которым будет произведен немедленно? Я отвечаю: да, если эти деньги не будут выпущены в излишнем количестве.

Опыт, однако, показывает, что ни государство, ни банк не пользовались правом неограниченного выпуска бумажных денег без злоупотребления им. Поэтому в каждом государстве выпуск бумажных денег должен подчиняться известным ограничениям и контролю. И трудно указать лучшее средство для достижения этой цели, чем обязанность тех, кто выпускает бумажные деньги, платить за каждый предъявляемый билет золотом в монете или слитках.

пование ей ни давали, только по своей внутренней стоимости, увеличенной на стоимость, которую к ней прибавляет полезность ее чеканки» (*Say*, v. I, p. 327).

«Металлические деньги настолько мало являются знаком, что если отдельные экземпляры теряют стоимость, снашиваясь путем трения, употребления или благодаря мошенничеству обрезавателей, то все предметы возрастают в цене пропорционально порче, которой подверглись деньги. Если правительство предпринимает перечеканку и восстанавливает каждый экземпляр в его законном весе и пробе, то предметы понизятся до своей прежней цены, если только стоимость их не подверглась изменению в силу других причин» (*Say*, v. I, p. 346).]

[«Обеспечить население¹ от всяких других изменений в стоимости денег, кроме тех, которым подвергается стандартный денежный материал, и в то же время удовлетворять впредь нужды обращения с помощью наименее дорогого средства его значит довести наше денежное обращение до последней степени совершенства. Мы пользовались бы всеми выгодами такого совершенного денежного обращения, если бы на Английский банк была возложена обязанность выдавать в обмен на бумажные деньги не гинеи, а слитки золота или серебра установленной Монетным двором пробы и цены. Благодаря этому падение курса ниже стоимости слитков сопровождалось бы немедленным ограничением их количества. Чтобы предупредить повышение цены банкнот выше стоимости слитков, следовало бы обязать банк выдавать свои банкноты в обмен на золото стандартной пробы по цене в 3 ф. ст. 17 шилл. за унцию. Чтобы избавить банк от всякой лишней работы, количество золота, которое может быть истребовано в обмен на банкноты по монетной цене, т. е. по 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. за унцию, или количество золота, которое может быть продано банку по цене в 3 ф. ст. 17 шилл., не должно быть меньше 20 унций. Другими словами, банк был бы обязан покупать любое количество предлагаемого ему золота, если оно не меньше 20 унций, по 3 ф. ст. 17 шилл. за унцию² и продавать любое количество его, которое могло бы быть потребовано у него, по 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. за унцию. Так как Английский банк имеет возможность регулировать количество своих банкнот, он не будет испытывать никаких неудобств вследствие этого постановления.

Самая полная свобода должна быть предоставлена в то же время для вывоза и ввоза всякого рода слитков. Операции со слитками были бы очень немногочисленны, если бы Английский банк регулировал свои ссуды и эмиссии, руководствуясь критерием, о котором я так часто упоминал, а именно ценой слитков стандартной пробы, не обращая внимания на абсолютное количество банкнот, находящихся в обращении.

Цель, которую я имею в виду, была бы в значительной степени достигнута, если бы Английский банк был обязан выдавать в об-

¹ Этот и дальнейшие абзацы до заключительной скобки на стр. 233 взяты из памфлета «Проект экономного и прочного денежного обращения», изданного автором в 1816 г. [Эта большая вставка имеется только во втором и третьем изданиях.]

² Цена в 3 ф. ст. 17 шилл., о которой говорится в тексте, конечно, цена произвольная. Можно было бы, пожалуй, привести также доказательства в пользу небольшого повышения или понижения ее. Выбрав цену в 3 ф. ст. 17 шилл., я хотел только дать иллюстрацию к общему положению. Цена должна быть фиксирована таким образом, чтобы продавец золота предпочел скорее продать его Английскому банку, чем отправить на Монетный двор для чеканки.

То же самое замечание относится и к выбранному мною минимуму в 20 унций. Могут найтись основания для установления минимума в 10 или 30 унций.

мен на предъявляемые ему банкноты слитки установленной цены и пробы, хотя в то же время он вовсе не был бы обязан покупать любое количество предлагаемых ему слитков по определенной цене, — особенно если Монетный двор попрежнему оставался бы открытым для чеканки монеты по требованию частных лиц; ведь предлагаемая мною мера ставит себе лишь одну цель: устранить отклонение стоимости денег от стоимости слитков больше, чем на ничтожную разницу между ценами, по которым Английский банк продавал бы и покупал золото. Она приблизила бы нас таким образом к тому постоянству в стоимости денег, которое считается столь желательным.

Если бы Английский банк сократил произвольно количество своих банкнот, стоимость их поднялась бы и золото, повидимому, понизилось бы в своей стоимости ниже того уровня, по которому, по моему предложению, банк должен был покупать его. В этом случае золото было бы отправлено на Монетный двор. Превратившись в монету и будучи введено в обращение, оно понизило бы стоимость денег, и последняя снова соответствовала бы установленному уровню. Но это сопровождалось бы большим риском, стоило бы дороже и совершилось бы не так легко, как с помощью предложенного мною способа, против которого Английский банк ничего не может возразить, так как ему гораздо выгоднее снабжать обращение банкнотами, чем обязать других снабжать его монетой.

При такой системе и при таком регулировании денежного обращения Английский банк никогда не испытывал бы никаких затруднений, кроме тех, которые возникают при чрезвычайных условиях, когда паника охватывает всю страну и каждый стремится иметь драгоценные металлы как наилучшее орудие для реализации или сокрытия своего имущества. Против такой паники банки не имеют гарантии *ни при какой системе*. Они подвержены ей по самой своей природе, так как ни в Английском банке, ни в стране никогда не может быть такого количества металлических денег или слитков, какое имеют право потребовать владельцы денег данной страны. Если бы каждый из них в один и тот же день требовал свои вклады у своего банкира, то даже в несколько раз большее количество банкнот, чем то, которое находится теперь в обращении, оказалось бы недостаточным для удовлетворения этих требований. Именно паника такого рода явилась причиной кризиса в 1797 г., а не, как предполагали некоторые, большие ссуды, которые Английский банк тогда выдал правительству. Ни Английский банк, ни правительство не заслуживали в то время порицания. Неосновательные опасения пугливой части общества распространялись с быстротой эпидемии и вызвали натиск на этот банк. Такой натиск все равно имел бы место, если бы даже Английский банк не выдавал никаких ссуд правительству и имел вдвое больший капитал. Если бы Английский банк продолжал платить

звонкой монетой, то паника, вероятно, улеглась бы раньше, чем истощилась бы его металлическая наличность.

Если принять во внимание те взгляды, которыми руководились директора Английского банка при выпуске бумажных денег, то следует признать, что они пользовались своими полномочиями довольно сдержанно. Очевидно, что они применяли свои собственные принципы с величайшей осторожностью. В силу существующих законов они имеют право без какого-либо контроля увеличить или уменьшить размеры обращения во сколько им угодно раз, — право, которое не должно быть предоставлено ни государству, ни кому-либо в государстве; если увеличение или уменьшение количества обращающихся денег зависит только от воли тех, кто имеет право выпуска их, то исчезает всякая гарантия постоянства их стоимости. Что Английский банк имеет возможность сократить обращение до минимальных размеров, не будут отрицать даже те, кто вместе с директорами его считает, что последние не имеют власти бесконечно увеличивать количества обращающихся денег. Хотя лично я вполне убежден, что Английский банк не желал, да и не имел никакой выгоды, воспользоваться своей властью в ущерб интересам публики, все же, принимая во внимание вредные последствия, которые могут быть вызваны внезапным и сильным сокращением обращения, а равно и сильным расширением его, я не могу не отнестись с порицанием к той легкости, с какой государство вооружило этот банк такой страшной прерогативой.

Неудобства, которым подвергались провинциальные банки до приостановки размена банкнот, должны были быть временами очень велики. Во все тревожные моменты или в период ожидания тревоги они были вынуждены скапливать гинеи, чтобы быть готовыми ко всяким могущим возникнуть требованиям. В таких случаях гинеи получались в Английском банке в обмен на крупные банкноты и доставлялись провинциальному банку за его счет и риск каким-нибудь доверенным агентом. Выполнив функцию, для которой они предназначались, гинеи возвращались обратно в Лондон и, по всей вероятности, опять попадали в Английский банк, если только они не испытывали такой потери в весе, которая ставила их ниже законного стандарта.

Если бы предлагаемый нами план оплаты банкнот Английского банка слитками был принят, то необходимо было бы или распространить ту же самую привилегию на провинциальные банки, или сделать банкноты Английского банка законным платежным средством. В последнем случае не требовалось бы никакого изменения в законодательстве о провинциальных банках, так как они были бы обязаны, точно так же как и теперь, выдавать по востребованию в обмен за свои банкноты банкноты Английского банка.

Экономия, которая получилась бы вследствие этого, была бы очень значительна: гиней не теряли бы части своего веса от трения, которому они подвергаются во время своих непрерывных странствований, и, кроме того, были бы сбережены расходы по их пересылке. Но гораздо большие выгоды дало бы снабжение денежного обращения как в провинции, так и в Лондоне. особенно поскольку речь идет о мелких платежах, таким дешевым орудием его, как бумага, вместо дорогостоящего золота. Таким образом страна получила бы прибыль, какую можно было бы извлечь при производительном употреблении капитала, равного всей сбереженной сумме. И мы, конечно, не имели бы никакого основания отказаться от такой безусловной выгоды, если только нам не были бы указаны какие-нибудь специфические неудобства, которыми могло бы сопровождаться пользование более дешевым орудием обращения».)]

Денежное обращение находится в самом совершенном состоянии, когда оно состоит целиком из бумажных денег, но бумажных денег, стоимость которых равняется стоимости представляемого ими золота. Употребление бумажных денег вместо золота заменяет самое дорогое орудие обращения наиболее дешевым и дает возможность стране без потери для отдельных лиц обменять все золото, которое употреблялось для целей обращения, на сырые материалы, инструменты и предметы пищи. Пользуясь же последними, можно увеличить и богатство страны и комфорт ее населения.

С точки зрения всей нации, если только бумажное обращение хорошо урегулировано, совершенно безразлично, кто будет заниматься выпуском бумажных денег—правительство или Английский банк. Богатство страны увеличится одинаково в обоих случаях. Иначе представляется дело с точки зрения частных лиц. Для жителей страны, где рыночная норма процента равняется 7 и где государству нужны для какого-нибудь расхода 70 тыс. ф. ст. в год, весьма важно, будут ли они обложены специальным налогом для уплаты этих 70 тыс. ф. ст. в год или они могут уплатить их другим способом, помимо налога. Предположим, что для снаряжения какой-нибудь экспедиции требуется 1 млн. денег. Если бы государство выпустило на 1 млн. бумажных денег и таким образом извлекло бы из обращения 1 млн. в монете, то экспедиция была бы снаряжена без всякого обременения для народа. Но если бы этот миллион был выпущен в обращение бумажными деньгами Английским банком, который ссудил бы его правительству из 7%, обесценив тем самым миллион в монете, то страна была бы обременена постоянным налогом в 70 тыс. ф. ст. в год; народ вносил бы налог, банк получал бы его, и общество в целом было бы так же богато, как и прежде. Экспедиция была бы действительно снаряжена благодаря улучшению нашей денежной

системы, которое сделало возможным производительное употребление капитала стоимостью в 1 млн., затраченного на товары, вместо того чтобы оставаться непроизводительным в форме монеты. Но все выгоды достались бы учреждению, выпустившему бумажные деньги в обращение. А так как государство является представителем народа, то если бы оно, а не Английский банк, выпустило этот миллион, народ мог бы сберечь всю сумму платимого им налога.

Я уже указал, что, будь у нас полная гарантия от злоупотреблений выпуском бумажных денег, с точки зрения национального богатства было бы безразлично, кто будет проводить эти выпуски. Теперь же я показал, что население прямо заинтересовано в том, чтобы эти выпуски производились государством, а не компанией купцов или банкиров. Однако опасность таких злоупотреблений гораздо больше, когда право выпуска принадлежит правительству, а не банковской компании. Так, некоторые думают, что компания находилась бы больше под контролем законов. Если бы ей даже было выгодно увеличивать выпуски банкнот в самых неограниченных размерах, она встретила бы препятствие и границу в праве частных лиц требовать в обмен на банкноты монеты или слитки. Указывают также, что если бы правительство пользовалось привилегией выпуска бумажных денег, оно не считалось бы с таким препятствием; что оно скорее склонно принимать во внимание интересы настоящего, чем интересы будущего, и поэтому, ссылаясь на текущие нужды, оно могло бы отменить всякие ограничения, которыми контролировалось бы количество выпускаемых им денег.

По отношению к самодержавному правительству такое возражение имело бы большую силу. Но в свободной стране с просвещенными законодательными учреждениями право выпускать бумажные деньги при условии их разменности по желанию предъявителя могло бы быть без всякой опасности предоставлено назначенным для этой специальной цели комиссарам, которые были бы совершенно независимы от контроля министров.

Фонд погашения находится в ведении таких комиссаров, ответственных только перед парламентом, и помещение денег, вверенных их заботам, производится с чрезвычайной правильностью. Какое основание имеем мы сомневаться в том, что выпуск бумажных денег производился бы с такой же правильностью, если бы им управляли тем же способом?

Могут сказать, что выгоды, проистекающие для государства, а следовательно и для населения, от выпуска бумажных денег, достаточно очевидны: ведь часть национального долга, по которому население платит проценты, превратились бы в беспроцентный заем. Однако выпуск бумажных денег правительством был бы невыгоден для торговли, так как купцы теряют при этом возможность занимать деньги и учитывать свои векселя, а именно этим

способом Английский банк выпускает в обращение часть своих банкнот.

Но это было бы равносильно предположению, что если бы Английский банк не ссужал денег, то их нельзя было бы нигде занять, и что рыночная норма процента и прибыли зависит от размеров выпуска денег и от того, каким путем они попадают в обращение. Но так же как страна не испытывала бы никакого недостатка в сукне, в вине или в каком-нибудь другим товаре, если бы она имела средства для уплаты за все эти предметы, не было бы и никакого недостатка в деньгах для ссуд, если бы заемщики представляли хорошее обеспечение и были бы готовы заплатить за них рыночную норму процента.

В другой части этого сочинения я старался показать, что действительная стоимость товара регулируется не случайными выгодами, которые могут быть получены некоторыми из производителей этого товара, а теми действительными трудностями, которые встречает на своем пути производитель, находящийся в наименее благоприятном положении. То же самое можно сказать и о проценте по ссудам. Он регулируется не учетным процентом Английского банка, составляет ли последний 5, 4 или 3%, а нормой прибыли, которая может быть получена при затрате капитала и которая совершенно не зависит от количества или стоимости денег. Выдаст ли банк ссуды на 1, 10 или 100 млн., он все равно не может на продолжительное время изменить рыночную норму процента. Банк может изменить только стоимость денег, которые он таким образом выпускает. В одном случае для ведения какого-нибудь дела может потребоваться в десять или двадцать раз больше денег, чем могло бы потребоваться в другом. Обращения к банку за ссудами денег зависят от сопоставления нормы прибыли, которую можно получить с помощью этих денег, и нормы процента, по которой банк ссужает свои деньги. Если банк взимает меньший процент, чем рыночная норма его, то нет пределов той сумме, которую он мог бы таким образом ссудить, но если процент этот выше рыночной нормы, то разве только расточители и моты согласились бы занять деньги. Мы видим поэтому, что, когда рыночная норма процента превышает норму в 5%, по которой Английский банк ссужает, как правило, свои деньги, отделение по учету векселей осаждается желающими получить ссуду. И, наоборот, когда рыночная норма, хотя бы временно, ниже 5%, служащие в этом отделении сидят без дела.

Если Английский банк оказывал, как говорят, в течение последних двадцати лет большую помощь торговле, снабжая купцов деньгами, то это объясняется тем, что в течение всего этого периода процент, по которому он ссужал деньги, был ниже рыночной нормы процента, т. е. ниже той нормы, по которой торговые люди могли достать деньги в другом месте. Но, признаюсь, я лично считаю это скорее доводом против этого учреждения, чем в его пользу.

Что сказали бы мы об учреждении, которое регулярно снабжало бы половину всего числа фабрикантов сукна шерстью по цене, которая ниже ее рыночной цены? Какую пользу принесло бы это обществу? Такая практика не содействовала бы развитию нашей промышленности, так как шерсть была бы все равно куплена, даже если бы указанное учреждение брало за нее полную рыночную цену. Она не понизила бы цену сукна для потребителя, ибо цена, как я уже сказал выше, регулируется издержками производства тех производителей, которые находятся в наименее благоприятном положении. Единственным результатом было бы поэтому поднятие прибыли части фабрикантов сукна выше обычной и всеобщей нормы прибыли. Учреждение лишилось бы части своей законной прибыли, а другая часть общества имела бы выигрыш такого же характера. Именно таково действие нашей банковской системы. Законом устанавливается норма процента, которая ниже рыночной его нормы, и банк должен ссужать деньги по этой норме или вовсе не ссужать. По самой своей природе это учреждение располагает большими суммами, которые оно может использовать только путем отдачи их в ссуду, и часть промышленников совершенно несправедливо и в ущерб для всей страны поставлена в особенно благоприятное положение, пользуясь возможностью получать средства для ведения дела по меньшей цене, чем те, кому приходится добывать себе такие средства по рыночной цене.

Промышленная деятельность, которую может развить все общество, зависит от количества его капитала, т. е. от количества сырых материалов, машин, предметов пищи, кораблей и т. д., употребляемых в производстве. После того как установлено хорошо регулируемое бумажно-денежное обращение, количество этих предметов не может быть ни увеличено, ни уменьшено путем банковских операций. Итак, если государство выпускает в обращение бумажные деньги, которыми пользуется страна, то, хотя бы оно при этом не учитывало ни одного векселя и не ссужало никому ни одного шиллинга, в размерах промышленности не произошло бы никакого изменения, поскольку мы имели бы то же самое количество сырых материалов, машин, предметов пищи и кораблей. Вероятно, ссужались бы такие же суммы денег, но не всегда из 5%—нормы, установленной законом, хотя она и была бы ниже рыночной, а из 6, 7 или 8%—нормы, которая является результатом свободной конкуренции между залогодавцами и заемщиками.

Адам Смит говорит о выгодах, которые предоставляются купцам шотландской системой кредита по сравнению с английской путем открытия текущих счетов*. Такие текущие счета представляют собой кредиты, открываемые шотландским банкиром своим клиентам в дополнение к векселям, которые он для них учиты-

* [Кн. II, гл. II.]

вает. Но так как банкир, авансируя деньги и посылая их в обращение одним путем, тем самым ограничивает для себя возможность пускать их в обращение другим, то очень трудно заметить в чем заключается выгода. Если все обращение может поглотить только 1 млн. бумажных денег, то в обращении будет находиться только 1 млн. И ни для банкира, ни для торговца не имеет никакого значения, выпущена ли вся эта сумма путем учета векселей или же только одна часть ее, в то время как другая выпущена в форме указанных текущих счетов.

Необходимо, быть может, сказать еще несколько слов по вопросу о двух металлах—золоте и серебре, употребляемых для денежного обращения, тем более, что этот вопрос, повидимому осложнил для многих людей ясные и простые принципы денежного обращения. «В Англии,—говорит д-р Смит,—золото еще долго после того, как из него начала чеканиться монета, не рассматривалось как законное платежное средство. Соотношение между стоимостью золотой и серебряной монеты не было установлено никаким законом или предписанием. Установление этого соотношения было предоставлено рынку. Если должник предлагал в уплату своего долга золото, то кредитор мог либо совсем от него отказаться, либо принять золото по оценке, которая устанавливалась им по соглашению с должником»*.

Вполне понятно, что при таком положении вещей гиней могла стоить 22 шилл. или еще больше, а иногда 18 шилл. и еще меньше, причем курс ее зависел исключительно от изменения в относительной рыночной стоимости золота и серебра. Кроме того, все изменения в стоимости золота, точно так же как и в стоимости серебра, определялись в золотой монете, и казалось, что стоимость серебра как будто не изменяется и что повышению и понижению подвергалась только стоимость золота. Таким образом, хотя гиней стоила 22 шилл. вместо 18, стоимость золота могла и не измениться; изменение могло произойти исключительно в стоимости серебра, и, следовательно, 22 шилл. могли стоить не больше, чем 18 шилл. стоили прежде. И, наоборот, изменение могло произойти исключительно в стоимости золота, и стоимость гиней, которая прежде стоила 18 шилл., могла подняться до 22 шилл.

Если мы предположим теперь, что серебряные деньги потеряли часть своего веса вследствие обрезаивания и что, кроме того, количество их увеличилось, то гиней могла бы в этом случае стоить 30 шилл., так как серебро, заключающееся в 30 шилл. такой стертой монеты, могло бы стоить не больше, чем золото, заключающееся в одной гинее. Если мы заменим стертую серебряную монету новой—по стоимости Монетного двора,—то стоимость серебряных денег опять повысится. И в этом случае будет казаться,

* [Кн. I, гл. V.]

что стоимость золота понизилась, так как гиней теперь будет, вероятно, стоить не больше чем 21 полновесный шиллинг.

Если золото в свою очередь становится законным платежным средством и каждый должник может по желанию уплатить свой долг с помощью 420 серебряных шиллингов, или 20 гиней, за каждый 21 ф. ст., которые он должен, то он выберет тот или другой способ, смотря по тому, каким из них он может дешевле уплатить свой долг. Если за 5 кварталов пшеницы должник может получить слиток золота, который на Монетном дворе был бы перечеканен в 20 гиней, и за ту же самую пшеницу—столько серебра, что после перечековки его на Монетном дворе он получил бы 430 шилл., он предпочтет заплатить свой долг серебром, так как он выигрывает при этом 10 шилл. Но если за эту пшеницу он получит, наоборот, столько золота, что после перечековки у него будет $20\frac{1}{2}$ гиней, и столько серебра, что после перечековки у него окажется только 420 шилл., он вполне естественно предпочтет заплатить свой долг серебром. Если же количество золота, полученное им, после перечековки даст только 20 гиней, а количество серебра—420 шилл., то для него совершенно безразлично, в какой монете он уплатит свой долг—в серебряной или золотой. Итак, это не дело случая. Золото не потому предпочтительно употребляется для уплаты долгов, что оно лучше приспособлено для обращения богатой страны, а просто потому, что это выгодно должнику.

В течение долгого периода до 1797 г., когда Английский банк ограничил свои платежи звонкой монетой, золото в сравнении с серебром было так дешево, что Английскому банку и всем другим должникам выгодно было покупать на рынке золото, а не серебро, чтобы отправить его на Монетный двор для перечековки и таким путем погашать свои обязательства наиболее дешевым для себя образом. Серебряное обращение в течение большей части этого периода состояло из стертых и неполновесных монет. Но количество последних было ограничено, и, следовательно, в силу развитого мною прежде принципа курс, по которому они обращались, никогда не падал. Несмотря на плохое состояние серебряной монеты, должникам все-таки было выгодно платить свои долги в золотой монете. Конечно, если бы количество таких неполновесных серебряных монет было чрезвычайно велико или если бы Монетный двор выпускал в обращение неполновесные монеты, должникам было бы выгодно уплачивать свои долги в такой монете. Но количество ее было ограничено, и она сохранила свою стоимость, так что на практике действительным денежным стандартом было золото.

Никто не отрицает, что дело происходило именно таким образом. Но некоторые утверждали, что это вызвано было законом, в силу которого серебро могло служить законным платежным средством только при уплате долгов не сыне 25 ф. ст., а при

погашении более крупных обязательств оно принималось лишь по весу, соответственно пробе Монетного двора.

Но этот закон не мог помешать ни одному должнику уплатить свой долг, как бы ни была велика его сумма, в серебряной монете, только что вышедшей с Монетного двора. Если должник не пользовался этим металлом, то он делал это не случайно и не по принуждению, а только по своему выбору. Ему просто было невыгодно отправлять на Монетный двор серебро, и он предпочитал отправлять туда золото. Если бы количество находившихся в обращении неполновесных серебряных монет было чрезвычайно велико и серебро было законным платежным средством, гиней, вероятно, опять стоила бы 30 шилл. Но в этом случае произошло бы падение стоимости неполновесного шиллинга, а не повышение стоимости гиней.

Итак, оказывается, что, пока каждый из этих двух металлов мог одинаково служить законным средством для уплаты долгов любых размеров, мы были подвержены постоянной перемене в нашей главной стандартной мере стоимости. Исключительно в зависимости от изменений в относительной стоимости двух металлов таковой бывало иногда золото, иногда серебро. И всякий раз, когда один из этих металлов переставал быть стандартной мерой стоимости, он переплавлялся и извлекался из обращения, так как стоимость его в слитках была выше его стоимости в монете. Это представляло, конечно, такое неудобство, устранить которое было в высшей степени желательно. Но движение по пути прогресса было очень медленным: хотя это неудобство было уже неопровержимо разъяснено г-ном Локком и с того времени отмечалось всеми писателями по вопросу о деньгах, более рациональная система была принята только в парламентскую сессию 1816 г.; согласно принятому тогда закону только одно золото может служить законным платежным средством при уплате сумм свыше 40 шилл.

Д-р Смит не имел, повидимому, вполне ясного представления о всех следствиях одновременного употребления двух металлов и для денежного обращения и как законных платежных средств по долговым обязательствам любых размеров. Так, он говорит, что «в действительности, пока существует какое-нибудь установленное соотношение между стоимостями различных металлов в монете, стоимость всей обращающейся монеты регулируется стоимостью наиболее драгоценного металла»*. Так как золото в его время было для должников наиболее выгодным средством уплаты их долгов, то Адам Смит думал, что золото имеет какое-то присущее ему свойство, делающее его в данное время и всегда особенно пригодным для регулирования стоимости серебряных монет.

* [Кн. I, гл. V.]

После реформы золотого монетного обращения в 1774 г. новая гиней, только что вышедшая с Монетного двора, обменивалась на 21 неполновесный шиллинг. Но в царствование короля Вильяма, когда серебряная монета находилась не в лучшем положении, такая же новая, только что вышедшая с Монетного двора гиней обменивалась на 30 шилл. По этому поводу г-н Бьюкенен замечает: «Мы имеем в данном случае дело с очень странным явлением, которое не может быть объяснено обычными теориями денежного обращения. В один период гиней обменивается на 30 шилл., т. е. на действительно присущую ей стоимость, выраженную в неполновесной серебряной монете, а в другой—та же самая гиней обменивается только на 21 таких же неполновесных шиллинга. Ясно, что между этими двумя периодами в состоянии денежного обращения должно было произойти какое-нибудь большое изменение, которому гипотеза д-ра Смита не дает никакого объяснения».

Мне кажется, что это затруднение очень легко устраняется, если мы объясним различные стоимости гиней в два различных периода различными *количествами* неполновесной серебряной монеты, находившейся в обращении. В царствование Вильяма золото не служило законным платежным средством, оно принималось в уплату только по заранее установленной стоимости. Все большие платежи, вероятно, производились в серебре, тем более что в то время бумажное обращение и банковые операции были очень мало известны. Количество стертых серебряных монет превышало то количество серебряных денег, какое имелось бы в обращении при употреблении только полновесной монеты, и в результате последняя была обесценена в такой же степени, как и неполновесная монета. Но в последующую эпоху, когда золото стало законным платежным средством, когда для уплаты употреблялись также и банкноты, количество стертой серебряной монеты не превышало того количества ее, которое только что вышло с Монетного двора и находилось бы в обращении, если бы неполновесной серебряной монеты не существовало. Поэтому, хотя серебряные деньги потеряли в весе, они не были обесценены. Объяснение г-на Бьюкенена несколько отличается от моего. Г-н Бьюкенен думает, что только основной металл, находящийся в обращении, может быть обесценен, а не вспомогательный. В царствование Вильяма главным металлом, находившимся в обращении, было серебро, и поэтому оно могло быть обесценено. В 1774 г. оно было вспомогательным и поэтому сохранило свою стоимость. Но обесценение не зависит, однако, от того, является ли данный металл главным или вспомогательным в обращении, оно зависит целиком от избытка его количества¹.

¹ Лорд Лодердаль недавно утверждал в парламенте, что при существующем монетном уставе Английский банк не мог бы платить по своим банкнотам монетой, потому что при данной относительной стоимости двух металлов

Нельзя почти ничего возразить против умеренной пошлины за чеканку монеты, особенно если речь идет о деньгах, которые служат для мелких платежей. Деньги обыкновенно увеличиваются в стоимости на всю сумму пошлины. Такая пошлина несколько поэтому не затрагивает тех, кто ее платит, пока в обращении не находится излишнее количество денег. Следует, однако, заметить, что в стране, где установилось бумажно-денежное обращение, — даже при обязательстве со стороны эмиссионных учреждений разменивать бумажные деньги по предъявлению на звонкую монету, — как банкноты, так и монеты могут одинаково подвергнуться обесценению на всю сумму пошлины за чеканку последней, ибо только она является законным платежным средством. И это обесценение произойдет еще раньше, чем начнет действовать механизм, ограничивающий бумажно-денежное обращение. Если пошлина за чеканку золотой монеты составляла бы, например, 5%, то денежное обращение вследствие обильного выпуска банкнот могло бы в действительности подвергнуться обесценению на 5% еще до того, как держателям банкнот стало бы выгодно требовать в обмен на них звонкую монету, чтобы переплавлять ее в слитки. Такое обесценение не могло бы произойти, если бы не существовало пошлины за чеканку золотой монеты или если бы даже при существовании такой пошлины держатели банкнот могли бы в обмен на них требовать не звонкую монету, а только слитки по монетной цене в 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. Поэтому, — если только Английский банк не будет вынужден разменивать свои банкноты по желанию предъявителей на слитки или монету, — последний закон, устанавливающий пошлину в 6%, или 4 пенса

всем должникам будет гораздо выгоднее платить свои долги в серебряной монете, а не в золотой, и в то же время закон дает кредиторам Английского банка право требовать золота в обмен на предъявляемые банкноты. Это золото, по мнению лорда, могло бы вывозиться с выгодой, а в таком случае банк, чтобы обеспечить себе необходимое ему количество золота, был бы вынужден покупать постоянно золото с премией и продавать его *at pari*. Если бы каждый должник мог платить серебром, лорд Лодердаль был бы прав, но так не смогут поступить должники, долг которых превышает 40 шилл. Последнее обстоятельство ограничило бы количество обращающейся серебряной монеты (если бы правительство само не оставило за собой право прекратить чеканку этой монеты, когда оно сочло бы это нужным). При слишком большой чеканке серебряной монеты стоимость ее понизилась бы, и никто не принимал бы ее в уплату долга, превышающего 40 шилл., без вознаграждения за ее низшую стоимость. Чтобы уплатить долг в 100 ф. ст., понадобилось бы 100 соверенов золотом или банкнот на сумму в 100 ф. ст., но если бы в обращении находилось слишком много серебра, то потребовалось бы 105 ф. ст. серебряной монеты. Итак, имеются два препятствия к переполнению обращения серебром: во-первых, непосредственное препятствие, так как правительство может в любое время приостановить дальнейшую чеканку серебра; во-вторых, отсутствие стимула к отправке серебра на Монетный двор даже при возможности это сделать: ведь если бы серебро было перечеканено в монету, оно принималось бы в уплату не по его монетной цене, а только по рыночной стоимости. [Это примечание имеется только во втором и третьем изданиях.]

за унцию, за чеканку серебра и освобождающий чеканку золота на Монетном дворе от всякой пошлины, является, быть может, наиболее целесообразным, так как он самым действительным образом устраняет ненужные изменения в количестве обращающихся денег*.

ГЛАВА XXVIII

О СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ЗОЛОТА, ХЛЕБА И ТРУДА В БОГАТЫХ И БЕДНЫХ СТРАНАХ

«Как и все другие товары, золото и серебро,—говорит Адам Смит,—естественно направляются на тот рынок, где за них дают лучшую цену. А лучшая цена дается обыкновенно за всякий предмет в той стране, которая для этого достаточно богата. Следует помнить, что труд есть конечная цена, которая платится за каждую вещь, а в странах, где труд одинаково хорошо вознаграждается, денежная цена труда пропорциональна цене средств существования рабочего. Но золото и серебро будут, разумеется, обмениваться в богатой стране, т. е. стране, которая изобилует средствами существования, на большее количество их, чем в бедной стране, которая снабжена ими в едва лишь достаточном количестве)**.

Но хлеб—такой же товар, как золото, серебро и другие предметы. Если, следовательно, все товары в богатой стране имеют высокую меновую стоимость, то хлеб не будет составлять исключения. Поэтому мы с полным основанием можем сказать, что хлеб обменивался на большую сумму денег, потому что он дорог, и что деньги в свою очередь обменивались на большое количество хлеба, потому что они были также дороги, а это означает, что хлеб в одно и то же время дорог и дешев. Ни одно положение в политической экономии не установлено лучше, чем следующее: в богатой стране население увеличивается вследствие возрастающей трудности добывания пищи не в таком отношении, как в бедной. Эта трудность необходимо должна повышать относительную цену

* [В первом издании к этому месту имелось следующее примечание: Г-н Сэй предпочитает, чтобы «сбор, взимаемый за чеканку, изменялся соответственно количеству работы, производимой Монетным двором. Правительство должно было чеканить слитки частных лиц за плату, покрывающую не только расходы, но и прибыль чеканки. Эта прибыль может быть доведена до значительной высоты в силу исключительной привилегии чеканки, но она должна изменяться в соответствии с условиями работы Монетного двора и с количеством монет, требующихся для обращения» (т. I, стр. 380).

Такое правило было бы в высшей степени губительно и подвергло бы нас значительным и излишним изменениям в слитковой стоимости обращающихся денег.]

** [Кн. I, гл. XI, разд. 3.]

предметов пищи и поощрять их ввоз. Каким же образом могут тогда деньги, золото или серебро обмениваться в богатых странах на большее количество хлеба, чем в бедных? Только в богатых странах, где хлеб дорог, землевладельцы настаивают на том, чтобы законодательные органы запретили ввоз хлеба. Кто слышал когда-нибудь о законе, который запрещал бы ввоз сырых произведений в Америку или Польшу? Природа сама ставит гораздо более действительные преграды ввозу таких предметов благодаря сравнительной легкости их производства в этих странах.

Как же можно утверждать в таком случае, что «за исключением зерна и других сельскохозяйственных растений, возделываемых всецело человеческим трудом, все остальные виды сырья—скот, птица, дичь всякого рода, полезные ископаемые и минералы и т.п.—естественно становятся по мере развития общества все дороже»*. Почему делается исключение только для зерна и других сельскохозяйственных растений? Ошибка д-ра Смита, проходящая красной нитью через весь его труд, заключается в предположении, что стоимость хлеба представляет постоянную величину и что, хотя стоимость всех других вещей может повыситься, со стоимостью хлеба это никогда не может произойти. По его мнению, хлеб всегда имеет одинаковую стоимость, потому что он всегда может прокормить одинаковое число людей. Точно таким же образом можно сказать, что сукно всегда имеет одну и ту же стоимость, потому что из него всегда можно сделать одно и то же количество курток. Что общего имеет стоимость со способностью служить предметом пищи и одежды?

Как и всякий другой товар, хлеб в каждой стране имеет свою естественную цену, т. е. цену, необходимую для его производства и достаточную для того, чтобы хлеб мог возделываться. Именно эта цена управляет его рыночной ценой и определяет целесообразность вывоза его в чужие страны. Если бы в Англии ввоз хлеба был воспрещен, его естественная цена могла бы подняться здесь до 6 ф. ст. за кварталер, тогда как во Франции она составляла бы лишь половину этой суммы. Если бы запрещение ввоза было отменено, цена хлеба на английском рынке упала бы, но в своем падении она остановилась бы не на какой-нибудь цене между 6 ф. ст. и 3 ф. ст. за кварталер, а остановилась бы в конце концов и удержалась бы надолго на естественной цене хлеба во Франции, т. е. на цене, по которой он может быть доставлен на английский рынок и принести обычную установившуюся прибыль на капитал во Франции. Цена оставалась бы на этом уровне, независимо от того, потребляла бы Англия 100 тыс. или 1 млн. кварталеров. Если бы спрос Англии достиг последней цифры, то благодаря необходимости обратиться к обработке худших участков для доставки этого большего количества хлеба, естественная цена его во Франции,

* [Кн. I, гл. XI.]

вероятно, повысилась бы, а это в свою очередь повлияло бы на повышение цены хлеба в Англии. Я настаиваю только на том, что именно естественная цена товаров в вывозящей стране регулирует в конечном счете цены, по которым они должны быть проданы,—если, конечно, они не являются предметом монополии,—в стране ввозящей.

Но д-р Смит, так искусно защищавший теорию, согласно которой рыночная цена в конечном счете регулируется естественной ценой товаров, предположил случай, в котором, по его мнению, рыночная цена не регулируется естественной ценой ни вывозящей, ни ввозящей страны. «Уменьшите действительное богатство Голландии или Генуи,—говорит он,—но оставьте им их прежнее население; уменьшите также их возможность снабжать себя всем необходимым из отдаленных стран, и цена хлеба не только не понизится вследствие уменьшения количества серебра, которое как причина или как следствие необходимо сопровождало бы этот упадок, но, наоборот, достигнет размеров голодной цены» *.

Мне же кажется, что произошло бы совершенно обратное явление: уменьшение общей покупательной способности голландцев или генуэзцев могло бы вызвать временное падение цены хлеба ниже его естественной цены как в стране, откуда он вывозится, так и в стране, куда он ввозится, но ни в каком случае это уменьшение не могло бы повлечь за собой поднятие цены хлеба выше его естественной цены. Только увеличивая богатство голландцев или генуэзцев, вы можете увеличить спрос и поднять цену хлеба выше его прежней цены. И это продолжалось бы очень короткое время, если бы только не возникли новые затруднения при получении требуемого количества.

Далее д-р Смит делает следующее замечание: «Если мы испытываем нужду в предметах насущной необходимости, мы должны отказаться от всяких излишеств, стоимость которых поднимается в периоды богатства и процветания и падает в периоды нужды и бедствий». Все это несомненно верно, но он продолжает: «Иначе обстоит дело с предметами необходимости. Их реальная цена—количество труда, которое можно купить на них или которым можно располагать благодаря им,—поднимается в периоды нужды и бедствий и падает в периоды богатства и процветания, являющиеся в то же время периодами большого изобилия, так как иначе они не были бы периодами богатства и процветания. Хлеб—предмет насущной необходимости, а серебро—только излишество» **.

Здесь делаются два предположения, не имеющие никакой связи друг с другом: одно, согласно которому при предположенных усло-

* [Кн. I, гл. XI.]

** [Там же.]

виях с помощью хлеба можно располагать большим количеством труда; это никем не оспаривается; другое, что хлеб может продаваться по более высокой денежной цене и может обмениваться на большее количество серебра; второе предположение я считаю ошибочным. Оно могло быть верным, если бы хлеб в то же время имелся в недостаточном количестве, если бы обычно предлагаемое количество не было доставлено. Но в данном случае хлеб имеется в изобилии; предположения, что ввезено меньшее количество хлеба, чем обыкновенно, или что его требуется больше, не делается. Для покупки хлеба голландцы или генуэзцы нуждаются в деньгах, и, чтобы добыть эти деньги, они вынуждены продавать принадлежащие им предметы роскоши. Упадет как раз рыночная стоимость и цена этих последних, а стоимость денег повысится только в сравнении с их стоимостью. Но это не создает тенденции к увеличению спроса на хлеб и к понижению стоимости денег, а только в силу этих двух причин может подняться цена хлеба. Вследствие отсутствия кредита или других причин на деньги может существовать большой спрос, и они, следовательно, будут дороги в сравнении с хлебом. Но нет никаких серьезных оснований утверждать, что при этих обстоятельствах деньги были бы дешевы и что, следовательно, цена хлеба поднялась бы.

Когда мы говорим о высокой или низкой стоимости золота, серебра или какого-нибудь другого товара в различных странах, мы всегда должны при этом указать какую-нибудь меру, с помощью которой мы их оцениваем. Иначе наше утверждение не связано ни с каким представлением. Так, например, если нам говорят, что золото в Англии дороже, чем в Испании, то какое представление вызывает это утверждение, если при этом не называется ни один товар? Если хлеб, маслины, растительное масло, вино и шерсть в Испании дешевле, чем в Англии, то золото, поскольку оно оценивается в этих товарах, в Испании дороже. И опять-таки, если металлические изделия, сахар, сукно и т. д. в Англии дешевле, чем в Испании, то, поскольку золото оценивается в этих товарах, оно дороже в Англии. Золото в Испании будет казаться дороже или дешевле смотря по тому, какой товар заблагорассудится выбрать наблюдателю как меру для установления стоимости. Так как Адам Смит считает всеобщей мерой стоимости хлеб и труд, то он, конечно, будет оценивать сравнительную стоимость золота тем количеством этих двух предметов, на которые оно будет обмениваться. Поэтому, когда он говорит о сравнительной стоимости золота в двух странах, он, по моему мнению, подразумевает стоимость его, выраженную в хлебе и труде.

Но мы уже видели, что, поскольку стоимость золота оценивается в хлебе, она может быть совершенно различна в двух странах. Я старался показать, что она будет низка в богатых странах и высока в бедных. Адам Смит держится другого мнения. Он думает,

что стоимость золота, поскольку оно оценивается в хлебе, выше всего в богатых странах. Мы не будем вдаваться в дальнейший разбор правильности этих двух мнений. Каждое из них одинаково приводит к выводу, что стоимость золота не будет обязательно ниже в странах, которые владеют рудниками, хотя это положение поддерживается Адамом Смитом. Предположим, что Англия владеет рудниками и что Адам Смит, полагающий, что стоимость золота выше всего в богатых странах, прав. Хотя золото уходило бы из Англии во все другие страны в обмен на их *товары*, из этого еще вовсе не следует, что стоимость золота в сравнении со стоимостью хлеба и труда будет обязательно ниже в Англии, чем в этих странах. Впрочем, в другом месте Адам Смит говорит, что стоимость драгоценных металлов в Испании и Португалии должна быть обязательно ниже, чем в других частях Европы, потому что обе эти страны являются почти исключительными владельцами драгоценных рудников, доставляющих золото и серебро. «Польша, в которой все еще существует феодальная система, является в наше время такой же нищей страной, какой она была до открытия Америки. *Однако денежная цена хлеба поднялась, а действительная стоимость драгоценных металлов упала* в Польше точно так же, как и в других частях Европы. Следовательно количество их увеличилось здесь так же, как и в других странах, и *почти в том же отношении к годовому продукту земли и труда*. Но такое возрастание количества этих металлов, повидимому, не увеличило годового продукта. Оно не способствовало развитию мануфактур и земледелия страны и не улучшило положения ее жителей. Испания и Португалия, страны, которые владеют рудниками, являются, быть может, после Польши самыми нищими в Европе. Однако стоимость драгоценных металлов *должна быть в Испании и Португалии ниже*, чем в других странах Европы, которым приходится оплачивать не только фрахт и страховку, но и расходы, причиняемые контрабандой, так как вывоз драгоценных металлов или запрещен или обложен пошлиной. По отношению к годовому продукту земли и труда количество их должно быть, следовательно, больше в Испании и Португалии, чем в какой-либо другой части Европы. И все-таки эти страны беднее, чем большинство европейских стран. Хотя феодальная система в Испании и Португалии была уничтожена, она не была заменена лучшей»*.

Аргументация д-ра Смита, повидимому, такова: поскольку золото оценивается в хлебе, оно в Испании дешевле, чем в других странах. И это доказывается не тем, что хлеб дается Испании другими странами в обмен на золото, а тем, что сукно, сахар, металлические изделия отдаются другими странами в обмен на этот металл.

* [Кн. I, гл. XI.]

ГЛАВА XXIX

НАЛОГИ, УПЛАЧИВАЕМЫЕ
ПРОИЗВОДИТЕЛЕМ

Г-н Сэй сильно преувеличивает неудобства, проистекающие оттого, что налог на промышленные товары взимается на ранней стадии их изготовления, а не на более поздней. Он замечает, что фабриканты, через руки которых последовательно проходит товар, должны употреблять более значительные средства вследствие необходимости авансировать налог, а это часть ставит в затруднительное положение фабриканта, обладающего очень ограниченным капиталом и кредитом. Против этого замечания нельзя ничего возразить.

Другое неудобство, на котором он останавливается, заключается в том, что вследствие авансирования налога прибыль на аванс должна также быть получена с потребителя, но из этого добавочного налога казначейство не извлекает никакой выгоды.

С последним доводом г-на Сэя я не могу согласиться. Предположим, что государство вынуждено немедленно собрать сумму в 1 тыс. ф. ст. и взимает ее с фабриканта, который только по истечении 12 мес. в состоянии будет переложить эту сумму в цене законченного товара на потребителя. Вследствие этой отсрочки он вынужден повысить цену своего товара не только на добавочную сумму в 1 тыс. ф. ст., т. е. на сумму налога, а, вероятно, на сумму в 1 100 ф. ст., из которых 100 ф. ст. составляют проценты на авансированный капитал в 1 тыс. ф. ст. Но взамен за добавочные 100 ф. ст., уплачиваемые потребителем, последний получает действительную выгоду, поскольку уплата налога, который требуется правительством немедленно и который он в конечном счете должен оплатить, откладывается на целый год. Он таким образом может ссудить фабриканту, нуждающемуся в деньгах, 1 тыс. ф. ст. из 10% или из какого-нибудь другого процента по взаимному соглашению. 1 100 ф. ст., которые должны быть уплачены по истечении года, стоят, исходя из 10%, не больше, чем 1 тыс. ф. ст., которые должны быть уплачены немедленно. Если бы правительство отсрочило взимание налога на год, пока производство товара было бы вполне закончено, оно было бы, может быть, вынуждено выпустить казначейские обязательства, приносящие известный процент. Оно платило бы таким образом столько денег в виде процента, сколько потребитель сберег бы на цене, за исключением, правда, той части цены, которую фабрикант имел бы возможность прибавить к своему действительному барышу благодаря налогу. Если бы правительство должно было платить 5% по своим казначейским обязательствам, то, не выпуская их, оно сберегло бы 50 ф. ст. налогов. Если бы фабрикант занял необходимый ему добавочный капитал из 5% и взял с потребителя 10%, он получил бы, кроме обычной при-

были еще 5% на авансированный капитал. Таким образом фабрикант и правительство вместе выиграли бы или сберегли точно такую же сумму, какую уплачивает потребитель.

Г-н Симонд¹, развивая дальше аргументацию Сэя, в своем прекрасном сочинении «De la Richesse Commerciale» вычислил, что если бы товар должен был пройти только через руки пяти различных лиц, то налог в 4 тыс. фр., уплаченный сначала фабрикантом при умеренной прибыли в 10%, возрос бы для потребителя до суммы в 6 734 фр. Этот расчет основан на предположении, что тот, кто первый авансирует налог, получит от следующего фабриканта 4 400 фр., а этот в свою очередь от следующего за ним 4 840 фр., и так каждый раз при переходе товара в руки следующего фабриканта к стоимости его будет прибавляться 10%. Это было бы равносильно предположению, что стоимость налога накапливается по сложным процентам, т. е. не по годичной норме в 10%, а по абсолютной норме в 10%, прибавляемой при всякой последовательной передаче товара. Положение г-на Симонда было бы верно, если бы между первым авансированием налога и продажей обложенного товара потребителю прошел срок в пять лет. Но если бы прошел только один год, то не 2 734, а 400 фр. составили бы 10% вознаграждения всем, кто авансировал этот налог, независимо от того, прошел ли товар через руки 5 или 50 фабрикантов.

ГЛАВА XXX

О ВЛИЯНИИ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ЦЕНЫ

Цена товаров регулируется в конечном счете издержками производства, а не, как это часто утверждали, отношением между предложением и спросом. Конечно, отношение между предложением и спросом может временно повлиять на рыночную стоимость товара, пока он не будет предложен в большем или меньшем количестве соответственно возрастанию или уменьшению спроса. Но это влияние будет носить временный характер.

Уменьшите издержки производства шляп, и цена их в конце концов упадет до размеров их новой естественной цены, хотя бы спрос на них удвоился, утроился или учетверился. Уменьшите издержки производства средств существования путем уменьшения естественной цены предметов пищи и одежды, служащих для поддержания жизни, и заработная плата в конце концов упадет, несмотря на то, что спрос на рабочих может очень сильно возрасти.

Мнение, что цена товаров зависит исключительно от отношения предложения к спросу или наоборот, превратилось в политиче-

¹ Т. е. Симонд де Сисмонди.—Ред.

ской экономии почти в аксиому и стало источником многих ошибок в этой науке. Именно это мнение заставило г-на Бьюкенена утверждать, что заработная плата не находится ни в какой зависимости от роста или падения цен пищевых продуктов, а зависит только от отношения между спросом на труд и его предложением и что налог на заработную плату не повысит ее, потому что он не изменит отношения между спросом на рабочих и их предложением.

Нельзя говорить о возрастании спроса на товар, если не покупается или не потребляется добавочное количество его, и, однако, его денежная стоимость может возрастать при этих условиях. Так, если бы стоимость денег упала, поднялась бы цена всякого товара, так как каждый из конкурентов согласен был бы истратить на покупку товара больше денег, чем прежде. Хотя цена последнего возросла бы на 10 или 20%, однако при условии, что он покупается не в большем количестве, чем прежде, было бы, по моему мнению, недопустимо утверждать, что такое изменение в цене вызвано возросшим спросом на данный товар. Его естественная цена, издержки производства его, выраженные в деньгах, действительно изменились бы вследствие изменения стоимости денег, и цена товара без какого-нибудь возрастания спроса на него, естественно, приспособилась бы к его новой стоимости.

«Мы видели,—говорит г-н Сэй,—что издержки производства определяют низшую цену, по которой могут продаваться товары, цену, ниже которой товары не могут продаваться в течение сколько-нибудь продолжительного времени, так как производство их в этом случае либо совсем прекратилось бы, либо уменьшилось бы» (т. II, стр. 26).

В другом месте он говорит, что так как спрос на золото со времени открытия золотых рудников увеличился еще в большей степени, чем его предложение, то «цена его, выраженная в товарах, вместо того чтобы упасть в отношении 10 : 1, упала только в отношении 4 : 1». Иначе говоря, вместо того чтобы упасть пропорционально падению естественной цены золота, цена его упала только пропорционально превышению спроса над предложением¹. *«Стоимость каждого товара всегда возрастает прямо пропорционально спросу и обратно пропорционально предложению».*

Этого же мнения придерживается и лорд Лодердаль.

¹ «Если при том количестве золота и серебра, какое имеется в настоящее время, эти металлы служили только для производства посуды и украшений, они оказались бы в изобилии и были бы дешевле, чем теперь; другими словами, при обмене их на другие товары мы должны были бы отдавать относительно большее количество этих металлов. Но так как большее количество их употребляется для чеканки денег и эта часть их не используется ни для какой другой цели, на производство утвари и ювелирных вещей остается значительно меньшее количество, и вызванная этим редкость их увеличивает их стоимость» (Say, v. II, p. 316. См. также прим. к стр. 78).

«Изменениям в стоимости может подвергаться всякий предмет, обладающий ею. Если бы мы могли на время предположить, что какое-нибудь вещество обладает присущей ему постоянной стоимостью, так что известное количество его имеет всегда и при всяких условиях одинаковую стоимость, то уровень стоимости всех предметов, установленный с помощью этой постоянной меры, изменялся бы соответственно отношению *между их количеством и спросом на них*; поэтому стоимость всякого товара была бы подвержена изменениям в силу четырех различных обстоятельств:

1. Стоимость товара должна была бы увеличиться, если бы уменьшилось его количество.
2. Стоимость его должна была бы уменьшиться, если бы увеличилось его количество.
3. Стоимость его могла бы увеличиться, если бы возрос спрос на него.
4. Стоимость его могла бы уменьшиться, если бы уменьшился спрос на него.

Вполне ясно, однако, что ни один товар не может обладать присущей ему постоянной стоимостью, которая делала бы его пригодным, чтобы служить мерой стоимости всех товаров; человечество вынуждено поэтому выбрать в качестве практической меры стоимости такой товар, стоимость которого меньше всего подвергается влиянию этих четырех обстоятельств, *являющихся единственными причинами изменения стоимости*.

Если, следовательно, мы говорим в обыденной речи о *стоимости* какого-нибудь товара, то последняя может изменяться от одного периода до другого вследствие следующих восьми различных условий:

1. В силу вышеуказанных четырех условий, поскольку они оказывают влияние на товар, о стоимости которого идет речь.

2. В силу тех же четырех условий, поскольку они оказывают влияние на товар, который мы выбрали мерой стоимости¹.

Все это верно по отношению к монополизированным товарам и фактически по отношению к рыночной цене всех других товаров в течение ограниченного периода времени. Если спрос на шляпы удвоится, цена их немедленно поднимется, но рост этот будет только временным, если только издержки производства шляп, или их естественная цена, в свою очередь не поднимутся. Если бы естественная цена хлеба упала вследствие какого-нибудь крупного открытия в агрономии на 50%, то спрос не возрос бы в очень значительной степени, так как никто не пожелал бы иметь больше хлеба, чем нужно для удовлетворения потребностей, а если бы не возрастал спрос, то не увеличилось бы и предложение. Товар предлагается не потому только, что он может быть произведен,

¹ «An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth», p. 13.

но потому, что на него существует спрос. Таким образом мы имеем здесь случай, когда спрос и предложение едва изменились, а если и возросли, то в одинаковой степени; и все-таки цена хлеба упадет сразу на 50%, и притом в такой период, когда стоимость денег остается прежней.

Цена товаров, монополизированных отдельным лицом или какой-нибудь компанией, изменяется в согласии с законом, который был изложен лордом Лодердалем: она падает пропорционально увеличению их количества продавцами и повышается в соответствии с усилением требования на них со стороны покупателей. Цена их не обязательно связана с их естественной стоимостью. Что же касается цены товаров, составляющих предмет конкуренции, чье количество может быть увеличено в любой умеренной степени, то она в конечном счете зависит не от отношения между спросом и предложением, а от увеличения или уменьшения издержек их производства.

ГЛАВА XXXI

О МАШИНАХ

В настоящей главе я хочу исследовать влияние машин на интересы различных классов общества. Этот вопрос имеет громадное значение, и исследование его, кажется, никогда еще не велось так, чтобы дать какие-нибудь верные или полезные результаты. Я тем более считаю себя обязанным изложить свои взгляды на этот вопрос, что после долгих размышлений я их в значительной степени изменил. Хотя, поскольку мне известно, я ни в одном из опубликованных мною произведений не написал по вопросу о влиянии машин ничего такого, от чего я считал бы необходимым отказаться, однако другим путем я оказал поддержку теориям, которые я признаю теперь ошибочными. Я считаю поэтому своим долгом подвергнуть критическому рассмотрению мои настоящие взгляды, так же как и все доказательства, которые я могу привести в их пользу.

Когда я впервые обратил свое внимание на изучение вопросов политической экономии, я придерживался взгляда, что применение машин в какой-нибудь отрасли производства, поскольку оно бережет труд, является благом для всех и сопровождается только теми неудобствами, которые в большинстве случаев вызываются передвижением капитала и труда из одного занятия в другое. Мне казалось, что владельцы земли при условии, что они получают ту же самую денежную ренту, выиграли бы благодаря понижению цен некоторых товаров, на которые они расходуют свою ренту, а это понижение цен явилось бы неизбежным следствием применения машин. Капиталист, по моему мнению, также выиграл бы в конечном счете по тем же причинам. Правда, тот, кто изобрел машину или впервые утилизировал ее, пользовался бы добавочной

выгодой, так как в течение известного периода он получал бы большую прибыль. Но по мере того как машина входила бы во всеобщее употребление, цена производимого с ее помощью товара понижалась бы благодаря конкуренции до издержек его производства. Тогда капиталист получал бы такую же денежную прибыль, как и прежде, и участвовал бы в общих выгодах только как потребитель, так как при помощи того же денежного дохода он мог бы получать добавочное количество предметов комфорта и удовольствия. Класс рабочих, думал я тогда, также выиграл бы в одинаковой степени от введения машин, потому что при той же самой денежной заработной плате рабочие могли бы теперь покупать больше товаров. Я полагал при этом, что заработная плата не понижалась бы, так как капиталист мог бы предъявлять спрос и занять такое же количество труда, как и прежде, хотя он мог бы быть вынужден использовать этот труд для производства нового или по крайней мере видоизмененного товара. Если бы благодаря усовершенствованию машин можно было бы при том же количестве труда учетверить количество чулок, тогда как спрос на чулки увеличился бы только вдвое, часть рабочих по необходимости должна была бы уйти из чулочной промышленности. Но ввиду того, что капитал, дававший им занятие, продолжал бы существовать и его владельцам было бы выгодно употребить его производительно, мне казалось, что он будет затрачен на производство какого-нибудь другого товара, полезного для общества, на который непременно существовал бы спрос. На меня произвело тогда, да и теперь еще производит, глубокое впечатление верное замечание Адама Смита о том, что «стремление человека к пище ограничено узкими пределами человеческого желудка, но стремление к предметам удобства, к украшению жилища, к нарядам, экипажам и мебели, кажется, вовсе не знает границ или, по крайней мере, определенных границ»*. А так как мне казалось, что спрос на труд останется неизменным и что заработная плата не понизится, то я думал, что трудящийся класс воспользуется в такой же степени, как и другие классы, выгодами всеобщего удешевления товаров, которое явилось бы следствием применения машин.

Таковы были мои взгляды, и, поскольку речь идет о землевладельцах и капиталистах, они не изменились, но я теперь убедился, что замена человеческого труда машиной часто приносит очень большой ущерб интересам класса рабочих.

Моя ошибка вытекала из предположения, что при всяком возрастании чистого дохода общества необходимо должен также возрастать и его валовой доход. Теперь я имею основание думать, что фонд, из которого извлекают свой доход землевладельцы и капиталисты, может возрастать, в то время как другой, от которого главным образом зависит трудящийся класс, может уменьшаться.

* [Кн. I, гл. XI, раздел 2.]

Отсюда следует, если я прав, что та же самая причина, которая может умножить чистый доход страны, может в то же время создать излишнее население и ухудшить положение рабочего.

Предположим, что капиталист применяет капитал стоимостью в 20 тыс. ф. ст. и что он одновременно является и фермером и фабрикантом предметов насущной необходимости. Предположим дальше, что 7 тыс. ф. ст. из его капитала вложены в основной капитал, т. е. в здания, орудия и т. д., а остальные 13 тыс. ф. ст. употребляются как оборотный капитал на содержание труда. Предположим, кроме того, что прибыль составляет 10% и что, следовательно, капитал нашего капиталиста ежегодно приводится в состояние своей первоначальной эффективности и приносит прибыль в 2 тыс. ф. ст.

Ежегодно капиталист начинает свои операции, имея в своем владении на 13 тыс. ф. ст. предметов пищи и насущной необходимости, которые он в течение года продает полностью своим собственным рабочим за эту сумму денег, и в течение того же периода он выплачивает им такое же количество денег как заработную плату: в конце года они снова доставляют ему предметы пищи и насущной необходимости стоимостью в 15 тыс. ф. ст., из которых 2 тыс. ф. ст. он расходует на собственное потребление или распоряжается ими соответственно своим вкусам и желаниям. Поскольку речь идет о названных продуктах, валовой продукт составит в течение данного года 15 тыс. ф. ст., а чистый—2 тыс. ф. ст. Предположим теперь, что в следующем году капиталист использует одну половину своих рабочих для постройки машины, а другую, как и раньше, для производства предметов пищи и насущной необходимости. В течение этого года он уплатил бы в виде заработной платы такую же сумму в 13 тыс. ф. ст., как и прежде, и продал бы своим рабочим на такую же сумму предметов пищи и насущной необходимости. Но как сложилось бы дело в следующем году?

Пока строилась бы машина, была бы произведена только половина обычного количества предметов пищи и насущной необходимости, и стоимость их была бы наполовину меньше стоимости того количества, которое производилось раньше. Машина стоила бы 7 500 ф. ст. и предметы пищи и насущной необходимости тоже 7 500 ф. ст. Следовательно, капитал нашего капиталиста был бы так же велик, как и прежде, потому что, кроме этих двух стоимостей, он имел бы еще в своем распоряжении основной капитал стоимостью в 7 тыс. ф. ст.—итого 20 тыс. ф. ст. капитала и 2 тыс. ф. ст. прибыли. Вычитая последнюю сумму для расходования на собственные нужды, он имел бы в своем распоряжении для ведения дальнейших операций оборотный капитал не свыше 5 500 ф. ст. Следовательно, средства, которые он может истратить на содержание труда, уменьшились бы с 13 тыс. ф. ст. до 5 500 ф. ст., а вслед за этим весь труд, который прежде применялся бы при помощи 7 500 ф. ст., стал бы излишним.

Уменьшенное количество рабочих, которое капиталист может применить, должно при содействии машины произвести стоимость, равную за вычетом издержек по ее ремонту 7 500 ф. ст. Это же количество рабочих должно возместить оборотный капитал вместе с прибылью в 2 тыс. ф. ст. на весь капитал. А раз это сделано, раз чистый доход не уменьшился, то не все ли равно капиталисту, представляет ли валовой доход стоимость в 3 тыс. ф. ст., в 10 тыс. ф. ст. или в 15 тыс. ф. ст.?

Итак, в этом случае, несмотря на то, что стоимость чистого продукта не уменьшилась бы, несмотря на то, что его покупательная сила по отношению к товарам могла значительно возрасти, валовой продукт вместо стоимости в 15 тыс. ф. ст. составлял бы стоимость в 7 500 ф. ст. А так как способность нации содержать население и давать занятие рабочим зависит всегда от валового продукта нации, а не от ее чистого продукта, то уменьшение валового продукта неизбежно повлечет за собой уменьшение спроса на труд и вызовет перенаселение. Таким образом положение рабочего класса будет представлять картину нужды и отчаяния.

Но возможность сберегать часть дохода для превращения его в капитал должна зависеть от способности чистого дохода удовлетворять потребности капиталиста, а вследствие понижения цен товаров, следующего за введением машин, последний может увеличить,—если, конечно, его потребности останутся такими же самыми,—свой сбережения, и таким образом значительно облегчается превращение дохода в капитал. Но с каждым возрастанием последнего капиталист будет занимать больше рабочих, и, следовательно, часть их, потерявшая прежде работу, снова найдет в дальнейшем занятие. А если вследствие введения машин расширение производства будет столь велико, что оно даст в виде чистого продукта такое же большое количество предметов пищи и насущной необходимости, какое давало прежде в форме валового продукта, то налицо имела бы та же возможность доставить занятия всему населению, что и прежде; тогда излишек населения вовсе не будет необходим.

Я хочу только доказать, что изобретение и употребление машин может сопровождаться уменьшением валового продукта. Каждый раз, как происходит такое уменьшение, оно приносит ущерб рабочему классу, потому что часть рабочих лишается работы и население становится излишним в сравнении с фондом для его использования.

Предположенный мною случай является самым простым, какой я только мог выбрать, но результаты получились бы те же самые, если бы мы предположили, что машины применяются в любом другом производстве, например фабрикантом сукон или хлопчатобумажных изделий. Если бы машины применялись в производстве сукна, то после их введения производилось бы меньше сукна, ибо предприниматель теперь уже не предъявлял бы требования на

часть того количества, которое прежде предназначалось для оплаты большего числа рабочих. Благодаря применению машин для него было бы необходимо воспроизводить стоимость, которая равнялась бы только потребленной стоимости плюс прибыль на весь капитал. 7 500 ф. ст.годились бы для этого с таким же успехом, как прежде 15 тыс. ф. ст., потому что второй случай ничем не отличается от первого. Можно было бы, однако, сказать, что спрос на сукно будет так же велик, как и прежде, но тогда можно было бы спросить, откуда же возьмется новое предложение?

Но кто же предъявлял спрос на сукно? Фермеры и другие производители предметов насущной необходимости, которые затратили свои капиталы на производство этих последних и этим путем получили сукно. Они давали фабриканту сукон хлеб и предметы насущной необходимости в обмен на сукно, а последний давал их своим рабочим за сукно, которое ему доставлял их труд.

Этот обмен теперь прекратился бы; фабрикант сукна не нуждался бы теперь в предметах пищи и одежды, так как он занимает теперь меньше людей и в его распоряжении теперь меньше сукна. Фермеры и все те, кто производит предметы насущной необходимости только как средство для известной цели, уже не могли бы больше получать сукно с помощью такого приложения своего капитала. Они, следовательно, или сами вложили бы свои капиталы в производство сукна, или ссудили бы их другим, для того чтобы товар, в котором действительно чувствуется потребность, был доставлен, а товар, уплатить за который никто не может или на который нет спроса, перестал производиться. Мы пришли таким образом к тому же результату: спрос на труд уменьшится, и товары, необходимые для поддержания труда, не будут производиться в таком изобилии, как прежде.

Если изложенные взгляды верны, то из них вытекают следующие выводы: во-первых, изобретение и полезное применение машин всегда приводит к увеличению чистого продукта страны, хотя в короткий промежуток времени они не могут увеличить, да и действительно не увеличивают, стоимость этого чистого продукта.

Во-вторых, увеличение чистого продукта страны совместимо с уменьшением ее валового продукта. Стимул к введению машин всегда достаточно велик, чтобы обеспечить их применение, если последнее приводит к увеличению чистого продукта, хотя в то же время введение их может, да часто и должно, уменьшить как количество валового продукта, так и его стоимость.

В-третьих, мнение, которого придерживается трудящийся класс, что применение машин часто наносит большой ущерб его интересам, не основано на предвзятости или заблуждении, а соответствует правильным принципам политической экономии.

В-четвертых, если улучшенные средства производства увеличат вследствие применения машин чистый продукт страны в такой

большой степени, что уменьшения валового продукта не последует (я всегда при этом подразумеваю количество товаров, а не их стоимость), то улучшится положение всех классов. Землевладелец и фабрикант выиграют не только вследствие увеличения ренты и прибыли, но и вследствие выгод, проистекающих оттого, что они будут расходовать ту же самую ренту и прибыль на товары, стоимость которых значительно понизилась. Положение же трудящихся классов также значительно улучшится: во-первых, вследствие увеличения спроса на домашнюю прислугу; во-вторых, вследствие того, что изобилие чистого продукта создает стимул к сбережениям из дохода, и, в-третьих, вследствие понижения цен всех предметов потребления, на которые расходуется их заработная плата.

* * *

Но для рабочего класса имеет значение не только вопрос об изобретении и применении машин, которому мы только что уделили внимание. Не меньшее значение имеет для него способ, каким трудится чистый доход страны, хотя последний должен при всяких условиях предназначаться для пользы и удовольствия тех, кто по справедливости имеет право на него.

Если землевладелец или капиталист тратит свой доход, подобно древнему барону, на содержание многочисленной свиты или прислуги, он дает занятие гораздо большему количеству рабочих рук, чем если бы он изстратил свой доход на тонкие сукна или на дорогую мебель, на экипажи, лошадей или на покупку других предметов роскоши.

В обоих случаях чистый доход, а также валовой доход совершенно одинаковы, но первый реализовался бы в других товарах. Если бы мой доход равнялся 10 тыс. ф. ст., то почти то же самое количество производительного труда будет затрачено при реализации моего дохода в тонких сукнах, дорогой мебели и т. д., как и при реализации его в определенном количестве предметов пищи и одежды той же самой стоимости. Однако если бы я реализовал свой доход в товарах первого рода, то *следствием* этого не явилось бы использование большего количества рабочих рук: я пользовался бы своей мебелью и сукнами, и этим все кончилось бы. Но если бы я реализовал свой доход в предметах пищи и одежды и желал бы иметь больше прислуги, то люди, которым я дал бы занятие с помощью моего дохода в 10 тыс. ф. ст. или купленных на него предметов пищи и одежды, увеличили бы собою число рабочих, на которых предъявляется спрос. Это увеличение спроса произошло бы только потому, что я выбрал такой способ расходования моего дохода. А так как рабочие заинтересованы в расширении спроса на труд, то они, конечно, должны желать, чтобы возможно большая часть дохода была затрачена вместо предметов роскоши на содержание прислуги.

Таким же образом страна, втянутая в войну и вынужденная содержать большую армию и флот, занимает гораздо большее число людей, чем она будет занимать, когда война окончится и связанные с последней ежегодные расходы прекратятся.

Если бы я не был призван внести в военное время налог в 500 ф. ст., затрачиваемый на содержание солдат и матросов, я мог бы, вероятно, израсходовать эту часть своего дохода на мебель, сукна, книги и т. д. Был ли бы мой доход затрачен тем или иным путем, количество труда, применяемого в производстве, оставалось бы одинаковым, так как производство предметов пищи и одежды для солдат и матросов требовало бы такого же количества труда, как и производство более роскошных товаров. Но в случае войны мы имели бы дело с добавочным спросом на людей для армии и флота. Вследствие этого война, которая ведется на доход, а не на капитал страны, оказывает благоприятное действие на рост населения.

По окончании войны, когда часть моего дохода возвращается ко мне обратно и употребляется мною, как и прежде, на покупку вина, мебели или других предметов роскоши, добавочное население, которое вызвано было к жизни войной и прежде содержалось за счет этого дохода, становится излишним; влияние же этого излишка на остальное население при поисках работы понизило бы стоимость заработной платы и очень существенно ухудшило бы положение рабочего класса.

Следует отметить еще и другой случай, при котором увеличение чистого дохода страны и даже ее валового дохода может совпасть с уменьшением спроса на труд: это имеет место, когда труд лошадей замещает труд людей. Если бы я нанимал для своей фермы 100 чел. и если бы я нашел, что пища, предназначенная для половины этого числа, могла бы пойти на содержание лошадей и дать мне за уплату процентов на капитал, затраченный на покупку лошадей, гораздо большее количество сырых произведений, то мне было бы выгодно заменить людей лошадьми, и я так и поступил бы. Но это было бы невыгодно для рабочих, и если только мой доход не возрос бы до такой степени, чтобы дать мне возможность использовать как людей, так и лошадей, то, очевидно, появилось бы излишнее население, и положение рабочих ухудшилось бы в общем масштабе. Очевидно, что они не могли бы ни при каких условиях найти занятие в земледелии. Но если продукт земли увеличился вследствие замены людей лошадьми, рабочие могли бы найти занятие на фабриках или в качестве прислуги.

Изложенные мною взгляды не приведут, я надеюсь, к заключению, что не следует поощрять введение машин. Чтобы выяснить основной принцип, я предположил, что усовершенствованные машины были *внезапно* изобретены и применены в широких размерах. В действительности же такие изобретения делаются постепенно, и влияние их сказывается скорее при решении вопроса

о применении сберегаемого и накапливаемого капитала, чем при перемещении капитала, фактически уже примененного.

При всяком возрастании капитала и населения цена пищи будет, как правило, увеличиваться вследствие роста трудности ее производства. Возрастание цен на пищу повлечет за собою повышение заработной платы, а всякое повышение заработной платы будет толкать вновь сбереженный капитал в еще большей степени, чем прежде, к применению машин. Машин и труд найдутся в постоянном соперничестве между собою, и первые часто могут быть применены только тогда, когда поднимается цена труда.

В Америке и многих других странах, где пища для человека добывается легко, нет такого большого искушения применять машины, как в Англии, где пища дорога и где для производства ее требуется много труда. Причина, которая повышает цену труда, не увеличивает стоимость машин, и, следовательно, при каждом увеличении капитала более значительная часть его будет затрачена на машины. Спрос на труд будет возрастать вместе с увеличением капитала, но не в том же отношении. Отношение, в котором будет возрастать спрос на труд, будет неизбежно уменьшаться¹.

Я отметил уже прежде, что рост чистого дохода, измеряемого в товарах, всегда является следствием усовершенствования машин и влечет за собою новые сбережения и накопления. Следует помнить, что эти сбережения имеют место ежегодно и что они должны скоро создать фонд более значительный, чем валовой доход, первоначально потерянный вследствие изобретения машин. Тогда спрос на труд будет так же велик, как и прежде, и положение народа

¹ «Спрос на труд зависит от возрастания оборотного капитала, а не основного. Если бы отношение между этими двумя формами капитала было в действительности одинаковым во все времена и во всех странах, тогда, разумеется, число занятых рабочих увеличивалось бы вместе с ростом богатства в государстве. Но такое предположение не имеет и тени вероятия. По мере развития ремесел и распространения цивилизации основной капитал становится все больше и больше по отношению к оборотному. Основной капитал, применяемый при производстве штуки британского муслина, по крайней мере в сто, а может быть, и в тысячу раз больше, чем основной капитал, примененный при производстве такой же штуки индийского муслина, а размер оборотного капитала в сто или в тысячу раз меньше. Легко поэтому понять, что при известных условиях вся сумма годичных сбережений какого-нибудь промышленного народа может быть прибавлена к основному капиталу, а в таком случае это не оказало бы никакого влияния на возрастание спроса на труд» (*Barton, On the condition of the Labouring Classes of Society*, p. 16).

Трудно представить себе, по моему мнению, чтобы при каких бы то ни было условиях возрастание капитала не сопровождалось бы ростом спроса на труд. Здесь можно лишь сказать, что спрос увеличивался бы в уменьшающемся отношении. Мне кажется, что г-н Бартон развивал в выше-названном сочинении вполне правильный взгляд на некоторые последствия возрастания размеров основного капитала для рабочего класса. Его работа содержит много ценных указаний.

будет и дальше улучшаться благодаря увеличению сбережений, которые позволят делать возросший чистый доход.

Введению машин нельзя безнаказанно чинить препятствий ни в одном государстве; если бы капиталу мешали получить наибольший чистый доход, который может доставить применение машин на родине, он переместился бы за границу, а это ослабило бы спрос на труд в более серьезной степени, чем самое широкое применение машин. Пока капитал применяется внутри страны, он должен создавать спрос на некоторое количество труда. Машины не могут применяться без содействия людей и могут быть произведены только при помощи их труда. Вкладывая часть капитала в усовершенствованные машины, мы только задерживаем прогрессивное возрастание спроса на труд; вывозя капитал в другую страну, мы совершенно уничтожаем этот спрос.

Притом же цены товаров регулируются издержками их производства. Применяя усовершенствованные машины, вы уменьшаете издержки производства товаров, и вследствие этого вы можете продавать их на внешних рынках по более дешевой цене. Но если бы вы отказались от применения машин, в то время как другие страны поощряли бы его, вы были бы вынуждены вывозить ваши деньги в обмен на иностранные товары до тех пор, пока вы не снизите естественные цены ваших товаров до уровня цен других стран. Вступая в обмен с этими странами, вы можете отдавать товар, стоящий здесь двух дней труда, за товар, стоящий за границей одного дня труда. Этот невыгодный обмен был бы следствием вашего собственного образа действия, ибо товар, вывозимый вами и стоящий вам двух дней труда, стоил бы вам не больше одного дня труда, если бы вы не отказались от применения машин, услугами которых благоразумно воспользовались ваши соседи.

ГЛАВА XXXII

ВЗГЛЯДЫ г-на МАЛЬТУСА НА РЕНТУ

Хотя на предыдущих страницах этого труда я довольно подробно говорил о природе ренты, я все-таки считаю необходимым особо отметить некоторые взгляды на этот вопрос, являющиеся, по моему, ошибочными. Они имеют тем большее значение, что высказываются в сочинениях человека, которому мы обязаны более чем кому-либо из современных писателей за разработку некоторых разделов политической экономии. Я очень счастлив, что имею случай выразить свое восхищение «Опытом о народонаселении» г-на Мальтуса. Нападки противников этого великого труда послужили только доказательством его значения; я убежден, что справедливая оценка этого труда будет распространяться по мере развития науки, столь выдающимся украшением которой он является. Г-н Мальтус разработал также удовлетворительно прин-

ципы ренты. Он показал, что она повышается или падает пропорционально относительным выгодам обработки различных земель, зависящим от их плодородия или местоположения, и таким образом пролил много света на ряд трудных проблем, связанных с вопросом о ренте, либо совершенно не ставившихся прежде, либо очень плохо понятых. Но мне кажется, что г-н Мальтус впал при этом в некоторые ошибки. И если его авторитет делает особо необходимым указание на его ошибки, то свойственная ему прямота характера делает для меня эту задачу менее неприятной. Одна из этих ошибок заключается в предположении, что рента является чистым выигрышем и новым созданием богатства.

Я не могу согласиться со всеми взглядами г-на Бьюкенена на ренту, но я вполне присоединяюсь к мнению, которое выражено им в цитате, приводимой г-ном Мальтусом. Я поэтому не могу согласиться и с комментарием, который дает к этому месту последний.

«С этой точки зрения она (рента) не может составлять общую прибавку к капиталу общества, так как чистая прибавка, о которой идет речь, есть не что иное, как доход, перешедший от одного класса к другому. Ясно, что из одного лишь перемещения его из рук в руки не может возникнуть новый фонд, из которого могли бы уплачиваться налоги. Доход, который оплачивает продукты земли, находится уже в руках тех, кто покупает эти продукты. Если бы цена средств существования была ниже, он продолжал бы оставаться в их руках и был бы так же пригоден для обложения, как и при более высоких ценах, когда он перешел бы в руки землевладельца».

Сделав несколько замечаний о разнице между сырыми произведениями и промышленными товарами, г-н Мальтус задает вопрос: «Возможно ли таким образом рассматривать ренту, как это делает г-н Сисмонди, как простой продукт труда, имеющий чисто номинальную стоимость, и как простой результат того увеличения цены, которое продавец получает в силу какой-либо особенной привилегии, или рассматривать ее вместе с г-ном Бьюкененом не как прибавку к национальному богатству, а только как перенесение стоимости, выгодное исключительно для землевладельцев и в той же мере *убыточное* для потребителей?»¹

Я уже высказал свой взгляд на этот предмет, говоря о ренте; могу теперь только прибавить, что рента есть создание стоимости в том смысле, в котором я употребляю это слово, но что она не есть создание богатства. Если цена хлеба вследствие трудности производства известной части его повысится с 4 ф. ст. до 5 ф. ст. за квартал, то 1 млн. кварталов будет стоить 5 млн. ф. ст. вместо 4 млн. ф. ст. А так как этот хлеб будет обмениваться не только

¹ «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent», p. 15. [«Исследование о природе и движении ренты», стр. 15.]

на большее количество денег, но и на большее количество всякого другого товара, то владельцы хлеба получают в свое распоряжение более значительную сумму стоимости. Но так как никто не будет иметь вследствие этого меньшую стоимость, то общество в целом будет поэтому обладать большей стоимостью. В этом смысле рента есть создание стоимости. Но стоимость эта является номинальной, поскольку она ничего не прибавляет к богатству, т. е. к сумме предметов насущной необходимости, удобства и удовольствия, принадлежащих обществу. Мы будем иметь точно такое же, а не большее, количество товаров и тот же 1 млн. кварталов хлеба, что и прежде. И результатом более высокой цены квартала—5 ф. ст. вместо 4 ф. ст.—явилось бы только перенесение части стоимости хлеба и товаров от их прежних владельцев к владельцам земли. Поэтому рента есть создание стоимости, а не создание богатства, она ничего не прибавляет к ресурсам страны; она не увеличивает способность последней содержать армию и флот. Страна имела бы в своем распоряжении более значительный фонд, если бы ее земля была более плодородна, если бы можно было применять такой же капитал, не порождая ренты.

[Мы должны поэтому признать, что г-н Сисмонди и г-н Бьюкенен, мнения которых по существу одинаковы, правы, рассматривая ренту как чисто номинальную стоимость, являющуюся не прибавкой к национальному богатству, а лишь простым перенесением стоимости, выгодным только для владельцев земли и соответственно убыточным для потребителя.]*

В другой части своего «Исследования» г-н Мальтус замечает, что «непосредственной причиной ренты является, очевидно, излишек цены, по которой сырые произведения сбываются на рынке, над издержками производства»; еще в одном месте он утверждает, что «существуют три причины высокой цены сырых произведений:

Во-первых, и главным образом, то свойство земли, в силу которого она может дать более значительное количество предметов жизненной необходимости, чем требуется на содержание людей, занятых ее обработкой.

Во-вторых, особое свойство предметов жизненной необходимости самим создавать для себя спрос или увеличивать число предъявляющих спрос пропорционально размерам произведенного.

И, в-третьих, сравнительная редкость очень плодородных земель».

Говоря о высокой цене хлеба, г-н Мальтус явно подразумевает не цену квартала или бушеля, а скорее разницу между ценой, по которой продается полученный продукт, и издержками его производства, включая всегда в термин «издержки производства» как

* [Вставка только во втором и третьем изданиях.]

прибыль, так и заработную плату; 150 кварталов хлеба по 3 ф. ст. 10 шилл. за квартал принесут землевладельцу более значительную ренту, чем 100 кварталов по 4 ф. ст., при условии, что издержки производства в обоих случаях одинаковы.

Высокая цена,—если это выражение употребляется в таком смысле,—не может быть названа *причиной* ренты. Нельзя сказать, что «непосредственной причиной ренты является, очевидно, излишек цены, по которой сырые произведения сбываются на рынке, над издержками производства», так как именно этот излишек и составляет ренту. По определению г-на Мальтуса, рента представляет «ту часть стоимости всего продукта, которая остается у землевладельца после того, как были уплачены расходы всякого рода, сопряженные с обработкой земли, включая сюда и прибыль на затраченный капитал; последняя же определяется согласно обычной норме прибыли на сельскохозяйственный капитал в данное время». Следовательно, всякая сумма, за которую может быть продан этот излишек, составляет денежную ренту. Именно это подразумевает г-н Мальтус, когда он говорит об «излишке цены, по которой сырые произведения сбываются на рынке, над издержками производства». Выходит поэтому, что при исследовании причин, в силу которых цена сырых произведений может подниматься над издержками их производства, мы в то же время исследуем причины, которые могут повысить ренту.

По поводу первой причины, [вызывающей, по мнению г-на Мальтуса, повышение ренты, а именно «того свойства земли, в силу которого она может дать более значительное количество предметов жизненной необходимости, чем требуется на содержание людей, занятых ее обработкой»]*, он делает следующие замечания: «Нам нужно еще знать, почему размеры потребления и предложения таковы, что могут привести к столь большому превышению цены над издержками производства. Очевидно, что главная причина заключается в *плодородии* земли, производящей предметы жизненной необходимости. Уменьшите это изобилие, уменьшите плодородие почвы, излишек уменьшится, уменьшите это изобилие еще дальше,—и излишек совсем исчезнет». Правильно: избыток предметов жизненной необходимости уменьшится и исчезнет, но не в этом дело. Вопрос заключается в том, уменьшится ли или исчезнет излишек их цены над издержками их производства, так как денежная рента зависит только от этого излишка. И чем может г-н Мальтус доказать следующее свое утверждение: так как избыток количества продуктов уменьшится и исчезнет, то «*причину высокой цены* предметов жизненной необходимости по сравнению с издержками производства следует искать скорее в их изобилии, чем в их редкости; эта высокая цена существенно

* [В первом издании сказано: «По поводу первой причины роста ренты г-н Мальтус высказывает следующие соображения».]

отличается не только от высокой цены, которая вызывается искусственной монополией, но и от высокой цены тех особых произведений земли, не являющихся предметами пищи, которые могут быть названы предметами естественной и необходимой монополии?»

Разве не существует таких условий, при которых плодородие земли и изобилие ее произведений могут уменьшаться, не вызывая уменьшения излишка их цены над издержками их производства, т. е. не вызывая уменьшения ренты? Если они существуют, то утверждение г-на Мальтуса слишком универсально. Мне кажется, что он устанавливает как всеобщий принцип, верный при всяких условиях, что рента повышается вместе с возрастанием плодородия земли и падает с его уменьшением.

Г-н Мальтус был бы, несомненно, прав, если бы из продукта, полученного на любой данной ферме, владельцу земли отдавалась пропорционально большей производительности ее более значительная часть всего продукта. Но в действительности происходит прямо обратное явление: когда в обработке находится только наиболее плодородная земля, землевладелец получает минимальную долю всего продукта, точно так же как и минимальную стоимость. Только когда вследствие увеличения населения в обработку поступает земля низшего качества, прогрессивно увеличивается как часть всего продукта, получаемая землевладельцем, так и стоимость его.

Предположим, что имеется спрос на 1 млн. кварталов хлеба и что они составляют продукт земли, находящейся в обработке в данный момент. Предположим теперь, что плодородие всей земли уменьшилось и что она дает теперь всего 900 тыс. кварталов. Так как спрос предъявляется на 1 млн. кварталов, то цена хлеба поднимается, и к обработке земли низшего качества необходимо будет прибегнуть раньше, чем в том случае, когда лучшая земля продолжала давать 1 млн. кварталов. Но ведь именно эта необходимость обращаться к обработке земель низшего качества и является причиной повышения ренты [и будет повышать ее дальше, хотя бы количество хлеба, получаемое землевладельцем, уменьшилось]*. Следует помнить, что рента пропорциональна не абсолютному плодородию обрабатываемой земли, а ее относительному плодородию. Всякая причина, которая толкает капитал к обработке земель низшего качества, повышает ренту с земель лучшего качества, потому что причиной ренты, как говорит г-н Мальтус в своем третьем положении, является «равнительная редкость очень плодородных земель». Цена хлеба будет, разумеется, подниматься вместе с трудностью производства последней части его, и стоимость всего количества хлеба, произведенного на отдельной ферме, увеличится, хотя количество это уменьшится. Но так как

* [Эта вставка сделана только в третьем издании.]

издержки производства на более плодородных землях не возрастут, так как заработная плата и прибыль, вместе взятые, будут всегда составлять одну и ту же стоимость¹, то очевидно, что излишек цены над издержками производства,—или, другими словами, рента,—должен расти вместе с уменьшением плодородия земли, если, конечно, это уменьшение не парализуется большим уменьшением капитала, населения и спроса. Итак, положение г-на Мальтуса не может быть признано правильным: рента вовсе не поднимается и не падает непосредственно и необходимо вместе с возрастанием или уменьшением плодородия земли, но возрастание плодородия земли делает ее способной приносить в более или менее близком будущем более высокую ренту. Земля, очень мало плодородная, никогда не приносит ренты; земля, обладающая умеренным плодородием, может при возрастании населения приносить умеренную ренту, а земля, обладающая большим плодородием,—высокую ренту. Но одно дело—возможность приносить высокую ренту и другое дело—действительная уплата ее. В стране, в которой земля необычайно плодородна, рента может быть ниже, чем в стране, где земля дает умеренный доход, потому что рента пропорциональна скорее относительному плодородию, чем абсолютному, стоимости продукта земли, а не его изобилию².

[Г-н Мальтус предполагает, что рента с земли, доставляющей те особые продукты, которые могут быть названы предметами естественной и необходимой монополии, регулируется принципом, существенно отличным от принципа, регулирующего ренту с земель, доставляющих предметы жизненной необходимости. По его мнению, в первом случае причиной высокой ренты является редкость таких монопольных продуктов, а во втором—то же самое действие производится изобилием продуктов.

Мне кажется, что это различие не слишком хорошо обосновано: увеличив количество продуктов, вы так же несомненно поднимете ренту с земель, доставляющих редкие вина, как и ренту с земель,

¹ См. гл. VI, где я старался показать, что, какова бы ни была легкость или трудность производства хлеба, заработная плата и прибыль, вместе взятые, всегда имеют одну и ту же стоимость. Заработная плата всегда повышается за счет прибыли, а когда она падает, прибыль всегда поднимается.

² В одном из последних своих сочинений г-н Мальтус замечает, что я не понял его в этом месте, так как он вовсе не думал утверждать, что рента непосредственно и необходимо повышается и падает вместе с увеличением или уменьшением плодородия земли. Если это так, то я действительно не понял его. Но вот подлинные слова его: «Уменьшите это изобилие, уменьшите плодородие почвы, и излишек уменьшится; уменьшите это изобилие еще дальше, и излишек совсем исчезнет». Это положение г-н Мальтус формулирует не как условное, а как абсолютное. Я возражал против положения, которое, по моему разумению, он поддерживал, а именно, что уменьшение плодородия почвы будто бы несовместимо с возрастанием ренты. [Это примечание впервые появляется в третьем издании. Речь идет, как видно из переписки Рикардо, о сочинении Мальтуса, опубликованном в 1820 г.: «The Principles of Political Economy considered with a view to their practical application», London 1820.]

доставляющих хлеб, если вам удастся в то же время увеличить спрос на эти именно предметы. А без такого расширения спроса избыточное предложение хлеба, вместо того чтобы повысить ренту с земли, доставляющей хлеб, понизит ее. Каковы бы ни были свойства земли, высокая рента зависит от высокой цены продукта, но раз высокая цена дана, высота ренты пропорциональна не редкости продукта, а его избытку.]*

Ничто не может заставить нас производить постоянно какой-нибудь товар в большем количестве, чем он требуется. Если бы случайно было произведено большее количество товаров, то цена их упала бы ниже их естественной цены и, следовательно, не могла бы возместить издержек производства, включая в них обычную и установленную прибыль на капитал. Таким образом, предложение их сокращалось бы до тех пор, пока оно не пришло бы в соответствие со спросом и рыночная цена их опять не сравнялась бы с их естественной ценой.

Мне кажется, что г-н Мальтус слишком склонен полагать, что население возрастает только, когда этому предшествует накопление запасов средств существования,—«предметы пищи сами создают для себя спрос»,—что только после образования запаса пищи число браков увеличивается. А между тем общее возрастание населения вызывается ростом капитала, последующим спросом на труд и повышением заработной платы, так что производство предметов пищи является только результатом этого спроса.

Положение рабочего улучшается только тогда, когда он получает больше денег или большее количество какого-нибудь другого товара, в котором выплачивается заработная плата и стоимость которого не упала. Возрастание населения и возрастание количества предметов пищи являются обычно следствием высокой заработной платы, но не ее необходимым следствием. Улучшение положения рабочего вследствие возрастания стоимости, уплачиваемой ему, отнюдь не обязательно побуждает его вступить в брак и взять на себя бремя содержания семьи. Всего вероятнее, что он

* [В первом издании вместо двух последних абзацев сказано было следующее: г-н Мальтус говорит, что «причина превышения цены предметов первой необходимости над издержками производства заключается скорее в их избытке, чем в их редкости, и существенно отлична от причины высокой цены тех произведений земли, не являющихся предметами пищи. которые можно назвать предметами естественной и необходимой монополии». В чем собственно состоит существенное различие между ними? Разве избыток именно этих произведений земли не вызовет повышения ренты, если спрос на них в то же время возрастет? И может ли рента когда-либо возрасти, каковы бы ни были произведенные товары, только в силу избытка и без возрастания спроса? Вторая причина ренты, упоминаемая г-ном Мальтусом, а именно «свойство предметов жизненной необходимости самим создавать для себя спрос или увеличивать число предъявляющих спрос пропорционально размерам произведенного», не кажется мне ни в какой мере характерной для таких предметов. Не избыток предметов жизненной необходимости увеличивает число предъявляющих спрос, а избыток предъявляющих спрос увеличивает число первых.]

употребит часть своей возросшей заработной платы на приобретение более значительного количества предметов пищи и жизненной необходимости, а на остаток он может, если ему угодно, купить товары, которые увеличат его удовольствия,—кресла, столы, металлические изделия или лучшее платье, сахар и табак. В этом случае повышение заработной платы рабочего не будет сопровождаться никакими другими последствиями, кроме увеличения спроса на некоторые из указанных товаров. А так как раса рабочих не увеличится сколько-нибудь значительно, то заработная плата их будет все время оставаться на высоком уровне. Но хотя следствия высокой заработной платы могут быть именно такими, все-таки приятности семейной жизни так велики, что в действительности улучшение положения рабочего неизменно влечет за собой возрастание населения. И именно потому, что за ничтожным исключением, упомянутым нами выше, оно приводит к таким последствиям, возникает новый и увеличенный спрос на пищу. Итак, этот спрос есть не причина, а следствие возрастания капитала и населения. Только потому, что расходы народа принимают такое направление, рыночная цена предметов насущной необходимости превышает их естественную цену; только поэтому производится требуемое количество предметов пищи. Но вследствие возрастания населения заработная плата опять падает.

Какие мотивы могут заставить фермера производить больше хлеба, чем в данное время требуется, если последствием этого было бы падение рыночной цены хлеба ниже его естественной цены, а следовательно, и потеря фермером части прибыли вследствие падения ее ниже общей нормы? «Если бы,—говорит г-н Мальтус,—предметы жизненной необходимости, т. е. наиболее важные произведения земли, не имели свойства увеличивать спрос пропорционально возрастанию их количества, то это возросшее количество вызвало бы падение их меновой стоимости¹. Как бы ни были обильны запасы продуктов в стране, население ее может оставаться неподвижным. А такое обилие без соответствующего спроса и при очень высокой цене труда, выраженной в хлебе, вполне естественной при этих условиях, могло бы понизить цены сырых произведений, как и цены промышленных изделий, до уровня их издержек производства».

«Могло бы понизить цены сырых произведений до уровня их издержек производства»? А разве цена их бывает в течение сколько-нибудь продолжительного времени выше или ниже такой цены? И разве сам г-н Мальтус не констатирует, что этого никогда не бывает? «Я надеюсь,—говорит он,—что читатель извинит меня, если я немного остановлюсь на теории и на различных формах

¹ О каком возросшем количестве говорит г-н Мальтус? Кто производит его? У кого может явиться побуждение производить его раньше, чем на добавочное количество имеется спрос?

теории, согласно которой хлеб, поскольку речь идет о *действительно произведенном* количестве, продается, как и промышленные изделия, по необходимой цене. Эта, по моему мнению, в высшей степени важная истина не была замечена ни экономистами*, ни Адамом Смитом, ни другими писателями, которые думают, что сырые произведения всегда продаются по монопольной цене».

«О всякой обширной стране можно с этой точки зрения сказать, что она имеет в своем распоряжении подбор машин для производства хлеба и сырых материалов; это не только машины для всякого рода бедных земель, которыми изобилует вообще каждая территория, но и менее совершенные машины, о которых можно сказать, что они поступают в употребление тогда, когда хорошая земля принуждена производить все большее и большее количество добавочных продуктов. Когда цена сырых произведений продолжает подниматься, то эти менее совершенные машины последовательно вводятся в употребление, а когда цена сырых произведений продолжает падать, они последовательно выбывают из строя. Приведенный нами пример должен показать всю *необходимость существующей цены хлеба при существующем количестве продукта*, а также различные следствия, которые будут вызваны крупным понижением цены какого-нибудь отдельного промышленного товара и крупным понижением цены сырых произведений»¹.

Как согласовать эти выдержки с тем местом, где г-н Мальтус утверждает, что если бы предметы жизненной необходимости не обладали свойством создавать увеличение спроса, пропорциональное увеличению их количества, то производство их в изобильном количестве низвело бы в таком случае—и только в таком случае—цену сырых произведений к издержкам производства? Если цена хлеба никогда не бывает ниже его естественной цены, то он никогда и не может производиться в большем количестве, чем то, какого требует наличное население для собственного потребления. Тогда

* Имеются в виду физиократы.—Ред.

¹ «Inquiry» («Исследование») и т. д. «Во всех развивающихся странах средняя цена хлеба никогда не бывает выше цены, необходимой для поддержания среднего прироста продукта» («Observations etc.», p. 21).

«При вложении в землю нового капитала с целью удовлетворить потребности возросшего населения решение основного вопроса, употребить ли этот капитал на обработку новых земель или на улучшение уже обрабатываемой земли, всегда зависит от ожидаемого дохода на капитал. Всякое уменьшение валовой прибыли уменьшает побуждение затрачивать капитал данным путем. Всякое понижение цены, которое не уравнивается сейчас же и полностью соответствующим падением всех расходов по содержанию фермы, всякий земельный налог, всякий налог на капитал фермера или на предметы его жизненной необходимости,—все это принимается в расчет. И если, после того как все эти вычеты будут сделаны, цена продукта не даст справедливого вознаграждения за вложенный капитал в соответствии с общей нормой прибыли и ренты, равной, по крайней мере, ренте с земли в ее прежнем состоянии, то исчезнет всякое побуждение ввести проектируемое улучшение» («Observations etc.», p. 22).

нельзя делать запасы для потребления других, и тогда дешевизна и изобилие хлеба не могут служить стимулом к размножению населения. Чем дешевле может производиться хлеб, тем легче рабочему содержать семью на увеличенную заработную плату.

В Америке население растет быстро, потому что предметы питания могут производиться там по дешевым ценам, а не потому, что там предварительно были накоплены обильные запасы. В Европе, наоборот, население возрастает сравнительно медленно, потому что предметы питания не могут производиться по дешевой стоимости. При обычном и установившемся ходе вещей спрос на все товары предшествует их предложению. Утверждая, что цена хлеба, как и цена промышленных изделий, понизится до их цены производства, если не поднимется спрос, г-н Мальтус не думает, конечно, что будет поглощена вся рента. Ведь он сам справедливо заметил, что если бы землевладельцы отказались от ренты, то цена хлеба не упала бы. Рента есть следствие, а не причина высокой цены, и в обработке всегда находится земля, совсем не платящая ренты и доставляющая хлеб, цена которого возмещает только заработную плату и прибыль.

В следующей цитате г-н Мальтус дал умелое изложение причин возрастания цены сырых произведений в богатых и развивающихся странах, с каждым словом которого я согласен. Но мне кажется, что оно находится в противоречии с некоторыми из положений, защищаемых им в «Опыте о ренте».

«Я несколько не колеблюсь констатировать, что независимо от недостатков денежного обращения страны и других временных и случайных обстоятельств причиной сравнительно высокой денежной цены хлеба является его сравнительно высокая *действительная цена*, или более значительное количество капитала и труда, которое должно быть затрачено на его производство. Я думаю также, что в странах, которые уже достигли богатства и где население и благосостояние продолжают увеличиваться, действительная цена хлеба выше и продолжает постоянно расти в силу необходимости переходить постоянно к обработке все более бедных земель и вводить машины, которые можно пустить в ход только при помощи более значительных расходов. Вследствие этого всякое новое добавочное количество сырых произведений в стране покупается по более дорогой цене. Короче говоря, высокая цена находит себе объяснение в той весьма важной истине, согласно которой хлеб в развивающейся стране продается по цене, необходимой для того, чтобы соответствующее предложение было налицо, а так как иметь такое предложение в наличии становится все труднее и труднее, то цена на хлеб соответственно поднимается».

Здесь правильно констатируется, что действительная цена товара зависит от большего или меньшего количества труда или капитала (т. е. накопленного труда), которые должны быть затрачены на его производство. Действительная цена товара в противо-

положность утверждению некоторых писателей не зависит ни от денежной стоимости, ни, как это утверждают другие, от отношения его стоимости к стоимости хлеба, труда или какого-нибудь другого товара, взятого в отдельности, или всех товаров, взятых вместе. Она зависит, как вполне справедливо говорит г-н Мальтус, от «большого или меньшего количества капитала и труда, которые должны быть затрачены на производство товара».

В числе причин повышения ренты г-н Мальтус упоминает и «такое возрастание населения, которое повлечет за собою понижение заработной платы». Но если падение заработной платы сопровождается повышением прибыли с капитала, а вместе они всегда составляют одну и ту же стоимость¹, то никакое падение заработной платы не может привести к повышению ренты: такое падение не уменьшит ни той части продукта, которая достанется вместе фермеру и рабочему, ни ее стоимости, и, следовательно, владелец земли не получит ни более значительную долю продукта, ни более значительную стоимость. Чем меньше приходится на долю заработной платы, тем больше останется на долю прибыли и vice versa. Раздел между фермером и его рабочими будет произведен без всякого вмешательства со стороны землевладельца. И действительно, последний совершенно не заинтересован в этом деле; разве что один способ раздела будет больше, чем другой, способствовать накоплению новых капиталов и дальнейшему спросу на землю. Если заработная плата падает, то поднимается прибыль, а не рента. Если заработная плата поднимается, то падает прибыль, а не рента. Рост ренты и заработной платы и падение прибыли являются, как правило, неизбежными следствиями одной и той же причины—возрастания спроса на предметы пищи, увеличения количества труда, требующегося для их производства, и следующего за этим повышения цен. Если бы владелец земли отказался от всей своей ренты, рабочие от этого не выиграли бы ровно ничего. Если бы рабочие могли отказаться* от всей своей заработной платы, владельцы земли не извлекли бы никакой выгоды из этого обстоятельства. Но в том и другом случае фермеры получили бы и удержали в свою пользу все, от чего отказались бы владелец земли или рабочие. Я старался показать в этом сочинении, что падение заработной платы имело бы своим последствием только повышение прибыли. [А всякое повышение прибыли способствует накоплению капитала и дальнейшему возрастанию населения и ведет поэтому в конечном счете, по всей вероятности, к возрастанию ренты]**.

Другой причиной повышения ренты являются, по мнению г-на Мальтуса, «такие сельскохозяйственные улучшения или такое возра-

¹ См. гл. VI.

* [В первом и втором изданиях сказано было: «если бы рабочие отказались».]

** [Вставка в третьем издании.]

стание напряжения труда, которые уменьшат число рабочих, необходимое для получения определенного результата». [Против этого места я могу привести те самые возражения, которые приводил уже против утверждения, что увеличение плодородия земли служит непосредственной причиной повышения ренты. Как сельскохозяйственные улучшения, так и более высокое плодородие сделают землю способной приносить в более или менее отдаленном будущем более высокую ренту, потому что при той же самой цене на предметы пищи мы будем теперь иметь большое добавочное количество их. Но, пока рост населения будет продолжаться в прежних размерах, не будет спроса на добавочное количество пищи и, следовательно, рента не повысится, а, наоборот, понизится. Количество же пищи, которое может потребляться при существующих условиях, будет получено с помощью меньшего числа рабочих]* или с меньшей площади земли; тогда цена сырых произведений понизится и капитал будет извлечен из земли¹. Рента может повыситься только вследствие спроса на новые земли низшего качества или в силу какой-нибудь другой причины, которая вызвала бы изменение в относительном плодородии земель, уже находящихся в обработке². Успехи агрономии и развитие

* [В первом издании вместо абзаца «Против этого... рабочих» было сказано: «Это не увеличило бы стоимости всего продукта и не увеличило бы поэтому ренты, а скорее имело бы обратную тенденцию, т. е. понизило бы ренту; ибо если вследствие этих улучшений наличное количество требуемой пищи могло бы быть доставлено с помощью меньшего числа рабочих» и т. д., — как в тексте.]

¹ См. гл. II.

² Нет никакой необходимости напоминать об этом при каждом случае, но следует всегда иметь в виду, что, поскольку речь идет о цене сырых произведений и о повышении ренты, результаты получатся те же самые, будет ли добавочный капитал данных размеров затрачен на новую землю, за которую не платится никакой ренты, или на землю, которая уже находится в обработке, если, конечно, количество продукта, получаемого с обоих участков, будет совершенно одинаково (см. гл. II).

В своих примечаниях к французскому переводу этого сочинения г-н Сэй старался показать, что никогда не бывает таких земель, которые находились бы в обработке и не платили бы ренты; вполне удовлетворенный своей аргументацией, он пришел к заключению, что опроверг все выводы, которые следуют из учения о ренте. Так, например, он думает, что я неправ, утверждая, что налоги на хлеб и другие сырые произведения, повышая их цену, падают на потребителя, а не на ренту. Он настаивает, что такие налоги должны падать на ренту. Но прежде чем г-н Сэй сможет доказать правильность своего вывода, он должен еще доказать, что не существует совсем капитала, который затрачивался бы на землю, не приносящую ренты (см. начало этого примечания и гл. II настоящего сочинения). А он даже не пытался сделать это. Ни в одном из своих примечаний он не опровергнул и даже не заметил это весьма существенное положение. Из примечания его к стр. 182 второго тома французского издания видно, что он даже не знает, что такая теория существует.

[Вместо этого примечания в первом издании другое: «Нет необходимости при всяком случае повторять, но нужно всегда иметь в виду, что тот же самый эффект был бы достигнут при применении различных, не равных частей капитала к уже находящейся в обработке земле и получении различных результатов. Рента есть разница в продуктах, получаемых при помощи равных капиталов и равного труда на земле того же самого или различного качества».]

разделения труда распространяются одинаково на все земли; они умножают абсолютное количество сырых произведений, получаемых с различных земель, но, по всей вероятности, не нарушают сколько-нибудь значительно сравнительное соотношение, существовавшее прежде между этими землями.

Г-н Мальтус верно указал ошибочность аргументации д-ра Смита, по мнению которого [хлеб—товар столь своеобразной природы, что производство его не может быть поощряемо таким же путем, каким поощряется производство других товаров. Он по этому поводу замечает]*: «Я нисколько не думаю отрицать могучее влияние, которое цена хлеба оказывает на цену труда в среднем на протяжении многих лет. Но влияние это не настолько сильно, чтобы помешать приливу капиталов в земледелие или их отливу из последнего,—а именно в этом и заключается сущность вопроса; последний станет достаточно ясен, если мы хотя бы вкратце исследуем вопрос о способе, каким оплачивается и доставляется на рынок труд, и если мы рассмотрим следствия, к которым неизбежно привело бы принятие положения Адама Смита»¹.

Далее г-н Мальтус доказывает, что спрос и высокая цена окажут такое же поощряющее действие на производство сырых произведений, как и на производство всякого другого товара. Из того, что я прежде говорил о последствиях премий, видно, что в этом пункте я вполне соглашаюсь с г-ном Мальтусом. Я привел цитату из его сочинения «*Observations on the Corn Laws*», чтобы показать, что термин «действительная цена» употребляется в указанном сочинении в совершенно ином смысле, чем в другом его памфлете—«*Grounds of an Opinion etc.*». В этой цитате г-н Мальтус говорит: «Ясно, что только повышение действительной цены может поощрять производство хлеба», причем под действительной ценой он, очевидно, подразумевает увеличение его стоимости по отношению к другим предметам, или, другими словами, рост его рыночной цены выше его естественной цены или издержек его производства. Если г-н Мальтус подразумевает именно это под действительной ценой, то, даже не соглашаясь с таким употреблением этого термина, я должен признать его мнение несомненно правильным. Действительно, только повышение рыночной цены хлеба поощряет его производство, и мы можем принять как принцип, всегда сохраняющий свою силу, что только превышение рыночной стоимости

* [В первом издании вместо абзаца «хлеб... замечает» было сказано:

[Г-н Мальтус верно указал ошибку Адама Смита, говоря: «Сущность его (д-ра Смита) аргументации заключается в том, что хлеб есть совершенно особенный товар и что его действительная цена не может быть повышена путем возрастания его денежной цены; если же,—что совершенно ясно,—только возрастание действительной цены может поощрить производство, то повышение денежной цены, вызванное премией, не может иметь такого действия». Он продолжает:]

¹ «*Observations on the Corn Laws*», p. 4.

товара над его естественной или необходимой стоимостью может явиться большим поощрением к расширению его производства.

Но сам же г-н Мальтус в других случаях придает термину «действительная цена» совершенно другое значение. В «Опыте о ренте» он говорит: «Под действительной ценой, по которой добывается хлеб, я подразумеваю действительное *количество* труда и капитала, *затраченное* на производство последних прибавлений к национальному продукту». В другом месте он констатирует, что «относительно высокая действительная цена хлеба имеет своей причиной более значительное *количество* капитала и труда, которое должно быть *затрачено* на его производство»¹. Предположим, что в предыдущей цитате мы ввели это определение действительной цены. Разве она не будет тогда гласить так: «Ясно, что только увеличение количества труда и капитала, которое должно быть затрачено на производство хлеба, может поощрять его производство». Но это было бы равносильно утверждению, что повышение естественной или необходимой цены хлеба поощряет его производство,—положение, которое нельзя было бы отстаивать. На производимое количество хлеба оказывает влияние не цена хлеба, по которой он может быть произведен, а цена, по которой он может быть продан. Капитал привлекается к земле или отвлекается от нее, смотря по тому, насколько цена хлеба выше или ниже издержек производства. Если это повышение настолько велико, что капитал, вложенный в земледелие, приносит более высокую прибыль, чем средняя, то капитал будет привлекаться к земле, а если он приносит менее высокую прибыль, то капитал будет извлечен из земледелия.

Итак, производство хлеба поощряется не вследствие изменения в действительной цене хлеба, а вследствие изменения в его рыночной цене. Не «потому к земле привлекается более значительное количество капитала и труда, что для производства хлеба требуется более значительное количество их (согласно правильному определению действительной цены г-ном Мальтусом), а потому, что рыночная цена хлеба поднимается выше его действительной цены и, несмотря на возрастание расходов, делает земледелие более прибыльным занятием для капитала».

Вполне справедливы следующие замечания г-на Мальтуса о мере стоимости, которая была выбрана Адамом Смитом:

«Адам Смит был, очевидно, увлечен на этот путь ошибочной аргументацией вследствие своей привычки *рассматривать труд*

¹ Когда я, перед тем как отдать эти страницы в печать, показал их г-ну Мальтусу, он сказал мне, что «в этих двух случаях он, по недосмотру, употребил термин *действительная цена* вместо *издержек производства*». Из всего сказанного уже мною по этому поводу видно, что, по моему мнению, в этих двух случаях г-н Мальтус употребил термин «действительная цена» в его истинном и правильном значении и что только в предыдущем случае он употребил его неправильно.

как стандартную меру стоимости, а хлеб как меру труда. Но история нашей собственной страны лучше всего доказывает, что хлеб является очень неточной мерой труда: здесь труд подвергался очень крупным и резким изменениям по сравнению с хлебом не только из года в год, но из века в век, и притом в течение десяти, двадцати и тридцати лет подряд. *А что ни труд, ни какой-нибудь другой товар не могут служить точной мерой действительной меновой стоимости*,—это является теперь одним из наиболее неопровержимых положений политической экономии и действительно вытекает из самого определения меновой стоимости».

Если, как это вполне ясно, ни хлеб, ни труд не могут служить точной мерой действительной меновой стоимости, то какой другой товар может служить ею? Разумеется, ни один. Поэтому, если выражение «действительная цена товаров» имеет какое-нибудь значение, то только такое, какое ему придает г-н Мальтус в своем «Опыте о ренте»,—действительная цена измеряется соответствующим количеством капитала и труда, необходимого для их производства.

В «Исследовании о природе ренты» г-н Мальтус говорит, что «независимо от недостатков денежного обращения страны и других временных и случайных обстоятельств причиной сравнительно высокой денежной цены хлеба является его сравнительно высокая действительная цена или *более значительное количество капитала и труда, которое должно быть затрачено на его производство*»¹.

Я полагаю, что это вполне правильно объясняет все постоянные изменения в цене хлеба или какого-нибудь другого товара. Цена товара может долго держаться на высоком уровне или потому, что на производство его требуется более значительное количество капитала и труда, или потому, что упала стоимость денег. И, наоборот, цена товара может упасть или потому, что на производство его может быть затрачено меньшее количество труда и капитала, или потому, что стоимость денег повысилась.

Изменение, которое происходит в силу последней причины—изменения стоимости денег, распространяется одновременно на все товары, тогда как изменение, происходящее в силу первой из указанных причин, ограничивается только тем именно товаром, на производство которого требуется больше или меньше труда. Благодаря разрешению свободного ввоза хлеба или вследствие успехов агрономии цена сырых произведений может упасть, но цена других товаров будет затронута этим лишь постольку, поскольку упадут действительная стоимость или издержки производства сырого материала, который входит в их состав.

Раз г-н Мальтус признает этот принцип, то, желая быть последовательным, он, по моему мнению, не может признавать, что денежная стоимость всех товаров в стране должна падать строго пропорционально падению цены хлеба. Если бы стоимость хлеба,

¹ «Inquiry into the Nature of Rent», p. 4.

ежегодно потребляемого страной, составляла 10 млн., а стоимость промышленных изделий и иностранных товаров—20 млн., или вместе 30 млн., то мы не могли бы сделать вывод, что годовичные расходы понизились до 15 млн. только потому, что стоимость хлеба упала на 50%, или с 10 до 5 млн.

Стоимость сырых произведений, входивших в состав промышленных изделий, могла бы, например, составлять не больше 20% их валовой стоимости, и, следовательно, стоимость промышленных товаров упала бы не с 20 до 10, а только с 20 до 18 млн. Таким образом, после падения цены хлеба наполовину вся сумма годовичных расходов упала бы не с 30 до 15 млн., а только с 30 до 23 млн.¹

[Такова была бы, по моему мнению, их стоимость при предположении, что при такой дешевой цене хлеба не увеличивалось бы потребление его, как и других товаров. Но все обращавшие прежде свой капитал на получение хлеба с таких земель, обработка которых прекратилась бы, могли бы теперь затратить его на производство промышленных изделий; а так как только часть последних была бы отдана в обмен на иностранный хлеб,—при всяком другом предположении ввоз и низкие цены не принесли бы никакой выгоды,—то добавочная стоимость всей суммы произведенных, но не вывезенных промышленных изделий была бы присоединена к вышеуказанной стоимости. Таким образом, действительное уменьшение стоимости,—даже если речь идет о денежной стоимости,—всех товаров в стране, включая и хлеб, свелось бы только к потере, которую понесли бы землевладельцы вследствие уменьшения их ренты, тогда как количество предметов удовольствия значительно возросло бы.]*

Вместо того чтобы рассмотреть следствия падения стоимости сырых произведений с этой точки зрения,—что г-н Мальтус обязан был сделать на основе своего прежнего допущения,—он отождествляет это падение с повышением стоимости денег на 100% и вследствие этого строит свою аргументацию так, как будто цена всех товаров понизилась наполовину.

«В течение двадцати лет,—говорит он,—начиная с 1794 г. и по 1813 г. включительно, средняя цена британского хлеба составляла около 83 шилл. за квартал; в течение последних десяти лет этого периода—92 шилл., а в течение последних пяти лет—108 шилл. В продолжение всего двадцатилетнего периода правительство заняло около 500 млн. реального капитала и обязалось платить за него по грубой прикидке в среднем около 5%, не считая фонда

¹ Стоимость промышленных товаров в действительности не могла бы упасть в таком отношении потому, что при предположенных условиях произошло бы другое распределение драгоценных металлов среди различных стран. Наши дешевые товары вывозились бы в обмен на хлеб и золото до тех пор, пока накопление золота не понизило бы его стоимости и не повысило бы денежную цену товаров.

* [Эта вставка сделана только в третьем издании.]

погашения. Но если бы цена хлеба упала до 50 шилл. за квартал и в соответствии с этим упали бы цены других товаров, то правительство в действительности платило бы не около 5, а 7, 8 и 9%, а за последние 200 млн.—даже 10%.

Я не расположен был бы делать какие-нибудь возражения против такой необыкновенной щедрости по отношению к держателям государственных бумаг, если бы при этом не было необходимости исследовать, на кого в сущности падает уплата указанных процентов. Нетрудно понять, что последние могут быть уплачены только промышленными классами общества и землевладельцами, т. е. теми классами, номинальный доход которых изменяется с каждым изменением в мере стоимости. Номинальные доходы этой части общества уменьшились бы наполовину в сравнении со средним доходом последних пяти лет, и из такого уменьшенного номинально дохода эти классы должны были бы уплачивать в виде налогов ту же самую номинальную стоимость, что и прежде¹.

Во-первых, я, как мне кажется, уже доказал, что даже стоимость валового дохода всей страны не уменьшилась бы в таком отношении, как думает г-н Мальтус. Из того обстоятельства, что цена хлеба упала на 50%, еще вовсе не следует, что стоимость валового дохода каждого человека должна уменьшиться на 50%². [В действительности стоимость его чистого дохода может возрасти.]*

Во-вторых, читатель, думаю, согласится со мною, что если это увеличение расходов действительно произойдет, то оно не падет исключительно «на землевладельцев и промышленные классы общества». Держатель государственных бумаг, производя свои расходы, вносит свою часть на покрытие государственных тягот, точно так же как и другие классы общества. Поэтому если бы стоимость денег действительно повысилась, то они, даже получая более значительную стоимость, должны были бы также вносить более значительную стоимость в виде налогов. Итак, совершенно неверно, что вся прибавка к действительной стоимости добавочных процентов была бы уплачена «землевладельцами и промышленными классами».

Впрочем, вся аргументация г-на Мальтуса покоится на шатком основании: она основывается на предположении, что раз уменьшается валовой доход страны, то вследствие этого должен уменьшиться в таком же отношении и чистый доход. В настоящем труде одной из моих задач было показать, что при каждом понижении действительной стоимости предметов насущной необходимости падает заработная плата труда и поднимается прибыль с капитала. Другими словами, из данной годовой стоимости на долю рабочего

¹ «The Grounds of an Opinion etc.», p. 36.

² В другой части того же самого сочинения г-н Мальтус предполагает, что стоимость товаров может измениться на 25 или 20%, в то время как стоимость хлеба изменяется на 33½%.

* [Эта вставка сделана только в третьем издании.]

класса достанется меньше, а на долю тех, на чьи фонды нанимаются рабочие,—больше. Предположим, что стоимость товаров, производимых на какой-нибудь фабрике, составляет 1 тыс. ф. ст. и что она делится между хозяином и рабочими так, что первый получает 200 ф. ст., а последние—800 ф. ст. Если бы стоимость этих товаров понизилась до 900 ф. ст. и 100 ф. ст. были бы сбережены за счет заработной платы вследствие падения цен на предметы насущной необходимости, то чистый доход хозяина несколько не уменьшился бы. Он, следовательно, мог бы платить ту же сумму налогов с такой же легкостью, как и прежде, до уменьшения цены¹.

[Очень важно проводить отчетливое различие между валовым и чистым доходом, потому что все налоги должны уплачиваться из чистого дохода общества. Предположим, что все товары в стране—весь хлеб, сырые произведения, промышленные изделия и т. п.,—которые могут быть доставлены на рынок в течение года, имеют стоимость в 20 млн., что для получения этой стоимости необходим труд известного числа людей и что предметы насущной необходимости для этих рабочих требуют расхода в 10 млн. Я сказал бы тогда, что валовой доход такого общества составляет 20 млн., а чистый—10 млн. Из этого предположения вовсе не следует, что рабочие получили бы за свой труд только 10 млн., они могли бы иметь 12, 14 или 15 млн., и в этом случае они получили бы из чистого дохода 2, 4 или 5 млн. Остаток был бы разделен между землевладельцами и капиталистами, но весь чистый доход не превышал бы 10 млн. Предположим, что такое общество платит 2 млн. в виде налогов, тогда его чистый доход уменьшится до 8 млн.

Предположим теперь, что стоимость денег увеличилась на одну десятую. Тогда упадет цена всех товаров, упадет также цена труда, потому что предметы насущной необходимости для рабочего составляли часть этих товаров, и, следовательно, валовой доход уменьшился бы до 18 млн., а чистый—до 9 млн. Если бы налоги упали в таком же отношении и вместо 2 млн. взималось бы только 1 800 тыс. ф. ст., то чистый доход уменьшился бы затем до 7 200 тыс. ф. ст., которые имели бы теперь точно такую же стоимость, как прежде 8 млн. Следовательно, общество вследствие этой перемены ничего не потеряло бы и ничего не выиграло бы. Но предпо-

¹ Вот что говорит г-н Сай о чистом и валовом продукте: «Вся произведенная стоимость составляет валовой продукт; та же стоимость за вычетом из нее издержек производства составляет чистый продукт» (v. II, p. 491). Таким образом, чистый продукт не может существовать, так как согласно г-ну Сэю издержки производства состоят из ренты, заработной платы и прибыли. На стр. 508 он говорит: «Стоимость продукта, стоимость производительных услуг, стоимость издержек производства—все это сходные стоимости, если вещи предоставлены своему естественному ходу». Отнимите от целого целое, и у вас ничего не останется.

[В первом и втором изданиях вместо этого примечания было следующее: «В гл. XXVI я отметил, что действительные ресурсы страны и ее способность платить налоги зависят не от ее валового, а от чистого дохода».]

ложим, что после повышения стоимости денег в виде налогов взимались бы, как и прежде, 2 млн., тогда общество стало бы беднее на 200 тыс. ф. ст. в год, так как налоги действительно возросли бы на одну десятую. Изменить денежную стоимость товаров путем изменения стоимости денег и взимать все же в виде налогов ту же сумму денег—это, без сомнения, означает увеличить бремя, лежащее на обществе.

Но предположим, что из 10 млн., составляющих чистый доход, землевладельцы получили 5 млн. в виде ренты и что вследствие большей легкости производства или ввоза хлеба необходимые издержки его производства уменьшатся на 1 млн. Тогда рента упадет на 1 млн., и в таких же размерах упадут и цены всей массы товаров, но чистый доход останется таким же, как и прежде. Правда, валовой доход будет составлять только 19 млн., а необходимые расходы для получения его—9 млн., но чистый доход все-таки составит 10 млн. Предположим теперь, что из этого уменьшенного валового дохода взимается налогами 2 млн. Стало ли бы общество богаче или беднее? Конечно, богаче, так как после уплаты налогов оно имело бы в своем распоряжении чистый доход в 8 млн. и могло бы затратить его на покупку товаров, количество которых возросло, а цена упала в отношении 20 : 19. Таким образом, общество могло бы легко вынести не только прежнее податное бремя, но и более значительное, и, несмотря на это, народные массы были бы лучше снабжены предметами удобства и необходимости.

Если бы чистый доход общества после уплаты той же суммы денег в форме налогов был так же велик, как и прежде, а класс землевладельцев потерял бы 1 млн. вследствие падения ренты, то, несмотря на падение цен, должны были бы повыситься денежные доходы других производительных классов. Капиталист тогда выиграл бы в двояком отношении: во-первых, уменьшилась бы цена хлеба и мяса, потребляемых им и его семьей, во-вторых, понизилась бы заработная плата его прислуги, садовников и всякого рода рабочих. Его лошади и скот стоили бы меньше, и расходы на их содержание уменьшились бы. Цены всех товаров, в состав которых сырые произведения входят как главная часть их стоимости, упали бы. Совокупная сумма всех этих сбережений, сделанных им при трате дохода и при одновременном увеличении денежного дохода, принесла бы ему двойную выгоду и дала бы ему возможность не только увеличить количество своих удовольствий, но и платить также добавочные налоги, если бы это потребовалось. Добавочное потребление капиталистами обложенных товаров с избытком уравнило бы уменьшение спроса на них со стороны землевладельцев, вызванное понижением их ренты. Те же самые замечания относятся к фермерам и промышленникам всех категорий.

Но могут сказать, что доход капиталиста не возрастет, что миллион, который был вычтен из ренты землевладельца, будет упла-

чен в виде добавочной заработной платы рабочим! Пусть будет так, но это нисколько не ослабляет моей аргументации. Положение общества улучшилось бы, и оно было бы в состоянии нести то же самое денежное бремя с большей легкостью, чем прежде. Это только доказывает, что вследствие нового распределения улучшилось бы главным образом положение другого класса, и именно наиболее важного класса общества, а это было бы еще более желательно. Все, что получит этот класс сверх 9 млн., составляет часть чистого дохода страны и не может быть израсходовано без соответствующего увеличения ее дохода, благосостояния или могущества. Вы можете поэтому распределить чистый доход, как вам угодно. Отдайте немного больше одному классу, немного меньше другому—вы этим не уменьшите сумму чистого дохода. При помощи того же самого количества труда будет производиться более значительное количество товаров, хотя размеры валовой денежной стоимости таких товаров уменьшились бы. Но чистый денежный доход страны, фонд, из которого выплачиваются налоги и получают средства на предметы удовольствия, будет теперь более чем прежде адекватен необходимости содержать наличное население, доставлять ему предметы роскоши и удовольствия и возможность вынести обложение налогами в любых данных размерах.]*

* [Вместо стр. 276—278, начиная от «Очень важно» до «данных размерах», в первом и втором изданиях было сказано:

Таким образом весьма вероятно, что заработная плата понизится настолько же, насколько и вся масса товаров, или, скорее, что чистый доход, остающийся в распоряжении землевладельцев, фермеров, фабрикантов, купцов и денежных капиталистов, единственных действительных налогоплательщиков, был бы так же велик, как и прежде; вследствие более свободного ввоза хлеба общество не потеряло бы ничего, даже номинально, кроме части ренты, которой лишились бы землевладельцы благодаря падению цен на сырые произведения.

Разница между стоимостью хлеба и всех других товаров, продаваемых в стране до и после ввоза дешевого хлеба, равнялась бы только снижению ренты, потому что независимо от ренты одно и то же количество труда производило бы всегда одну и ту же стоимость.

Вся сумма, на которую уменьшилась заработная плата, есть действительная стоимость, которая прибавляется к стоимости чистого дохода, находившегося до того в распоряжении общества, в то время как единственная стоимость, ваятая из этого чистого дохода, есть стоимость той части их ренты, которой лишены будут землевладельцы вследствие падения цен на сырые произведения. Если принять во внимание, что понижение цен этих продуктов производит свое действие на ограниченное число землевладельцев, тогда как оно снижает заработную плату не только тех, кто занят в земледелии, но и всех тех, кто занят в промышленности и торговле, то можно сомневаться, будет ли чистый доход общества хотя бы в малейшей степени ущерблен¹.

Но если даже предположить, что он был бы ущерблен, то не следует думать, что налогообеспособность уменьшится в такой же степени, как и денежная стоимость даже чистого дохода. Предположим, что мой чистый доход уменьшился с 1 тыс. до 900 ф. ст., но что мои налоги остались без изменения; разве нельзя

¹ Все это верно при предположении, что деньги продолжают сохранять свою прежнюю стоимость. Но в последнем примечании я старался показать, что деньги не сохраняют свою прежнюю стоимость, что она понизится вследствие возросшего ввоза, а этот факт еще больше подтверждает правильность моего взгляда.

Не подлежит никакому сомнению, что держатель государственных бумаг также выигрывает при большом падении стоимости хлеба. Но если никто больше не страдает от этого, то нет никакого основания стараться сделать хлеб дороже. Выигрыш, получаемый держателями государственных бумаг, является выигрышем для всей нации и, как всякий другой выигрыш, увеличивает действительное богатство и могущество страны. Если же он получен несправедливо, то необходимо установить это вполне точно, и тогда уже законодательные органы должны будут принимать соответственные меры. Но трудно придумать более неблагоприятную политику, чем та, которая заставляет нас отказаться от больших выгод, сопряженных с дешевизной и изобилием хлеба, только потому, что держатели государственных бумаг могут получить слишком большую долю этих выгод.

Никто еще не пытался до сих пор регулировать дивиденды на капитал на основании денежной стоимости хлеба. Если бы справедливость и честность требовали такого регулирования, то держателям государственных бумаг прежних времен причитался бы большой долг. Ведь они в течение более ста лет получали один и тот же денежный дивиденд, хотя цена хлеба за это время, быть может, удвоилась или утроилась¹.

[Но было бы большой ошибкой предполагать, что положение держателя государственных бумаг улучшилось бы в большей степени, чем положение фермера, фабриканта и других капиталистов в стране. На самом деле оно улучшилось бы в меньшей степени.

допустить, что моя способность уплатить эти 100 ф. ст. может быть больше при меньшем доходе, чем при большем? Товары не могут понижаться в своей цене так огульно, как это предполагает г-н Мальтус, без того, чтобы потребители извлекали из этого большую прибыль, без того, чтобы они могли таким путем получить для себя при меньшем денежном доходе гораздо большую сумму предметов насущной необходимости, удобства или роскоши для удовлетворения своих человеческих потребностей. Вопрос сводится к следующему: выиграют ли те, кто владеет чистым доходом страны, столько же в силу уменьшения цены товаров, сколько они потеряют вследствие большего реального налогового обложения? В какую сторону склонится баланс, будет зависеть от отношения, в котором налоги будут находиться к годовичному доходу; если они будут чрезвычайно велики, то они несомненно более чем уравновесят выгоды от более дешевых предметов необходимости. Но, думаю, мне, я в достаточной степени показал, что г-н Мальтус в слишком большой степени преувеличил потери налогоплательщиков вследствие падения цены одного из наиболее важных предметов насущной необходимости и что, если бы они не были вполне вознаграждены за действительное возрастание налогов падением заработной платы и повышением прибыли, они были бы более чем вознаграждены более дешевой ценой всех предметов, на которые тратится их доход.]

¹ Г-н Мак-Каллох очень энергично выступил в своем ценном труде в защиту правомерности мероприятий, приспособляющих проценты по государственным долгам к уменьшенной стоимости хлеба. Он стоит за свободу торговли хлебом, но думает, что она должна быть связана с понижением процентов для государственных кредиторов. [Это примечание Мак-Каллох не поместил ни в одном из изданий им собранных сочинений Рикардо, хотя оно имеется во всех трех изданиях «Начал».]

Держатель государственных бумаг будет, без сомнения, получать тот же самый денежный дивиденд, в то время как упадут не только цены на сырые произведения и на труд, но и цены многих других предметов, в которые сырые произведения входят как составная часть. Но это, как я уже только что констатировал, выгода, которой он пользуется наравне со всеми другими лицами, располагающими такими же самыми денежными доходами. Его денежный доход не возрастет, тогда как денежный доход фермера, фабриканта и других предпринимателей повысится и все они, следовательно, выиграют дважды.

Но, скажут нам, пусть капиталисты действительно выигрывают от повышения прибыли, вызываемого падением заработной платы, но ведь их доходы должны понизиться вследствие падения денежной стоимости их товаров. Какая причина могла вызвать это понижение? Не изменение стоимости денег, ибо, по нашему предположению, не произошло ничего такого, что могло бы изменить их стоимость. И не уменьшение количества труда, необходимого для производства этих товаров, потому что такого не было, да если бы оно и было, оно не понизило бы денежную прибыль, хотя могло бы понизить денежные цены товаров. Но мы предположили, что упала цена сырых произведений, из которых сделаны эти товары, и, следовательно, цены их могли упасть в силу этой причины. Верно, что цена их упадет, но ее падение не будет сопровождаться каким-либо уменьшением денежного дохода для их производителя. Если последний продает свой товар за меньшее количество денег, то он это делает потому, что упала стоимость одного из материалов, из которых сделан его товар. Если фабрикант сукон продает свое сукно вместо 1 тыс. ф. ст. за 900 ф. ст., то его доход не уменьшится, если стоимость шерсти, из которой сделано его сукно, в свою очередь уменьшилась на 100 ф. ст.]*

Г-н Мальтус говорит: «Верно, что последние прибавки к сельскохозяйственному продукту процветающей страны не затрагивают значительной части ренты. Именно в силу этого обстоятельства богатая страна может допустить ввоз некоторой части необходимого ей хлеба, если она может быть уверена, что обеспечит этим путем соответствующее предложение его. Но при всяких условиях ввоз иностранного хлеба не будет выгоден для всей нации, если он не настолько дешевле хлеба, который может возделываться внутри страны, чтобы возместить прибыль и ренту с зерна, которое он вытесняет»¹.

[Это замечание Мальтуса совершенно правильно. Но ввозимый хлеб *должен* быть всегда настолько дешевле хлеба, который может возделываться внутри страны, чтобы «возместить прибыль и ренту

* [Текст на стр. 279—280, начиная от «Но было бы» до «100 ф. ст.», представляет вставку, сделанную только в третьем издании.]

¹ «Grounds etc.», p. 36.

с зерна, которое он вытесняет». Если бы это было иначе, то никому не было бы никакой выгоды ввозить его.]*

Так как рента есть следствие высокой цены хлеба, то потеря ренты есть следствие низкой цены его. Иностранный хлеб никогда не вступает в конкуренцию с хлебом внутреннего производства, приносящим ренту. Падение цены неизменно приносит землевладельцу убыток, пока, наконец, не поглощает всю его ренту. Если бы цена упала еще ниже, то она не доставляла бы даже обычной прибыли на капитал. Последний оставил бы тогда землю для какого-нибудь другого занятия. Хлеб, который прежде производился на этой земле, был бы замещен привозным хлебом только тогда, но не раньше. Потеря ренты повлекла бы за собою в этом случае потерю в стоимости, выраженной в деньгах, но зато увеличилось бы богатство. Количество сырых произведений и других продуктов, вместе взятых, возросло бы, но вследствие большей легкости, с которой они производятся, увеличение их количества будет сопровождаться уменьшением их стоимости.

Два человека употребляют одинаковые капиталы: один—в земледелии, другой—в обрабатывающей промышленности. Капитал, применяемый в земледелии, производит чистую годовую стоимость в 1 200 ф. ст., из которых 1 тыс. удерживается как прибыль, 200 ф. ст. идут на уплату ренты, а капитал, применяемый в обрабатывающей промышленности, производит годовую стоимость в размере только 1 тыс. ф. ст. Предположим, что с помощью ввоза количество хлеба, стоимостью в 1 200 ф. ст., может быть получено за товары, стоящие 950 ф. ст., и что вследствие этого капитал, применяемый в земледелии, будет перемещен в обрабатывающую промышленность, где он может произвести стоимость в 1 тыс. ф. ст. Тогда стоимость чистого дохода страны понизилась бы и он уменьшился бы с 2 200 до 2 тыс. ф. ст. Но при этом страна располагала бы для своего потребления не только тем же самым количеством товаров и хлеба, но еще и добавочным количеством, которое можно было бы купить на 50 ф. ст., т. е. на разность между стоимостью ее промышленных товаров, продаваемых за границу, и стоимостью закупаемого там хлеба.

[К этому в сущности и сводится весь вопрос о выгоде ввоза хлеба или производства его внутри страны. Хлеб не может быть ввозим до тех пор, пока количество его, получаемое из-за границы путем использования данного капитала, не превысит количества, которое при содействии того же самого капитала может быть произведено внутри страны,—не превысит не только количество хлеба, достигающегося на долю фермера, но и уплачиваемого в виде ренты землевладельцу.]**

* [Вставка сделана только в третьем издании.]

** [Вставка эта имеется только во втором и третьем изданиях, но во втором за словами «ренты землевладельцу» следовало еще: «Г-н Мальтус может быть поэтому вполне спокоен: никакой ввоз иностранного хлеба не будет

Г-н Мальтус говорит: «Адам Смит справедливо заметил, что никогда то же количество производительного труда, затраченного в обрабатывающей промышленности, не приведет к воспроизводству таких размеров, как в земледелии». Если Адам Смит говорит о стоимости, он прав; если он говорит о богатстве, и в этом-то суть дела, он заблуждается: ведь он сам определяет богатство как сумму предметов насущной необходимости, удобства и удовольствия. Одна категория предметов необходимости и удобства не может быть сравниваема с другой. *Нет такой меры, с помощью которой мы могли бы измерить потребительную стоимость: разными лицами она оценивается различно.*

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

ОТДЕЛ III

Принцип, установленный в предыдущем отделе, изменяется в значительной степени вследствие применения машины как основного капитала

(Помимо изменений в относительной стоимости товаров, вызванных тем, что для производства их требуется больше или меньше труда, они также подвергаются колебаниям вследствие роста заработной платы и следующего за ним падения прибыли, если основные капиталы, занятые в промышленности, представляют неодинаковую стоимость или неодинаково долговечны.)*

*Первое издание**.* Если бы отношения основного капитала к оборотному были у них различны или если бы основные капиталы были различной долговечности, относительная стоимость произведенных товаров уменьшилась бы вследствие повышения заработной платы. Во-первых, при условии, что отношения основного капитала к оборотному различны.

Второе издание. Так, предположим, что основной и оборотный капиталы охотника и рыболова равны по своей величине, но различны по отношению одного к другому.

Предположим, что вместо 100 ф. ст. основного капитала и 100 ф. ст. оборотного охотник должен затратить 150 ф. ст. основного капитала и 50 ф. ст. оборотного капитала, а что рыболов, напротив, должен затратить только 50 ф. ст. основного и 150 ф. ст. оборотного капитала.

Если прибыль составляет 10%, то охотник должен продать свои товары за 79 ф. ст. 8 шилл. Ибо, чтобы возместить оборотный капитал в 50 ф. ст. с прибылью в 10%, потребовалась бы стоимость в 55 ф. ст.

Чтобы возместить основной капитал в 150 ф. ст. и 10% прибыли при существующей стоимости аннуитета на десять лет в размере 24,4 ф. ст. из 10% 24,4 ф. ст.

79,4 ф. ст.

иметь места, если ввезенный хлеб не настолько дешевле хлеба внутреннего производства, чтобы возместить как прибыль, так и ренту, приносимые хлебом, который он вытесняет».]

* [Это начало внесено только во втором издании.]

** Следующий абзац изменен уже во втором издании, мы даем оба варианта.

Первое издание. Если прибыль составляет 10%, то

Второе издание. Но при той же норме прибыли в 10%

рыболов должен продать свои товары за 173 ф. ст. 2 шилл. 7 пенс.

Чтобы возместить свой оборотный капитал в 150 ф. ст. и 10% прибыли 165 ф. ст.

Чтобы возместить основной капитал и 10% прибыли, одна треть прибыли охотника 8,13 ф. ст.

173,13 ф. ст.

Если теперь заработная плата повышается, хотя ни один из этих товаров не требует больше труда на их производство, то их относительная стоимость все же будет изменена. Предположим, что заработная плата повышается на 6%, тогда охотнику понадобится только увеличение его капитала на 3 ф. ст., чтобы занять то же самое число людей и получить то же самое количество дичи; рыболову же понадобится сумма, в три раза большая, или 9 ф. ст. Прибыль на капитал упала бы до 4%, охотник был бы вынужден продать свою дичь за 73 ф. 12 шилл. 2 пенса:

Чтобы возместить оборотный капитал с прибылью в 4% 55,12 ф. ст.

Чтобы возместить основной капитал в 150 ф. ст., ежегодно изнашивающийся, при существующей стоимости аннуитета в 18,42 ф. ст. на десять лет, когда деньги ссужаются из 4% 18,49 ф. ст.

73,61 ф. ст.

Рыболов должен был бы продать свою рыбу за 171 ф. ст. 11 шилл. 5 пенс., а именно, чтобы возместить оборотный капитал в 159 ф. ст.

с прибылью в 4% 165,360 ф. ст.

Чтобы возместить основной капитал в 50 ф. ст., ежегодно изнашивающийся, при существующей стоимости аннуитета в 6,163 ф. ст. на десять лет из 4% 6,163 ф. ст.

171,523 ф. ст.

Дичь относилась прежде к рыбе, как 100 : 218;

Теперь это отношение составляет 100 : 233.

Первое издание. Мы видим, таким образом, что с каждым повышением заработной платы продукт будет иметь по мере роста доли оборотного капитала в каком-нибудь промысле большую относительную стоимость, чем продукты, произведенные в другом промысле, где употребляется меньшая доля оборотного и большая основного капитала.

Второе издание. Итак, различное разделение капитала на основной и оборотный в разных отраслях производства вводит, как оказывается, значительное видоизменение в принцип, имеющий всеобщее применение при условии, что в производстве применяется почти исключительно труд; а именно, что стоимость товаров не изменяется, если на их производство не затрачивается больше или меньше труда. А в этом отделе было показано, что даже при отсутствии каких-либо изменений в количестве труда одно повышение его стоимости вызовет падение меновой стоимости тех товаров, в производстве которых употребляется основной капитал; и чем большую долю составляет основной капитал, тем больше будет это падение.

ОТДЕЛ IV

Принцип, в силу которого стоимость не изменяется вследствие повышения или падения заработной платы, видоизменяется также вследствие неодинаковой долговечности капитала и неодинаковой скорости, с которой он возвращается к предпринимателю

В последнем отделе мы предполагали, что в двух равных капиталах двух разных отраслей промышленности доля основного и доля оборотного капитала не равны; теперь предположим, что они одинаковы, но срок службы их неодинаков. Чем менее долговечен основной капитал, тем более он приближается по своему характеру к оборотному капиталу. Он будет потребляться, и его стоимость воспроизводиться в более короткий срок, для того чтобы капитал фабриканта сохранялся. Мы только что видели, что при повышении заработной платы стоимость товаров, произведенных на фабрике, где преобладает основной капитал, будет относительно ниже, чем стоимость товаров, произведенных на фабрике, где преобладает оборотный капитал. Те же причины вызовут те же следствия по мере уменьшения срока службы основного капитала и приближения его к типу оборотного*.

Предположим, что произведена машина, которая будет работать сто лет, и что стоимость ее составляет 20 тыс. ф. ст. Предположим также, что эта машина без содействия чьего-либо труда может производить ежегодно определенное количество товаров и что прибыль составляет 10%; вся стоимость производимых продуктов будет составлять ежегодно 2 тыс. ф. ст. 2 шилл. 11 пенс., ибо прибыль с 20 тыс. ф. ст. при 10% в год равняется 2 тыс. ф. ст.

Аннуитет в 2 шилл. 11 пенс. на сто лет из 10% к концу второго периода возместит капитал в 20 тыс. ф. ст. 2 шилл. 11 пенс.

Следовательно, продукты должны быть проданы за 2 тыс. ф. ст. 2 шилл. 11 пенсов.

Если то же самое количество капитала, а именно 20 тыс. ф. ст., было бы затрачено на поддержание производительного труда и ежегодно потреблялось и воспроизводилось бы, как это бывает, когда капитал затрачивается на заработную плату, то для получения такой же прибыли в 10% на 20 тыс. ф. ст. произведенные товары должны быть проданы за 22 тыс. ф. ст. Предположим теперь, что заработная плата повысилась настолько, что вместо 20 тыс. ф. ст., которых прежде было достаточно, чтобы оплатить заработную плату последних занятых в производстве рабочих, теперь требуется 20 952 ф. ст. Тогда прибыль упадет до 5%, ибо, поскольку эти товары не могут быть проданы дороже, чем до сих пор, а именно за 22 тыс. ф. ст., и для производства их потребуются 20 252 ф. ст., останется не больше чем 1 048 ф. ст., или 5% прибыли на капитал в 20 592 ф. ст. Если бы заработная плата повысилась настолько, что потребовалось бы 21 153 ф. ст., то прибыль упала бы до 4%, а если бы она снова повысилась настолько, что понадобилось бы пустить в ход 21 359 ф. ст., то прибыль упала бы до 3%.

Но ввиду того, что владелец машины, которая будет работать сто лет, не будет выплачивать никакой заработной платы, при падении прибыли до 5% цена его продукта должна понизиться до 1 007 ф. ст. 13 шилл. 8 пенс., а именно 1 тыс. ф. ст. для покрытия его прибыли и 7 ф. ст. 13 шилл. 8 пенс. с целью накопления в течение ста лет из 5%, чтобы возместить капитал в 20 тыс. ф. ст. Когда прибыль падает до 4%, его продукты должны продаваться за 816 ф. ст. 3 шилл. 2 пенсы, а когда она падает до 3% — за 632 ф. ст. 16 шилл. 7 пенс. Повышение цены труда не свыше 7%, которое совершенно не влияет на цены товаров, производимых только трудом, вызывает понижение не меньше чем на 68% цены тех товаров, которые производятся машинами. Если бы собственник машины продал свои продукты больше чем за 632 ф. ст. 16 шилл

* [До сих пор тождественно с текстом начала пятого отдела в третьем издании. Следующая дальше в первом и во втором изданиях часть четвертого отдела в третьем была исключена.]

7 пенс., то получил бы больше 3%—общей нормы прибыли с капитала; а так как и другие могли бы купить машины по той же цене в 20 тыс. ф. ст., то число последних умножилось бы до такой степени, что первый введший их был бы вынужден понижать цену своих продуктов до тех пор, пока они начали бы ему доставлять только обычную и общую норму прибыли с капитала.

По мере того как срок жизни машины сокращался бы, цены все меньше подвергались бы воздействию падения прибыли и повышения заработной платы. Если бы, например, машина могла работать только десять лет и прибыль при этом составляла бы 10%,

то товары продавались бы за	3 254 ф. ст.
при 5% »	2 590 » »
» 4% »	2 465 » »
» 3% »	2 344 » »

ибо таковы были бы суммы, которые требовались бы владельцу машины, чтобы поднять прибыль на один уровень с другими и возместить свой капитал по истечении десяти лет. Или, что то же самое, таковы были бы аннуитеты, которые можно было бы купить за 20 тыс. ф. ст. на десять лет при таких нормах прибыли. Если бы машина работала только три года, а прибыль равнялась 10%,

цена товаров составляла бы	8 042 ф. ст.
при 5% »	7 344 » »
» 4% »	7 206 » »
» 3% »	7 070 » »

Если бы она работала только один год, а прибыль равнялась 10%,

то товары продавались бы за	22 000 ф. ст.
при 5% »	21 000 » »
» 4% »	20 800 » »
» 3% »	20 600 » »

Поэтому, если прибыль понизится с 10 до 3%, то продукты, которые произведены при помощи равных капиталов, понизятся в стоимости:

на 68%, если машина будет сохраняться 100 лет,	
» 28% 10 »	
» 13%, если она будет сохраняться . . . 3 года,	

и немного больше, чем на 6%, если она будет сохраняться только 1 год*.

Тот же самый результат будет иметь место при неодинаковом сроке службы оборотного капитала. Если в силу природы двух различных промыслов, в которых применяются равные капиталы, один фабрикант может доставить производимый им товар только через год, тогда как другой может доставить его через 3 месяца, относительная стоимость товара первого из них понизится в сравнении с товаром второго при каждом повышении заработной платы и падении прибыли. Нет никакой необходимости приводить дальнейшие расчеты, чтобы доказать истинность этого положения, так как оно покоится

* [Во втором издании к этому месту сделано следующее примечание: «Чтобы выявить принцип более отчетливо, я предположил, что машина работает без всякого содействия человеческого труда, что, очевидно, невозможно. Нелепые рассуждения критика в «British Review» построены так, как будто это предположение было существенно для доказательства истинности принципа. Но очевидно, что подобные же следствия, хотя и не одинаковые по силе, будут иметь место и тогда, когда оба фабриканта используют труд и машины или другой капитал, хотя бы последний был неодинаково долговечным».]

на том же самом принципе, как и случай, уже рассмотренный, т. е. различная степень долговечности двух равных капиталов*.

Эти выводы имеют такое большое значение для науки политической экономии, но столь мало согласуются с принципами, в ней принятыми и утверждающими, что всякое повышение заработной платы переносится на цену товаров, что, быть может, не лишним будет осветить этот предмет подробнее.

Фабрикант шляп занимает 100 чел. по 50 ф. ст. в год; они производят стоимость в 8 тыс. ф. ст. Ему предлагают машину, рассчитанную точно на один год и производящую ту же работу так же хорошо, как и 100 чел., за 5 тыс. ф. ст., т. е. за сумму, в точности равную его затратам на заработную плату. Для фабриканта в этом случае совершенно безразлично, покупает ли он машину или продолжает занимать в производстве рабочих. Если теперь заработная плата повышается на 10% и вследствие этого требуется дополнительный капитал в 500 ф. ст., чтобы дать фабриканту возможность применять то же количество труда, тогда как его товары продолжают продаваться за 8 тыс. ф. ст., он не станет колебаться и сейчас же купит машину и будет продолжать поступать так все время, пока заработная плата будет выше первоначальных 5 тыс. ф. ст.

Но будет ли он в состоянии купить машину по прежней цене? Не возрастет ли ее стоимость вследствие повышения стоимости труда? Она возросла бы, если бы на ее производство не был затрачен капитал и ее производителю не выплачивалось бы никакой прибыли. Если бы, например, машина была продуктом труда 100 чел., работающих год и получающих заработную плату в 50 ф. ст. каждый, и цена ее была 5 тыс. ф. ст., то в случае повышения заработной платы до 55 ф. ст. ее цена была бы 5 500 ф. ст. Но это невозможно: или занято менее 100 рабочих или машина не может быть продана за 5 тыс. ф. ст., так как из этой суммы должна быть уплачена прибыль на капитал, затраченный на рабочих. Итак, предположим, что было занято только 85 чел. с расходом в 50 ф. ст. на каждого, или 4 250 ф. ст. в год, и что 750 ф. ст., которые доставит продажа машины сверх заработной платы, уплаченной рабочим, составляют прибыль на капитал машиностроителя. При повышении заработной платы на 10% он будет вынужден затратить добавочный капитал в 425 ф. ст. и поэтому пустить в дело 4 675 ф. ст. вместо 4 250 ф. ст., — капитал, на который он получит только 325 ф. ст. прибыли, если попрежнему продаст машину за 5 тыс. ф. ст. Но точно в таком же положении находятся все фабриканты и капиталисты: повышение заработной платы отражается на них всех одинаково. А поэтому если бы машиностроитель поднял цену машины вследствие повышения заработной платы, то капитал стал бы притекать в отрасль, производящую эти машины, в необычных размерах, до тех пор пока цены не упали бы до уровня, допускающего лишь обычную прибыль. Фабрикант шляп, используя машину и продавая свои шляпы за 8 тыс. ф. ст., находится точно в таком же положении, как и прежде: он применяет такой же самый капитал и получает такую же точно прибыль. Но торговая конкуренция не будет долго допускать такого положения, ибо, так как капитал будет притекать в более прибыльную отрасль промышленности, фабрикант шляп будет вынужден снижать цену шляп, пока прибыль его не упадет до общей нормы. Таким образом в выигрыше от введения машин оказывается публика: эти немые агенты всегда являются продуктами гораздо меньшего труда, чем труд, который они вытесняют, хотя бы они имели ту же денежную стоимость. Благодаря их влиянию увеличение в цене средств пропитания, которое повышает заработную плату, отражается на меньшем числе лиц. В вышеприведенном примере оно коснется 85 чел. вместо 100, и экономия, явившаяся результатом этого, скажется в уменьшенной цене изготовленных товаров. Не повысятся ни цена машин, ни цена других товаров, но понизятся цены всех товаров, изготовленных с помощью машин, и понизятся при этом пропорционально их долговечности.

* [Этот абзац вставлен только во втором издании.]

Таким образом, оказывается, что по мере увеличения количества и долговечности основного капитала какой-либо отрасли производства относительные цены тех товаров, на производство которых он употребляется, будут изменяться в обратном отношении к заработной плате: они будут падать с повышением заработной платы. Оказывается также, что никакие товары не повышаются в своей абсолютной цене только потому, что повышается заработная плата; последняя повышается только тогда, когда на эти товары затрачен дополнительный труд, но все товары, в производстве которых применяется основной капитал, не только не повышаются в цене вместе с повышением заработной платы, а, напротив, абсолютно понижаются; это понижение составит целых 68% при повышении заработной платы всего на 7%, если на производство их затрачивается только такой основной капитал, срок жизни которого составляет сто лет.

Вышеприведенное положение, доказывающее совместимость повышения заработной платы с понижением цен, имеет, я это знаю, невыгоду новизны и должно опираться на собственную состоятельность, чтобы найти защитников; пока же оно имеет своими противниками писателей выдающейся и заслуженной репутации. Следует, однако, обязательно помнить, что во всей этой аргументации я принимаю стоимость денег неизменной, иначе говоря, я предполагаю, что они являются всегда продуктами одного и того же количества труда без всякого стороннего воздействия.

Так как деньги представляют изменяющийся (в стоимости) товар, то повышение заработной платы, а равно и (стоимости) товаров часто вызывается падением стоимости денег. Повышение заработной платы в силу этой причины будет действительно неизменно сопровождаться возрастанием цен товаров, но в таких случаях мы найдем, что труд и все товары не изменились по отношению друг к другу и что изменение ограничилось только деньгами *.

* [В первом издании окончание четвертого отдела отличается от второго издания. Мы даем продолжение его по первому изданию.]

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	V
Предисловие	VII
Предисловие Рикардо к первому изданию	XXIX
Предисловие Рикардо к третьему изданию	XXXI
Глава I. О стоимости	1
Глава II. О ренте	30
Глава III. О ренте с рудников	42
Глава IV. О естественной и рыночной цене	44
Глава V. О заработной плате	47
Глава VI. О прибыли	59
Глава VII. О внешней торговле	72
Глава VIII. О налогах	87
Глава IX. Налоги на сырые произведения	90
Глава X. Налоги на ренту	102
Глава XI. Десятина	103
Глава XII. Земельный налог	106
Глава XIII. Налоги на золото	113
Глава XIV. Налоги на дома	120
Глава XV. Налоги на прибыль	122
Глава XVI. Налоги на заработную плату	130
Глава XVII. Налоги на другие товары, кроме сырых произведений	150
Глава XVIII. Налоги в пользу бедных	160
Глава XIX. О внезапных переменах в ходе торговли	164
Глава XX. Стоимость и богатство, их отличительные свойства	170
Глава XXI. Влияние накопления на прибыль и процент	181
Глава XXII. Премии за вывоз и запрещение ввоза	190
Глава XXIII. Премии за производство	204
Глава XXIV. Учение Адама Смита о земельной ренте	208
Глава XXV. О колониальной торговле	216
Глава XXVI. О валовом и чистом доходе	222
Глава XXVII. О денежном обращении и о банках	226
Глава XXVIII. О сравнительной стоимости золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах	242
Глава XXIX. Налоги, уплачиваемые производителем	247
Глава XXX. О влиянии спроса и предложения на цены	248
Глава XXXI. О машинах	251
Глава XXXII. Взгляды г-на Мальтуса на ренту	259
Приложение к главе первой	282

Редактор *М. Смит*

Подписано в печать 12/IV 1941 г. Печ. л. 20. Уч.-авт. л. 21,45. Зн. в печ. л. 47 тыс.
 А37977. Тираж 20 тыс. экз. Зак. 2042. Цена книги 4 р. 50 к. Переплет 1 р. 50 к.

16-я типография треста «Полиграфнига», Москва, Трехпрудный пер., 9.